

**РЫБОЛОВСТВО
И МОРСКОЙ
ПРОМЫСЕЛ
В ЭПОХУ
МЕЗОЛИТА-
РАННЕГО
МЕТАЛЛА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РЫБОЛОВСТВО
И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ
В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА—
РАННЕГО МЕТАЛЛА
В ЛЕСНОЙ
И ЛЕСОСТЕПНОЙ
ЗОНЕ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Под редакцией И. П. ГУРИНОЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Представленные в сборнике материалы характеризуют один из основных видов хозяйственной деятельности древних — рыболовство и морской промысел. Выявляются первоначальные формы ее, на протяжении огромного археологического периода (мезолит—ранний металл) прослеживаются этапы развития, показывается и общая закономерность его, и особенные черты в различных регионах.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, экономистов, ихтиологов. Интересна и рыболовам-любителям.

Рецензенты

П. П. БОРИСКОВСКИЙ, А. Д. СТОЛЯР

Р $\frac{0504000000-606}{042(02)-91}$ 101-90 I полугодие

ISBN 5-02-027282-5

© Ин-т археол. АН СССР, Ленинградское отд-ние, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга, являющаяся результатом работы большого коллектива исследователей, ставит своей целью осветить такие системы хозяйства древних племен европейской части лесной и лесостепной зоны СССР, как рыболовство и морской промысел. Авторы статей, рассматривающие значительные регионы, многие годы занимаются изучением древней истории именно этих территорий, что сказывается на полноте источников.

При организации этого сборника мы стремились к наиболее широкому охвату, с целью создания целостной картины развития рыболовства и морского промысла на территории европейской части нашей страны в древности.

Помещенные в сборнике статьи различны по своему объему, что объясняется различной степенью полноты источников и величиной региона, который явился объектом исследования. Так, с большой подробностью освещена Восточная Прибалтика, Центр и Северо-Восток европейской части СССР, Карелия, Кольский п-ов. К сожалению, за пределами оказались интересные материалы по другим регионам Союза.

Авторы данного тома являются археологами. Несомненно, привлечение исследователей смежных специальностей, прежде всего этнографов, палеозоологов, ихтиологов, озероведов, было бы чрезвычайно полезным. В ряде случаев это, вероятно, внесло бы большую ясность, например, в применяемые в древности способы рыбной ловли и зверобойного промысла, в понимание образа жизни рыб и морского зверя, столь необходимые для осмысления возможности рыболовства и морского промысла в древности, однако этому, как и включению материала по азиатской части СССР, помешал ограниченный, заранее предопределенный объем книги. Нам казалось, что в этом случае будет целесообразнее использовать отведенный листаж для наиболее полной публикации археологического материала, предоставив тем самым возможность ознакомиться с ним специалистам смежных дисциплин. По возможности авторы старались полнее представить иллюстративный материал, что позволяет при сопоставлении уловить общие законы процесса развития рыболовства и морского промысла и вместе с тем вычленить локальные особенности, порожденные многовековыми традициями. В ряде статей впервые публикуется разработанная типология орудий рыболовства и морского промысла, что дает возможность производить сопоставление материала. Все разделы книги написаны по одному, разработанному заранее плану.

Одной из причин, побудившей обратиться к данной теме, является значительный интерес в настоящее время у нас и за рубежом к демографическим исследованиям — выяснению роли различных систем хозяйства в экономике древнего человека, их эффективности и эволюции.

Из статей нашей книги станет очевидным, что в эпоху неолита в очерченной зоне развились многие типы орудий рыболовства и морского промысла, существовавшие в мезолите лишь в зачаточном состоянии. Очень существенным следует считать появление в неолите и морского промысла (получившего особенно широкое

развитие в эпоху раннего металла). Публикуемые в статьях материалы позволяют проследить раннее появление его в ряде мест и оценить большой удельный вес в экономике древних племен.

Значение новых отраслей хозяйства нашло отражение и в мировоззрении древних людей, в частности, в изобразительном искусстве — в скульптуре и графике появились изображения рыб и морского зверя, в особенности в петроглифах.

При оценке удельного веса рыболовства и морского промысла в хозяйстве древних племен необходимо помнить, что мы имеем об этом сведения, далеко не адекватные действительности. Даже самые богатые поселения, сохранившие предметы, связанные с этими отраслями хозяйства, не способны отразить все многообразие орудий и в особенности способы промысла древних племен. Тем более это относится к огромному числу поселений и стоянок, на которых исчезли органические остатки. Такие памятники почти «беззвучны» в отношении интересующего нас вопроса. Очень показательны, например, в этом отношении поселения Валдайского Приозерья, расположенные в самых удобных, богатых рыбой участках побережья. Здесь при чрезвычайно многообразной кремневой индустрии в силу неблагоприятных стратиграфических условий совершенно не встречаются костяные орудия, связанные с рыболовством. То же самое можно сказать и в отношении Карелии с ее тысячами озер и разветвленной речной системой. Из рыболовных принадлежностей здесь встречаются лишь каменные части крючков, грузики к лескам и каменные грузила от сетей, а также якоря для лодок. Подтверждение высказанных здесь положений читатель найдет в предлагаемой книге. Она является первой сводкой материала в нашей стране по указанной теме.

Следует отдавать себе отчет в том, что помещенные в этой книге источники не являются исчерпывающими. В процессе будущих исследований они, несомненно, пополнятся. Вместе с тем мы считаем целесообразной данную публикацию, рассматривая ее как итог в осмыслении имеющегося в настоящее время фактического материала.

Н. Н. Гурина

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО РЫБОЛОВСТВА И МОРСКОГО ПРОМЫСЛА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Рыболовство является одним из древнейших способов добывания пищи и той хозяйственной системой, которая на огромной части земного шара в течение многих десятков тысячелетий была господствующей, а в некоторых регионах сохранила такое значение до настоящего времени. Более поздним, как хозяйственная система, является морской промысел. Однако следы обеих названных отраслей хозяйства теряются в седой древности. По этому поводу можно вполне согласиться с мнением К. М. Бэра [1854], который писал: «Невозможно надеяться отыскать первое начало рыбной ловли. Всюду, где была рыба в достаточном количестве, человек находил средство ловить ее» [с. 41]. На древних поселениях уже с эпохи палеолита встречаются кости рыб.

Учитывая огромное количество рыбы в реках и море, в особенности во время нереста, когда рыба идет сплошной массой, можно предполагать, что в самом начальном периоде рыболовства ее ловили просто руками, без всяких приспособлений. Такой способ еще недавно практиковался у жителей побережья Амура. Во время массового хода рыбы, встав против течения, они выбрасывали ее на берег просто руками.

Она могла легко добываться и обитателями морского побережья, которые во время отлива собирали застрявшую рыбу между камнями или в углублениях. Очевидно, этот период следует воспринимать лишь в качестве подготовительного, а рыболовство как определенную систему хозяйства считать со времени применения специальных, хотя бы и простейших, орудий лова, пусть даже перенесенных с охоты на сухопутного зверя.

По всей вероятности, первыми рыболовными орудиями были колья, с помощью которых можно было заколоть рыбу прямо с берега или стоя в неглубокой, прозрачной воде. Мы вправе предположить, что таким способом добывали рыбу еще в палеолите, если учесть, что в мезолитическую эпоху в ряде районов нашей страны уже применяли очень совершенные, в принципе сохранившиеся до современности, рыболовные сооружения в виде сетей. Они найдены в Эстонии — Сийвертси [Indreko, 1948, S. 90—95], и на Карельском перешейке — в Антреа, близ Выборга [Pälsi, 1920b, S. 3—19]. Из тех же районов известны в мезолитических памятниках рыболовные крючки, остроги, зубчатые наконечники стрел и гарпуны.

Очевидно, этому предшествовал длительный период развития и совершенствования рыболовных орудий.

Как показывают материалы, рыболовство достигло расцвета в неолитическую эпоху и в некоторых благоприятных для этого областях стало основой экономики, хотя и дополнялось в большей или меньшей степени охотой и собирательством. Оно превратилось в определенную хозяйственную систему, внеся весьма существенные перемены в образ жизни людей, их быт и мировоззрение.

Необходимым условием для интенсивного развития рыболовства явилось изобретение средств водного транспорта — лодок, которым также предшествовали случайные средства, и прежде всего, вероятно, стволы деревьев.

Еще труднее, чем в рыболовстве, провести разграничительную черту между этапами специальной добычи морского зверя и использованием выброшенного морем. В историческое время зафиксирована масса случаев, в особенности в северных морях с их мощными приливно-отливными колебаниями, когда крупного морского зверя, вплоть до китов, море выбрасывало на берег или же, не успев уйти вместе с водой во время отлива, они «обсыхали» в прибрежной зоне, становясь добычей человека.

Наши и зарубежные материалы свидетельствуют о наличии костей тюленя в мезолитических памятниках.¹ Корни этого промысла с большим основанием, чем рыболовство, следует искать в использовании случайных «даров моря». Специальная охота на зверя требовала относительно совершенных орудий — гарпунов — и транспортных средств, способных обеспечить преследование его в море.

Основываясь на этнографических данных, можно предположить, что при охоте на морского зверя, когда животные залегали на лежбищах, применялись и очень примитивные орудия — дубинки. Этот способ, вероятно, возник еще тогда, когда добывали «обсохшего» зверя. Но такие орудия не оставили нам следов. Поэтому, несмотря на наличие, например, костей тюленя в палеолите и даже в мезолите, трудно решить, являются ли они результатом охоты в нашем понимании.

Вместе с тем на обширной территории Западной Европы и Восточной Прибалтики имеются бесспорные доказательства специальной охоты на морского зверя уже в эпоху мезолита. Так, в работе Г. Кларка [1953, рис. 36, 37] приведена весьма интересная карта распространения костей тюленя, найденных вместе с гарпунами, и сами гарпуны. К нашему времени накопились новые обширные материалы, свидетельствующие об этом промысле.

Оценивая источники по древнему морскому промыслу, известные в настоящее время в нашей стране, можно прийти к некоторым общим выводам.

С достаточной достоверностью выявляется наличие костей морского зверя на территории Восточной Прибалтики уже в эпоху мезолита — в Кунде и нижних слоях Нарвы (город), а в раннем неолите — Нарва-Риги-кюле I, III — помимо тюленьих костей присутствуют и кости кита. Очень сильно увеличивается число костей тюленя в памятниках развитого

¹ См. статьи Л. Ю. Янитса и И. А. Загорской в настоящем сборнике.

неолита, и в первую очередь на прибрежных и островных стоянках — Лона и Наакамяэ (о-в Сааремаа). Следы охоты на тюленя встречены в значительном числе и на приморских стоянках Латвии и Литвы. Так, кости этого животного встречались в раннеолитическом поселении Сарнате, где они найдены вместе с костями кольчатой нерпы, которые составляют 1/2 всех костных остатков. Много костей нерпы обнаружено в поселении Силиньупе; в Риниюкалнс найдены и остатки гренландского тюленя. Все приморские стоянки Литвы также содержат кости тюленя. Они обнаружены (не менее 20 особей) и на раннеолитической стоянке Иностранцева на Ладожском озере. Среди беломорских стоянок Карелии, датированных развитым и поздним неолитом, пятнадцать содержат следы костей нерпы, тюленя, морского зайца, белухи. Костные остатки нерпы обнаружены и на стоянках Онежского озера (Кладовец II). Огромное количество костей ластоногих, исчисляемое сотнями тысяч, получено при исследовании поселений позднего неолита — раннего металла (датируемых в пределах III — середины II тыс. до н. э.) Кольского п-ова (Маяк II, Екатеринбургские стоянки).

Следы морского промысла, кости тюленя и кита, встречены и на Северо-Востоке европейской части СССР — стоянке Кузнечиха, расположенной в черте г. Архангельска. Большое количество костей нерпы известно из неолитических стоянок Прибайкалья. В Иркутской обл. огромное число костей ластоногих обнаружено в последние годы при исследовании В. В. Свиныным мезолитических стоянок.² Отчетливо выражен зверобойный промысел и на стоянках Дальнего Востока. Однако материалы свидетельствуют о гораздо более позднем его появлении, нежели в западных областях, и прежде всего в Прибалтике.

Приведенные сведения более подробно изложены авторами на страницах данного сборника. Все же и они не являются исчерпывающими, что может быть объяснено рядом причин. Можно указать лишь три возможных источника для суждения по этому вопросу, не одинаковых по значимости, но весьма надежных, когда они рассматриваются в комплексе.

Одним из таких источников является археологический материал, полученный в процессе раскопок. Однако он нередко бывает неполным и во многом зависит от случайности — наличия или отсутствия особо благоприятных условий. Поскольку в основном орудия рыболовства и морского промысла изготавливались из органических материалов, они часто исчезают бесследно. При утрате их остаются лишь ничтожные данные и наши представления чрезвычайно обедняются. Вместе с тем существуют косвенные данные, в частности топография памятников. Как правило, мезолитические и неолитические стоянки и поселения располагаются на берегах озер, в тихих мелководных бухтах, на старичных протоках, тогда как побережья крупных рек оказываются освоенными древним населением слабо. Но часто инвентарь стоянок не содержит орудий рыболовства или зверобойного промысла. Кости рыб и ластоногих сохраняются даже реже, чем сухопутных животных, поскольку первые очень тонкие, а вторые менее твердые.

² По сообщению В. В. Свинына на заседании неолитической группы Ленинградского отделения Института археологии.

Показательно в этом отношении, например, огромное количество стоянок Валдайского Приозерья, встречающихся значительными группами на побережье мелких и до настоящего времени очень богатых рыбой озер. Нередко они занимают мысы, расположенные друг против друга и делящие водоем на небольшие соединяющиеся бассейны. Такие мысы и в настоящее время — излюбленные места рыболовов. Концентрация древних поселений на таких участках является свидетельством большого значения рыболовства для обитателей Валдайской возвышенности. Между тем среди богатейшей кремневой индустрии этих поселений отсутствуют предметы, связанные с рыболовством. Примерно такая же картина наблюдается в Карелии, но здесь несколько чаще, чем в других местах, встречаются специально изготовленные каменные грузила, среди находок есть специально приспособленные для их изготовления сверла [Гурина, 1951, с. 19]. Но даже и количество грузил не может отразить степень применения сетей. Вероятно, сети не всегда приносились в поселок, а оставлялись вблизи водоема (как это делают современные рыбаки), и потому часть грузил оставалась вне распространения культурного слоя. С другой стороны, очень часто для грузил использовались подходящие окатанные гальки, оплетенные берестой или просто обвязанные веревкой. Поскольку культурный слой в ряде районов насыщен камнями, выделить из них грузила трудно.

Чрезвычайно важным источником для познания интересующего нас промысла являются наскальные рисунки. Здесь все находится в единстве — орудия, объект охоты и сам человек. В этом отношении неповторимыми по своей силе и выразительности являются петроглифы Карелии. Хотя в наскальных изображениях, связанных с магическими и другими обрядами, являющихся отражением сложного миропонимания человека, показаны и фантастические образы, и мифические существа. Допуская возможность известных преувеличений, некоторую игру воображения древнего художника, продиктованных особым мировосприятием, вместе с тем нельзя не видеть реальности предметов и действий. В этом убеждает, например, различная трактовка тела налима и осетра, форма гарпунов, которые человек мечет в рыбу или морского зверя.

Учитывая современную тенденцию к выработке точной номенклатуры, мы считаем целесообразным внести уточнения в некоторые термины, необходимые для взаимного понимания. Речь пойдет о разграничении таких понятий, как «гарпун», «острога», «зубчатый наконечник копья», а также об унификации частей рыболовного крючка.

Прежде всего следует разграничить две сходные, но имеющие в известной мере различное назначение категории орудий — гарпуны и зубчатые наконечники копья или «зубчатые острия». Среди последних во многих случаях удастся вычленить наконечники острог. Все эти орудия изготовлены из кости или рога и имеют зубцы от одного до множества, мелкие или крупные, с одной или двух сторон. Основное отличие их от гарпунов заключается в оформлении насада (тыльной части). Наконечники гарпунов в месте насада имеют отверстие, расширение или желобок, позволяющий привязать к нему веревку, соединенную с древком. Тыльная часть, нередко зауженная на самом конце, вставлялась свободно в углубление древка, а к расширенной части крепилась веревка. В момент нанесения удара

по объекту — морскому зверю или рыбе наконечник отделялся от древка, но, будучи привязанным к нему, соединял охотника с раненым зверем посредством веревки (маута). Иногда гарпуны скреплялись с древком при помощи посредника. Насады зубчатых наконечников или острог не имеют отверстия или расширения, а чаще всего уплощены или заострены.

Гарпуны делятся на две группы: бородчатые и поворотные. Для вторых характерно наличие отверстия и гнезда, в основном отсутствие зубцов (бородок). На конце или в боковой части некоторых из них вставляются каменные наконечники. В большинстве случаев они имеют «шпору» — резко выступающий угол в тыльной части. Смысл поворотных гарпунов заключается в том, что, попав в раненое животное, при натяжении веревки они поворачиваются и поэтому плотно удерживаются в теле, увеличивая рану.

Не всегда с полной уверенностью можно отграничить зубчатые наконечники копий (острий) от наконечников острог в силу сходства насады. Остроги достоверно выделяются в тех случаях, когда продольная ось их не прямая, а изогнутая или когда тыльная часть не просто заострена, а соответствующим образом срезана [Гурина, рис. 3, Г, I—III; 6, 10, 15—18].³ Однако это характерно только для крайних острий, тогда как центральные острия имеют прямую ось.

Гарпуны и остроги могли использоваться при охоте на морского зверя или рыбу, а также на других животных, обитавших в воде, — бобра, выдру, поскольку принцип лова их одинаков — раненое животное или крупная рыба в воде стремится уйти или скрыться под лед. Трудно допустить возможность применения гарпуна при сухопутной охоте (даже если она велась на открытом пространстве), поскольку веревка едва ли могла выдерживать силу натяжения бегущего животного. Тем более трудно представить такую охоту в лесу, где веревка неизбежно запуталась бы среди деревьев.

При создании обобщенной типологии, предлагаемой читателю, мы исходили из оригинальности орудий и в то же время из их серийности. Так, тип выделялся в том случае, если тождественных орудий встречалось несколько. Исключение делалось для тех из них, которые в наших коллекциях хотя и единичны, но, обладая весьма оригинальными типобразующими признаками, являются полным аналогом орудий, распространенных за пределами нашей страны. Сопоставление производилось лишь на уровне категорий. Известные трудности сопоставления заключаются в том, что не во всех случаях орудия могут быть точно датированными, тогда как наиболее существенно было бы производить сопоставление в одном хронологическом срезе. Наша типология является открытой и легко может быть продолжена при выявлении в будущем новых типов. В настоящей статье будут рассмотрены следующие категории орудий: зубчатые острия и наконечники стрел и острог (рис. 1), гарпуны (рис. 2), рыболовные крючки (рис. 3), грузила (рис. 2).

Основываясь на настоящей типологии, можно будет сделать некоторые обобщения — выявить распространение сходных типов, чему способствует разработанная типология в некоторых статьях настоящего сборника (К. Л. Янитса, И. А. Загорской, Н. Н. Гуриной).

³ Без указания года издания дается ссылка на авторов статей настоящего сборника.

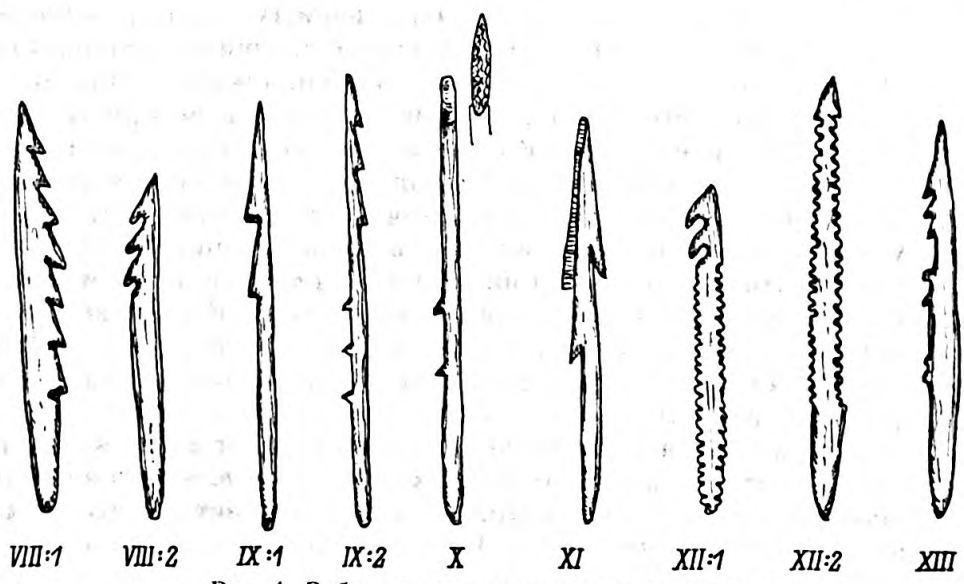
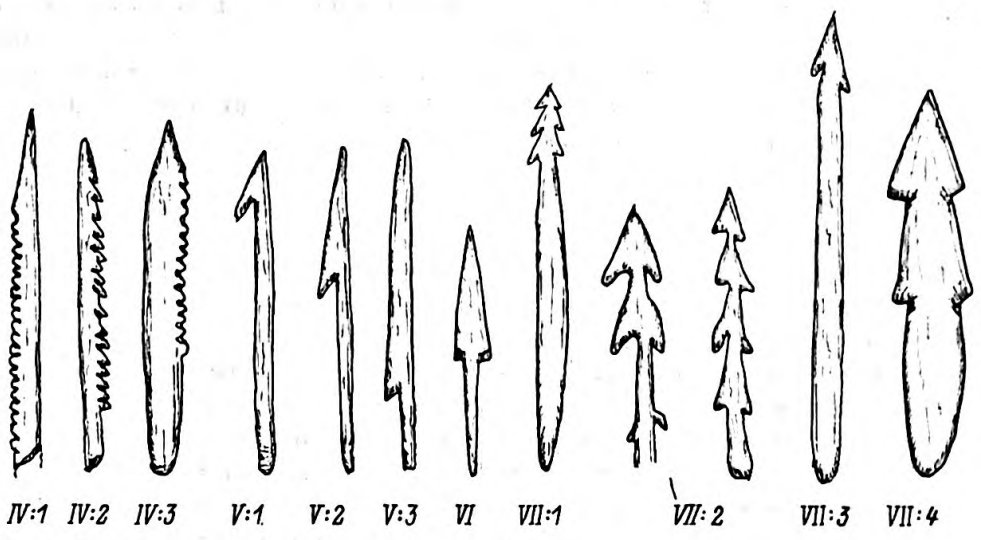
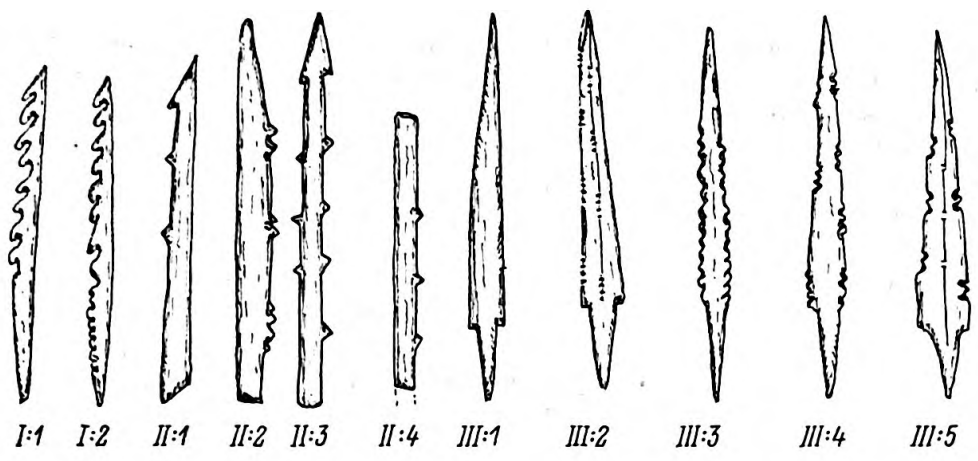

Рис. 1. Зубчатые костяные наконечники стрел.

Здесь и далее римскими цифрами обозначены типы, арабскими — варианты.

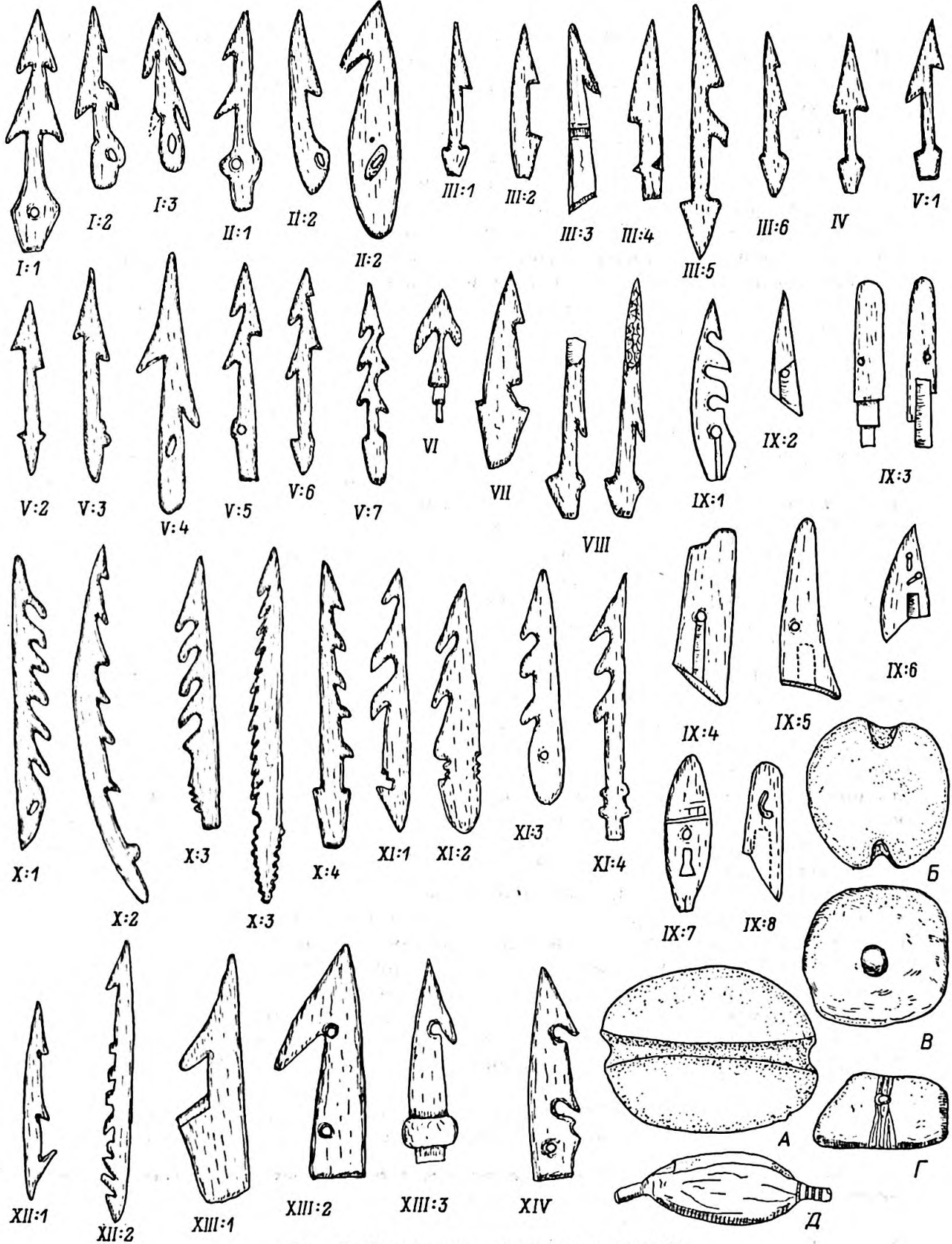

Рис. 2. Наконечники гарпунов и грузила.

1—VIII, X—XIV — типы бородчатых гарпунов, IX — тип поворотных гарпунов; А—Д — типы грузил.

Поскольку типология в пределах Восточной Прибалтики разработана И. А. Загорской и уже опубликована, мы считаем необходимым сохранить названия, данные ею определенным типам. В отдельных случаях целесообразно выделить некоторые варианты.

Тип I (1)⁴ — наконечники кундского типа — односторонние, с частыми густо расположенными зубчиками. Внутри этого типа можно выделить значительное число вариантов: с гладким сильно заостренным насадом; с заостренным с одной стороны зубчатым насадом; 3) с двусторонним насадом, занимающим большую часть длины орудия;⁵ 4) с клювовидными зубцами, расположенными группами с интервалом между ними.⁶ Зубчатые наконечники копий и острог типа I встречаются в Эстонии [Янитс, рис. 2, 1—6], в Латвии [Загорска, рис. 2, 4—6], в Литве [Римантене, рис. 1, 9], на Украине [Неприна, рис. 1, 3], на Северо-Востоке [Ошибкина, рис. 3, 6—8]. Все они, за исключением литовских, датируются эпохой мезолита.

Тип II (2) — односторонние с редкими тупыми (округлыми) или более острыми (треугольными) мелкими зубцами — шигирского типа. В них также наблюдаются значительные вариации: 1) односторонние, распределение зубцов от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ длины орудия на равном расстоянии один от другого; 2) односторонние с мелкими зубцами, собранными по два и более, со значительными интервалами между группами; 3) двусторонние симметричные с мелкими зубцами; 4) односторонние мелкозубчатые с пильчатым насадом. Во всех вариантах величина зубцов различна, но в целом незначительна. Данный тип встречается в Латвии [Загорска, рис. 2, 4], на Украине [Неприна, рис. 1, 8], в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 3, 10], на Северо-Востоке [Ошибкина, рис. 3, 2, 3].

Тип III (3) — с треугольным или близким к этому поперечным сечением и сильно зауженным выделенным черешком — «лубанский» тип. Отмечается не менее 5 вариантов: 1) с гладкими гранями; 2) с гранями, имеющими мелкие насечки, собранные в группы; 3) с зубчатыми гранями, занимающими не менее $\frac{2}{3}$ всей длины пера наконечника; 4) с гранями, снабженными зубчиками, собранными в группы, между которыми имеются интервалы; 5) с гранями, снабженными зубчиками и насечками. Тип III встречается в мезолитических памятниках весьма узкой территории: в Эстонии [Янитс, рис. 3, 5—7], в Латвии [Загорска, рис. 2, 1—3] и Литве [Римантене, рис. 1, 4].

Тип IV (4) — так называемый дувензейский тип — мелкозубчатый, пилковидный, односторонний, с округлыми или треугольными зубцами, густо расположенными по всей длине орудия. Тыльная часть слегка округлая, в других случаях приостренная. Внутри этого типа различается три варианта: 1) зубчики занимают всю длину орудия; 2) зубчики занимают лишь незначительную часть орудия; 3) зубчики занимают почти всю или $\frac{2}{3}$ его длины. Наконечники типа IV известны в Латвии [Zagorska, 1974, Att. 5, 3, 4, 8, 11], в Литве [Римантене, рис. 1, 2, 10], на Украине [Неприна,

⁴ Цифра в скобках означает нумерацию И. А. Загорской, выделившей 5 типов.

⁵ Возможно, что такие наконечники с зубчатым насадом могли использоваться как гарпуны.

⁶ Более подробное — хронологическое членение этого и четырех последующих типов см.: Zagorska, 1974. S. 36, Att. 7.

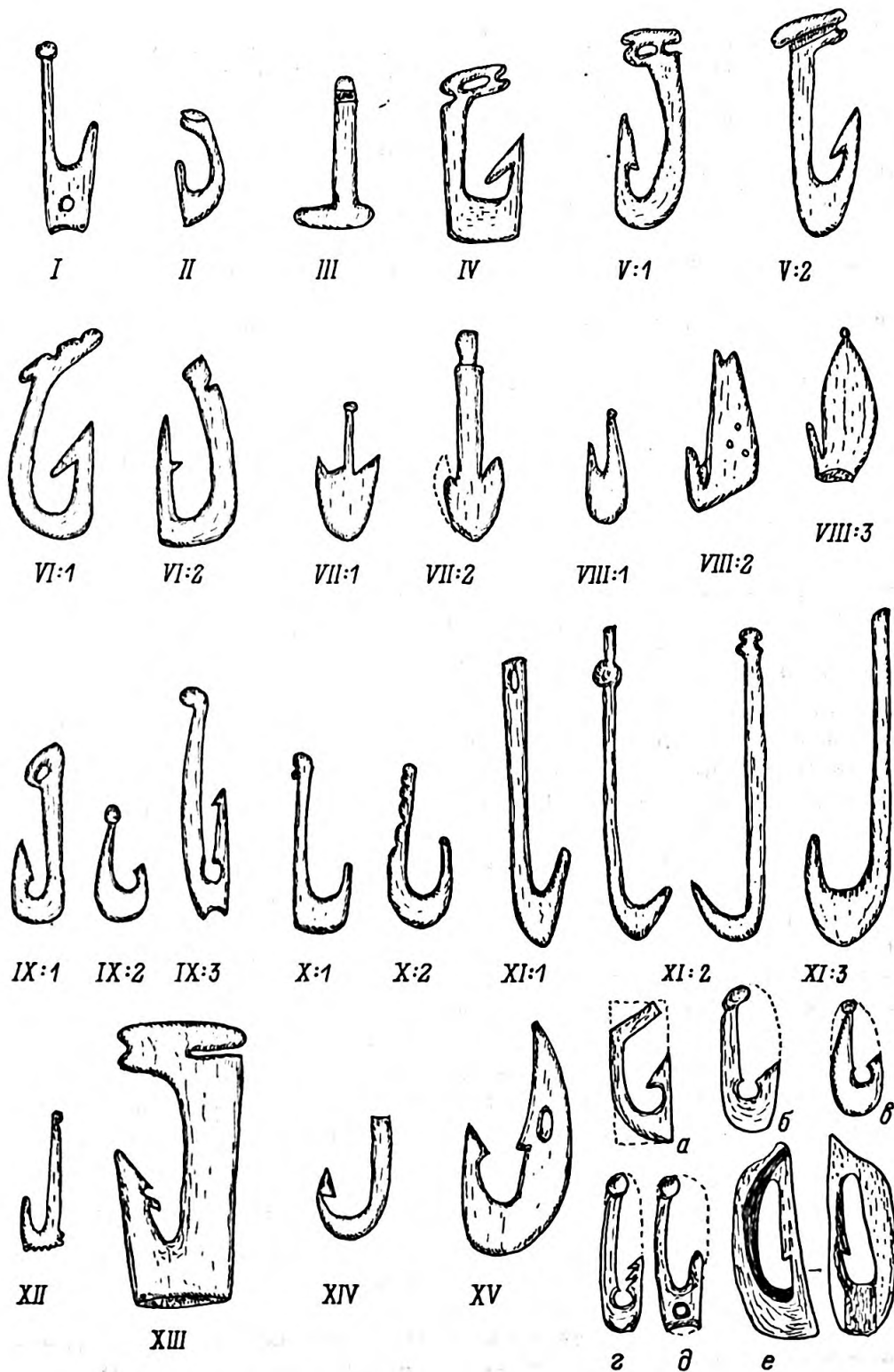

Рис. 3. Рыболовные крючки.

I—XV — типы крючков; а—е — способы изготовления крючков.

рис. 1, 12], в Лесостепи [Левенок, 1965, рис. 14], в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 3, 14, 17, 18], на Северо-Востоке [Ошибкина, рис. 3, 4, 5; Козырева, рис. 1, 15; 2, 12, 15]. Хронологически они относятся к мезолиту и раннему неолиту.

Тип V (5) — однозубчатые, с зауженной или приостренной тыльной частью. Длина их и соответственно размещение зубцов значительно варьируют: 1) зубцы помещены на конце; 2) зубцы занимают $\frac{1}{3}$ длины орудия; 3) зубец расположен приблизительно на $\frac{5}{6}$ орудия. Территория распространения типа V весьма широкая, так же как и хронологические рамки, однако наиболее классические экземпляры известны из мезолитических и в особенности ранненеолитических памятников. Такие наконечники зафиксированы в Эстонии [Янитс, рис. 2, 14], в Латвии [Загорска, рис. 2, 17—29], в Литве [Римантене, рис. 1, 12, 24], на Украине [Неприна, рис. 1, 19, 20], в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 2, 7, 9—11], в Карелии [Гурина, 1956а, рис. 37, 1—14; 40, 1—10], на Урале [Там же, рис. 38, 1, 2].

Тип VI — двузубчатый, симметричный, с небольшими прямыми зубцами, заостренным насадом. Встречается в раннем неолите [Там же, рис. 39, 11—13].

Тип VII — в виде елки, с двусторонне расположенными треугольными, мелкими, строго симметричными зубцами, сосредоточенными в верхней части орудия. Имеет 4 варианта. 1. Насад, как правило, закруглен. Тип VII:1 имеет ограниченное распространение, встречается в Эстонии [Янитс, рис. 2, 9—11], в Латвии [Загорска, рис. 2, 10, 12—16], в Литве [Римантене, рис. 1, 13, 16—18]. 2. Несколько иной — «елковидный» наконечник известен на Украине. Отличие его заключается в том, что зубцы размещены по всему «стволу» — сверху донизу и имеют клювовидную форму [Неприна, рис. 1, 6]. 3. На конце имеются только два асимметрично расположенных зубца [Янитс, рис. 2, 10; Загорска, рис. 2, 11]. 4. Массивный, с 4 симметричными зубцами [Лозе, 1979, табл. XXVIII, 1—6]. Наибольшей выразительностью и изяществом обладают наконечники Литвы и Латвии.

Тип VIII — крупные с редкими или более часто расположенными зубцами подтреугольной или клювовидной формы, с зауженным или округлым насадом. Внутри этого типа выделяются варианты: 1) крупные наконечники с треугольными зубцами, размещенными по всей длине орудия, с зауженным насадом; 2) зубцы занимают лишь небольшую часть орудия по длине оси, встречается в неолитических памятниках Эстонии [Янитс, рис. 2, 13, 16; 3, 1], в Латвии [Zagorska, 1974, Att. 5, 1, 2], в Литве [Римантене, рис. 1, 3, 9], на Украине [Неприна, рис. 1, 8, 11, 13, 15], в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 3, 14, 16, 17; 4, 8], на Северо-Востоке [Козырева, рис. 1, 16—18; 2, 7], в Костромском Поволжье [Гаврилова, рис. 2, 14], в Карелии [Гурина, 1956а, рис. 41, 1]; 3) с крупными треугольными зубцами, расположенными по всему орудию, и пильчатым односторонним или двусторонним насадом.

Тип IX — резко удлиненных пропорций, с редкими мелкими зубчиками иногда клювовидной формы, с сильно заостренным насадом. Выделяется два варианта: 1) односторонние, 2) двусторонние асимметричные. Данный тип известен пока лишь в Карелии и относится к раннему неолиту [Гурина, 1956а, рис. 41, 9].

Тип X аналогичен типу IX, но снабжен на конце овальным углублением, куда вставлялся каменный наконечник. Весьма ограниченное распространение и оригинальность формы позволяют присвоить ему наименование «зубчатое острие оленеостровского типа», встречается в раннем неолите Карелии [Там же, рис. 42].

Тип XI — наконечник иногда резко удлинённых пропорций, односторонний или двусторонний, асимметричный, с заостренным насадом и кремневым вкладышем с одной стороны. Известен в Карелии, в раннем неолите [Там же, рис. 48, 1—7].

Тип XII — два варианта: 1) с двумя крупными зубцами на одной стороне наверху и мелкими зубчиками на обеих сторонах, включая тыльную часть; 2) с двумя симметричными зубцами наверху и мелкими зубчиками по обеим сторонам, исключая тыльную часть.

Тип XIII — односторонний со сдвоенными и строенными зубчиками.

Таковы основные выделенные нами типы острий. Несомненно, эта классификация может быть продолжена как по линии выделения новых типов, так и по увеличению количества вариантов внутри уже выделенных типов.

Территориальное распространение выделенных нами типов острий показано в табл. 1.

Таблица 1

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Эстония	+		+		+		+	+					
Латвия	+	+	+	+	+		+	+					
Литва	+		+	+	+		+	+					
Украина	+	+		+	+		+	+					
Верхнее Поволжье		+		+	+			+					
Костромское Поволжье		+		+				+					
Северо-Восток	+							+					
Карелия					+	+		+	+	+	+		
Урал и Предуралье		+		+	+						+	+	+

Примечание. Типы I—IV характерны для мезолита.

При типологической классификации известных к настоящему времени гарпунов нами взяты за основу семь наиболее характерных типобразующих признаков (в результате чего выделено 15 типов гарпунов с вариантами): 1) характер насада (тыльной части) — а) с отверстием, б) с расширением; при этом учитывалось также, как расположено отверстие: симметрично по отношению к продольной оси орудия или асимметрично; 2) количество зубцов: а) однозубчатые, б) многозубчатые; 3) расположение зубцов: а) одностороннее, б) двустороннее; 4) положение зубцов по отношению друг к другу: а) симметричное, б) асимметричное; 5) размеры: а) крупные (11—18 см), б) средние (5.5—10 см), в) мелкие (4—5 см); 6) комбинированные гарпуны; 7) поворотные.

Тип I — в виде елки: 1) с симметрично расположенным отверстием в насаде, многозубчатый, двусторонний, с симметричными зубцами, крупного размера (до 18 см); 2) с асимметрично расположенным отверстием и асимметрично размещенными зубцами; 3) с овальным отверстием, симметрично расположенными зубцами. Тип I не имеет широкого распространения, встречается в единичных экземплярах в мезолите Верхнего Поволжья [Крайнов, рис. 3, 15], в мезолите Кавказа [Церетели, рис. 1, 1—3] и в позднем неолите — раннем металле Кольского п-ова [Гурина, рис. 6, 1, 2, 9].

Тип II: 1) односторонний, двузубчатый, крупный, с асимметрично расположенным отверстием в насаде; 2) однозубчатый, с отверстием в асимметричном или симметричном насаде. Внутри гарпунов типа II прослеживается значительное различие в величине, в большем или меньшем расширении тыльной части, что объясняется, вероятно, широким распространением этого типа в пространстве и во времени — от раннего неолита до раннего металла включительно. Они встречаются в Латвии [Гурина, 1956а, рис. 35, 6—10], в Литве [Римантене, рис. 1, 14], в Приладожье [Иностранцев, 1882, фиг. 82], в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 4, 3, 10, 13], на Северо-Востоке [Фосс, 1952, рис. 23, 4], в Карелии и на Кольском п-ове [Гурина, 1956, рис. 34, 1; 6, 3, 5—9, 11].

Тип III — односторонний, с одним-тремя зубцами, с симметрично или асимметрично расширенным насадом. Выделяется 6 вариантов: 1) однозубчатые с симметрично расширенным насадом; 2) однозубчатые с асимметрично расширенным насадом; 3) с круговой нарезкой; 4) однозубчатые с двумя треугольными выступами в тыльной части; 5) двузубчатые с симметрично расширенным копьевидным насадом; 6) двузубчатый с симметрично или асимметрично расширенным насадом. Этот тип гарпуна наиболее широко распространен территориально и хронологически — от раннего неолита до раннего металла включительно. Он встречается в Эстонии [Янитс, рис. 4, 8], в Литве [Римантене, рис. 1, 22], на Украине [Неприна, рис. 1, 21], в Белоруссии [Чернявский, рис. 1, 1—7], в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 4, 6, 7, 14; 5, 3, 8, 11], в Костромском Поволжье [Гаврилова, рис. 1, 10, 11], в Карелии [Гурина, 1956а, рис. 34, 2—5], на Кольском п-ове [Гурина, рис. 7, 1—3, 6—15, 17].

Тип IV — с двумя симметрично расположенными зубцами и симметрично расширенным насадом, средней величины. Такие гарпуны известны на поселениях раннего металла Кольского п-ова [Гурина, рис. 7, 24].

Тип V — двусторонний, с двумя асимметрично расположенными зубцами. Выделяется 3 варианта: 1) с симметрично расширенным насадом; 2) с заостренным насадом, снабженным двумя симметрично расположенными тоненькими зубчиками; 3) с уплощенным насадом, имеющим с одной стороны два небольших утолщения для крепления веревки. В целом тип V оригинален, представлен серией на Кольском п-ове, в Сибири может быть назван «наконечник гарпуна кольского типа» [Гурина, рис. 7, 18—21].

Тип VI — с двузубчатым острием сердцевидной формы и своеобразной рюмковидной ножкой, заканчивающейся маленьким прямым, округлым в сечении стерженьком. Встречается в могильнике эпохи раннего металла [Гурина, 1973а, рис. 3, 9].

Тип VII — сильно уплощенный, односторонний с одним или несколькими зубцами, с расширенным насадом. Известен на Кольском п-ове и в Норвегии в памятниках раннего металла [Гурина, рис. 7, 22].

Тип VIII — комбинированные наконечники с расширенным насадом, однозубчатые. На конце стержень имеет лопаткообразное углубление, куда вставлялся каменный наконечник. Встречен в Оленеостровском могильнике Кольского п-ова, эпоха раннего металла [Гурина, 1973а, рис. 3, 10]. Вследствие оригинальности формы ему может быть присвоено наименование «наконечник гарпуна оленеостровского типа».

Тип IX — поворотные гарпуны. В рассматриваемый период на территории СССР — явление весьма редкое. Форма их разнообразна, намечаются следующие варианты: 1) наконечник, сочетающий в себе признаки бородчатого гарпуна и поворотного, односторонний, трехзубчатый (зубцы выделены с помощью сверлений), с отверстием и желобком в тыльной части, размер средний; 2) подтреугольных очертаний, со скошенной тыльной частью, образующей небольшую шпору, с отверстием и гнездом; 3) крупного размера подчетыреугольных очертаний, с округлым концом, с одной стороны тыльная часть ступенчатая, с другой имеет гнездо; 4) очень массивный наконечник со скошенной тыльной частью, с отверстием и желобком с обеих сторон. Обнаружены в памятниках эпохи раннего металла Кольского п-ова [Гурина, рис. 7, 16, 8, 12—14; Гурина, 1973а, табл. 3, 11]. Тип IX:2 близок наконечникам поворотных гарпунов Украины [Неприна, рис. 1, 16—18].

Тип X — односторонний, многозубчатый (как правило, до 6 зубцов), крупный (до 25,5 см). Зубцы преимущественно треугольные, размещены от острия до тыльной части или занимают $1/2$ — $3/4$ длины орудия. Выделяется 4 варианта: 1) с отверстием в тыльной части; 2) с расширением в тыльной части; 3) с пильчатой тыльной частью; 4) пятизубчатый с симметрично расширенным насадом. Тип X имеет достаточно широкое распространение и большой хронологический диапазон — от мезолита до развитого неолита включительно, в связи с чем для локальных областей может быть установлена более дробная и потому более точная классификация, что уже сделано в Эстонии К. Л. Янитсом. Помимо Эстонии [Янитс, рис. 4, 1, 4], такие гарпуны встречаются в Верхнем и Костромском Поволжье [Крайнов, рис. 4, 9, 11; Гаврилова, рис. 1, 22, 23], на Северо-Востоке [Козырева, рис. 1, 4; 2, 4].

Тип XI — односторонние, дву- и трехзубчатые, с крупными редкими клювовидными зубцами, сосредоточенными преимущественно в верхней части орудия. Расширенные насады оформлены различно. Выделяется 4 варианта: 1) насад с односторонней выемкой; 2) насад с двусторонней выемкой; 3) насад с отверстием; 4) насад с 2 округлыми выступами. Тип XI известен в Эстонии [Янитс, рис. 4, 6], в Верхнем и Костромском Поволжье [Крайнов, рис. 4, 11, 13, 14; Гаврилова, рис. 1, 13], в Карелии [Гурина, 1956а, рис. 34, 4, 5], в лесостепных районах [Левенок, 1973, табл. 52, 26, 27].

Тип XII — односторонние дву- и многозубчатые наконечники, заостренные тыльные части которых оформлены в виде одного или двух зубцов, обращенных в сторону, противоположную острию, в результате чего получается орудие как бы с двумя рабочими лезвиями (дублированное).

Размер различен от небольшого (тонкого) до крупного (массивного). Гарпуны этого типа единичны и относятся к мезолиту и раннему неолиту. Они известны в Эстонии [Янитс, рис. 2, 7], в Карелии [Гурина, 1956а, рис. 34, 5], на Северо-Востоке [Козырева, рис. 1, 1].

Тип XIII выделяется до некоторой степени условно — наконечники очень массивные, однозубчатые и двузубчатые, односторонние, в ряде случаев (в Латвии) при выделке зубцов применено сверление. Выделяется не менее 4 вариантов: 1) однозубчатый, с массивным асимметричным насадом; 2) однозубчатый, с отверстием в тыльной части; 3) однозубчатый с муфтообразной тыльной частью; 4) двузубчатый с маленьким отверстием в тыльной части. Такие гарпуны известны в Эстонии [Янитс, рис. 5, 1], в Латвии [Загорска, рис. 1, 1—4; Лозе, 1979, табл. XXVIII, 14, 17], на Украине [Неприна, рис. 1, 19], в Верхнем и Костромском Поволжье [Крайнов, рис. 5, 1; Гаврилова, рис. 1, 8, 9].

Таковы основные типы гарпунов, встречающиеся преимущественно в европейской части СССР. Типология является открытой и может быть легко продолжена по мере выявления нового материала.

Территориальное распределение основных типов гарпунов дано в табл. 2.

Таблица 2

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Эстония			+							+	+	+	
Латвия		+											+
Литва		+	+										
Украина			+						+		+		
Верхнее Поволжье	+	+	+							+	+		
Костромское Поволжье			+							+	+		
Северо-Восток		+								+		+	
Карелия		+	+								+	+	
Кольский п-ов	+	+	+	+	+	+	+	+	+				
Урал и Предуралье			+							+	+	+	
Приладожье		+											
Белоруссия			+										

Примечание. Уральские гарпуны имеют ряд особенностей в оформлении деталей.

Переходя к рассмотрению рыболовных крючков, следует унифицировать название частей. Ценно наименование рыболовных крючков, соответствующее современной номенклатуре, предложенное В. Ф. Исаенко (см. его статью в наст. сборнике, рис. 1). Со своей стороны мы хотим внести лишь одно уточнение, поскольку именно в этой части чаще всего допускается неточность. Речь идет об уточнении понятий « жало » и « бородка ». Вслед за И. А. Загорской нам кажется целесообразным понимать бородку как выступающую часть жала. Таким образом, жало может быть с бородкой и без нее — гладкое.

Затруднение составления общей типологии крючков заключается в отсутствии большой серийности и в резко выраженном разнообразии, отражающем, вероятно, индивидуальный способ их изготовления. И все же, хотя и с трудом, удается уловить некоторые хронологические и этнокультурные особенности.

В основу нашей типологии положены следующие основные признаки. Все рыболовные крючки делятся на две группы: 1) составные и 2) цельно-вырезанные (которые мы для краткости будем называть цельными). Составные крючки разделяются на каменные и костяные. Обычно на поселениях встречаются лишь каменные стержни (ножки) и отсутствуют жала, очевидно, последние изготовлялись из кости или дерева. Второй особенностью каменных крючков является довольно четкая территориальная локализация, в основном в северо-западных областях — на Кольском п-ове, Карелии, Финляндии и Норвегии.

При классификации цельных крючков выделяется две подгруппы по характеру жала: 1) гладкие и 2) бородчатые. Тип определяется комплексом признаков. Используются следующие типобразующие признаки: а) длина и форма ножки, б) характер обушка, в) величина жала (глубина поддева изнутри), г) величина и местоположение бородки, д) оформление головки. Важными, хотя и вторичными, признаками являются величина крючка и техника его изготовления.

Из числа встреченных сериями и обладающих оригинальными чертами можно выделить следующие 15 типов (рис. 3).

Тип I — с округлой прямой или изогнутой ножкой (цевьем), заканчивающейся шарообразной головкой, с массивным, слегка вогнутым на конце обушком, снабженным отверстием (очевидно, для наживки), с тонким гладким жалом. Встречается на Кольском п-ове и в Норвегии, датируется эпохой раннего металла [Гурина, 1953, рис. 25, 3, 4].

Тип II — со слегка изогнутой ножкой и слегка скошенным в области затылка обушком, с гладким жалом. Головка в виде двуступенчатого овала, расположена под углом к ножке. Встречается на Кольском п-ове и в Норвегии [Гурина, рис. 2, 7].

Тип III — ножка крючка прямая, слегка утолщенная, снабженная в верхней части двумя кругловатыми нарезками, скругленный обушок расположен перпендикулярно ножке, имеет выступ в затылочной части, жало массивное, гладкое. Известен на Кольском п-ове в эпоху раннего металла.

Тип IV — крючки с прямой слегка утолщенной ножкой, подчетыреугольным обушком, бородчатым жалом, с подчетыреугольной головкой, имеющей отверстие и выемку. Встречается на Кольском п-ове и в Норвегии [Гурина, рис. 2, 12; 1953, рис. 25, 6—8].

Тип V — массивные, с округлой в сечении, почти прямой или плавно изогнутой ножкой, жало с бородкой, головка массивная, расположенная почти под прямым углом к ножке. Варианты: 1) с отверстием и выемкой в головке, 2) только с выемкой. Встречается на Кольском п-ове и в Норвегии — ранний металл [Гурина, рис. 2, 17, 18].

Тип VI — с плавно изогнутой ножкой, округлым обушком, резко переходящим в прямой лоб, в результате чего он близок по форме к рассеченному вдоль овалу. Жало с бородкой, головка массивная, расположенная под углом в 45° к ножке, с несколькими выступами (напоминающая в про-

филь человеческое лицо). Размер крупный (до 12 см). Выделяются варианты: 1) бородка расположена на конце жала; 2) бородка расположена в середине жала. Известен на Кольском п-ове и в Норвегии, в раннем металле [Гурина, рис. 2, 14, 22; Simonsen, 1961, fig. 93].

Тип VII — якоревидный обушок близок к сердцевидной форме, имеет два коротких гладких жала, небольшой, с мелким поддевом. Варианты: 1) головка с округлым утолщением на конце; 2) головка с нарезкой. Известен на Украине [Неприна, рис. 2, 7, 8].

Тип VIII — с резко выпуклой с внешней стороны ножкой, переходящей в массивный, широкий овальный обушок, снабженный коротким гладким жалом. Глубина поддева очень незначительна, она занимает менее $\frac{1}{4}$ его длины. Наблюдается диспропорция между массивной ножкой и тонким жалом, а также крошечной головкой. Имеется 3 варианта: 1) с овальным обушком и маленькой шарообразной головкой; 2) обушок имеет срезанный затылок, головка с отверстием; 3) массивный с усеченным внизу обушком. Крючки типа VIII встречаются на Украине [Неприна, рис. 2, 1—6], в Эстонии [Янитс, рис. 5, 2, 10, 11] и в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 3, 1]. Не исключено, что впоследствии они выявятся и на промежуточной территории.

Тип IX — наиболее многочисленный и разнообразный. В большой мере морфология этих крючков предопределена техникой изготовления — нижняя часть ножки (с внутренней стороны), обушок и жало разделены с помощью одной высверлины. Иногда вторая высверлина оформляет нижнюю часть обушка. По форме жала и головки можно выделить не менее 3 вариантов: 1) головка с отверстием, жало с маленькой бородкой; 2) головка шарообразная, жало с маленькой бородкой; 3) головка утолщенная, жало с двумя бородками. Размеры и пропорции различны. Тип IX встречается в Эстонии [Янитс, рис. 4, 10], Латвии [Загорска, рис. 4, 2, Д₂; З, А₁₋₅, В₁₋₂, Д₁₋₃, Е₁₋₂; 4, В₁₋₃], на Украине [Неприна, рис. 2, 11], в Литве [Римантене, рис. 1, 28], в Белоруссии [Исаенко, рис. 2, 22—26, 28], в Костромском Поволжье [Гаврилова, рис. 1, 4]. Таким образом, локализация этого типа крючков (если не принимать во внимание единичный экземпляр из Костромского Поволжья) достаточно четкая: Восточная Прибалтика, Белоруссия и Украина.

Тип X — средних пропорций, с U-образной формой обушка и преимущественно зубчатой головкой (иногда зубчики занимают и часть ножки), с коротким гладким жалом. Данный тип встречается в Белоруссии [Исаенко, рис. 2, 31, 32, 34], на Северо-Востоке [Ошибкина, рис. 1, 1, 3; Козырева, рис. 2, 20].

Тип XI — по форме обушка близок к типу X, но более удлиненных пропорций, преимущественно крупный, также с гладким, но еще более коротким жалом, иногда с U-образным обушком. Оформление головки различно: 1) с отверстием; 2) с шарообразным утолщением, расположенным на некотором расстоянии от самого конца ножки; 3) головка гладкая. Данный тип крючка отчетливо представлен в Латвии [Загорска, рис. 4, 1, А₅, В₁₋₃, С₁, С₃₋₄], на Северо-Востоке [Ошибкина, рис. 1, 8, 9], в Литве [Римантене, рис. 1, 29], в Белоруссии [Чернявский, рис. 2, 4]. Существенно, что они встречаются в памятниках мезолита и раннего металла. Все эти крючки, несмотря на значительный размер, вследствие отсутствия

бородки и малой величины поддева менее совершенны по сравнению с крючками других типов.

Тип XII — с прямой тонкой ножкой, нарезной головкой, с подчетыреугольным или округлым зубчатым обушком, гладким жалом, средней величины, встречается в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 3, 2, 3].

Тип XIII — массивный крючок с непропорциональной головкой, имеющей выемку, расположенной перпендикулярно ножке, с массивным подчетыреугольным толстым обушком и двубородчатым жалом. Предназначался на очень крупную рыбу. Пока известен один экземпляр такого крючка в Верхнем Поволжье [Крайнов, рис. 3, 4], однако ярко выраженная оригинальность заставляет выделить его в особый тип.

Тип XIV — с прямой ножкой и плавно изогнутым обушком, с узким жалом, снабженным массивной бородкой.

Тип XV — с массивной овальной ножкой, имеющей выступ и отверстие с округлым брюшком, с толстым жалом, заканчивающимся слабо выраженной бородкой.

При сопоставлении техники изготовления крючков можно уловить некоторые местные традиции. Так, тип IX, как указывалось, известен в Восточной Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Крючки этого типа изготавливались очень простым и рациональным способом — сверлением. Процесс был, очевидно, следующим: из плоской костяной пластинки вырезался удлиненный овал нужной длины и ширины. Далее ближе к одному концу в середине просверливалось отверстие, затем вырезали ножку крючка, внешний край которой совпадал с внешним краем пластинки, а конец ее внутренней части — с ранее сделанной высверлиной, в результате чего получился обушок. Косой срез края от отверстия к противоположному краю пластинки оформлял жало крючка, которое получалось с небольшой бородкой. Завершалась обработка маленьким вырезом в верхнем, внешнем крае пластинки, в результате чего оформлялась головка (рис. 3, а—д).

При изготовлении крючков типа IX : 3 (двубородчатых) применяемый прием был в общем сходным с только что описанным, но пластинка делалась более удлиненной и узкой. Выявляется и достаточно отчетливо способ изготовления крючков типа VI. Так же, как и в первом случае, подготавливалась пластинка, но не овальной, а четырехугольной формы. С внешней стороны на верхнем конце срезался угол оформления будущей головки, на нижнем округлялся угол затылка обушка, прямой лоб обушка оконтуривался механически противоположным краем пластинки. Затем вырезался внутренний край головки, ножки и обушка, после чего двумя косыми срезами выделялась бородка. На такую последовательность процесса указывает заготовка крючка, найденная на одной из норвежских стоянок [Simonsen, 1961, fig. 163a] (рис. 3, е).

Еще более простым следует считать процесс изготовления крючков типа X и XI. В этом случае в удлиненно-овальной, в большей или меньшей степени заостренной пластинке вырезались одной линией с внутренней стороны ножка и обушок.

Территориальное распространение основных типов рыболовных крючков показано в табл. 3.

Таблица 3

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Эстония								+	+				
Латвия									+		+		
Литва									+		+		
Украина							+	+	+				
Белоруссия									+	+	+		
Верхнее Поволжье								+				+	+
Костромское Поволжье									+				
Северо-Восток										+	+		
Кольский п-ов	+	+	+	+	+	+							
Урал и Приуралье								+			+		

Весьма выразительны рыболовные орудия Сибири, свидетельствующие о высоком развитии этого промысла. По ряду признаков они очень резко отличаются от европейских. В особенности это относится к рыбкам-приманкам и рыболовным крючкам. Последние в абсолютном большинстве составные и потому чаще представлены каменным цевьем (ножкой), тогда как жало крючков (костяное или деревянное) сохраняется реже. Разнообразие формы цевья и их повторяемость позволяют выделить несколько устойчивых типов. Среди них: I — крупные (до 20 см и более), с грибовидными расширениями на концах (гладкими или гладким и зубчатым); II — бочковидные с продольным желобком и кольцевыми нарезками на концах; III — стержни с частичным уплощением, многочисленными круговыми нарезками в верхней части и отверстием — в нижней.

Цельновырезанные крючки немногочисленны, в основном они подражают медным — плавно выгнутые, жало гладкое или с бородкой, иногда двумя, расположенными симметрично или асимметрично.

Гарпуны в большинстве случаев крупные (до 20 см и более, двусторонние, преимущественно многозубчатые (до 8 зубцов на каждой стороне). Часты гарпуны елкообразные с симметрично или слабо асимметрично расположенными зубцами. Насады оформлены различно — с односторонней выемкой, симметричными или асимметричными выступами, реже с асимметричным выступом и отверстием. Встречаются с двумя-тремя зубцами среднего размера и крупные.

Вторая группа гарпунов односторонние (до 6 зубцов) с подтреугольными, редко приближающимися к клювовидным, очертаниями зубцов. Тыльные части их с симметричным или асимметричным выступом, а также асимметрично расположенным отверстием.

Особенностью зубчатых костяных острий и гарпунов Урала является их крупная величина (до 28.5 см) и высокосовременная техника изготовления. Мелкие гарпуны (5.5—7.5 см) встречаются реже. Вторая особенность названных орудий — наличие на некоторых экземплярах (на стержне и зубцах) орнаментации в виде нарезок, зигзагообразной линии и сетки.

Часть орудий относится к выделенным типам, характерным для Прибалтики, Северо-Востока, Карелии и Центра европейской части СССР,

представляя различные варианты. Ряд наконечников острий и гарпунов находят аналогии в мезолитической культуре Кунда.

Среди грузил выделяется 4 типа: А — овалы, сильно окатанные морем гальки, на которых точечной ретушью выбит глубокий желобок, опоясывающий орудие по длинной оси; Б — окатанные гальки, где точечной ретушью выбиты выемки только на двух противоположных краях; В — окатанные морем округлые или четырехугольные гальки с просверленными отверстиями; Г — гальки, оплетенные берестой, иногда они крепились к деревянной дужке.

Рассмотренные здесь орудия рыболовства и морского промысла несомненно не отражают всего их разнообразия, существовавшего в действительности. Важным источником является сохранившаяся ихтиофауна. Кости, найденные в Прибалтике, подтверждают существование рыболовства в мезолите. В мезолитических памятниках Эстонии — Пулли, Кунда, Умбузи встречены кости щуки, судака и леща, на раннеолитической стоянке Кяэпа — щуки и сома.⁷ Особенно же многочисленна и разнообразна ихтиофауна в развитом и позднем неолите — на поселении Тамула, Лоона, Ридали. Здесь найдено много костей рыб, свидетельствующих об использовании и многих мелких рыб, которых могли ловить лишь мелкочейистыми сетями.

Обращает на себя внимание крупный размер рыб и соответственно их большая масса. Встречается щука длиной 125 см, массой 16,5 кг. Ихтиофауна фиксируется уже на стоянках пребореального периода (I слой стоянки Звейниекы II — Латвия) — кости щуки, леща и линя. Количество и разнообразие костей рыб возрастает в позднем мезолите и в последующее время — в суббореальный период (Абора, Звейсалас, Ича, Пиестиня). Число видов выловленных рыб достигает 14. При этом они имеют крупный размер — щука до 130 см, массой до 18 кг, возрастом от 6 до 12 лет; сом длиной 245 см, возрастом от 5 до 20 лет. Такие же крупные размеры рыб отмечаются и на поселениях Верхнего Поволжья.

Остатки рыболовных орудий и сооружений, а также предметы, связанные с рыболовством, — весла, лодки указывают на разнообразные и весьма совершенные приемы рыболовства. В общем в эпоху мезолита — раннего металла были освоены все приемы, которые дожили до современности. Обилие костей рыб и их размеры говорят о значительном количестве получаемой биомассы.

Еще более продуктивным был морской промысел, истоки которого прослеживаются в мезолите. Среди морских животных первое место занимали тюлень и нерпа, на что указывает преобладание их костей. Били также морских зайцев, моржей, белух и даже китов. Определенное значение для жителей побережья северных морей имела охота на белого медведя. Помимо относительной легкости добычи, тюлень привлекал к себе внимание и высокими вкусовыми качествами мяса. Кларк указывает, например, на тот факт, что в Сиреторпе (Швеция) при наличии костей домашних животных кости тюленя составляют около 84 % всей фауны [Кларк, 1953, с. 83]. По его мнению, особое развитие этот промысел полу-

⁷ В приморских стоянках в этот период (в Лоона) в количественном отношении преобладает треска, до 100 см длиной, массой 20 кг.

чил в неолите во время распространения в Северной Европе земледелия и скотоводства, поскольку близкое соседство земледельцев и скотоводов с рыбаками стимулировало обмен продуктами.

Очевидно, не только в мезолите, но и в последующее время — в неолите и эпоху раннего металла удельный вес различных отраслей хозяйства не был стабильным. Вероятно, он менялся даже с колебаниями климата и в соответствии с этим и с изменениями в литоральной зоне, с перемещением кормовых угодий, а следовательно, и мест нереста рыб и морского зверя. Климатические изменения влияли на количество и состав и сухопутных животных, вызывая при неблагоприятных условиях их миграцию. Таким образом, соотношение охоты и рыболовства менялось даже в пределах одного региона.

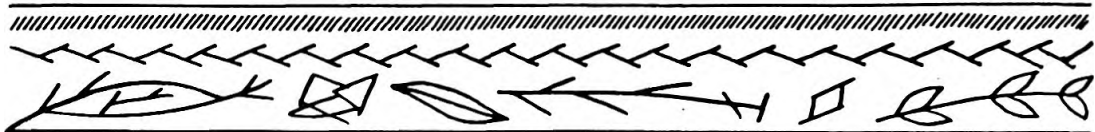
Вместе с тем существовала и общая закономерность. Рыболовство, как определенная система хозяйства, появившись позже охоты, продолжало развиваться, а усовершенствование орудий, транспортных средств и навыков в мореплавании создали возможность перехода к более прогрессивной форме присваивающего хозяйства — морскому промыслу. Однако в целом в течение всего рассматриваемого периода существовало сложное многоукладное хозяйство, в котором сочеталось рыболовство с охотой и морским промыслом, а также собирательством. В некоторых прибрежных районах большое значение имел сбор моллюсков.

Значение рыболовства и морского промысла нашло свое отражение не только в материальной, но и духовной культуре. На ряде поселений этого времени найдена скульптура рыбы и морского зверя; сцены рыболовства и охоты отражены в графике и наскальных изображениях (см. статьи И. А. Загорской, Ю. А. Савватеева, Д. А. Крайнова, И. В. Гавриловой, Н. Н. Гуриной в настоящем сборнике). Это искусство в особенности важно для тех областей, где плохо или вовсе не сохранились фаунистические остатки.

Оценивая материалы по морскому промыслу, известные в пределах нашей страны, очевидно, следует заключить, что начало возникновения этой отрасли хозяйства можно отнести к эпохе раннего неолита. При этом обращает на себя внимание тот факт, что самые ранние материалы, связанные с этим промыслом, фиксируются в западных областях нашей страны — в Прибалтике. Довольно рано появляется он и в районах, близких к этим областям, — в Карелии и на Кольском п-ове, в то время как в восточных регионах он фиксируется только в более поздние периоды древней истории.

Итак, рассмотренные материалы по рыболовству и морскому промыслу бесспорно указывают на прогрессивное развитие человеческих коллективов с этой формой хозяйства, выражающееся в усовершенствовании орудий труда, быта, искусства и соответствующих изменениях в общественной организации.

1. ПРИБАЛТИКА И БЕЛОРУССИЯ

К. Л. Янитс

РЫБОЛОВСТВО И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Территория Эстонии полностью освободилась от материкового льда приблизительно 11 тыс. лет назад. В ходе отступления ледника сформировалась гидрографическая сеть республики, которая в общих чертах сохранилась до наших дней. Позже береговая линия несколько раз изменялась, переживая ряд трансгрессий и регрессий. Самые важные из них были анциловая и литориновая трансгрессии Балтийского моря.

Гидрографическая сеть Эстонии довольно плотная [Вареп, Тармисто, 1967; Советская Эстония, 1979]. Эстония богата озерами, их число в настоящее время свыше 1500. Реки преимущественно невелики.

Мезолитические стоянки Эстонии связаны главным образом с реками и озерами (рис. 1). В конце мезолита или в начале неолита было заселено также морское побережье.

В материале раннемезолитической стоянки Пулли (см. таблицу) представлены кости судака и леща, в Кунда-Ламмасмяги — щуки, линя и окуня,¹ а также кости тюленей [Паавер, 1965, с. 437, 438]. Культурный слой стоянки Умбузи содержал кости щуки и леща. Как видно из таблицы, кости рыб, найденные в мезолитических стоянках Эстонии, принадлежат довольно крупным особям. Кости тюленя встречены и на стоянке атлантического времени в г. Нарве [Там же].

В поселениях раннего неолита Эстонии кости, как правило, хорошо сохранились. Раскопки в Кяэпа дали остатки щуки, сома, леща и окуня, в Нарве-Рийгикюла I — кости щуки, судака, сиговых; культурный слой в поселении Нарва-Рийгикюла III содержал кости щуки и сома [Гурина, 1967, с. 161]. В обоих памятниках встречались кости тюленя. Кроме того, были найдены кости китов [Там же].

В развитии и позднем неолите значительно расширился видовой состав добываемой рыбы. В Тамула найдены кости окуня, щуки, леща, сома, синца, плотвы, линя, язя и красноперки, в поселении Лоона (на о-ве

¹ Ихтиологические материалы довоенных раскопок определены И. Лепиксааром [Indreko, 1948, S. 75, 76], раскопок 1961 г. и других, если в тексте нет специальной ссылки, — Я. Слока (Рига).

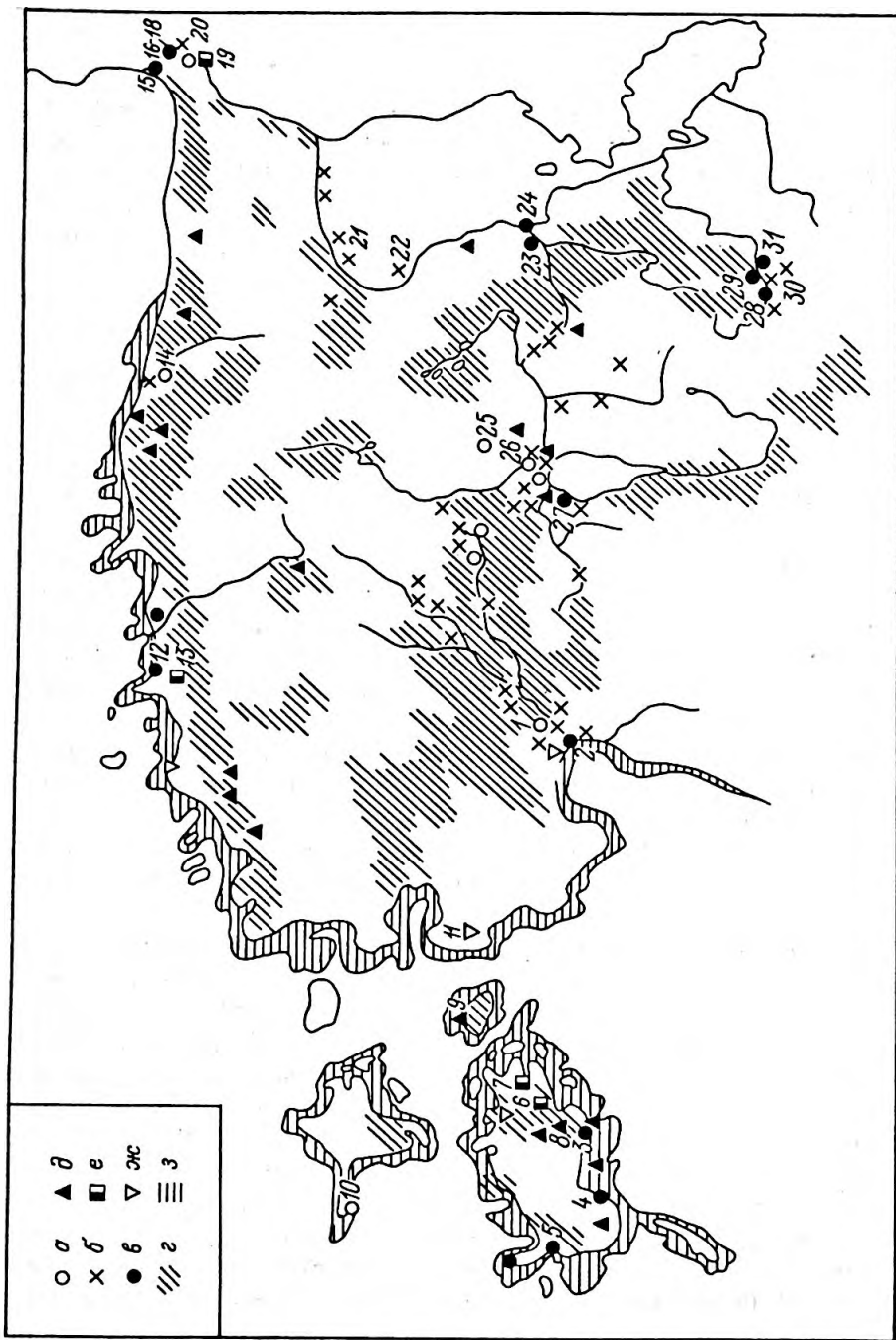

Рис. 1. Местонахождения памятников периода мезолита, неолита и раннего металла.

а — стоянки эпохи мезолита; б — места случайных находок мезолита; в — неолитические поселения; г — места случайных находок неолита; д — могильники культуры широчной керамики; е — укрепленные поселения; ж — неукрепленные поселения периода раннего металла; з — прибрежная подоса, лежащая под водой около 2000 лет до н. э. Памятники: 1 — Пуули, 2 — Пярну, 3 — Кыну, 4 — Наакамяэ, 5 — Лоопа, 6 — Асва, 7 — Ридала, 8 — Тика, 9 — Кюла-сема, 10 — Кылу, 11 — Казекюла, 12 — Крөөди, 13 — Пру, 14 — Кунда, 15 — Кудрукюла, 16 — 18 — Нарва-Рийгикюла I—III, 19 — Нарва, 20 — Сийвертси, 21 — Лохусуу, 22 — Омеда, 23 — Кулламяги, 24 — Акали, 25 — Умбузи, 26 — Сиймусааре, 27 — Валма, 28 — Тамула, 29 — Выла, 30 — Вагула, 31 — Кюпа.

**ИХТИОФАУНА ПОСЕЛЕНИЙ КАМЕННОГО ВЕКА И ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
ЭСТОНИИ (определение Я. Слока)**

Вид рыб	Пулли	Кунда	Умбузи	Кяэпа	Тамула	Лоона	Ридала
Щука	—	51 50—120 1.5—15	31 50—117 —	95 30—122 0.35—15.5	424 20—125 0.2—16.6	101 40—125 0.45—16.6	281 20—102 0.2—9
Плотва	—	—	—	—	49 13—22 0.03—0.26	—	1 13 0.03
Язь	—	—	—	—	23 20—52 0.15—1.5	—	31 20—38 0.15—1
Красноперка	—	—	—	—	3 19—24 0.15—0.3	—	49 —
Линь	—	—	—	—	29 15—38 0.2—0.8	—	—
Лещ	5 28 0.45	—	7 25—50 0.3—3	4 20—30 0.15—0.6	180 20—51 0.15—2	—	49 20—48 0.15—2.5
Синец	—	—	—	—	67 20—30 0.15—0.4	—	—
Сом	—	—	—	41 40—190 0.45—70	159 80—200 5—80	—	75 30—180 0.33—58
Угорь	—	—	—	—	—	3 80—90 0.7—1.5	—
Балтийская треска	—	—	—	—	—	3039 30—100 0.3—10	—
Судак	94 44—80 0.5—7	—	—	—	—	—	202 30—100 0.3—10
Окунь	—	—	—	4 25—40 0.2—1.4	449 10—45 0.015—1.5	6 28—31 0.4—0.5	3 20—35 0.13—0.8
Четырехрогий керчан	—	—	—	—	—	10 25 0.35	—
Тюрбо	—	—	—	—	—	25 20 0.25	—
Балтийская камбала	—	—	—	—	—	1	—

Примечание. Первый ряд чисел — количество костей; второй — длина рыбы (см); третий — масса рыбы (кг).

Сааремаа) — трески, щуки, тюрба, четырехрогого керчака, окуня, угря и камбалы. Кости трески здесь составляли примерно 95 % от общего количества костей рыб, много костей тюленя [Паавер, 1965, с. 439, 440].

Еще большее количество костей тюленя, а также морской свиньи найдено в Наакамяэ (о-в Сааремаа). На поселении Акали были кости только сома и щуки [Янитс, 1959, с. 24]. Ихтиофауна найдена и на других поселениях развитого и позднего неолита. В развитом и позднем неолите наряду с крупной рыбой ловили и более мелкую (см. таблицу).

Исследованные укрепленные поселения эпохи раннего металла Эстонии дали сравнительно богатый остеологический материал.² В Асва найдены кости щуки, язя, окуня, плотвы, рыба и осетра [Вассар, 1955, с. 113—137]. Встречается много костей тюленя [Паавер, 1965, Прил. II]. Поселение Ридала содержало кости щуки, судака, сома, леща, язя, окуня и плотвы, встречалось много костей тюленя. В укрепленном поселении Иру зафиксированы кости щуки и тюленя. На прибрежном поселении Казекюлы в Западной Эстонии также определены кости тюленя.³

В каменном веке Эстонии, в особенности в мезолите, сохранилось много орудий рыбной ловли. Наконечники острог (их свыше 300 экз. вместе с фрагментами) в большинстве случаев изготовлены, видимо, из расколотых вдоль трубчатых костей крупных животных. Можно выделить несколько их типов и подтипов.

1 — кундский тип (около $\frac{2}{3}$ из общего числа наконечников острог, найденных в Эстонии). Имеют мелкие густо расположенные односторонние зубцы четырехугольной формы (рис. 2, 1—5). Длина, как правило, 8—24 см, хотя встречаются и экземпляры меньшего или большего размера. Почти все они найдены на памятниках бореального периода — Кунда, Сиймусаари, Умбузи. Известно и несколько случайных находок. Некоторые наконечники данного типа имеют только 2—4 зубца (3), другие отличаются от основной массы неровными зубцами (4).

2 — наконечники, в общих чертах похожие на наконечники кундского типа, но имеющие треугольную форму зубцов (6). Почти все они найдены в Кунде, кроме нескольких случайных находок и двух фрагментов из Сиймусаари и Акали. Длина наконечников 6—22 см.

3 — наконечники с очень пологими, в сторону тыльной части, зубцами. Длина наконечников 14—27 см. Некоторые имеют неровные зубцы. Все наконечники данного типа найдены в Кунда, за исключением фрагмента большого наконечника из поздненеолитической стоянки Тамула (8). Описанный тип, по-видимому, дожил до конца неолита, увеличиваясь со временем в размере.

4 — наконечники, также в общем близкие наконечникам кундского типа. Различия заключаются лишь в том, что их зубцы, как правило, больше размером и расположены реже. Два таких наконечника найдены в Кунда, третий на поселении позднего неолита в Лоона. Один экземпляр длиной 14.8 см, найденный на р. Пярну, имеет зубцы на обоих концах (7). В поселениях раннего — Нарва-Рийгикюла I [Гурина, 1967, рис. 90, 4], развитого — Акали, Валма и позднего неолита — Наакамяэ встречаются наконечники, похожие на вышеописанные, но с малым количеством зубцов.

² Остеологический материал довоенных раскопок в Асва и Иру определен И. Лепиксаром [Indreko, 1939, S. 24].

³ Остеологический материал определен К. Паавером.

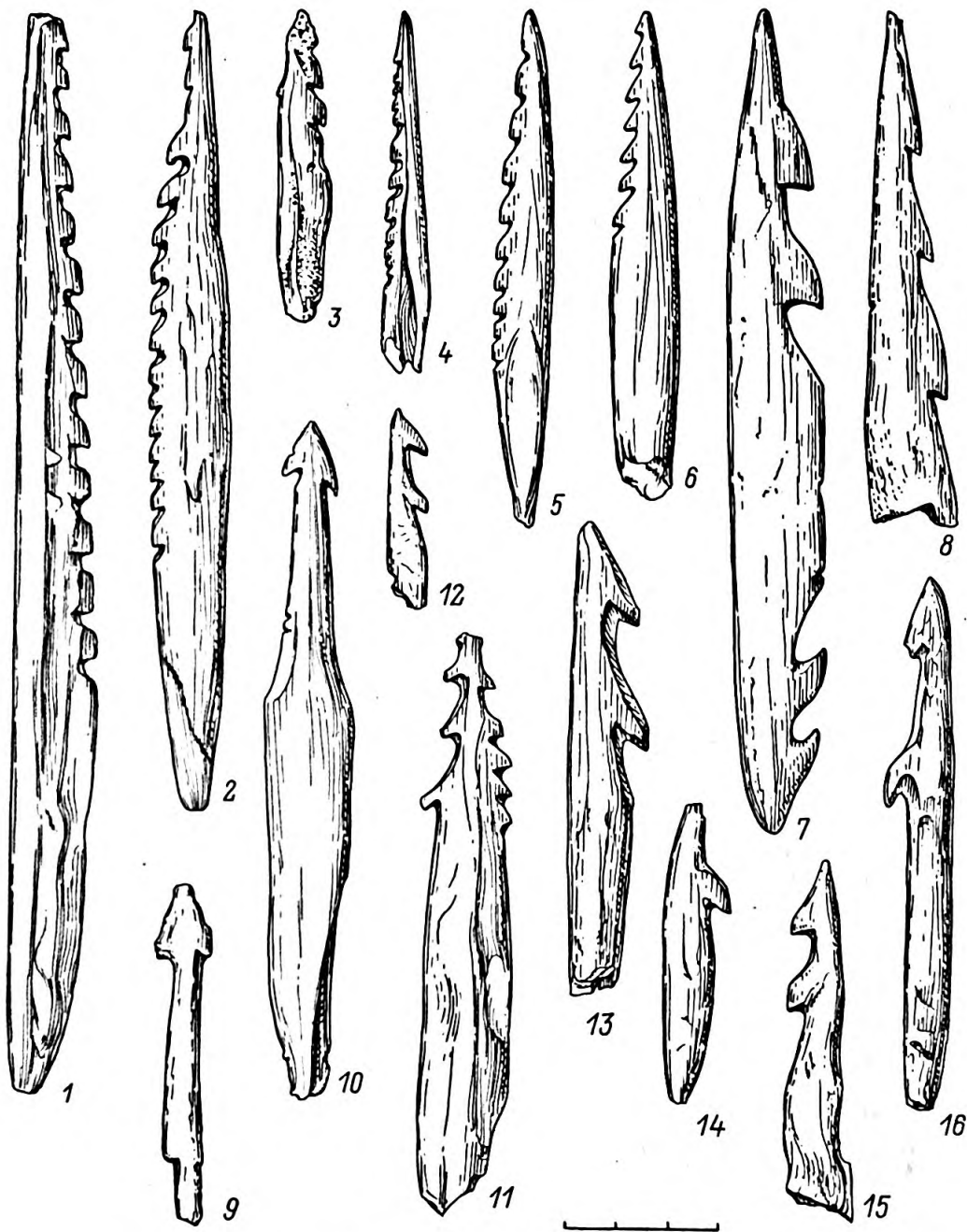

Рис. 2. Наконечники острог каменного века.

1—6 — Кунда; 7 — Пярну; 8, 9 — Тамула; 10, 11, 16 — Нарва; 12, 15 — Лоона; 13, 14 — Наакамяэ.

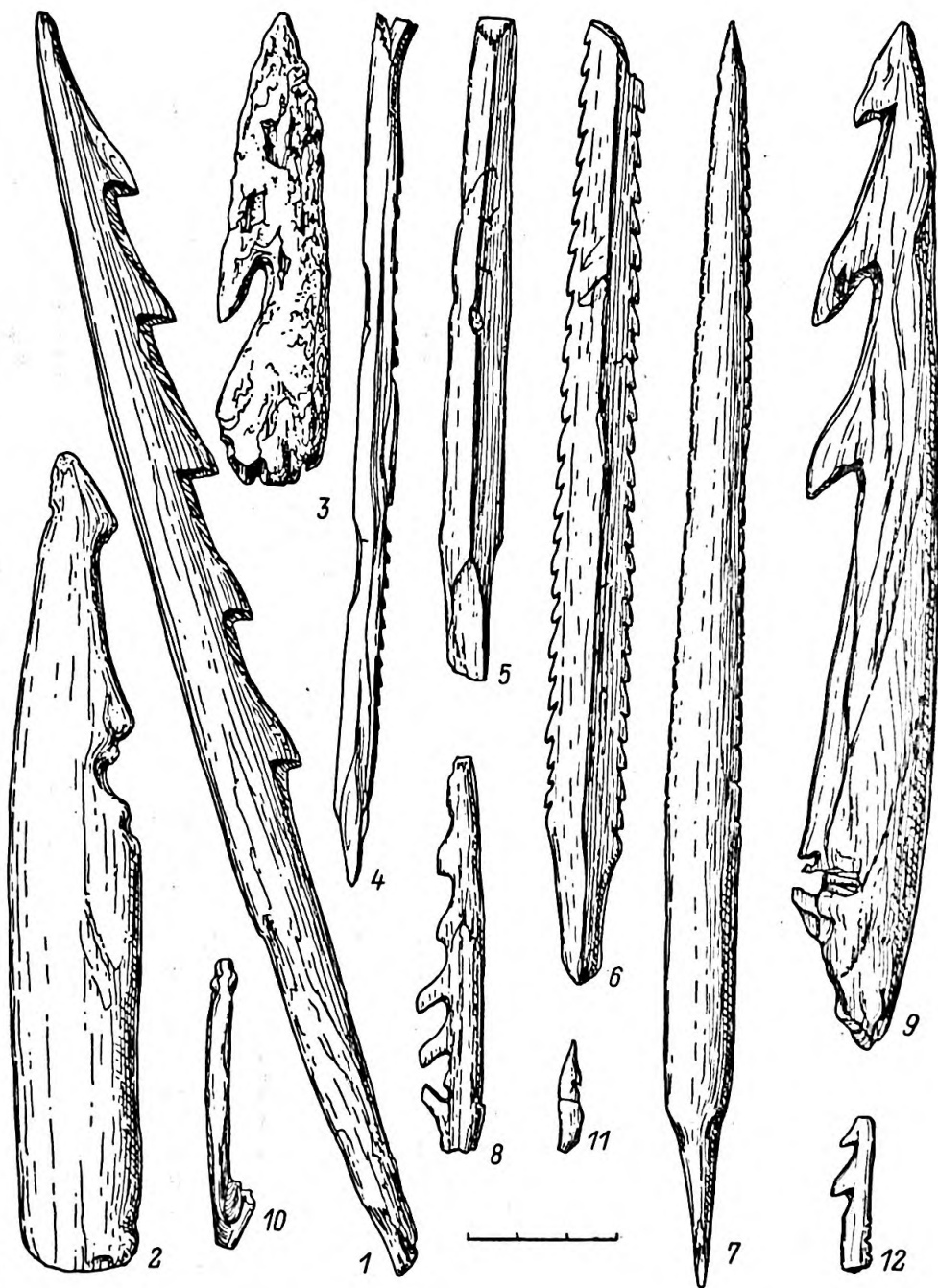

Рис. 3. Орудия рыболовства и морского промысла каменного века.

1—7 — наконечники острог; 8, 9 — наконечники гарпунов; 10—12 — рыболовные крючки. 1 — Лохусуу; 2, 3, 12 — Тамула; 4, 5, 7—9 — Куида; 6 — Омеду; 10 — Нарва; 11 — Кяэпа.

5 — наконечники, имеющие большие, густо расположенные треугольные зубцы правильной формы (рис. 3, 1). Длина наконечников 9—32 см. Все наконечники данного типа (кроме одного) связаны с памятниками мезолита — Кунда, II мезолитический слой стоянки в г. Нарве, находка в Чудском озере, около Лохусуу. Один наконечник найден на поселении позднего неолита Наакамяэ. Один из лохусууских наконечников имеет только два зубца.

6 — наконечники малых размеров (длина целых экземпляров не превышает 14—15 см), тонкие, двусторонние, имеют по одному зубцу на обеих сторонах (рис. 2, 9, 10). Они встречаются во многих памятниках позднего мезолита и неолита Эстонии — II мезолитический слой нарвской стоянки, Кяэпа, Вилла и Тамула.

7 — такие же, но с несколькими зубцами по обеим сторонам (11). Встречаются в Нарве (II мезолитический слой), Вилла и Наакамяэ, а также в инвентаре некоторых могильников культуры шнуровой керамики — Кюласема, Тика.

8 — наконечники малых размеров (длина обычно 5—6 см) с одним-двумя зубцами (рис. 2, 12—16). Встречаются в Нарве (III мезолитический слой), Нарва-Рийгикюла I [Гурина, 1967, рис. 90, 2], Тамула, Лоона и Наакамяэ. Экземпляр из Тамула значительно длиннее и массивнее других.

9 — массивные наконечники с треугольными зубцами (рис. 3, 2). Число зубцов, как правило, два-три. Длина наконечников 8—19 см. Встречаются только в поселениях неолита, начиная с раннего до позднего — Кынну, Кяэпа, Акали, Тамула, Наакамяэ.

10 — массивные наконечники с зубцами своеобразной формы (рис. 3, 3). Встречаются только в памятниках позднего неолита. Длина наконечников 7—16 см.

11 — единичными фрагментами в Кунда представлены наконечники, имеющие на одной стороне паз для вкладышей, а на другой — редкие, расположенные группами маленькие зубцы (рис. 3, 4). Они напоминают так называемый шигирский тип.

12 — кроме вышеописанных, в памятниках бореального периода встречаются наконечники так называемого лубанского типа (с треугольным поперечным сечением и выделенным черешком, с зубцами и без них — рис. 3, 5—7), которые И. Загорска считает наконечниками рыболовных копий [Zagorska, 1974, p. 28, 29]. Длина наконечников 15—30 см, в некоторых случаях меньше.

13 — из Кунда и Сиймусааре известно несколько наконечников без черешка с сегментовидным поперечным сечением и с очень мелкими одно- и двусторонними зубцами. Длина таких наконечников около 20 см.

Таким образом, наконечники рыболовных острог в своем большинстве происходят из памятников бореального периода. В атлантическое время их число уменьшается, в неолите они становятся более массивными и крупными.

Наконечников гарпунов значительно меньше, чем наконечников острог, их найдено всего около 60 экз. Они встречаются в памятниках всех периодов. Можно выделить несколько типов.

1 — наконечники, похожие на наконечники острог 4-го типа, т. е. с большими, редко расположенными зубцами (рис. 4, 2, 5). Длина таких

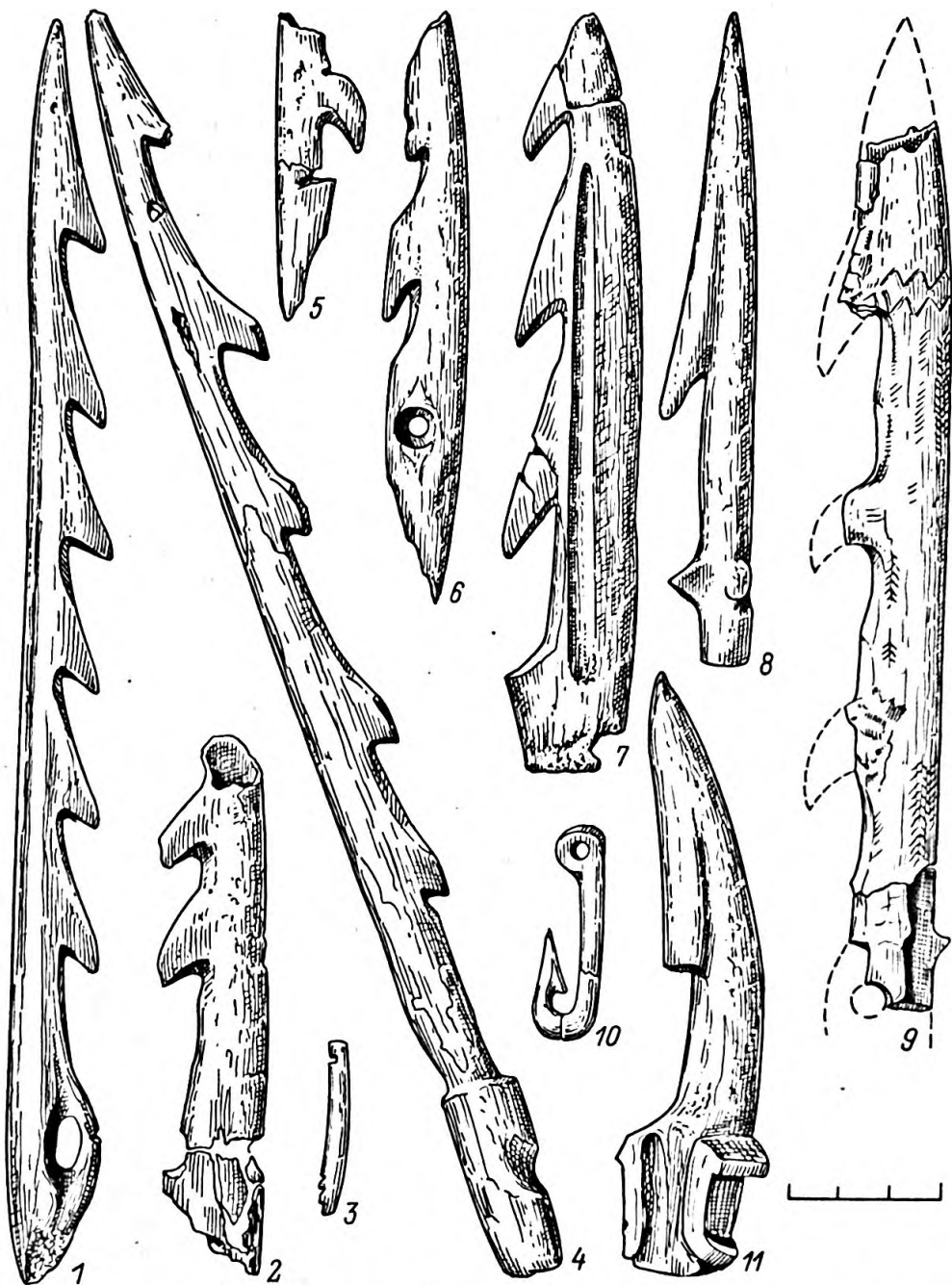

Рис. 4. Орудия рыболовства и морского промысла каменного века (1—7, 9, 10) и раннего металла (8, 11).

1, 2, 4—9, 11 — наконечники гарпунов; 3, 10 — рыболовные крючки.

1 — Вагула; 2, 3 — Пулли; 4 — Вилла; 5 — Кунда; 6, 10 — Тамула; 7 — Кынну; 8, 11 — Асва;
9 — Нарва.

наконечников 6—20 см. Некоторые наконечники данного типа имеют двусторонний желобок для крепления веревки, другие — глубокую одностороннюю зазубрину четырехугольной формы. Есть наконечники гарпунов с зубцом на тыльной части с противоположным направлением (рис. 3, 8). Особо следует отметить наконечник с клювовидными зубцами, найденный в Нарве (I мезолитический слой, рис. 4, 9). Данный наконечник имеет для крепления веревки овальное отверстие в расширенной тыльной части. Наконечник орнаментирован мотивами ромба и елки. Остальные наконечники данного типа распределяются между памятниками мезолита (Кунда, II и III мезолитические слои нарвской стоянки) и неолита (Вилла).

2 — наконечники гарпунов, похожие на наконечники острог 5-го типа. Они имеют большие, близко расположенные треугольные зубцы правильной формы. Длина их, как правило, 12—27 см. Можно выделить три подтипа: а) наконечники с глубокой односторонней зазубриной четырехугольной формы для крепления шнура к тыльной части (рис. 3, 9) встречаются в памятниках мезолита — Кунда и раннего неолита — Нарва-Рийгикюла I [Гурина, 1967, рис. 90, 6]; б) наконечники с овальным отверстием в тыльной части (рис. 4, 1) найдены в памятниках мезолита — Кунда и неолита — Нарва-Рийгикюла I и III [Там же, рис. 90, 9], Акали и Тамула [Там же, рис. 25, 6]; в) наконечники с сильно утолщенной тыльной частью (рис. 4, 4) связаны исключительно с поселениями неолита — Кяэпа, Нарва-Рийгикюла I [Там же, рис. 90, 1], Акали, Вилла и Наакамяэ.

3 — наконечники гарпунов с малым числом больших треугольных зубцов. Можно выделить два варианта: а) наконечники с овальным отверстием и б) наконечники с односторонним желобком для крепления веревки в тыльной части. Наконечники гарпунов данного типа представлены хотя и крупными, но все-таки только фрагментами. Встречаются они в памятниках раннего — Кынну, Кяэпа, Нарва-Рийгикюла I [Там же, рис. 90, 7, 8] и позднего неолита — Тамула.

4 — массивные наконечники с крупными зубцами. Длина наконечников этого типа, как правило, 9—20 см. Встречаются два подтипа: а) наконечники с массивными зубцами четырехугольной формы, с овальным отверстием в тыльной части (рис. 4, 6) встречаются в поселениях раннего, развитого и позднего неолита — Кяэпа, Кудрукюла, Акали и Тамула; б) наконечники с треугольными зубцами и с расширенной со стороны зубцов тыльной частью (рис. 4, 7) представлены двумя наконечниками из ранне-неолитической стоянки Кынну.

5 — наконечник из Кунда с одним зубцом и асимметричной, резко утолщенной со стороны зубца тыльной частью (рис. 5, 1). Длина наконечника 15,7 см.

6 — наконечники с одним широким зубцом, крепившиеся к древку при помощи втулки (рис. 4, 11). Длина около 15 см. Такие наконечники известны только из укрепленных поселений эпохи раннего металла — Асва и Иру.

7 — наконечники гарпунов несколько меньших размеров, стройные, с острым зубцом и с двумя выступами в тыльной части для крепления веревки (рис. 4, 8). Длина около 15 см. Наконечники этого типа известны пока только из укрепленного поселения Асва.

Гарпунами 5-го и 6-го типов, по всей видимости, били тюленей и, возможно, охотились на бобра. Для охоты на тюленей и бобра пользовались,

вероятно, и наконечником из Кунда с двумя односторонними зубцами и пазом для вкладышей на противоположной стороне [Indreko, 1948, fig. 62, 1]. В остальном этот наконечник очень близок наконечникам 5-го типа.

Итак, наконечники гарпунов в более поздние периоды каменного века тоже становились массивными. Уменьшилось число зубцов. Для некоторых целей, например для охоты на тюленей, видимо, выработали специальные типы гарпунов.

Почти все рыболовные крючки каменного века Эстонии найдены на поселениях эпохи неолита. Исключение составляют лишь стержень составного крючка из Пулли (рис. 4, 3) и тонкий рыболовный крючок из II мезолитического слоя нарвской стоянки (рис. 3, 10). Длина его 6 см. Возможно, что рыболовным крючком служило и другое, более массивное изделие, фрагмент которого найден в III мезолитическом слое той же стоянки (рис. 5, 2).

Фрагмент почти такого же тонкого крючка, как во II мезолитическом слое Нарвы, найден и на поселении Нарва-Рийгикюла I [Гурина, 1967, рис. 90, 19]. Плоские рыболовные крючки, вырезанные целиком из одного куска костяной пластины или кабаньего клыка, найдены на поселении позднего неолита Тамула (рис. 4, 10). Длина их около 4 см. На р. Пярну найден ряд цельных рыболовных крючков, стержни которых имеют утолщение в средней части (рис. 5, 10, 11). Длина их 4—5 см. Стержни некоторых экземпляров украшены ямками. Для крепления к шнуру у одних крючков в тыльной части имелось круглое отверстие, у других — нарез. Рыболовные крючки из р. Пярну не датированы. Все-таки можно предположить, что они относятся к неолиту, так как на поселении развитого неолита Валма найден ряд стержней рыболовных крючков, которые по форме очень напоминают пярнуские.

Остальные рыболовные крючки составные. Бородки от них можно разделить на плоские, с одним (рис. 3, 11) или несколькими (12) зубцами, и тонкие, с округлым или четырехугольным поперечным сечением (рис. 5, 3—5). Первые более характерны для позднего — Тамула, Наакамяэ, последние — для раннего неолита — Кяэпа, Кудрукюла, хотя бородки рыболовных крючков первой группы встречаются, например, в вещественном материале Кяэпа и, наоборот, бородки второй группы известны из поселения Валма.

Что касается стержней, то они тоже бывают плоские, с четырехугольным поперечным сечением и утолщенные в средней части. Самый узкий и тонкий экземпляр из плоских стержней найден на раннемезолитической стоянке Пулли (рис. 4, 3). Остальные найдены в Тамула (рис. 5, 6). Стержни с четырехугольным поперечным сечением представлены в материалах Тамула и Акали: стержни с утолщением в средней части (рис. 5, 7, 8) найдены все на поселении Валма. Многие экземпляры всех трех типов снабжены пазами для крепления бородки. Длина всех частей составных рыболовных крючков Эстонии не превышает 5 см.

Кроме рыболовных крючков из некоторых поселений каменного века Эстонии — Нарва, Кяэпа, Нарва-Рийгикюла I [Гурина, 1967, рис. 90, 15], Акали, Валма и Тамула, известно определенное количество костяных (рис. 5, 12, 13) и каменных (14, 15) предметов, которые, возможно, служили грузиками для удочек.

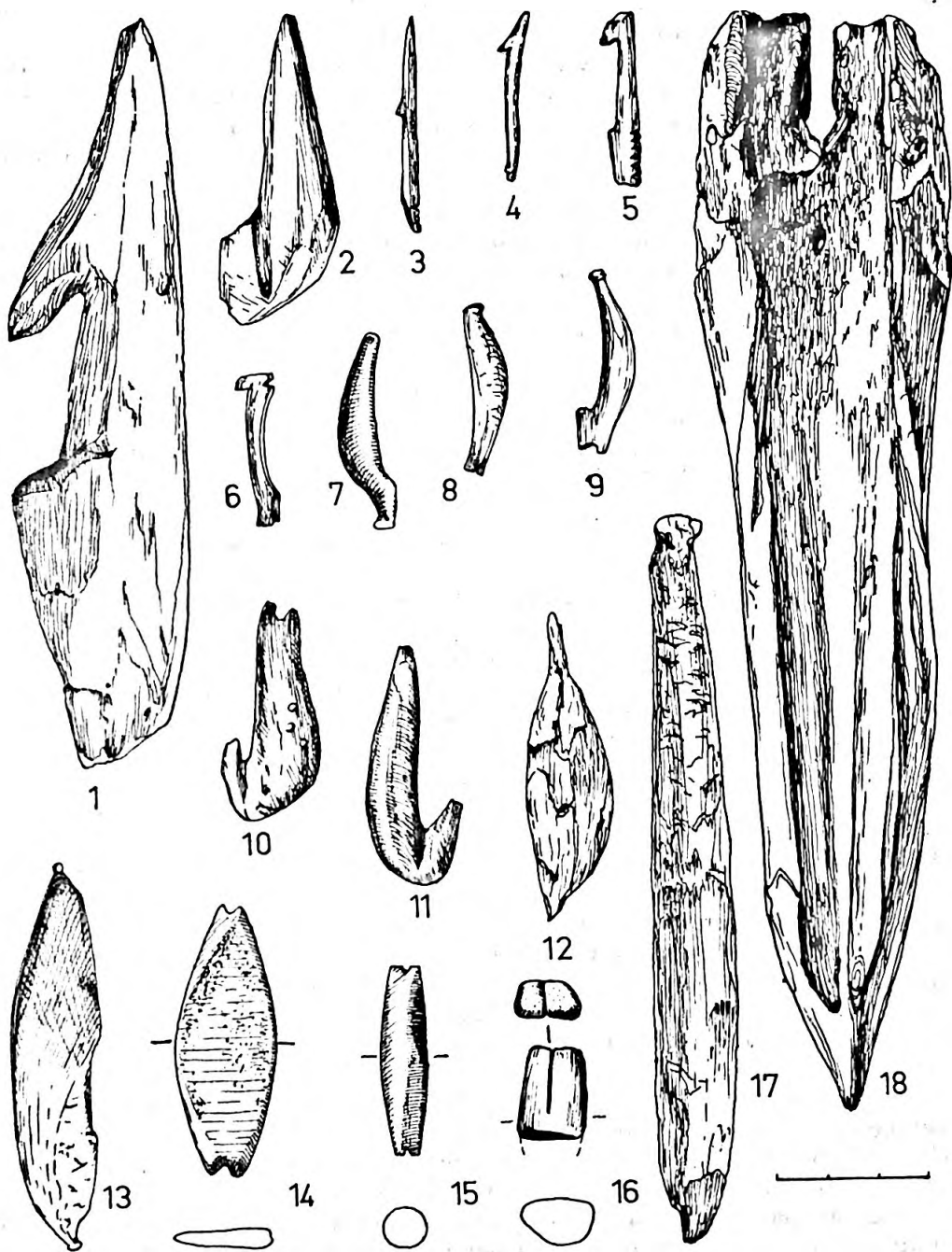

Рис. 5. Орудия рыболовства и морского промысла каменного века.

1 — наконечник гарпуна; 2—11 — рыболовные крючки; 12 — 16 — грузила; 17 — игла для вязания сетей; 18 — пешня. 1, 18 — Кунда; 2 — Нарва; 3 — Кудрукюла; 4 — Кяэпа; 5, 7—9, 14, 15 — Валма; 6 — Тамула; 10, 11 — Пярну; 12, 13, 17 — Акали; 16 — Кулламяги.

Остатки рыболовных сетей на территории Эстонской ССР найдены пока только в Сийвертси на северной окраине г. Нарвы. Место их находки обследовал Р. Индреко в 1931 г. На глубине 3.27—3.40 м, в диатомовых отложениях, были обнаружены остатки веревочной сети из лубяных волокон, поплавок из сосновой коры, грузило из песчаника с желобком, в котором еще сохранились остатки шнура, несколько кусков сосновой коры и камней [Indreko, 1948, S. 90—95]. Место их находки датировано временем перехода от бореального к атлантическому периоду [Ibid., S. 93]. Поплавок из сосновой коры найден также на поселении Акали [Янитс, 1959, с. 202]. Грузила рыболовных сетей найдены, кроме Сийвертси, еще в нескольких местах — Крооди, Кулламяги, Валма, Вилла, укрепленные поселения Асва, Ридала и Иру. Кроодиские грузила (несколько десятков экземпляров) представляют собой плоские гальки из песчаника, на противоположных концах которых сделаны выемки для их привязывания. Грузило из Кулламяги — это обломок палочки из песчаника (рис. 5, 16), имеющей небрежно граненную поверхность. На конце палочки — зарубка, которая продолжается, но менее отчетливо, по обе стороны вдоль противоположных граней палочки. Приблизительно такой же предмет имеется в инвентаре поселения Вилла. На поселении Валма найден плоский камень с двусторонне пробитым отверстием, который представляет собой, видимо, фрагмент грузила для сетей.

В Акали найден предмет из фрагмента трубчатой кости со шлифовкой и небольшими насечками на поверхности (рис. 5, 17), который, может быть, служил иглой для вязания сетей. Там же найдены еще три фрагмента.

Обломки костяных предметов, похожие на вышеописанные, найдены и на некоторых других поселениях, например в Нарва-Рийгикюла I [Гурина, 1967, с. 138, рис. 82, 32—35], но пока остается неясным, имеем ли мы действительно дело с иглами для вязания сетей.

Таким образом, данные археологии свидетельствуют об использовании рыболовных сетей на территории Эстонии начиная по крайней мере с позднего мезолита.

Пешни из расколотых вдоль трубчатых костей крупных животных найдены в большом количестве (свыше 70 экз. вместе с фрагментами) в Кунда. Несколько фрагментов встречены в Кудрукюла и Тамула. Известны и случайные находки. Орудия данной категории массивные (рис. 5, 18), длиной 11—30 см. Встречаются асимметричные экземпляры. Р. Индреко считает вышеописанные пешни орудиями для рубки льда [Indreko, 1948, S. 297, 298].

Наконец, следует упомянуть еще об одной связанной с рыбной ловлей находке. Это — костяной предмет, найденный Н. Н. Гуриной на поселении Нарва-Рийгикюла I, служивший, по ее мнению, рыбкой-приманкой [Гурина, 1967, с. 152, рис. 95, 7; 96, 1].

Мы не располагаем прямыми археологическими данными о средствах водного транспорта каменного века Эстонии. Можно предполагать лишь, что в мезолите и неолите на территории Эстонской ССР пользовались выдолбленными из одного ствола челнами или однодеревками,⁴ а также,

⁴ Это подтверждается некоторыми археологическими находками с соседних территорий. См., например: Ваикина, 1970, с. 92 и след.

наверно, плотами. Зимой ходили на лыжах и, вероятно, пользовались санями.⁵

На основе вышеизложенного можно заключить, что рыболовство и морской промысел занимали заметное место в хозяйстве уже первых обитателей современной территории Эстонии. Об этом свидетельствуют находки наконечника гарпуна и стержня составного рыболовного крючка, а также ихтиологический материал из Пулли. В бореальный период число находок, связанных с рыболовством, резко увеличивается. Большинство из них — это наконечники рыболовных острог. В ихтиологическом материале встречаются почти исключительно кости крупных рыб (см. таблицу), которых, разумеется, было удобно бить острогами. Одновременно охотились и на тюленей. Несмотря на это, удельный вес морского промысла в хозяйстве бореального периода, видимо, был невелик. Все известные нам стоянки связаны с внутренними водоемами. К тому же число тюленьих костей в Кунда невелико (около 1 %) [Паавер, 1965, с. 353], а на других стоянках бореального времени на территории Эстонии они отсутствуют вовсе.

Самое позднее в конце бореального—начале атлантического периода на территории Эстонии вошли в употребление рыболовные сети. Об этом свидетельствуют находки в Сийвертси. В археологических памятниках атлантического периода резко уменьшается число наконечников рыболовных острог. Появляются рыболовные крючки, которые не встречены в стоянках бореального периода.⁶ В остеологическом материале несколько увеличивается удельный вес костей тюленя [Паавер, 1965, с. 356].

В конце мезолита—раннем неолите, видимо, было заселено морское побережье. Многие стоянки названного периода явно связаны с морем — Кынну, Нарва-Рийгикюла I и III, Крооди. У моря находилась и открытая в 1981 г. стоянка на п-ове Кыпу, предварительно датированная поздним неолитом [Lõugas, 1981]. В раннем неолите в остеологическом материале резко возрастает удельный вес костей тюленя. Так, например, на стоянках Нарва-Рийгикюла они составляют до 25 % всего костного материала [Паавер, 1965, с. 356]. В Нарва-Рийгикюла I и III охотились иногда и на китов. Все это говорит о возрастающей роли морского промысла в раннем неолите. Что касается рыбной ловли, то увеличившееся число рыболовных крючков в археологическом материале указывает на более широкое применение данного способа ловли по сравнению с предыдущим периодом.

Как было указано выше, в развитом и позднем неолите видовой состав добываемой рыбы значительно расширился. Стали ловить и мелкую рыбу. Это, видимо, было результатом более широкого применения рыболовных сетей. Число костяных рыболовных крючков в вещественном материале еще более увеличивается и достигает наивысшего уровня для всего каменного века Эстонии. В остеологическом материале прибрежных поселений резко возрастает число костей тюленей, да и костей рыб найдено больше. Так, например, в развитом неолите 933 и в позднем — 7029 костей тюленей

⁵ См., например, о находках лыж и остатков саней в каменном веке на территории Финляндии: Luho, 1948, S. 147; 148; Itkonen, 1932, s. 50—63; Aalto, Taavitsainen, Vuorela, 1981, s. 41—65.

⁶ В бореальном периоде рыболовными крючками, видимо, также пользовались, о чем свидетельствуют находки стержневой части составного крючка из стоянки пребореального времени — Пулли.

(общее число костей млекопитающих соответственно 1290 и 7676 [Паавер, 1965, с. 439—440]). Следовательно, удельная масса костей тюленей на приморских стоянках соответственно 72 и 91 %. Кроме того, в Наакамяэ найдено определенное количество костей морской свиньи [Там же]. Все это указывает на ведущее положение морского промысла в хозяйстве названных прибрежных поселений.

Судить о роли рыбной ловли труднее, потому что рыбные кости, как правило, сохраняются хуже. Несмотря на это, на некоторых поселениях позднего неолита, например в Лоона, найдено значительное количество рыбных костей (см. таблицу), среди них кости трески составляют около 95 %. Значит, рыбная ловля в Лоона тоже превратилась в какой-то степени в промысел.

В период раннего металла прибрежное население Эстонии продолжает заниматься рыбной ловлей и морским промыслом. Появляется даже специальный тип гарпунов, предназначенный для охоты на тюленей (рис. 4, 11). Несмотря на это, удельный вес рыболовства и морского промысла резко падает, что связано с утверждением новых видов хозяйства — скотоводства и земледелия. Например, в костяном материале укрепленных поселений Асва и Ридала остатки домашних животных составляют до 80 % всех костяных остатков млекопитающих [Паавер, 1965, с. 365]. Но тюлени остались самым важным объектом охоты — их остатки составляют до 88 % костей диких животных, найденных в Асва и Ридала [Там же].

Таким образом, археологические данные говорят о том, что рыболовство и морской промысел имели на территории Эстонии важное хозяйственное значение в течение всего каменного века и в эпоху раннего металла. Но ведущую роль они играли только в хозяйстве некоторых прибрежных поселений позднего неолита. До этого, в мезолите, раннем и развитом неолите, они имели второстепенное значение в хозяйственной жизни, в то время как первое место, несомненно, занимала охота на лесных зверей. Позднее, в период раннего металла, рыбная ловля и охота на морских зверей находились в хозяйстве прибрежного населения Эстонии, видимо, уже на третьем месте после новых отраслей хозяйства — скотоводства и земледелия.

РЫБОЛОВСТВО И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ В КАМЕННОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ

В Латвии на протяжении всего каменного века в экономике населения доминировали охота, рыболовство и собирательство. Среди упомянутых отраслей рыболовство занимало особо важное место. Древнейшие данные о рыболовстве получены уже с эпохи мезолита (VIII—V до н. э.), но особенно обширный материал дают памятники эпохи неолита (IV—начало II тыс. до н. э.).

Поселения в основном сконцентрированы на берегах притоков крупных рек и небольших речек. Находки роговых и костяных орудий обнаружены на заросших водоемах (на болотах Пантене, в Северной Плоче в Западной Латвии). Около когда-то широкого, соединенного с морем, но теперь почти заросшего водоема расположена торфяниковая стоянка Сарнате, давшая много уникальных находок древнего лова [Ванкина, 1970]. Рыболовные орудия обнаружены на берегах озер Лубанас и Б. Лудзас в Восточной Латвии и Буртниеку и Лубанас — в Северной.

Об ихтиофауне каменного века свидетельствует костяной материал, полученный при археологических раскопках поселений.

В пребореальном периоде (первый слой стоянки Звейниеки II) в р. Руя и оз. Буртниеку чаще всего ловили щук, длиной от 40 до 145 см, из других видов рыб — лещей, линей, голавлей, окуней, длина которых в основном 40—50 см (окуни небольших размеров — от 20 до 40 см). Их масса 0.45—4 кг. Всего известно 13 видов рыб.

В бореальном периоде (второй и третий слой стоянки Звейниеки II, раскопки Ф. Загорскиса) в озере и реке ловили щук, окуней, лещей, линей, сомов, жерехов, судаков, налимов, плотву, голавлей, густеру. Встречается также угорь и лосось. В уловах доминирует большая по размеру рыба: сомы длиной до 250 см, щуки — до 175 см, лини до 80 см, судаки до 86 см, лещи — 60 см, окуни длиной от 6 до 50 см. Масса рыб колеблется от 0.02 до 12 кг.¹ Во время атлантического климатического периода жители стоянки Оса (раскопки Ф. Загорскиса) в небольшой речке и ее притоках ловили главным образом щук. Большинство особей было больших размеров — длиной до 130 см и массой 18 кг, возрастом 9, 10 и даже 13 лет. Ловили также судаков, линей, карасей, окуней, синцов, красноперок, сомов, причем возраст некоторых из них достигал 19 лет. О рыбных ресурсах начала суббо-

¹ Определение произведено канд. биол. наук Я. Слока (Рига).

реального климатического периода свидетельствуют материалы стоянок Звейсалас (раскопки И. Лозе), Пиестиня и Ича (раскопки Ф. Загорскиса). Все эти стоянки расположены на берегах небольших рек в бассейне оз. Лубанас. Первое место в уловах по-прежнему занимает щука, длина ее от 30 до 130 см, масса от 0.2 до 18 кг, часто встречаются многолетние экземпляры. Судачки были почти таких же размеров, но количество их в уловах значительно меньше. Окунь небольшие — от 20 до 30 см длиной и массой в среднем 0.1—0.7 кг. Ловили также линей, густеру, лещей, красноперок, голавлей. Все рыбы в основном средних размеров до 40 см длиной и массой до 2 кг. Сомы были больших размеров — до 145 см длиной и многолетние.

С серединой суббореального климатического периода совпадает заключительный период каменного века. Палеоихтиологический материал с поселений позднего неолита исключительно богат. Особо надо отметить поселение Абора I (раскопки И. Лозе), где возле очагов на значительной площади вскрыты целые скопления костей рыб в виде сплошного слоя. Первое место в улове занимали окуни, в основном небольших размеров — длиной 5—40 см, массой от 0.2 до 2 кг. Ловили также плотву, голавлей, язей, красноперок, густеру, карасей, судаков, сомов, щук. Всего найдено 14 различных видов рыб. Некоторые щуки были больших размеров, массой до 12 кг и возрастом от 6 до 15 лет. Отдельные судачки весили 10—12 кг, и возраст их был от 6 до 15 лет. Среди сомов встречаются экземпляры возрастом от 5 до 20 лет. Длина сомов превышала 1 м, а один из них был даже длиной 2.45 м. В культурном слое других поселений позднего неолита — Эйни, Лагажа (раскопки И. Лозе) — были найдены костные остатки главным образом крупных рыб — щуки, сома, судака, леща, карася, окуня.

Таким образом, судя по палеоихтиологическому материалу, интенсивной рыбной ловлей занимались уже с начала мезолита включая конец неолита. Уловы были богатыми. В основном ловили рыб больших размеров, имевших значительный возраст (щука, сом). Примерно такая же картина наблюдается в неолите, когда в уловах тоже доминируют крупные рыбы, хотя ловили и мелкую, что указывает, как полагают специалисты, на применение более разнообразных рыболовных снастей. Очевидно, рыба была одним из главных источников питания. Судя по видам, рыбу ловили на озерах, в текучих речках и в стоячих водах.

На приморских стоянках найдены также кости тюленей. В Сарнате примерно половину всех костей составляют остатки кольчатой нерпы (*Phoca hispida*), много костей и в Силиньупе. Кольчатая нерпа в Балтийском бассейне является самым распространенным видом и встречается здесь как на стоянках мезолита, так и в неолите. На стоянке Риннюкалис представлен менее распространенный вид — так называемый гренландский тюлень (*Phoca groenlandica*). На тюленя охотились главным образом в море, но он мог иногда и заплывать в воды, общающиеся с морем, как например древнее Сарнатское озеро.

В материалах каменного века Латвии представлены разные орудия, связанные с рыболовством и морским промыслом: индивидуального способа лова — костяные гарпуны, копья, стрелы и крючки и орудия коллективные — остатки сетей, верши, грузила и поплавки от сетей, а также транспортные средства — весла и фрагментарные лодки.

Костяные и роговые гарпуны (рис. 1) использовались главным образом при ловле крупной рыбы и в морском промысле. Из всех 150 гарпунов, найденных на территории Латвии, к морскому промыслу можно отнести лишь те, которые найдены на приморских стоянках (Сарнате, Силиньупе) и на поселениях, связанных с морем (Риннюкалнс). Среди этих гарпунов различаются три типа.

1-й тип (рис. 1, 1, 2, 5) — довольно массивные сильно уплощенные гарпуны длиной 12—19 см. По одному краю вырезаны два больших удлиненных зубца. В основании — отверстие или зарубки с обеих сторон. Такие гарпуны найдены в Риннюкалнс (5), Силиньупе (2) и как случайная находка на Рижском взморье (1).

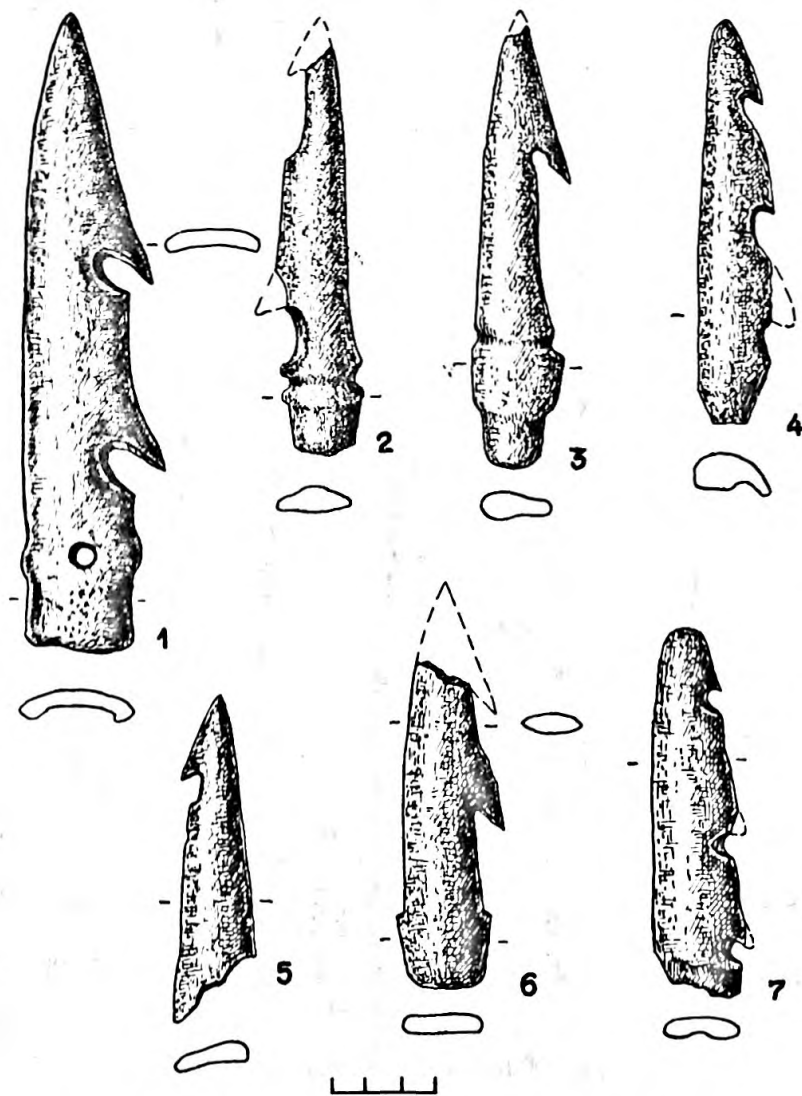

Рис. 1. Костяные и роговые гарпуны.

1 — Рижское взморье; 2 — Силиньупе; 3, 5, 6 — Риннюкалнс; 4, 7 — Сарнате.

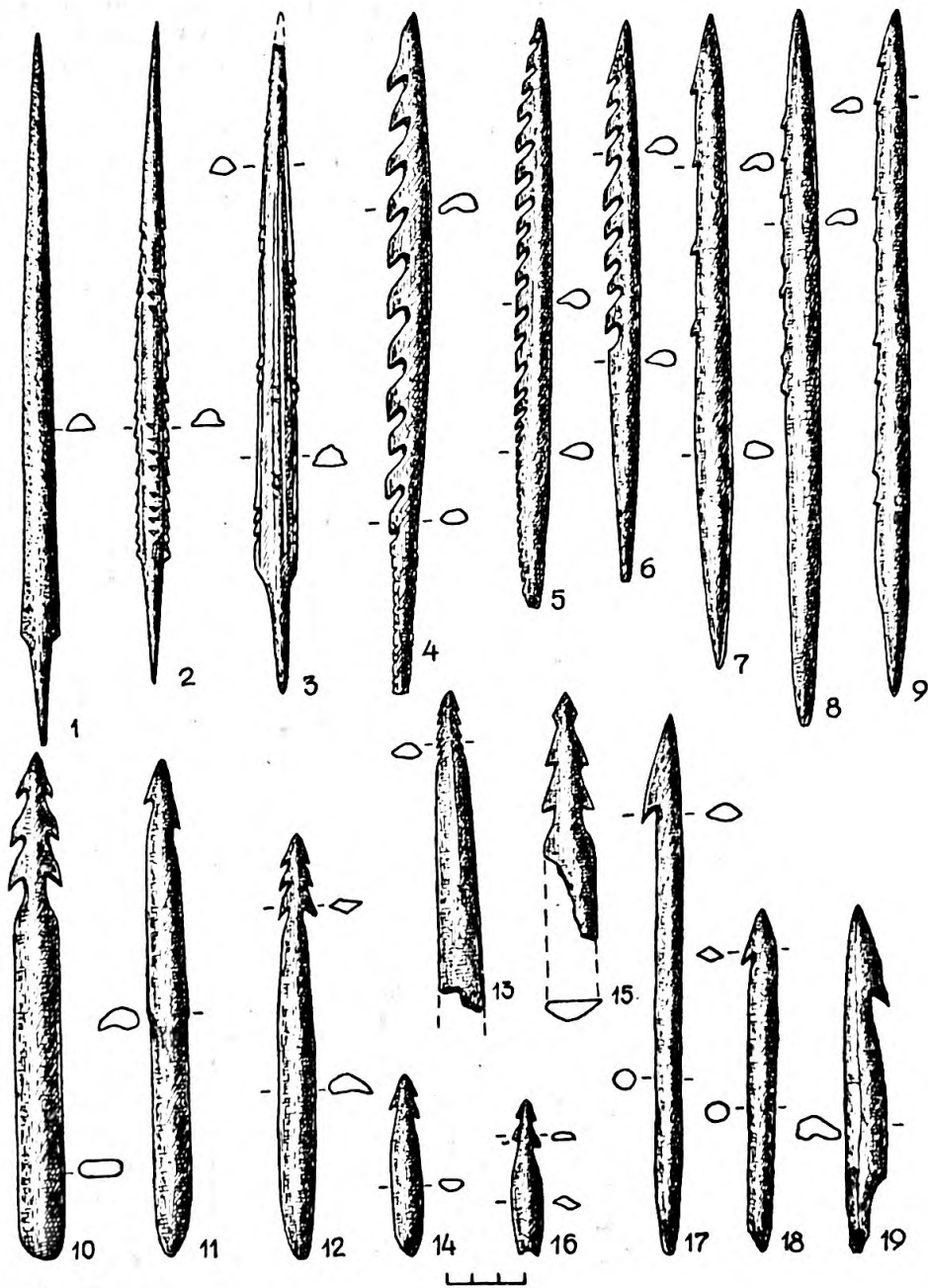
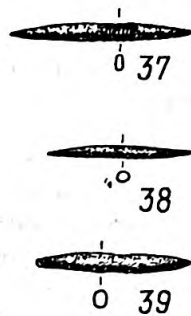
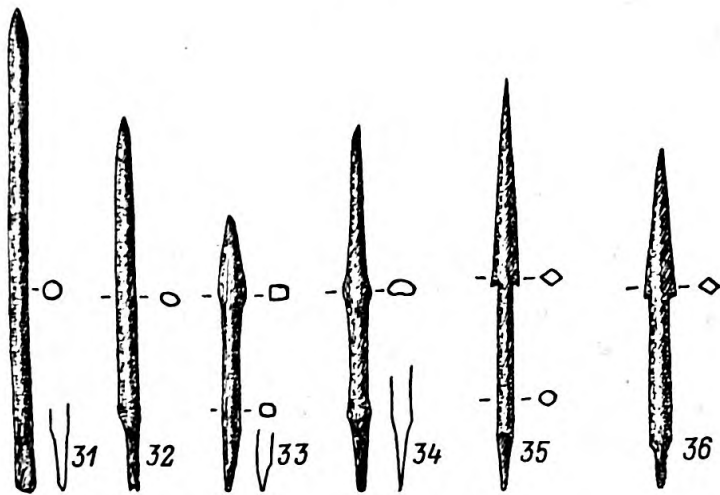
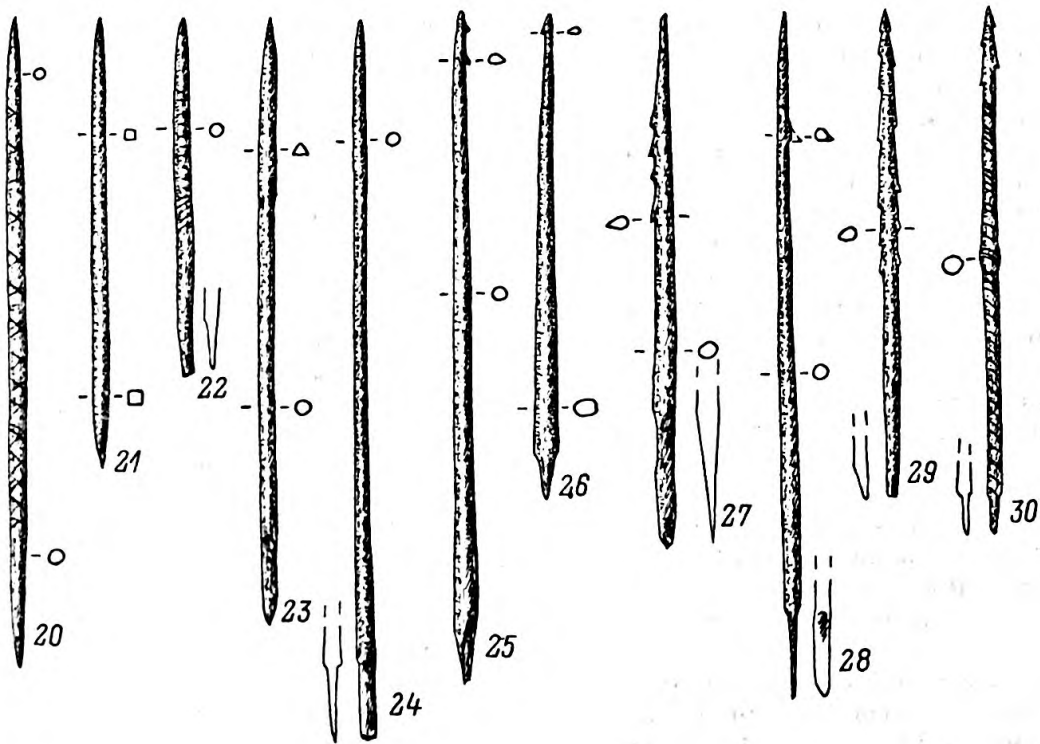

Рис. 2. Костяные орудия (с. 42—43).

1—19 — копья, 20—37 — наконечники стрел, 38—40 — жерлицы. 1—13, 17, 20—37, 40 — оз. Лубанас;
 14, 15 — Риннюкалс;
 18 — Оса; 16—19 — Абора I; 38, 39 — оз. Б. Лудзас.

2-й тип (рис. 1, 3, 6) — несколько гарпунов средней величины, длиной 12—13 см, с одним или двумя изогнутыми зубцами по одному краю. Основание имеет специальное расширение или оно лопатовидное. Поперечное сечение ствола — овальное, а у основания — прямоугольное. Эти гарпуны найдены в Риннюкалнс.

3-й тип (рис. 1, 4, 7) — гарпуны с частыми, односторонними зубцами, найденные на стоянке Сарнате. Оба гарпуна фрагментарны. Они массивны, с тупыми концами и короткими зубцами. У одного гарпуна сохранились три слегка выгнутых зубца (4), а у другого зубцы вытянутые и образованы при помощи округлых сверлин (7). Черешковые части отсутствуют, но, судя по аналогичным находкам, они могли быть широкие, уплощенные, с отверстиями для привязывания к древку. Один из гарпунов (4) был обнаружен рядом с тюленьими костями в жилище «Т». Л. Ванкина предполагает, что при охоте на тюленей употреблялись оба сарнатских гарпуна.

Сарнатские гарпуны относятся к первой половине неолита, а другие односторонние и двусторонние гарпуны связаны со второй половиной и концом неолита. Похожие короткие гарпуны с двумя зубцами и более длинные гарпуны с частыми односторонними зубцами известны по всему бассейну Балтийского моря. Они найдены по обоим берегам Ботнического залива, на островах и в прибрежной полосе Швеции, в Норвегии и Дании, часто встречаются вместе с остатками тюленей, и исследователи их связывают с охотой на этого зверя.

С помощью гарпунов тюленей, очевидно, только ранили и утомляли, а смертельный удар наносился специальным копьем, как это делается еще и сегодня при охоте на китов.

С гарпуном на тюленей в Северной Латвии охотились еще во 2-й половине XIX в. Обычно рыбаки выходили на охоту зимой, когда море замерзало. С собой они брали сани и специальную «тюленевую» лодку, теплую одежду, белые покрывала, мягкую обувь. На охоту отправлялись небольшими группами. Если не удавалось застать тюленей на льдинах, их ловили в прорубях. Гарпун был крепким, с двусторонними зубцами, прикрепленный к деревянному древку, веревка длиной 24 м. Особенно много тюленей водилось в Ирбенском проливе (Северная Курземе) и в Рижском заливе. Тюленей ценили из-за мяса, жира и толстой кожи. Из кожи делали для детей обувь, которая была теплая и прочная. Старые рыбаки вспоминают, что дети бегали по комнате и тюленьи когти так и поскрипывали. Тюленевую кожу использовали также для ковров, как покрывала для саней и т. д.

Распространенным видом рыболовства в каменном веке являлось битье рыб при помощи рыболовного копья или остроги. При этом одно или несколько зубчатых острий неподвижно укреплялись на длинном деревянном древке. В Латвии найдено около 500 экз. таких костяных острий. Они обнаружены на стоянках мезолита и неолита (Звейниеки II, Оса, Риннюкалнс, Абора I), а также как случайные находки по всей территории республики. Исходя из формы зубцов и поперечного сечения, копья делятся на пять типов (рис. 2).

1-й тип (рис. 2, 1—3) — стройные копья с выделенным черешком и треугольным поперечным сечением — так называемый лубанский тип (13-й тип по Кларку). Длина их 20—30 см. Боковые ребра гладкие, зубча-

тые или частично зубчатые. В некоторых случаях короткими нарезками орнаментировано и среднее ребро орудия. У отдельных орудий боковые края острые, тонкие, они как бы напоминают края копий с кремневыми вкладышами в пазах. Некоторые из этих орудий короче, длиной 12—17 см, с овальным или ромбовидным поперечным сечением. В Латвии известно 90 копий лубанского типа, найденных на оз. Лубанас, Б. Лудзас, в Двиете,

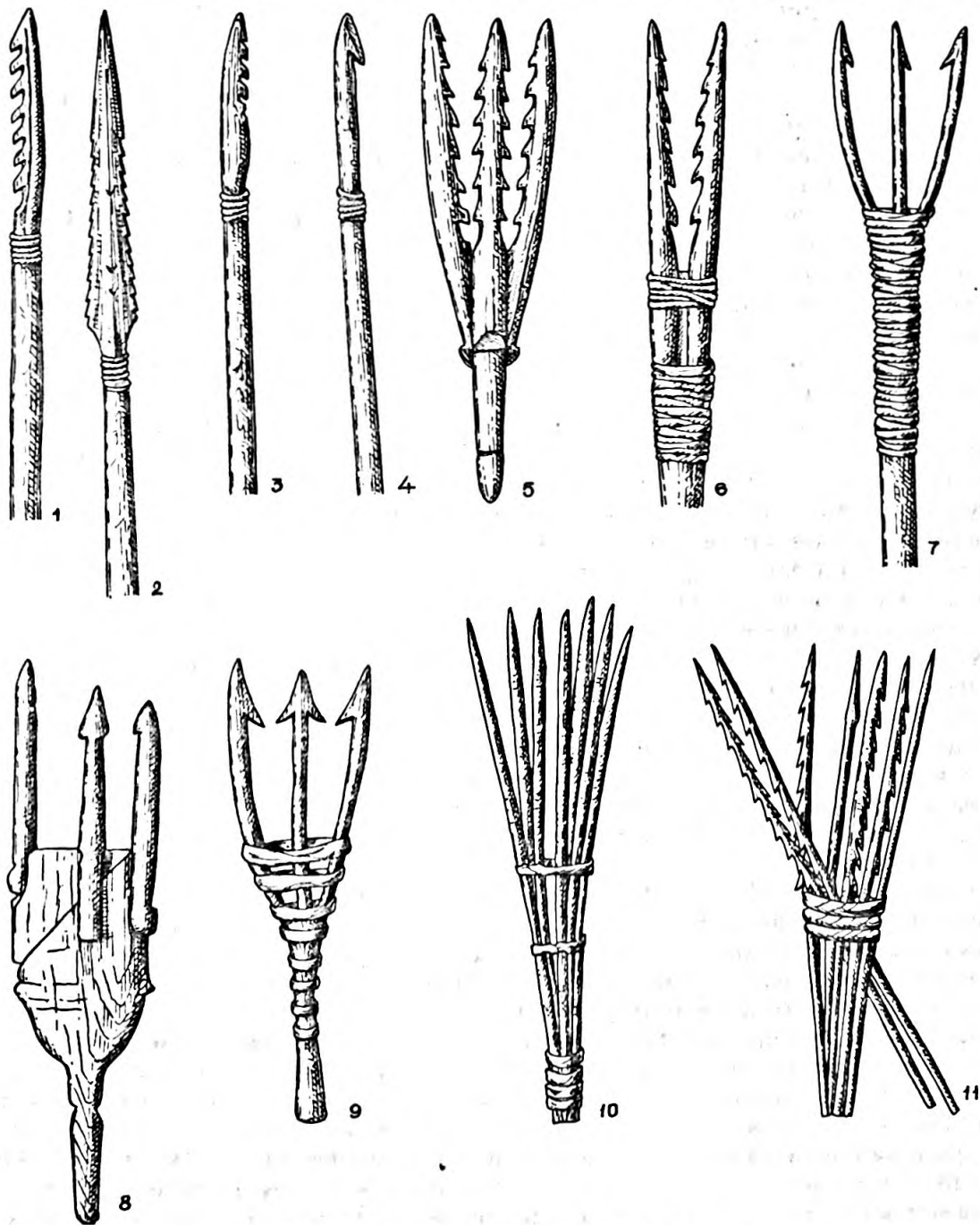

Рис. 3. Наконечники копий и остроги.

на стоянках Звейниекы II и Звидзе (раскопки И. Лозе). Копья лубанского типа главным образом датируются ранним и средним мезолитом, но иногда встречаются еще в начале неолита (Оса). Использовалось такое копьё (рис. 3, 2) для битья крупных рыб (щуки и др.), как об этом свидетельствуют их находки на болоте Кунда и в других местах в Восточной Прибалтике.

2-й тип (рис. 2, 4—6). Самыми распространенными являются стройные копьё с клювообразными зубцами, плотно расположенными по одному краю, — так называемый кундский тип. Длина их 15—30 см, сечение грушевидное. Насад покрыт короткими нарезками или гладкий. Копья этого типа очень разнообразны, иногда расположены группами, с большими промежутками. У некоторых копий на стороне врезан паз для кремневых вкладышей. Имеются экземпляры с противоположно направленными зубцами. Копий кундского типа всего 313 экз., найдены они случайно на оз. Лубанас, в Б. Лудзас, Двиете, около оз. Лубас и Усмас в Западной Латвии. На стоянке Звейниекы II этот вид доминирует — из 260 найденных здесь копий 216 кундского типа (рис. 3, 13). Кости рыб, обнаруженные на этой стоянке, в основном принадлежат щуке. Судя по находкам из Звейниекы II, все эти рыболовные копьё с плотно расположенными клювообразными зубцами можно отнести к бореальному периоду, т. е. к среднему мезолиту.

3-й тип (рис. 2, 7—9) — копьё с тупыми и редко расположенными по одному краю зубцами. Длина их в среднем 18—28 см, вершина короткая и крепкая, а насад длинный и гладкий, поперечное сечение каплевидное. Зубцы бывают большие, средней величины или маленькие. Характерным является расщепление зубцов, когда их число как бы удваивается. Зубцы расположены равномерно по всему краю орудия (7, 8) или сгруппированы по 2—3 (9). Копья с тупыми зубцами, около 60 экз., найдены как случайные находки на оз. Лубанас, Б. Лудзас и в Двиете, в силу чего датировать их трудно. Не исключено, что они относятся как к мезолиту, так и к неолиту. О том, что в качестве рыболовных копий применялись острия с тупыми зубцами, по мнению Г. Кларка, свидетельствуют находки большого количества подобных наконечников на поселении Стар-Карр в Англии. Эскимосы Северной Америки и Гренландии для ловли рыбы (лосося) использовали похожие деревянные острия с редкими тупыми зубцами. Они крепили их по два-три острия вместе зубчатыми сторонами вовнутрь (рис. 3, 5, 6).

4-й тип (рис. 2, 10—16) — острия с гладким уплощенным стержнем и двусторонними зубцами на вершине. Они бывают как большими массивными, так и маленькими, изящными. Длина их 6—20 см. Зубцы на вершине могут быть: нерегулярны (13) или они регулярны, расположены симметрично (10, 15, 16) или асимметрично (11). Обычно на вершине копьё врезаны 2—3 зубца на каждой стороне. Поперечное сечение ствола — неправильный, уплощенный прямоугольник. Насад уплощен с обеих сторон. Эти копьё (26 экз.) найдены случайно на оз. Лубанас и на стоянках Силиньупе, Кауленкалнс, Ринюкалнс, Лейманишки и Абора I. Судя по этим находкам, копьё с зубцами на вершине главным образом относятся к концу среднего и к позднему неолиту. Зачатки же этой формы копий прослеживаются в позднем мезолите (II слой стоянки Нарва в Эстонии). Наиболее массивные и крепкие орудия этого типа несомненно являются наконечниками

копий, применяемыми, вероятно, в рыболовстве. По этнографическим данным острия с двусторонними зубцами часто употреблялись как средние части в острогах (рис. 3, 5, 9). На территории Латвии еще в XIX и начале XX в. использовали веерообразные остроги, которые имели острия с двусторонними зубцами на вершине.

5-й тип (рис. 2, 17—19) — наконечники (11 экз.) с одним коротким зубцом на вершине. Длина их 10—14 см. Насад уплощен с обеих сторон. Поперечное сечение овальное, ромбовидное или треугольное. Найдены они на оз. Лубанас, в Двиете, в ранне-неолитическом слое стоянки Оса. К этому типу относятся и некоторые более массивные орудия с одним крепким зубцом и долотовидным острием, встреченные на оз. Лубанас и стоянке Абора I, датируемые поздним неолитом (19). Возможно, что эти копыя употреблялись уже в мезолите, но, судя по находкам, они главным образом характерны для неолита. Копья с коротким зубцом на вершине в неолите представляют собой широко известную форму — от Дании на западе и до Урала на востоке. Использовались они как составные части остроги (рис. 3, 7—9). На древко можно было насадить и одно лишь однозубчатое острие (рис. 3, 4). Еще во 2-й половине XIX в. на Курземском взморье встречалось орудие — железное острие длиной 25 см, укрепленное на древке длиной 2 м, с одним зубцом на конце. Такое орудие применяли для ловли камбалы в солнечную погоду, причем рыболов мог брести или идти на плоскодонке вдоль берега моря. Следовательно, этот однозубчатый тип копыя самый простой, он пережил все другие формы и сохранился вплоть до недавнего прошлого.

По данным латышского этнографического материала, к рыболовному копыю, а также и к остроге прикрепляли длинный шнур, чтобы при ловле не потерять орудие. Опытные рыболовы иногда метали острогу как копьё, таким образом настигая рыбу на большой глубине. Но обычно острогами пользовались в лагунах, в мелких заливах озер, на реках и их притоках, на затопленных лугах весной и поздней осенью. Острогой били крупных рыб — щук, линя, леща, судака, налима. Зимой распространена была ловля в проруби. Так, в оз. Бабитес острогой били угрей, находившихся в зимней спячке на дне.

В рыбной ловле применялся также лук со стрелами. Самые пригодные для этой цели были костяные игловидные наконечники стрел — тонкие, гладкие, хорошо рассекающие воду (рис. 2, 20—37). Эти наконечники имеют острую вершину и по-разному оформленный насад. Ствол у наконечников гладкий, с разными утолщениями, с односторонними или двусторонними шипами. В большом количестве (540 экз.) они найдены случайно на оз. Лубанас, Б. Лудзас, в Двиете и Ича, а также на стоянках. Довольно трудно установить, какие именно формы игловидных стрел использовались при ловле рыб, но, как свидетельствует этнографический материал, это могли быть гладкие и шиповидные наконечники стрел.

Игловидные наконечники стрел с гладким стволом делятся на несколько типов.

1-й тип (рис. 2, 20—25, 32, 33) — наконечники стрел с гладким, сужающимся к вершине стволом с разнообразно оформленным насадом, с округлым, квадратным, треугольным и многогранным поперечным сечением. Длина наконечников 7—30 см. Иногда их вершина бывает с острыми гранями, а ствол — ровный (24). Часто они богато орнаментированы. Найдены

случайно на оз. Лубанас, Б. Лудзас, в Иче, на стоянках Звейниекы II, Звидзе, Пиестиня, Риннюкалнс, Абора I, Крейчи; судя по этому, использовались на протяжении всего каменного века.

2-й тип (рис. 2, 34) — наконечники стрел с особо выделенной вершиной. Длина их 15—20 см, поперечное сечение круглое или прямоугольное, насад двусторонне уплощен или образует черешок. Такие наконечники найдены только на оз. Лубанас.

3-й тип (рис. 2, 35) — веретенообразные наконечники с расширением в средней части ствола, длиной 6—18 см, поперечное сечение круглое, прямоугольное или сильно уплощенное, насад клиновидный или имеет черешок. Такие стрелы найдены на оз. Лубанас, в Ича, а также на стоянках Звейниекы II и Абора I, что свидетельствует о довольно длительном их применении.

Игловидные наконечники стрел с шипами очень своеобразные. Они делятся на два типа.

1-й тип (рис. 2, 26—29) — наконечники с односторонними шипами, на вершине вырезаны один или несколько шипов, а насады некоторых украшены нарезками. Наконечники стрел с односторонними шипами известны только из подъемного материала оз. Лубанас.

2-й тип (рис. 2, 30, 31, 36, 37) — игловидные наконечники с небольшими симметрично или асимметрично расположенными двусторонними шипами на вершине, насад клиновидный или образует особо выделенный

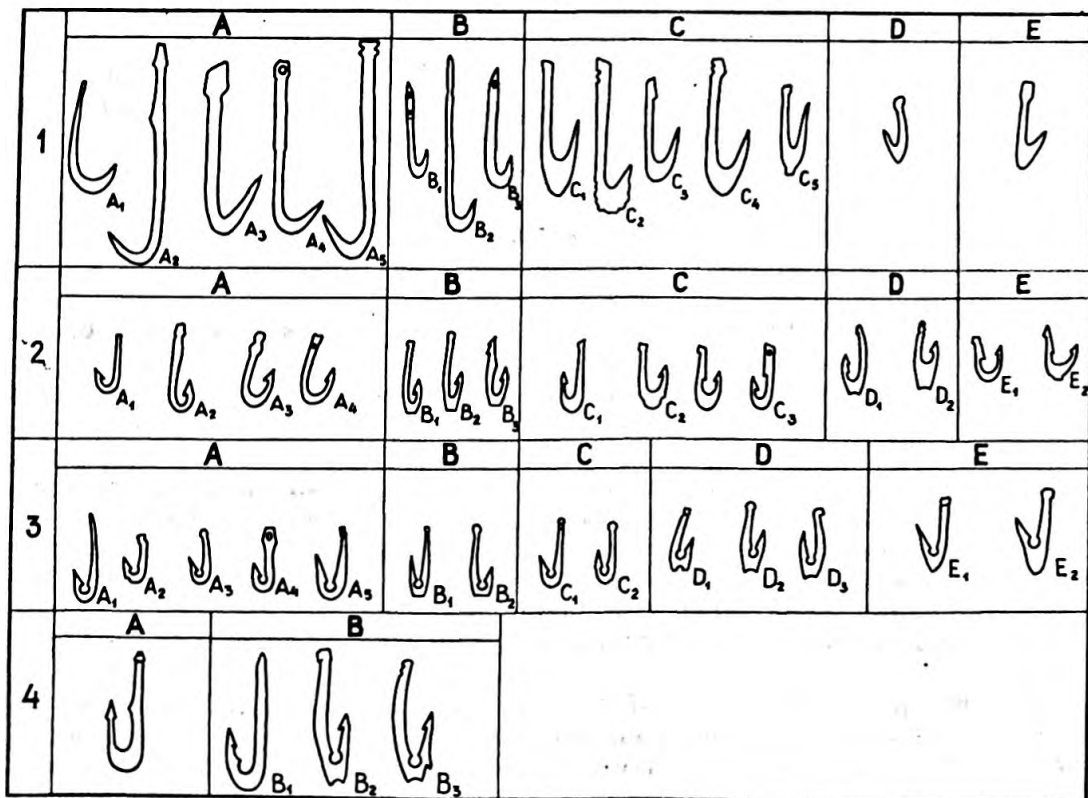

Рис. 4. Основные формы цельных костяных рыболовных крючков в Латвии.

черешок, поперечное сечение круглое или квадратное. Длина их 12—30 см, обычно орнаментированы. Поскольку они найдены только на оз. Лубанас, их точная датировка затруднена.

Игловидные наконечники стрел, вероятно, использовались в течение всего каменного века. Судя по тому, что они найдены в большом количестве на озерах, можно предполагать использование их при охоте на речных птиц и в рыбной ловле. Шиповидные стрелы могли применять джойнт. Стрелу можно было укреплять в древке и стрелять из лука. Такое применение лука в рыбной ловле известно даже в наши дни в Южной Америке. Там характерны так называемые шнурковые стрелы, которые привязывались к луку шнурком, чтобы при ловле не потерять стрелы. Был еще и другой способ применения игловидных стрел. Связав их в пучок и прикрепив к длинному древку (рис. 3, 10, 11), ими можно было бить рыбу и разных моллюсков. Таким способом били рыбу, например лосося, в Индонезии.

Самым специфичным орудием рыболовства является костяной рыболовный крючок. Удилище, леска и крючок значительно расширили возможности рыбной ловли — стали ловить в глубоких водах и далеко от берега рыбу, которая не была видна самому рыбаку.

Все известные в Латвии орудия из кости и рога, связанные с удочкой, можно разделить на 4 группы: I — жерлицы, II — цельные рыболовные крючки, III — составные рыболовные крючки, IV — грузики.

Жерлицы — костяные стержни длиной в среднем 6—7.5 см, с круглым или несколько уплощенным поперечным сечением, диаметр которого 0.5—0.8 см. В средней части эти стержни широкие, по направлению к концам сужаются. По строению средней части жерлицы можно разделить на два типа.

1-й тип (рис. 2, 38, 39) — гладкие двусторонние игловидные стержни со слабо выделяющейся средней частью. Здесь только иногда можно заметить следы обмотки лески.

2-й тип (рис. 2, 40) — двусторонние игловидные стержни с перехватом в средней части. Костяные жерлица найдены как случайные находки на берегах оз. Лубанас, Б. Лудзас и в археологических памятниках более поздних периодов, например на городищах Талси и Даугмале, в Старой Риге и других местах. В наше время жерлица применяются еще в юго-восточной части Латвии (оз. Пителю и др.). Судя по этнографическому материалу, рыбная ловля производилась следующим образом: на привязанную к леске жерлицу наживлялась живая рыбка; большая рыба заглатывала наживку, леска сильно натягивалась, жерлица вырывалась из маленькой рыбки, разворачивалась поперек и выполняла тем самым функции крючка.

К цельным рыболовным крючкам относятся такие крючкообразные орудия, которые изготовлены из цельной кости или рога. Только лишь немногие из них, причем в фрагментах, найдены на стоянках — Оса, Крейчи, Будянка, Двиетес Мунчи, Абора I и в могильнике Звейниекс. Большинство же крючков обнаружено случайно на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, в Ича, Двиете.

Найденные в Латвии цельные крючки делятся на четыре группы (рис. 4). Это крючки с гладким жалом (1); крючки с бородкой подразделяются на крючки с короткой бородкой (2) и крючки с удлиненной бородкой, образовавшейся в результате сверления (3); различные крючки своеобразной

формы (4). По форме обушка выделены типы крючков, а по строению головки стержня — подтипы (варианты). При характеристике крючков учтены также вылет крючка и угол захвата (по Лекхолму).

Рыболовные крючки с гладким жалом (около 70 экз.) найдены случайно на оз. Лубанас и Б. Лудзас. По изгибу обушка их можно разделить на несколько типов (рис. 4, 1). К типу А относятся массивные крючки длиной 9—16 см, с широким изгибом обушка, длинным прямым стержнем и гладким, даже немного тупым жалом, отогнутым в сторону от стержня. Жало составляет $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{5}$ длины стержня. Вылет крючка колеблется от 0.25 до 0.30 см, угол захвата 40—60°. По способу привязывания лески крючки разделяются на несколько подтипов: 1) с прямым гладким стержнем; 2) с утолщениями в головке стержня; 3) с лопатообразной головкой; 4) с отверстием в головке стержня; 5) в отдельных случаях перечисленные признаки дополнены зарубками и перехватами. Эти крючки найдены на берегах оз. Лубанас. Вероятно, к тому же типу относятся и фрагментарные, уплощенные крючки, найденные на поселениях Абора I и Крейчи. Фрагменты двух, совсем небольших и уплощенных крючков встречены в погребении позднего неолита могильника Звейниеки. Следовательно, небольшие, сильно уплощенные крючки датируются поздним неолитом.

К типу В относятся крючки с выраженными U-образным небольшим и узким обушком, коротким гладким жалом и длинным стержнем. Длина крючков 7—19 см. Жало параллельно стержню, его длина составляет $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{5}$ от всей длины стержня. Вылет крючка небольшой — 0.8—2.4 см. Угол захвата тоже небольшой — 15—25°. Верхняя часть стержня: 1) совсем гладкая, 2) иногда имеются небольшие сужения, 3) с вырезанными отверстиями. Такие крючки найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас.

К типу С относится самое большое количество целых крючков с гладким жалом. Эти крючки с широким и массивным основанием обушка, форма которого приближается к V-образной. Крючки бывают большие (13—16 см длиной), средние — (7—10 см) и совсем маленькие (4—6 см). У некоторых крупных крючков жало отклонено от стержня, у большинства же оно параллельно стержню, и лишь у одного из некрупных крючков жало загнуто в сторону стержня. Длина жала обычно составляет $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ от длины стержня. Вылет крючка соответственно меняется от 0.6 до 3.2 см, угол захвата в среднем 30—60°. Иногда в тыльной части обушка имеются зарубки или следы обмотки. Варианты: 1) верхняя часть стержня гладкая, 2) с перехватом, 3) с расширениями, 4) иногда употребляются сразу несколько элементов; 5) особо выделяются крючки, у которых обушок кончается угловатым выступом. Этот выступ, наверно, облегчал привязывание крючка к леске. Крючки типа С найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас. Этот тип рыболовного крючка, вероятно, отвечает самому оптимальному варианту. Крючки к леске привязывались очень основательно, о чем свидетельствуют следы обмотки и зарубок в основании обушка, а также соединение различных элементов крепления на головке стержня. Разнообразная величина крючков и их вылета свидетельствуют о том, что они употреблялись для ловли рыб различной величины и видов. По материалам Латвии этот тип крючка датировать трудно.

К типу D пока можно отнести только один небольшой крючок, найденный на берегах оз. Б. Лудзас. Особенностью его является стержень, расши-

ряющийся в средней части. В Восточной Прибалтике такие крючки хорошо известны и датируются неолитом (Валма).

К типу Е относятся немногочисленные крючки с выраженной V-образной формой основания обушка, найденные на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас. Длина их 6—7 см. Обушок образует V-образная зарубка. Жало отогнуто в сторону от стержня, создавая вылет крючка шириной 1.2—1.4 см. Длина жала составляет $\frac{1}{3}$ стержня, угол захвата около 50°. Крючки на конце стержня имеют расширение. В материале Латвии нет данных для датировки крючков этого типа.

Среди целых рыболовных крючков с гладким жалом, судя по параллельным находкам, можно выделить мезолитические формы. Это крючки с длинным стержнем и коротким, параллельным стержню жалом (тип В) и большие крючки с массивным обушком (тип С) — формы, вероятно, продолжающие существовать и в неолите. Для неолита характерны сильно уплощенные маленькие крючки (тип А) и крючки с расширенной средней частью стержня (тип D). Возможно, что большие крючки с широким обушком использовались в бронзовом веке.

Рыболовные крючки с короткой бородкой в Латвии найдены на берегах оз. Б. Лудзас, Лубанас и в Иче. Общее их количество превышает 70. По форме обушка их можно разделить на несколько типов (рис. 4, 2).

К типу А принадлежат крючки с U-образным обушком, короткой бородкой и различным строением головки стержня. Они маленькие и средней величины, стержень прямой, только в некоторых случаях верхняя часть его слегка согнута или отогнута наружу. В большинстве случаев жало параллельно стержню. Бородка у жала обычно одна, короткая и крепкая, только в некоторых случаях имеется несколько бородок. Иногда с внутренней стороны ниже головки стержня есть еще дополнительная бородка. Вылет крючка 0.6—1.6 см. Длина жала различная. В связи с большим разнообразием крючков угла захвата у них тоже различные — от очень маленьких до очень больших. Головка стержня: 1) прямая и гладкая, 2) с перехватом, 3) с одним или несколькими утолщениями, 4) с вырезанным отверстием в расширенной части. Разнообразие крючков с короткой бородкой и U-образной формой обушка свидетельствует о том, что они, вероятно, использовались очень широко на различную рыбу. Эти крючки найдены на берегах оз. Б. Лудзас и Лубанас. Такие крючки известны на обширной территории от берегов Балтийского моря на западе до Сибирских земель на востоке, и исследователи связывают их с различными этапами развития неолита.

К типу В относятся крючки с утолщенным U-образным обушком и прямой основой. Это довольно небольшие, 4.5—5.5 см длиной, сравнительно узкие экземпляры. Вылет крючка 0.4—1 см. Стержень прямой, жало параллельно ему, бородка короткая, длина жала занимает примерно половину от всей длины стержня, угол захвата соответственно 30°. Головка стержня: 1) утолщенная, 2) с перехватом, 3) с несколькими бородками с наружной стороны в верхней части стержня. У последних крючков имеются еще дополнительные бородки с внутренней стороны, напротив жала. Все эти крючки найдены на берегах оз. Б. Лудзас. Вероятно, к этой группе можно отнести фрагмент крючка из Оса, который датируют ранним неолитом. Подобный фрагмент крючка найден также во II мезолитическом слое поселе-

ния Нарва в Эстонии. Это позволяет предположить, что узкие крючки с как бы срезанной прямой основой появляются уже в конце мезолита и в начале неолита.

К типу С относятся крючки с довольно массивным U-образным обушком. Они средней величины, длиной 5—6 см, стержень прямой, жало параллельно стержню или немножко отогнуто от него. Бородка у жала короткая и крепкая. Вылет крючка 1.4—1.7 см. Жало занимает половину и более от длины стержня. Угол захвата часто достигает 70—80°. Головка стержня: 1) прямая, 2) расширенная, 3) с врезанным отверстием. Довольно часто у крючков этого типа с внутренней стороны стержня имеется дополнительная бородка. Крючков этого типа мало, и они пока найдены только лишь на берегах оз. Б. Лудзас.

К типу D относятся крючки длиной 5—8 см, со слегка изогнутым стержнем, одной или несколькими бородками у жала и довольно утолщенным обушком, основание которого загнуто вовнутрь. Головка стержня утолщена. Такие крючки найдены на берегах оз. Б. Лудзас.

Тип E. 1) Отдельно можно выделить небольшой, найденный в Иче, слегка изогнутый крючок. Жало и его стержень почти одинаковой длины, обушок V-образный, вылет крючка — 1.5 см, угол захвата очень большой — 110°. Головка стержня расширена, бородка короткая. С внутренней стороны стержня, напротив жала, имеется небольшая бородка. 2) Сходный крючок, найденный у озера Б. Лудзас, в нижней части имеется выступ.

Не все крючки с короткой бородкой и различным строением основы обушка можно датировать. Главным образом они характерны для неолита (тип А), хотя некоторые их формы в Восточной Прибалтике могли появиться уже в заключительный период мезолита (тип В).

Среди крючков выделяется особая группа, у которых с внутренней стороны обушка сохранились следы изготовления — круглые сверлины, которые не сглажены (рис. 4, 3). Такие сверлины придают жалу крючка форму удлиненной треугольной бородки. Внешняя сторона обушка выделена поразному. Соответственно форме основания обушка крючки делятся на несколько типов. Всего таких крючков около 50, они найдены на берегах озер Лубанас и Б. Лудзас.

Тип А — крючки, имеющие U-образную форму обушка со слегка вогнутыми или прямыми краями. Они средней величины, 3—7 см длиной, длина жала обычно составляет $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ длины стержня. Вылет крючков небольшой, 0.6—0.9 см, угол захвата тоже небольшой — 10—20°. Варианты: 1) головка стержня прямая, 2) с зарубками, 3) с утолщениями, 4) с врезанным отверстием в расширенной части, 5) отдельно выделен небольшой крючок с утолщением в средней части стержня. Крючки типа А найдены на берегах оз. Б. Лудзас и в Двиете.

Тип В — крючки с прямым срезом нижнего края обушка, длина их около 5 см, прямой или слегка изогнутый стержень, удлиненное жало, угол захвата средний — 20—30°. Головка стержня: 1) с зарубками, 2) с утолщениями. Такие крючки найдены на берегах оз. Б. Лудзас.

К типу С относятся крючки длиной 4—5 см с утолщенным U-образным обушком и сравнительно длинной бородкой. Стержень прямой, жало параллельно ему. Головка стержня: 1) с зарубками, 2) с утолщениями. Эти крючки найдены на берегах оз. Б. Лудзас.

К типу D относятся крючки с остатками сверления с внутренней и с наружной стороны обушка, в результате чего образовалось двустороннее изогнутое основание. Стержень крючков прямой или слегка изогнутый, средняя длина крючков 4—5 см, жало длиной в $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ длины стержня, оно согнуто в сторону стержня и образует вылет крючка лишь 0.5—0.6 см. Соответственно угол захвата крючка небольшой — 10—20°. Варианты: 1) головка стержня с зарубками, 2) утолщенная, 3) особо выделены крючки с изогнутым и сильно утолщенным в средней части стержнем. Крючки типа D найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, в Двиете.

К типу E относятся крючки с сохранившимися сверлинами с внутренней стороны обушка и V-образной наружной стороной. Это крючки длиной 4—6 см с прямым мощным стержнем и крепким жалом. Длина жала вполтину меньше длины стержня. Оно косо отогнуто от стержня, образуя вылет крючка в 1.0—1.9 см. Угол захвата достигает 60—75°. В результате сверления бородка образовалась не только в нижней части жала, но и при переходе стержня в обушок. Головка стержня обычно кончается: 1) зарубкой или 2) утолщением. Крючки этого типа найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас. По материалам Латвии эту группу крючков трудно датировать. В общем рыболовные крючки с высверлинами исследователи относят к неолиту.

Своеобразные цельные рыболовные крючки (рис. 4, 4) отличаются различными деталями строения жала: с двусторонней бородкой (тип А) и с дополнительными бородками с внутренней и наружной стороны (тип В). Крючки найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, на поселении Двиетес Мунчи. Крючки из поселения свидетельствуют о том, что их можно отнести ко второй половине неолита. Во всяком случае, они уже представляют довольно развитую и сложную форму рыболовных крючков. Эти крупные, крепкие крючки с небольшим углом захвата и с двойными или двусторонними бородками, очевидно, были приспособлены для ловли крупной рыбы.

Таким образом, много тысячелетий тому назад древний человек нашел наиболее рациональную форму рыболовного крючка, которая по существу не изменилась вплоть до наших дней. Прежде всего, крючки сделаны так, чтобы их можно было хорошо прикрепить. Об этом свидетельствует разнообразное оформление головок стержня: зарубки, перехваты, утолщения и отверстия. Во многих случаях эти элементы встречались вместе. Часто леска дополнительно закреплялась в нижней части обушка, о чем говорят встречающиеся здесь следы обмотки/зарубки, иногда небольшие выступы. Двусторонние сверлины в основании обушка, кажется, использовали для лучшего прикрепления крючка к леске. Эта обмотка одновременно и укрепляла обушок крючка. Судя по фрагментам крючков, они больше всего ломались в средней части обушка или при переходе жала в обушок. Поэтому для рыболовства, кажется, особенно приспособлены были крючки с массивным основанием обушка. Древний человек думал и о том, чтобы крючки хорошо зацеплялись. Поэтому у жала крючка иногда имеются две бородки, а с внутренней стороны стержня врезана еще дополнительная бородка. Говоря о значении размеров крючка, необходимо иметь в виду, что большими крючками можно было ловить только крупную рыбу, в то же время маленькими крючками — как большую, так и маленькую. Все же решающим фактором для ловли рыбы определенного размера является

соответствующий вылет крючка. Среди костяных крючков Латвии имеются узкие, широкие и совсем широко развернутые крючки. В зависимости от длины стержня, а также направления жала меняется угол захвата крючка. Он мог быть 10—15°, чаще всего 30—60°, а в отдельных случаях даже 70, 80 и 110°. Каждый из этих крючков с определенным вылетом и определенным углом захвата, вероятно, был приспособлен для ловли того или иного вида рыб. Исследователи, исходя из современных принципов рыболовства, констатировали, что крючками с вылетом 0.4—0.5 см можно было ловить плотву, с вылетом 0.5—0.6 см — лещей, 0.5—0.8 см — окуней, 0.6 см — линей, а крючками с большим вылетом ловили щук. Многообразие форм цельных рыболовных крючков каменного века Латвии указывает на их широкое применение, о котором мы можем лишь высказывать некоторые предположения. Может быть, массивные крючки с широким вылетом прикреплялись к особому деревянному стержню и использовались в качестве крючков для зацепления рыбы, чтобы она не сорвалась с крючка. Как большие, так и все остальные крючки со стержнем одинаковой толщины могли применяться для ловли на наживку. Без наживки, кажется, могли использовать рыболовные крючки с утолщенным, как бы рыбовидным стержнем, который, вероятно, служил в качестве приманки.

В археологическом материале каменного века Латвии кроме цельных рыболовных крючков встречаются и части составных крючков — стержни и жала. Они делались из кости, рога, зубов животных, сланца и кремня. Стержни и жала составных рыболовных крючков были найдены случайно на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, а также в могильнике Звейниеки, на стоянках Звейниеки II, Риннюкалнс и Абора I.

Общее число стержней рыболовных крючков 205. Среди костяных предметов выделяется группа гладких стержней, длина которых 3—16, диаметр 0.3—1.0 см. В поперечном сечении они могут быть круглыми, овальными, прямоугольными или неправильных очертаний с различным строением нижней части (рис. 5, 1—16). Именно по различному строению нижней части и выделяется пять типов стержней. 1-й тип (1) — совсем гладкие стержни с широкими полосами следов обмотки на обоих концах. Они найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас. 2-й тип (2, 3) — прямые или слегка изогнутые стержни различной длины со скошенной нижней частью. Головка, к которой прикрепляется леска, может быть: 1) гладкой, 2) расширенной, 3) с перехватом, 4) с зарубками, 5) с отверстием. Нередко эти элементы объединялись. В нижней части стержней, со стороны, противоположной скошенной части, часто имеются небольшие утолщения или зарубки, что, очевидно, облегчало прикрепление жала. От следов обмотки в нижней части стержней прослеживается полоса шириной 1.5—5 см. Стержни этого типа найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, во II слое стоянки Звейниеки II. 3-й тип (4—6) — стержни с вырезанной выемкой в нижней части. Они различной длины, как тонкие цилиндрические, так и более массивные, а также совсем широкие с сильно расширенной, иногда до 2 см, средней частью. Выемка, вырезанная в нижней части, перпендикулярна оси стержня, но иногда расположена косо. Верхняя часть стержня может быть: 1) совсем гладкой, невыступающей; 2) с двусторонним расширением; 3) с перехватом; 4) с бородками; 5) с отверстием. Часто у этих крючков в нижней части имеются следы обмотки шириной 1.5—2 см, а также остатки темной смолистой массы. Стержни изготавливались не

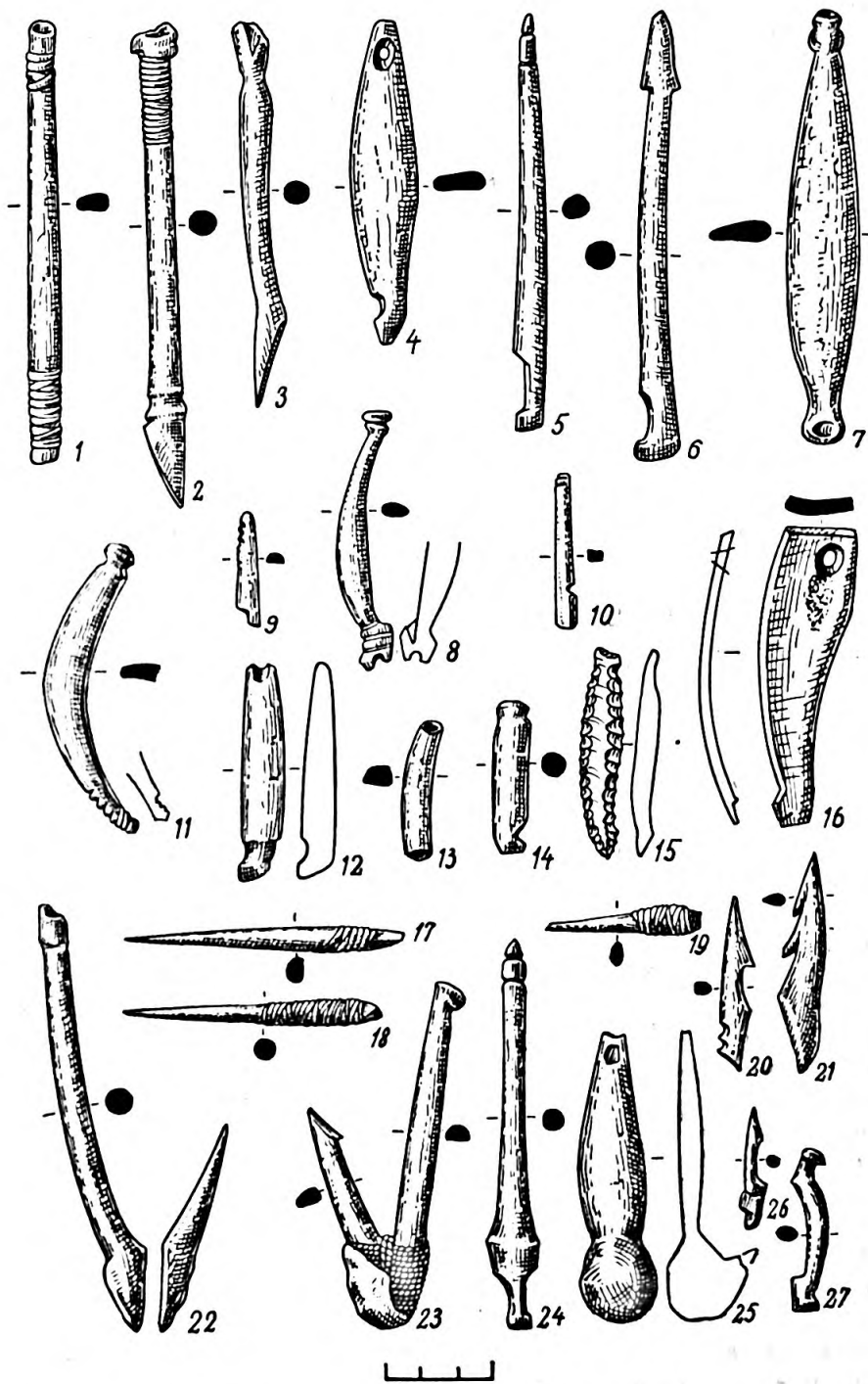

Рис. 5. Стержни и жала составных рыболовных крючков.

1—3, 5, 17—19, 21, 22 — оа. Лубанас; 4, 6—8, 12, 15, 24, 25 — Б. Лудзас; 23 — Двиете; 9—11 — Звейниекы II; 13, 14, 16 — Абора I; 20, 26, 27 — Риннюкалис. 1—12, 16—27 — кость; 13, 14 — сланец; 15 — кремь,

только из кости, но и из зубов и клыков кабана (11, 12, 16). Стержней составных рыболовных крючков с выемкой в нижней части известно больше всего — это находки из могильника Звейниекы и поселения Абора I, случайные находки на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас. 4-й тип — немногочисленная группа широких и массивных стержней длиной 9—13 см, сильно расширенных в средней части, уплощенных в поперечном сечении. От предыдущих типов их отличает небольшое углубление в нижней части. Иногда у стержня внизу имеется еще и расширение в форме полумесяца (7). В верхней части стержня наблюдаются: 1) зарубки и 2) отверстие. Такие стержни были найдены только на берегах оз. Б. Лудзас. Отдаленное сходство стержней этого типа с широко известными каменными стержнями неолитических поселений Забайкалья позволяет считать их именно стержнями рыболовных крючков. 5-й тип — своеобразные стержни с расширенной и особо выделенной нижней частью с врезанными бороздками для вставления жала (8, 27). Такие стержни найдены на стоянке Риннюкалнс и как случайная находка — на берегах оз. Лудзас.

Стержни рыболовных крючков, сделанные из сланца и кремня, не отличаются от типов костяных стержней. Два экземпляра из сланца найдены на стоянке Абора I (рис. 5, 13, 14). Один из них слегка изогнут, фрагментарен, а второй прямой, цилиндрический, с бороздкой в верхней части и с выемкой в нижней. На берегу оз. Лудзас найден кремневый предмет длиной 6 см, суженный в верхней части и скошенный в нижней. В средней части стержень слегка расширен и имеет форму рыбы, он сплошь покрыт тонкой ретушью (15). Очевидно, этот предмет был частью составного рыболовного крючка.

Среди случайных находок на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас, так же как и на стоянке Риннюкалнс, имеются костяные острия длиной 3.5—8 см с одним острым, а вторым расширенным и уплощенным концом. Заостренные концы их могут быть гладкими или с одной или несколькими бороздками, нижняя часть очень различная: гладкая, не обработанная (рис. 5, 17—19), расширенная, образующая часть обушка (26), скошенная (20, 21). В нижней части у этих острий видны следы обмотки шириной 1.5—3.5 см, небольшие валики или зарубки. Иногда нижняя часть острий хранит остатки темного, затвердевшего вещества. Небольшие размеры предметов, скошенная или расширенная нижняя часть, сохранившиеся следы крепления свидетельствуют о том, что эти острия не были самостоятельными орудиями, а служили жалами составных рыболовных крючков.

Стержни и жала рыболовных крючков в нижней части скреплялись вместе волокнами растений или жилами животных, в результате чего получались составные рыболовные крючки. Надежнее всего, вероятно, скреплялись стержни и жала с хорошо складывающимися скошенными нижними краями (рис. 5, 22). Один такой крючок с полностью сохранившейся обмоткой веревки и остатками обмазки смолистого вещества был найден в Двиете (23). Смолистое вещество, вероятно, предохраняло волокна от вымокания. В стержни с выемкой в нижней части жала вставлялись наискось, о чем свидетельствуют сохранившиеся отпечатки в выемках. Возможно, что к таким стержням жала прикреплялись с противоположной выемке стороны, а выемки служили для лучшего привязывания волокон. Такой вид крепления известен в этнографическом материале на о-вах Самоа и в других

местах. По находке на берегу оз. Б. Лудзас можно судить и о способе крепления жала с массивными, расширяющимися в средней части стержнями при помощи веревки и смолы (25).

Составные рыболовные крючки с гладким или имеющим бородку жалом и стержнями самых разнообразных форм представляли собой уже довольно сложное орудие рыбной ловли каменного века. Некоторые весьма массивные стержни крючков, очевидно, выполняли еще и другие функции. Только что изготовленный костяной стержень был тяжелым и вполне годился в качестве грузика, так же как и кремневые, и сланцевые стержни. Светлые костяные стержни, а также детали крючков, изготовленные из зубов и клыков кабана, в воде хорошо блестели и могли служить блесной. Хорошей блесной мог служить и кремневый стержень, покрытый чешуйчатой ретушью. По этнографическому материалу нам известно, что части составных рыболовных крючков изготавливались из хорошо блестящих в воде пластинок панцирей черепах, раковин, когтей животных. Кроме того, часть стержней имеет расширенную, как бы рыбовидную форму. Рыболовные крючки с такими стержнями, очевидно, можно было использовать без наживки или специальной приманки. Хронология составных рыболовных крючков затруднена. Как свидетельствуют находки на поселении Звейниеки II, уже в самом начале мезолита были известны небольшие хрупкие составные крючки, у которых имелись зарубки как в верхней, так и нижней части стержня (рис. 5, 9, 10). В развитом мезолите Звейниеки II использовались также и более массивные крючки со скошенным основанием стержней. Находки в Эстонии, северной части РСФСР и Финляндии свидетельствуют о том, что большая часть составных рыболовных крючков все же относится к неолиту. Находки в Латвии на поселениях Риннюкалнс и Абора I и могильнике Звейниеки свидетельствуют о применении в конце неолита довольно разнообразных рыболовных крючков.

В нашем материале выделяется группа орудий общим числом около 20, которые, вероятно, использовались только как грузики (рис. 6, 1—10). Это костяные «столбики» длиной 10—15, шириной 1—2 см с одинаково отделенными обоими концами. Они бывают с перехватами, с двусторонними или односторонними зарубками. Эти столбики довольно массивные, уплощенные, с широкой средней частью. Такие грузила найдены на берегах оз. Лубанас и Б. Лудзас. У некоторых грузиков концы оформлены различно — на одном из них отверстие, на другом — несколько зарубок или отверстие и утолщение. Экземпляры таких грузиков найдены на берегах оз. Б. Лудзас (11). По-видимому, они использовались для удочки, а не для сетей. Рыбовидная форма их указывает на возможность применения и в качестве приманки. Датировка грузил по имеющемуся материалу затруднена, так как они все относятся к категории случайных находок. Но параллели с эстонскими находками все же позволяют их датировать периодом неолита.

Среди костяных и роговых предметов выделяются несколько орудий, которые, вероятно, были связаны с рыболовством. На берегах оз. Лубанас найдено костяное острие (рис. 6, 12) длиной 11,5 см, в более широкий конец врезано отверстие. Похожий предмет найден на стоянке Риннюкалнс (13); возможно, эти орудия служили иглами для плетения сетей. Подобные иглы для этой цели известны в этнографическом материале Финляндии. Археологи предполагают, что для плетения сетей использовались на стоянке Рин-

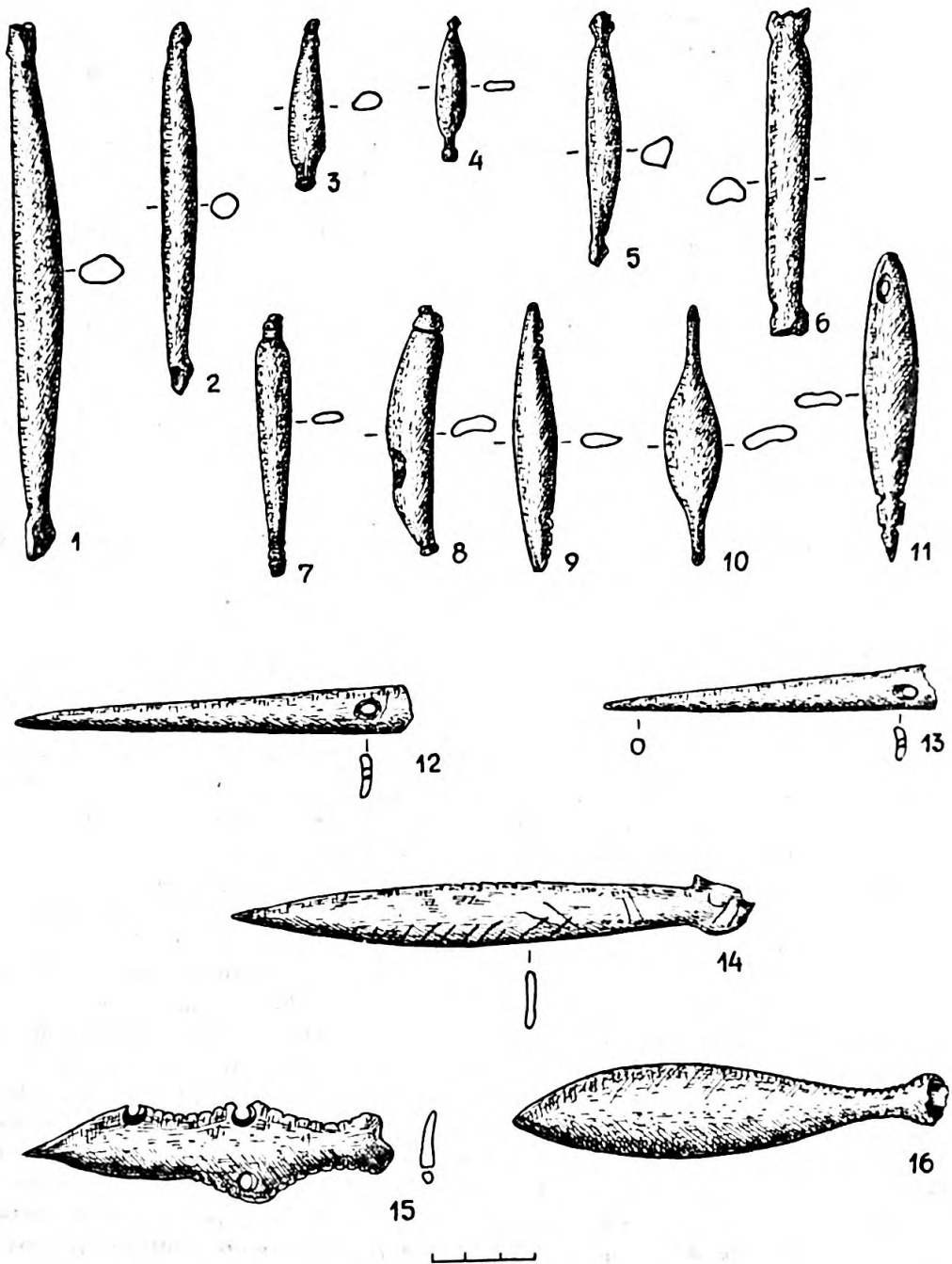

Рис. 6. Костяные предметы, связанные с рыболовством.

1-11 — грузики; 12, 13 — иглы; 14-16 — фигурки рыб. 1-6, 8, 12 — оз. Лубанас; 7, 9-11 — оз. Б. Лудзас; 13, 14 — Ришюкалис; 15 — устье р. Малмуты; 16 — Абора I.

нюкалнс и плоский нож с расширенной рукояткой (14), и фигурка рыбы, найденная в устье р. Малмута (5). По определению ихтиологов, она изображает плотву. Края скульптурки украшены мелкими нарезками, имеются четыре отверстия, которые просверлены с двух сторон. Передняя часть сильно сглажена, со следами сработанности. И. Лозе предполагает, что эту фигурку вначале использовали в качестве рыбки-приманки и лишь затем она приобрела вторичную функцию. Похожая пластинчатая фигурка рыбы обнаружена на стоянке Абора I (16).

Остатки сетей впервые на территории Латвии были найдены на стоянке Сарнате. В жилище «А» вблизи очага обнаружены тонкие нити толщиной 0.10—0.15 см, скрученные вдвое, несколько узелков и кусок веревки длиной 2—3 см, а также 18 поплавков из сосновой коры и грузила, завернутые в бересту. Сеть найдена в сложенном виде, и материал ее трудно определить, но, по всей вероятности, она была изготовлена из липового лыка и принадлежала к типу узелковых. Небольшой фрагмент мелкочейистой сети узелкового типа найден также на поселении Абора I.

Остатки вершей обнаружены в Сарнате (6 экз.) и в Абора (3 экз.). Верши были изготовлены из сосновой лучины шириной 1—2, толщиной 0.5 см, прямоугольной в сечении. На стоянке Абора I И. Лозе проследила три скопления лучин, переплетенных лыком. Первая из вершей была длиной 80—115 см и крепилась к колу длиной 188 см. Лучины скреплялись лыком через каждые 13—18 см. Остатки второй верши были длиной 150 и шириной 75 см. Длина остатков третьей верши достигала 60, ширина — 50 см. В Сарнате хорошо сохранились только две верши, одна найдена у жилища «К». Длина сохранившихся лучин достигала 250 см. Они были переплетены лыком. Жгуты, скрепляющие лучины, в трех местах сохранились со всей плетенкой. Верша имела коническую форму, с одним узким, другим широким концом. Вторая верша, лежащая вблизи первой, возможно, имела еще воронку, так как прослежен другой, более узкий пояс плотно связанных лучин. Конические верши применялись еще в прошлом столетии на севере Курземе. Верша погружалась в озеро или проточную воду на сравнительно продолжительное время, а на поверхности оставался поплавок, указывающий точное местонахождение ее. Попавшая в такую коническую узкую вершу рыба не могла в ней повернуться и выйти обратно.

О применении сетей и вершей свидетельствуют также поплавки из сосновой коры, бересты и дерева и различные каменные грузила, найденные в Сарнате, Пурциемс, Силиньупе, Пиестиня, Абора I, Звейниеки II и на могильнике Звейниеки.

Поплавки (около 140 экз. — рис. 7, 1—12) в большинстве случаев сделаны из сосновой коры. Выделяются несколько разновидностей этих предметов. Поплавки 1-го типа (1—4) имеют желобок или зарубки на обоих концах. Они четырехугольной или овальной формы, длиной 4.4—12.8, шириной 1.9—7.7 и толщиной 0.7—1.7 см, иногда завернуты в полоску бересты. Поплавки этой группы найдены в Сарнате, Силиньупе, Пиестиня. У некоторых поплавков из Сарнате в желобках еще сохранились остатки витой веревки, скреплявшей их с сетями. По-видимому, все поплавки применялись для сетей, кроме маленького круглого поплавка из Пиестиня (11), который, наверно, использовался для удочки. Поплавки 2-го типа

(6—8) имеют одно или два отверстия, вырезанных посередине и на одном конце поплавок. Они округлой, четырехугольной и трапециевидной формы. Эти полавки толще и крупнее других — длиной 22 см, шириной 11 и толщиной до 2,5 см. Через отверстие продевали веревку, которой поплавок привязывался к сети. Такие полавки найдены в Сарнате и Пиестиня. 3-й тип (9, 10) составляют полавки, найденные в Сарнате. Они средней величины, длиной 8—15 см, шириной 5—10, толщиной около 1 см, овальной или ромбовидной формы, имеют округлое отверстие в середине и иногда еще выемки на концах. Эти полавки привязывались к сетям за оба конца с продеванием веревки в отверстие с обеих сторон. 4-й тип (12) образуют полавки в виде свитков бересты, найденные в Сарнате и Абора I. Деревянные полавки (5 экз.) обычно повторяют уже знакомые формы с отверстием посередине или на одном конце. Такие полавки встречаются только в Сарнате (5).

В качестве грузил для сетей использовались камни разной величины и формы. Иногда употреблялись простые камни, перевязанные веревкой, в большинстве же случаев с выемками, что облегчало прикрепление к ним веревки. У маленьких плоских камней, найденных в Звейниекс II и в могильнике, выемки небольшие, невыразительные (рис. 8, 1, 2). Большие камни, имевшие выемки с обоих концов и по краям (3, 4, 5), найдены в Сарнате и Абора I. Некоторые грузила такого рода сохранили в выемках следы обмотки (3). Грузилами служила также небольшая галька длиной 4—9 см, завернутая в бересту и перевязанная веревочкой (6). Иногда такие грузила в целях увеличения веса связывали по три вместе (7). Таким же способом изготовлялись грузила в восточной части Латвии еще в XX в., поскольку это давало возможность бесшумно тащить сети по воде.

На стоянках каменного века обнаружены также разные деревянные детали, связанные с сетями и вершами (рис. 9, 1—3, 10, 11). На стоянке Абора I найдены три деревянных стержня, изготовленных из ясеня и ольхи. Два фрагментарных стержня длиной 104 и 114 см, а третий, сохранившийся почти полностью, длиной 150 см (1—3). Стержни имеют симметричные и асимметричные расширения с отверстиями в центре. На самих стержнях просверлено 5—8 отверстий на расстоянии 17—23 см друг от друга. В эти отверстия могли вставляться штырьки. Стержни были найдены на тех же участках и тех же глубинах, что и верши. И. Лозе предполагает, что эти предметы образовывали специальную систему, которая использовалась при установке вершей и сетей. На это указывают и этнографические параллели с территории Финляндии.

В Сарнате, в жилище «К», обнаружены также две клячи-палки от сетей (рис. 9, 10, 11). Одна из них сделана из ясеня, другая — из неокоренной лещины. К клячам прикреплялись крылья невода. Такие невода еще недавно употреблялись на небольших озерах Латвии. Сеть состояла из мешка или хвоста, постепенно сужающегося к концу, и двух крыльев. При ловле подобной сетью требовалось большое число участников, обычно 6—10 человек. В зависимости от наличия рыбы в озере улов мог быть довольно крупным.

Возможно, что 6 деревянных крюков, найденных в Сарнате, употребляли для вытягивания сетей, длина их колеблется от 25 до 45 см (рис. 9, 8, 9).

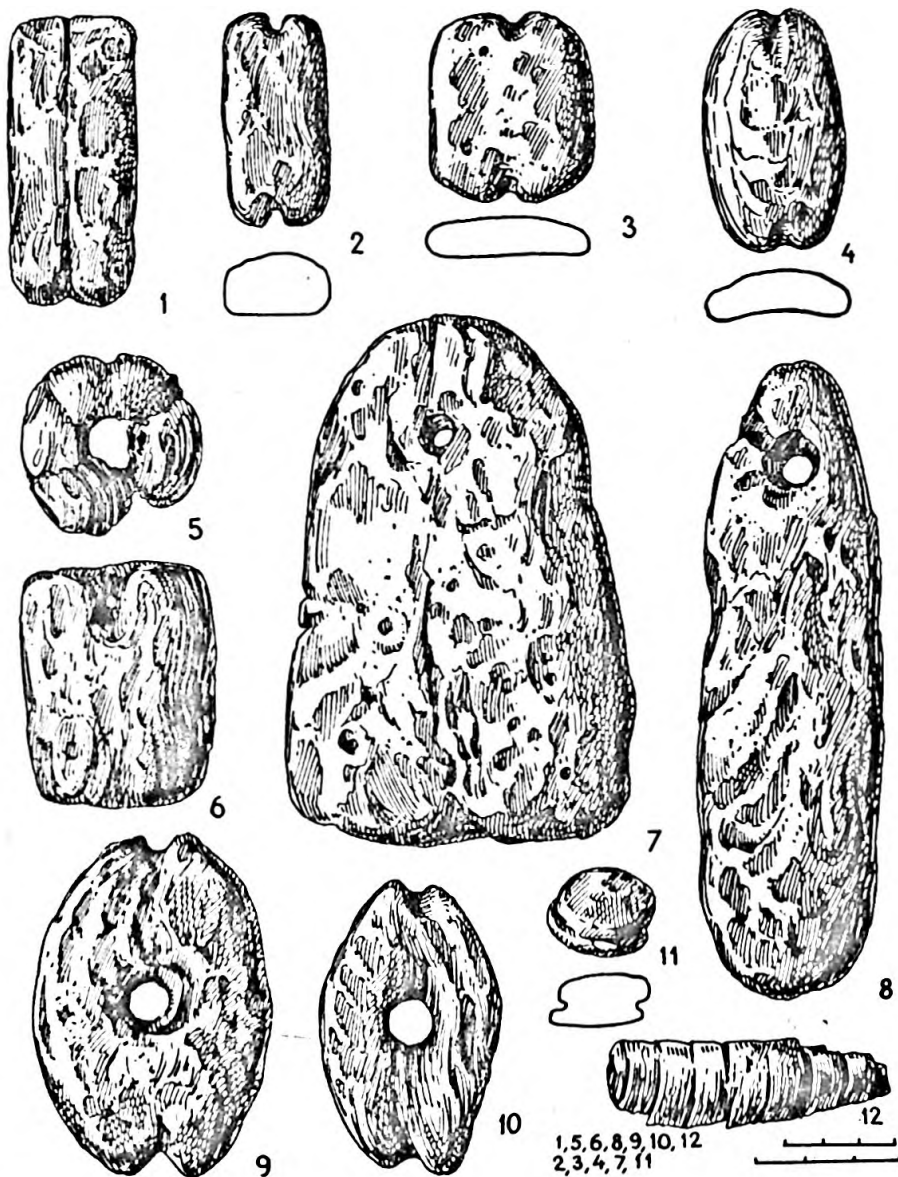

Рис. 7. Поплавки из сосновой коры (1—4, 6—11), дерева (5), бересты (12).
1, 4—6, 8—10, 12 — Сарпате; 2, 3, 7, 11 — Пнестыня.

До сих пор древние транспортные средства, связанные с рыболовством, найдены только в Сарпате. Недалеко от одного жилища обнаружен фрагментарный челн, выдолбленный из ствола листовенного дерева. Сохранилась носовая часть и борт длиной 230 см. Челн имел тонкие стенки, хорошо обтесанную, заостренную и вытянутую вперед носовую часть. Форму кормы определить не удастся. Недалеко от этого челна найден конец еще одной лодки, которая также имела вытянутую и заостренную форму. Этот фрагмент лодки массивнее и обработан грубее. Обе фрагментарные лодки найдены на стоянке одновременно с ней. В окрестностях сарпатовской стоянки

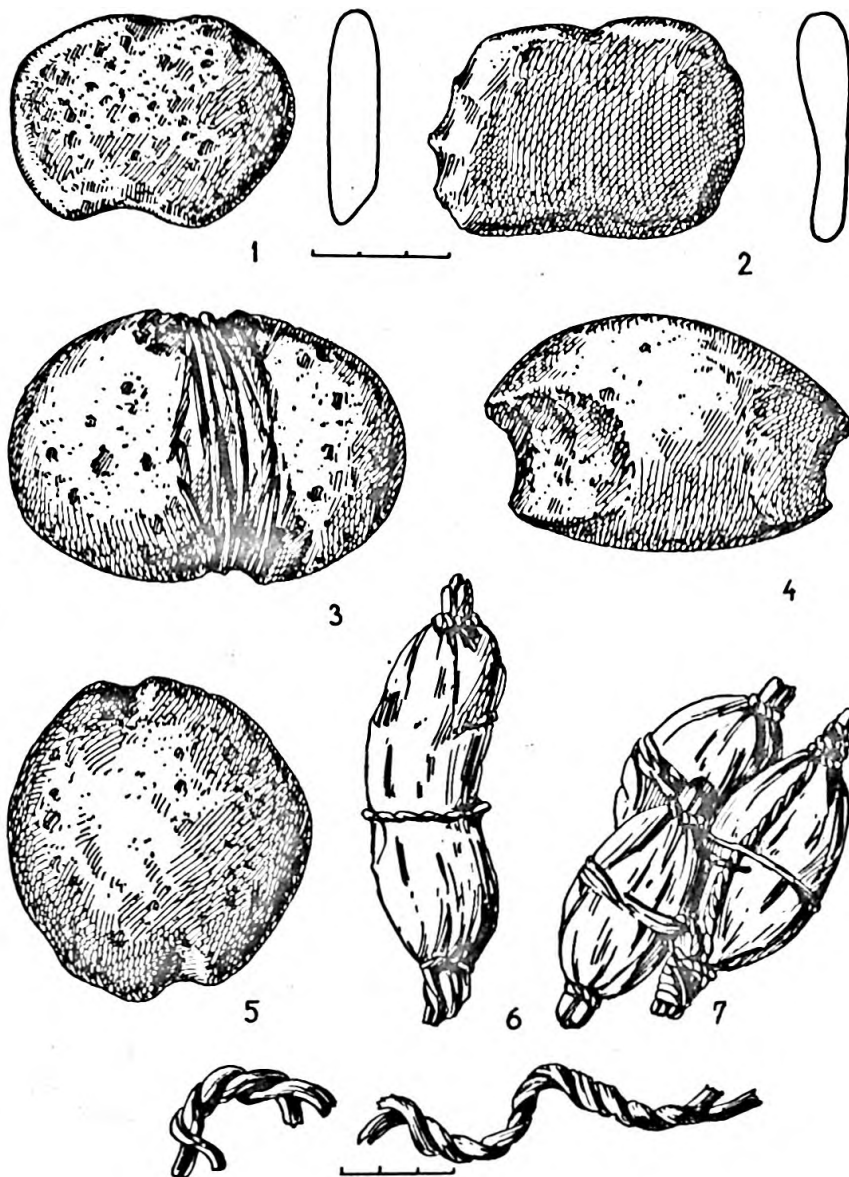

Рис. 8. Каменные грузила и веревка.

1 — могильник Звейниэки; 2 — стоянка Звейниэки II; 3, 4, 6, 7 — Сарнате; 5 — Алора I.

обнаружено несколько фрагментов и даже целые однодревки. Так, в русле небольшой речки найдены фрагменты однодревки, судя по которым, лодка была длиной 400 и шириной 50 см, с острым, несколько приподнятым носом и прямой кормой с нависающим сзади выступом. В торфе были обнаружены две большие однодревки. Наиболее крупная из дуба, достигает в длину 800 см. Трудно сказать, соответствуют ли эти находки тому же сарнатскому периоду или относятся к более позднему времени.

В Сарнате было найдено 36 весел и их фрагментов, изготовленных из ясеня и клена, они разнообразны по форме. Большая часть весел имеет уз-

кие, стройные лопасти, которые равномерно сужаются к концу. Одна сторона их более выпуклая, чем другая. Лопать при переходе в рукоятку имеет овальное или ромбическое сечение, у рукоятки — овальное поперечное сечение (рис. 9, 4, 5). Длина этих весел достигает 150 см, длина лопасти от 65 до 89, ширина от 7.3 до 9.3 см. Небольшую группу весел представляют экземпляры со свособразной формой лопасти, которая имеет резко суженный, вытянутый конец (рис. 9, 6). Некоторые из весел отличаются очень широкой лопастью, достигающей в ширину 15 см. Длина рукоятки такого весла 94, а лопасти 53 см. Лопать, как правило, очень

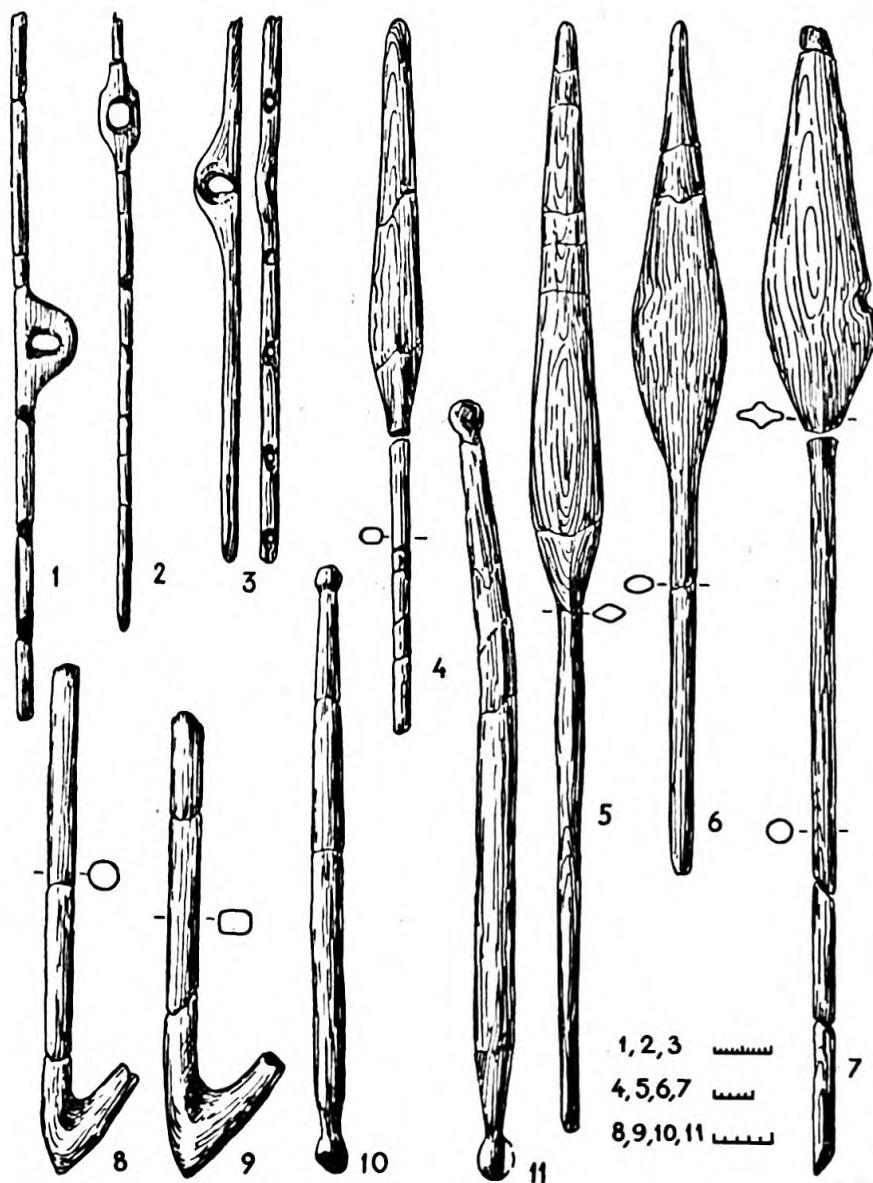

Рис. 9. Деревянные изделия, связанные с рыболовством.

1—3 — стержни; 4—7 — весла; 8, 9 — крюки; 10, 11 — клячи-палки. 1—3 — Абора I; 4—11 — Сарнаге.

тонкая, с выступающей гранью посередине (7). Сарнатские весла легкие, изящные. Особенно соответствуют местным условиям весла с вытянутым острым концом лопасти. С таким веслом было легче передвигаться по спокойным водам зарастающего озера.

Как лодки, так и весла, очевидно, главным образом использовались для рыбной ловли. Для гребли, может быть, использовали одно весло, которое перебрасывали с одной стороны на другую. Если в челне находилось два человека, то один греб, а другой мог забрасывать сети.

Подводя итоги анализа орудий рыболовства периода каменного века, известных на территории Латвии, можно сделать вывод о важной роли рыболовства в хозяйстве древнего человека.

В мезолите главным орудием служило копье, 93 % всех рыболовных копий составляют костяные копья лубанского и кундского типа, копья с тупыми зубцами. Употреблялись также костяные игловидные наконечники. Рыболовные снасти были мало распространены. Бытовали крючки с гладким жалом и U-образным обушком и составные крючки со скошенной нижней частью, а также жерлицы.

В неолите рыболовный инвентарь становится разнообразнее. Резко возрастает роль рыболовного крючка. Применяются цельные крючки с гладким жалом и бородкой, а также различные составные крючки, изготовленные из кости, кремня и сланца. Использовались костяные копья как с одним коротким зубцом, так и с двусторонними зубцами. Последняя форма особенно была широко распространена в позднем неолите. В конце неолита часто применялись также различные игловидные наконечники. Во второй половине неолита крупные одно- и двузубые гарпуны свидетельствуют о появлении морского промысла — охоты на тюленя. Найденные же на территории Латвии остатки сетей и вершей свидетельствуют не только об усовершенствовании приемов рыболовства в неолите, но и о все возрастающей роли коллективных способов лова.

ОЗЕРНОЕ РЫБОЛОВСТВО И МОРСКАЯ ОХОТА В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЛИТВЫ

На территории Литвы в палеолите и в мезолите излюбленными местами для стоянок древних обитателей были песчаные берега глубоких рек и озер, поросшие редким хвойным лесом, вблизи от моренных холмов, где в лиственных лесах охотились на дичь. Бедные дичью хвойные леса в речных долинах для людей были менее удобными — на этих песчаных стоянках уцелели до настоящего времени лишь очень скудные органические следы в очагах.

Только тогда, когда люди перешли к оседлой жизни, они стали селиться на пологих берегах мелководных озер. Особенно густо заселялись озерные лагуны и бухты. Именно на основе материалов таких памятников и можно получить самые важные сведения о рыболовстве в каменном веке в Литве. Поэтому в настоящее время можно говорить лишь об озерном и морском рыболовстве. Но, вероятно, большая часть этих же приспособлений применялась и на реках, хотя, возможно, там встретятся еще и другие.

Охарактеризуем вкратце те памятники, о которых главным образом будет идти речь.

С мезолита сохранились лишь случайно попавшие в бывшие озера костяные гарпуны, пешни, крючки, наконечники [Римантене, 1971]. Рыболовство неолита в Северо-Западной Литве характеризуется главным образом по памятникам в Швянтойи, Нида и Шарняле.

Бывшие поселения каменного века в Швянтойи (ныне курорт Паланга) были расположены в торфянике вокруг морской лагуны. Здесь обнаружено около 42 поселений [Римантене, 1970; Rimantienė, 1979, 1980a], наибольшее количество данных о рыболовстве получено в основном из шести: это поселения 1, 2 и 3, у которых нижние культурные слои (Б) принадлежали к нарвской культуре конца раннего и начала развитого неолита, а верхний слой (А) — к позднему неолиту со шнуровой керамикой. К нарвской культуре конца развитого неолита принадлежало поселение 23, а к позднему неолиту — поселение 26. Особо стоит в Швянтойи пункт 9, принадлежащий к позднему неолиту со шнуровой керамикой, где открыт закол для ловли рыб.

Поселение Нида [Rimantienė, 1977, p. 5—10; 1978, p. 77—83; 1980b, p. 16—19] находится на Куршской косе на бывшем берегу Куршского залива. Хотя это поселение имеет песчаный культурный слой, в нем сохранились некоторые важные данные о рыболовстве поздненеолитических носителей культуры шнуровой керамики.

Приблизительно в 70 км от моря, возле бывшего оз. Эртянис, в торфянике находится поселение Шарняле (Плунгеский р-н) [Rimantienė, 1974, p. 7—9; Girininkas, 1977, p. 57—65].

Рыболовство в Северо-Восточной Литве прослежено на поселениях, расположенных на берегу бывшей лагуны оз. Кретуонас в Швенченском р-не. К нарвской культуре развитого неолита принадлежат нижние культурные слои (Б) поселений: Кретуонас 1 и Пакретуоне 1 [Girininkas, 1978, p. 74—76; 1980a, p. 10, 11; 1980b, p. 12, 13; Butrimas, Girininkas, 1980]. Поздненарвские поселения были открыты в Жямайтишке 1 и 2 [Girininkas, 1980c, p. 6—9]. Во всех случаях в верхних слоях (А) обнаружены остатки поселений со шнуровой керамикой.

На мезолитических стоянках почти не сохранилось остатков рыбьих костей. Из самых ранних следует упомянуть лишь стоянку Максимонис 4, где в очаге найдены обгоревшие косточки водоплавающей птицы и позвонки крупной рыбы. В мезолитическом очаге 17 в Нятесай 1 между обломками крупного моллюска, фрагментов костей птиц найдены и кости рыбы. Вобщем же в мезолитических очагах встречен лишь детрит костей.

В раннеолитических поселениях Швянтойи 1Б и 2Б имеются достоверные данные об употреблении в пищу рыб и морских животных. Основную часть среди рыб составляют пресноводные — щука и судак. Костей щуки в поселении 1Б 62 %, а в поселении 2Б — 55 % от общего количества костей рыб. Длина рыб в обоих поселениях колеблется между 30 и 130 см. Кости судака в поселении 1Б составляют 23 %, а в поселении 2Б — 32 %, при этом размер рыб в обоих поселениях колеблется между 36 и 70 см. Также встречаются лещи (соответственно 9 и 0.5 %) длиной 26—54 см. Меньше сомов (соответственно 2 и 0.5 %) длиной 110, 130 и 180 см. Среди других пресноводных рыб, не составляющих даже 1 %, следует упомянуть линя, лосося. Встречаются и некоторые соляноводные рыбы, обычно заплывающие в лагуны, — это треска, камбала, тун и чаще всего палтус.

В развитом неолите (Швянтойи 3Б и 23) соотношение видов рыб удерживается приблизительно в тех же процентах. Чаще встречаются сомы длиной 50 см.

В поздненеолитических поселениях меньше остатков рыб, поэтому установить их процентные соотношения трудно. Но все же видно, что, например, в поселении Швянтойи 1А щуки в два раза больше, чем всех остальных рыб, вместе взятых. Из других видов следует назвать судака, камбалу, окуня, леща.¹ В поселении Нида пока констатирована лишь чешуя леща.²

Во всех приморских поселениях сохранились кости тюленей, некоторые из них использовались для выработки орудий труда. По уцелевшим черепам можно судить, что это был обыкновенный короткомордый тюлень (*Phoca vitulina*), проживающий и в более теплых водах. В некоторых поселениях кости тюленя составляют значительный процент, например в раннеолитическом нарвском поселении Швянтойи 2Б — 76 % всех найденных костей животных,³ в поздненарвском поселении Швянтойи 26 — 33 %, в

¹ Кости определены А. Цепкиным (Москва) и И. Слока (Рига).

² Рыбные остатки из поселений Шарняле и Северо-Восточной Литвы еще не определены.

³ Эта цифра кажется несколько завышенной, потому что тюленей, вероятно, притаскивали целиком в поселение, а костей их не разбивали, так как в них мозга нет, крупные же лесные животные приносились, наверно, по частям.

в то время как в поселениях раннего и развитого неолита Швянтойи 1Б, 3Б и 23 остатков тюленя не обнаружено, хотя были найдены изделия из их костей. В позднем неолите, судя по поселениям Швянтойи 1А и Нида, тоже охотились на тюленей. В одном случае в Швянтойи 2Б найден один позвоночник дельфина.

Индивидуальные способы лова рыбы были известны уже в палеолите, задолго до того, когда развилось настоящее рыболовство. Кости щук были найдены уже в верхнепалеолитических стоянках охотников на северного оленя, как, например, в Мейендорфе [Rust, 1937, S. 59], в Штельморе [Rust, 1943, S. 58] и даже в Опшрутай на рубеже Литовской ССР с Калининградской обл. РСФСР (Краснознаменский р-н) [Gross, 1937, S. 154] в позднеледниковых отложениях вместе с орудиями.

Но случайную ловлю именно щук нельзя считать еще настоящей рыбной ловлей, поскольку она еще близка к охоте на рыб. Ранней весной, когда щуки выходят на короткий срок на затопляемые луга для икрометания, они могли быть легко пойманы гарпунами или острогами. Кроме этого, уже в палеолите рыбу, вероятно, могли поймать случайно, убив через тонкий лед. Но настоящая рыбная ловля возникла лишь в мезолите, когда рыб начали ловить, а не только охотиться на них.

Однако приспособления для ловли рыбы еще долгое время оставались лишь как случайное дополнение к способам охоты на животных и птиц. К сожалению, пока трудно сказать, когда рыбная ловля в Литве получила настоящее распространение, так как из мезолита сохранились другие незначительные данные.

Среди гарпунов⁴ можно различить несколько видов (рис. 1). Это стройные гарпуны с довольно крупными редкими зубцами (1) (например, из Камшай, оз. Яра, Балсуняй, Руднинкай); гарпуны с мелкими часто поставленными зубчиками (2) (Янаполе, Маргяй, Балсуняй); с несколькими зубцами в верхней части гарпуна (3) (Бябриникай, Ясаускай); гарпуны с зазубринами (6) (Каравишкес); однозубые гарпуны (из Вилкавишкис). Кроме этих, вероятно, для рыбной ловли употреблялись и длинные острия треугольного сечения (4) (из Платейяй, Юцишкяй), веретенообразные (7) (из Пумпеняй) и острия с вкладышами (5) (из Вайкантонис, Опшрутай, Гульбинишкяй и др.). Все мезолитические гарпуны в Литве пока являются случайными находками и определять их возраст и культурную принадлежность приходится в большинстве случаев лишь типологически.

Датированные гарпуны имеются лишь из неолитических поселений Западной и Восточной Литвы. По ним можно судить о длительности употребления древних типов гарпунов и времени появления новых. Таких стройных гарпунов, какие найдены в Камшай или Янаполе (1, 2), в неолите уже нет. Вместо них появляются крупные плоские гарпуны с несколькими большими зубцами, такими, как из ранне-неолитического поселения Швянтойи 3Б (12). Эти гарпуны могли употребляться для охоты на тюленей, но, возможно, и для ловли крупной рыбы, так как гарпуны похожего типа изве-

⁴ Гарпунами будем называть всякие острые с зубцами или с зазубринами предметы, несмотря на то, отделялись ли они от рукояти. Важно, что это были орудия для ловли рыб, о чем судим исходя из того, что этнографические гарпуны обоих типов имеют то же самое название (причем в литовском этнографическом материале уже нет отделяющихся от рукояти гарпунов).

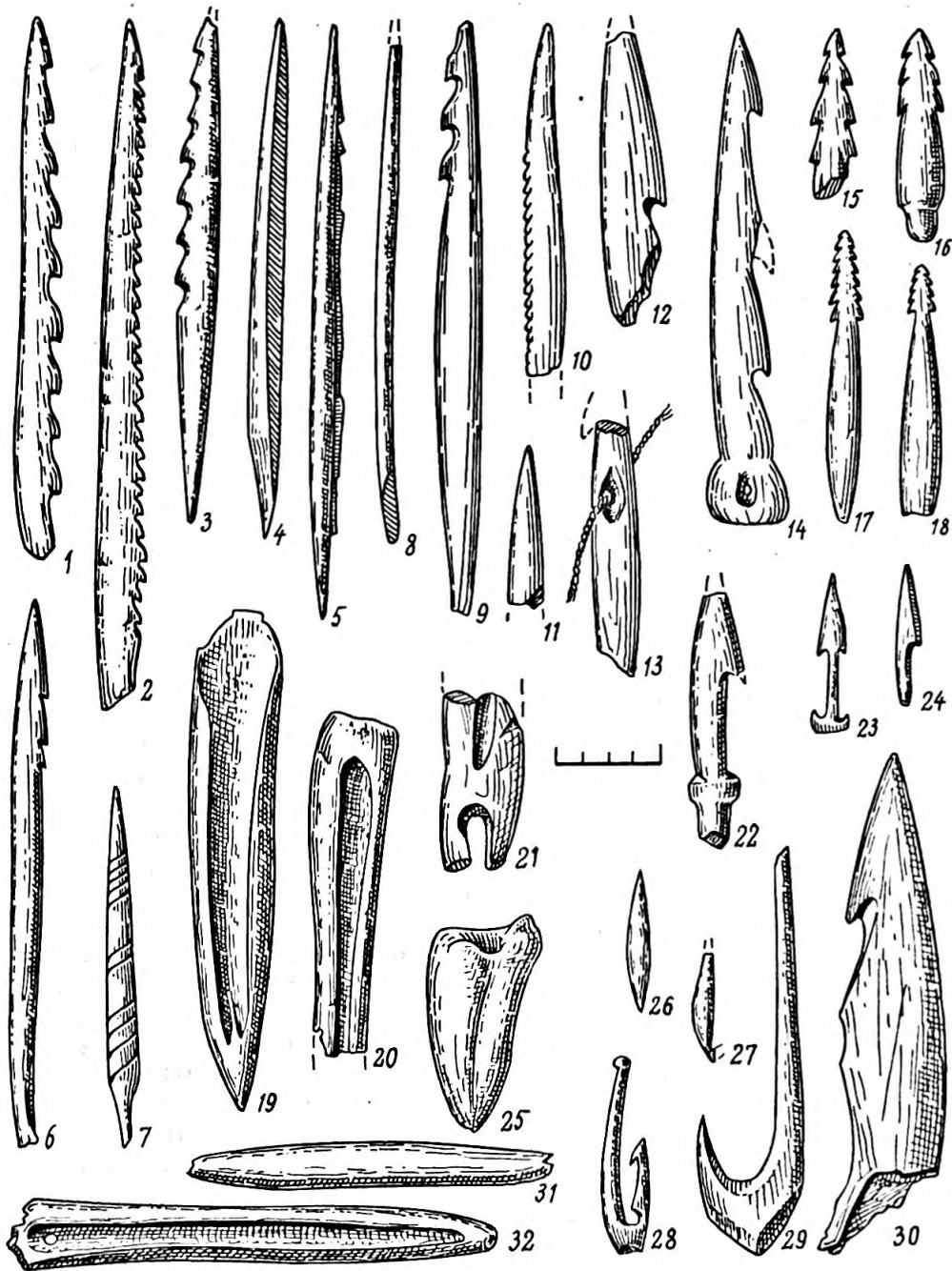
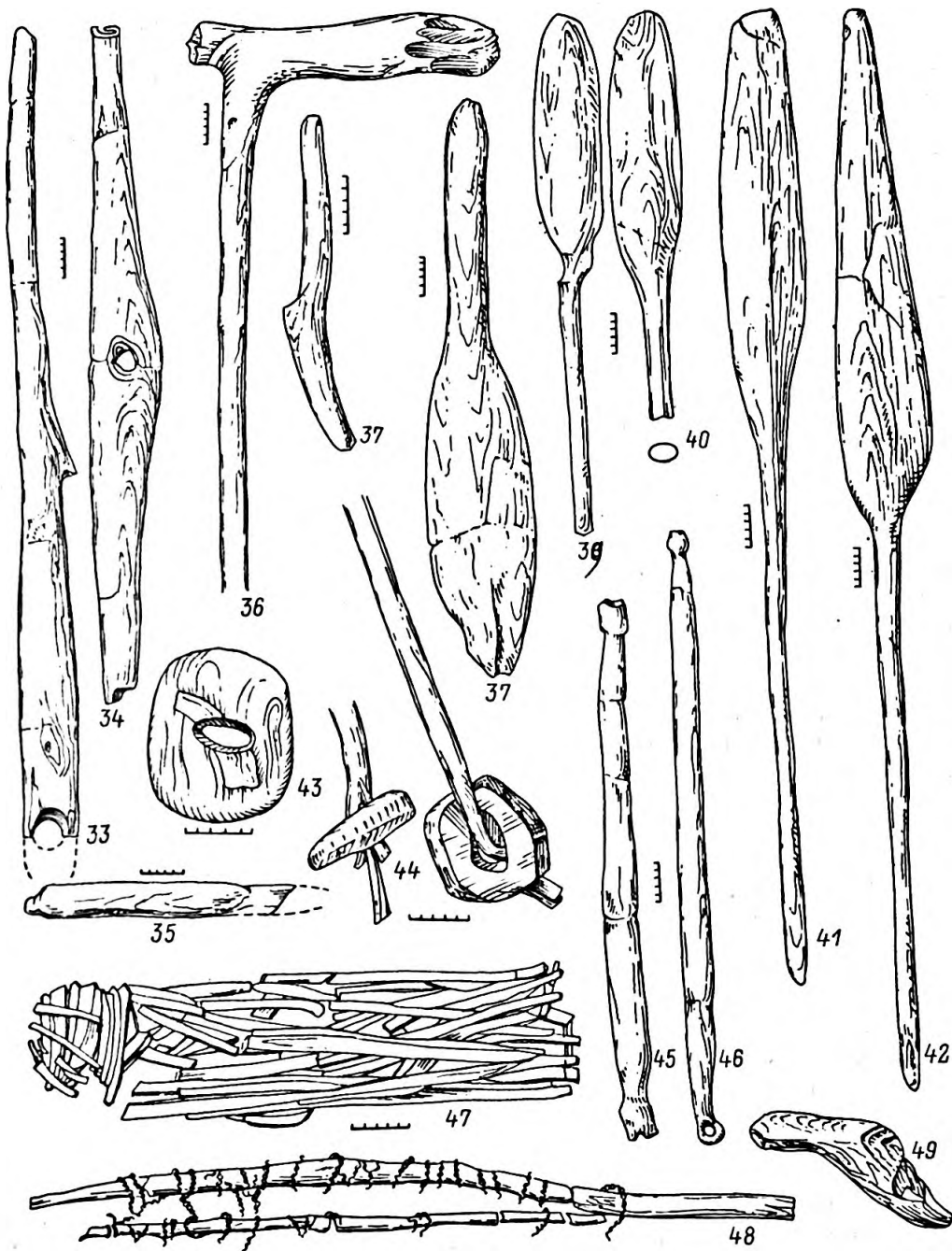

Рис. 1. Орудия рыболовства (с. 68—69).

1—3, 6, 9, 10, 12—18, 21—24, 30 — наконечники гарпунов; 4, 5, 7, 8 — наконечники стрел; 11 — обломок острия; 19, 20, 25 — пещи (?); 26, 27 — стерженьки для удочек; 28—29 — рыболовные крючки; 31, 32 — иглы для вязания сетей; 33, 34 — деревянные доски для устройства сети; 35, 45, 46, 49 — части рыболовных снарядов; 36 — приспособление для ловли рыбы подо льдом; 37 — приспособление для ловли крупной рыбы; 38—42 — весла; 43, 44 — деревянные пластинки для толкания лодок; 47, 48 — остатки вершей.

стны и из позднеарварского поселения Жямайтишке 2 (14) в Восточной Литве.

Из мезолитических типов в неолите сохранялись гарпуны с длинным насадом и несколькими изогнутыми зубцами в верхней части, например, найденные в позднеарварских поселениях Жямайтишке 1 и 2 (9). Довольно резко от мезолитических отличаются гарпуны с вкладышами, которые, например, на позднеарварском поселении Жямайтишке 2 стали совсем короткими и широкими. Кроме того, в неолите встречаются типы гарпунов, неизвестные в мезолите Литвы. Это однозубый гарпун с утолщенным насадом (22) и острия с мелкими зазубринками по краю, известные из Патильтис и Жямайтишке 1 и 2 (10). В Восточной Литве обнаружены гарпуны с двусторонними зубцами — елковидные. Отдельно следует упомянуть маленькие гарпунчики с отогнутыми вперед зубцами. Один такой найден в поселении развитого неолита Швянтойи 3Б и, вероятно, использовался в охоте на тюленей (23). Похожий на него — гарпун из позднего поселения Жямайтишке 2 (24). Все остальные елковидные гарпуны, имеющие много зубцов, найдены пока лишь в позднеарварских поселениях Жямайтишке 1 и 2 (15—18). Это, во-первых, маленькие широкие гарпуны с симметрично расположенными зубцами и узким насадом, которые, вероятно, вставлялись по несколько в одну общую основу. Второй тип — длинные, с симметрично расположенными зубцами на верхушке. Третий — более крупный, с асимметрично расположенными зубцами и широким насадом. И наконец, длинные и массивные с асимметрично расположенными по всей длине зубцами или гранью, обычно треугольного сечения.⁵

Для рыбной ловли могли применяться и другие приемы охоты, например стрельба из лука, так как часто в озерных отложениях встречаются наконечники стрел — игловидные и с конусовидной головкой. Этот прием известен и из этнографического материала. Таким образом охотились обычно на рыбу, мечущую икру, и особенно на щуку, до XX в. остяки и вогулы: человек, сидящий в лодке, одной рукой управляет веслом, а другой держит натянутый лук [Sirelius, 1934, s. 97]. Для такой охоты особенно годились игловидные длинные наконечники, какие были найдены в поселении Швянтойи 23. Стержень наконечника почти одинаковой толщины, насад сплюснен (рис. 1, 8).

Возможно, при ловле рыбы наряду с подобными наконечниками применялись и другие приспособления, которые были найдены в поселении Швянтойи 3Б и 23 (рис. 1, 37). Это могли быть составные части своеобразных вил (остроги) для ловли крупной рыбы. Они бывают совет прямыми или изогнутыми, имеют тщательно отшлифованную головку, повернутую на одну сторону, а конец стержня грубо плоско обтесан с одной стороны. В поздненеолитическом поселении Швянтойи 1А тоже найдены такие предметы, но они несколько отличаются от употребляемых раньше, у них более утолщенная головка, повернутая в сторону, но стержень прямой.

Такие находки (16 экз.) известны лишь в Дании, на оз. Вабран [Thomsen, Jessen, 1906, fig. 18]. Для всего инструмента могли применяться две такие развилки, причем поставленные расширенными частями вовнутрь.

⁵ Мы не касаемся здесь типологии гарпунов и острий в целом, которая подробно разработана в статье И. А. Загорской и приемлема для всей Прибалтики.

Между ними помещался длинный игловидный стержень — наконечник, и все это вместе вправлялось в рукоятку. В таком приспособлении рыбу забивает игловидный наконечник, а вилы по бокам придерживают, чтобы рыба не соскользнула. Похожие приспособления в этнографическом материале известны лишь у эскимосов, где такие вилы⁶ делаются из кости и имеют не один, а несколько зубцов [Sirelius, 1934, S. 96].

Очень древний способ индивидуальной ловли рыбы — это ловля через лед, когда он еще тонкий и прозрачный. Для таких целей могло быть предназначено деревянное приспособление — мочуга, какая, например, найдена на дне бывшего озера в поселении Швянтойи 2Б (рис. 1, 36). Рукоятка ее состояла из прямой ветви длиной до 120 см, головкой являлась часть ствола дерева длиной 38, толщиной 7 см, конец обрублен и сильно сбит. Такие приспособления могли употребляться и для других целей. В Швейцарии они были известны и в раннем и в позднем неолите, похожие были и в Египте во время древнего царства [Müller-Beck, 1965, fig. 99—101]. Аналогичные приспособления встречаются и в этнографическом материале Прибалтики, причем иногда головка сделана из камня [Moszyński, 1929, s. 66—67; Manninen, 1931, S. 106, 107; Sirelius, 1934, S. 95, 96].

Для добывания из-под льда убитой рыбы употреблялись пешни, обычно сделанные из твердых костей крупных животных. Такие пешни известны в Литве уже с мезолитического времени, но лишь по случайным находкам (из Утяляй, Букаучишке, оз. Яра, Альседжяй и др.) (рис. 1, 19). Пешни⁷ встречаются в Северной Европе, где температура воздуха в январе иногда понижается ниже —10 °С. В более западных регионах пешни были не нужны, поэтому их там и не находят [Indreko, 1948, fig. 85, 86]. Этот простой тип изделия почти без изменений сохранился от палеолита до неолита и, вероятно, еще дольше.

Характерно, что пешни часто встречаются в озерных отложениях (как, например, в Кунде), причем в основном ломаные, как бы в результате тяжелой работы. В ранненеолитическом поселении Швянтойи 1Б найдена сломанная пешня. Короткая, но твердая пешня найдена и в поселении развитого неолита Кретуонас 1Б (рис. 1, 25).

К древним и простым видам индивидуальной ловли принадлежит и удочка с крючком. При этом крючки были тройными: палочка-стержень, на которую нанизывали рыбку, крючок составной — из двух частей и обыкновенный U-образной формы. Вероятно, первый вид был самым древним, но трудно определить начало его применения, так как стерженьки делались из дерева и поэтому не сохранились. В Литве самые ранние стерженьки из кости (не очень ясные экземпляры) найдены в поселении развитого неолита Швянтойи 23 (рис. 1, 26), но, безусловно, они должны были употребляться и гораздо раньше, так как костяные стерженьки во Франции известны в позднем палеолите. Они встречаются в течение всего каменного

⁶ Некоторые исследователи считают эти предметы бумерангами. Но бумеранг обычно бывает весь плоский и тщательно обработанный, здесь же грубо обтесанный конец стержня. Причем в том же самом Брабанском торфянике были найдены и настоящие бумеранги.

⁷ Иногда их считают кинжалами, но для кинжала они слишком грубые и их захват совсем непригоден для держания в руке; настоящие кинжалы гораздо более плоские и иногда имеют суженную рукоятку.

века, в Литве найдены и в ранних городищах [Tarasenko, 1956, fig. 7, 9, 10]. В этнографическом материале финно-угорских племен стерженьки сохранились до сих пор, ими ловили не только рыбу, но и водяных птиц, причем там они лишь деревянные [Sirelius, 1934].

Вторая форма — составной крючок тоже плохо сохраняется. Пока известна одна часть такого крючка в развитом неолите в поселении Кретуонас 1Б (рис. 1, 27). Может быть, частью составного крючка был и тонкий стержень из сланца в поселении Нида.

Крючок U-образной формы тоже появился уже в мезолите. Самые ранние были без бородки и довольно крупные. В Литве известен лишь один такой экземпляр, найденный в юго-восточной части, в Даушкяй (рис. 1, 29). В позднем неолите появляются крючки с бородкой, в Литве они найдены также всего лишь в двух экземплярах, один из разрушенного поселения у оз. Яра, другой из позднеарнавского поселения Жямайтишке 2 (рис. 1, 28).

Индивидуальные способы рыбной ловли имели случайный характер и применялись в определенное время года. Постоянно обеспечить пищей общество, даже небольшое, ими было невозможно. Поэтому главные приспособления рыбной ловли в неолите — сети, верши и разнообразные их сочетания.

Обилие и разнообразие сетей и других аналогичных приспособлений показывают, что это изобретение не неолитических рыбаков, а оно уже прошло долгий путь развития и безусловно унаследовано от мезолита. На это имеется ничтожное указание и в Литве. Например, в очаге 6 мезолитической стоянки Нятесай 1 найден хорошо обработанный кусок лыка липы. Именно из такого волокна и делались рыболовные сети. Куски шести сетей найдены лишь в ранне-неолитическом поселении Швянтойи 2Б. Они лежали кучками на дне перешейка бывшего озера.

По находкам из ранних поселений в Швянтойи и других местах можно судить, что основной пряжей для сетей являлось липовое лыко, но обнаружены и мелкие кусочки веревок из волокна крапивы, хотя их назначение и неясно. Для привязки грузил иногда служило и лыко ивы. В развитом неолите появилось волокно конопли, например, в поселении Швянтойи 23 найдена довольно длинная веревка из конопли.

Конопля в каменном веке была известна лишь в Восточной Европе, в то время как в Средней и Западной в неолитических памятниках известен только лен [Кларк, 1953, с. 234, 235], но лен был распространен и в Восточной Европе. Не говоря уже о весьма спорной находке семени льна в Модлоне [Брюсов, 1951, с. 21—24], более достоверная находка известна из Кривинского торфяника Витебской обл. [Чернявский, 1969а, с. 87]. Можно полагать, что в конце неолита при резком уменьшении лип вошли в обиход и конопля и лен. Однако по качеству липовому лыку не могло соответствовать ни одно другое органическое волокно.

В Северной Европе, до периода повсеместного распространения липы, для сетей употреблялось волокно разных сортов ив и других растений (Корпилахти, Вис), но лучшего волокна, чем липовое лыко, не было. Поэтому даже до конца XIX в. (по этнографическим данным) лыко липы употреблялось в Литве еще достаточно широко. Так, например, в Куршском заливе еще в XIX в. край больших трехслойных сетей нанизывался обычно на липовый канат [Benecke, 1881, S. 334]. У северных народов

до XX в. употреблялись сети из липового лыка, и особенно те, которые тянули [Manninen, 1931, S. 192]. Такие сети упоминаются и в Калевале. Сети из лыка липы не портятся в воде, а конопляные сети выдерживают в воде лишь полтора года, хлопчатые — два года. Конопляные или льняные шнуры начинают лопаться уже через 2—3 мес. [Ibid., S. 105; Randomanskis, 1924, p. 24]. По этой же причине полавки и грузила до самого XX в. обычно и привязывались лыком или сосновыми корнями [Bielenstein, 1918, S. 653—654].

Для плетения сетей употреблялись некоторые очень простые приспособления, которые сохранились от каменного века до этнографической современности. Для плетения могли служить многие находки с развилкой на конце, найденные в поселениях Швянтойи. На них крепили сеть при вязке. Для плетения употреблялись узкие дощечки или стерженьки плоскоовального или треугольного сечения, какие были найдены, например, в поселении Швянтойи 1 Б. Такие костяные инструменты, обнаруженные в поселении Восточной Литвы развитого неолита — Кретуонас 1 и позднего неолита — Жямайтишки 2, полностью отвечают этнографическим параллелям (рис. 1, 32). Употреблялась еще катушка для нитей, которая известна по находкам в Кретуонас 1Б (рис. 1, 31), в Сарнате [Ванкина, 1970, табл. XXV, 3] и в Горбуновском торфянике [Раушенбах, 1956, рис. 8, 5].

Сети вязались из веревок разной толщины, скрученных из двух прядей. Пять из найденных сетей в Швянтойи 2Б были сплетены рыбацким (шкотским) узлом, употребляемым до сих пор (рис. 2, 1). Этот неподвижный узел применялся во всей Северной Европе в каменном веке. Таким узлом была сплетена сеть из Антреа (Каменногорск) в пребореальное время [Pälsi, 1920b, fig. 7; Ailio, 1922, s. 7; Auräpää, 1950, s. 6]. Такими были и узлы остатков мезолитических сетей в Висском торфянике Коми АССР [Буров, 1968, рис. 6, 6], в Сийвертси в Эстонии [Indreko, 1948, S. 325], в то время как в Южной Европе был известен лишь обыкновенный подвижный узел [Reinert, 1926, fig. 39, 13, 14; Vogt, 1937, s. 35—37].

Из найденных единственный кусок сети изготовлен неузловым способом (рис. 2, 2), причем из некрученой веревки. При его плетении вначале была вытянута веревка и по ней были кручены обыкновенные петли в одну и другую сторону. Сеть была еще скреплена поперек плетеной веревкой. Эта сеть довольно густая, так как ячейки едва достигают 1 см, но очень подвижная — сильно растягивается. Безузелковая сеть — редкая находка в памятниках каменного века. В Швейцарии, где в бывших озерах найдено много остатков сетей, упоминается лишь одна безузелковая сеть, очень похожая на нашу, только изготовленная из льняной пряжи [Vogt, 1937, fig. 55]. Более сложного плетения безузелковая сеть известна из Дании [Müller, 1896; Mathiassen, 1948, fig. 24]. Сверху сети поддерживались полавками, а снизу — грузилами.

Во всех неолитических поселениях встречаются простые полавки, свитые из бересты, хотя из-за хрупкости они очень плохо сохраняются. Берестяные полавки были найдены в ранне-неолитических поселениях Швянтойи 1Б и 2Б и на поздне-неолитической стоянке Шарняле. В этнографическом материале такие полавки для коротких сетей удерживались до начала XX в.

В основном полавки (рис. 4, 1—14) были изготовлены из сосновой коры, причем можно проследить развитие их типов во времени. Наиболее

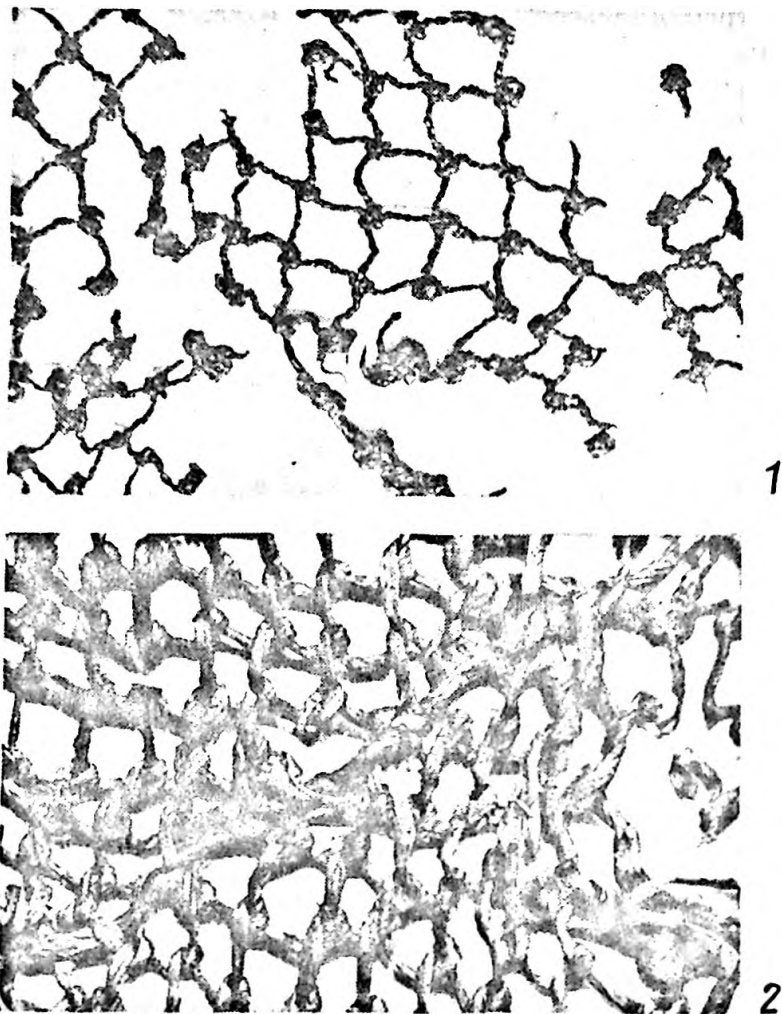

Рис. 2. Остатки рыболовных сетей.

1 — сеть из лыка, 2 — из волокна крапивы.

ранним типом являются трапециевидные поплавки с отверстием на узком конце. Самый большой — длина 19.2 см — найден в Швянтойи 2Б возле остатков крупноячейной сети. Поплавки такого типа известны и в других поселениях (2, 3, 5, 6), а в развитом неолите, например в Швянтойи 23, где найдено очень много поплавков, такие типы составляют лишь 13 %. Больше всего в развитом неолите имеется четырехугольных или слегка овальных поплавков, обычно с вырезками на концах и часто еще с продольной канавкой для веревки (7, 8). В поселении Швянтойи 23 они составляли 70 %, примерно половина из них овальные, остальные четырехугольные. Некоторые из поплавков имели отверстие посередине. Третий тип — это поплавки ромбовидной формы. Изредка они встречаются в развитом неолите (например, в Швянтойи 23) (10), но в основном характерны для позднего неолита. Иногда в позднем неолите встречаются трапециевидной формы поплавки (например, в Швянтойи 1А, Швянтойи 9 — рис. 4, 6), но они обычно

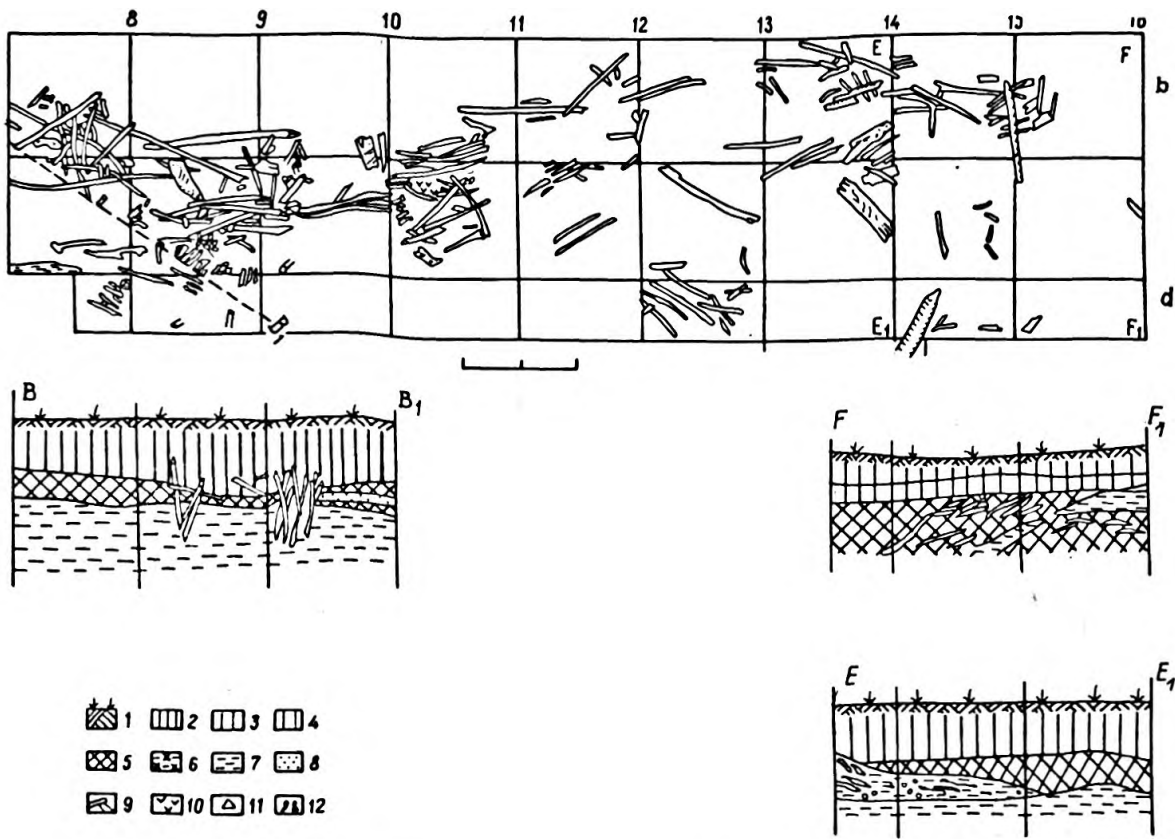

Рис. 3. План раскопа закола в Швянтойи 9.

1 — дери; 2 — чистый торф; 3 — торф с остатками деревьев; 4 — торф с тростником; 5 — сапрпель; 6 — алевроитовый сапрпель; 7 — алевроит; 8 — песок; 9 — колья и жерди; 10 — фрагменты керамики; 11 — грузило; 12 — деревянные изделия.

более случайных форм. Наиболее распространены в позднем неолите овалы поплавок (13), иногда с довольно глубокими выемками на концах (Шарняле) и ромбовидной формы. В Восточной Литве (Жямайтишке 1, 2, 3) ромбовидные поплавки имеют только маленькие углубления на концах (14), а в Западной (Швянтойи 23 и 1А) — отверстие посередине (9). В Западной Литве (Швянтойи 23 и 1) кроме таких в это время встречаются и маленькие четырехугольные поплавки с отверстием посередине (11, 12). Но кроме них в позднем неолите сохранились и поплавки, свитые из бересты (Шарняле). Редкая форма — поплавки с перехватом (4).

Такая последовательность развития типов поплавок подтверждается и находками в соседних странах. В Корпилахти обнаружены лишь большие трапециевидные поплавки [Pälsi, 1920a, fig. VI, 22]; в Сарнате часто встречаются трапециевидные, но в большинстве случаев четырехугольные с выемками на концах и свитые из бересты [Ванкина, 1970, табл. XIII—XIV]. Оба типа известны и на востоке Латвии, в развитом неолите, например в Пиестиня [Zagorskis, 1965, Att.4, 19, 20]. Трапециевидные поплавки из сосновой коры и свертки из бересты еще дольше сохраняются на востоке — в Шигирском и Горбуновском торфяниках [Раушенбах, 1956, рис. 8, 2—4]. Овальные поплавки с двумя маленькими отверстиями на концах в Эстонии

известны уже в мезолитической стоянке Сийвертси [Indreko, 1948, fig. 79, 1].

Таким образом, можно наметить тенденцию последовательного развития типов поплавок, причем самым ранним является трапецевидный, далее овальный или четырехугольный с выемками на концах и, наконец, ромбовидный и четырехугольный с отверстием посередине. Везде их сопровождают свитки из бересты. Все эти типы доживают в этнографическом материале до XX в.

Можно также проследить и тенденцию развития грузил, которые крепились к нижнему краю сети. Все их типы также доживают до нынешних дней. В самых ранних поселениях Швянтойи 1Б, 2Б и 3Б в основном грузилами были обыкновенные разбитые камни, привязанные льком или льковой веревкой (рис. 4, 16). Некоторые из них достигали даже 30 см в диаметре и, вероятно, служили якорями. Другой тип (17, 20, 24—26) — это плоские морские или речные гальки с выемками с двух или четырех краев, которые иногда бивают и обработанными (26). Изредка они появляются уже в ранненеолитических приморских поселениях (например, Швянтойи 1Б), но наибольшего распространения получают в развитом и позднем неолите (Швянтойи 3Б, 23 и 1А; Жямайтишке 1, 2 и 3). В самых поздних поселениях со шнуровой керамикой — Нида на Куршской косе и в Восточной Литве — верхние слои Кретоуонас 1, Пакретуоне 1 — кроме уже редких галек с двумя или четырьмя выемками в большинстве случаев встречаются маленькие гальки с тремя выемками — клеверовидные (рис. 4, 21—23). Редко попадаются грузила с отверстием, пока они известны лишь в Северо-Восточной Литве (19).

Хотя тенденцию развития грузил и можно наметить в общих чертах, однако разные типы могут дольше сохраняться в определенных памятниках. Например, в поселении со шнуровой керамикой Шарняле для грузил употреблялись лишь простые известняковые камни, перевязанные льком (рис. 4, 18).

Простые перевязанные камни, по-видимому, являлись самыми ранними, так как такими грузилами была оснащена сеть из Антреа пребореального периода [Pälsi, 1920, S. 20] и сети из мезолитических стоянок Эстонии Сийвертси и Ламмасяги [Indreko, 1948, fig. 79, 3, 6]. Овальные грузила из гальки с выемками, которые, вероятно, появились в самом конце раннего неолита и получили всеобщее распространение в развитом и позднем неолите, были распространены во всей Евразии — на Байкале, Урале, в Прибалтике и в Западной Европе. Рыбаки на Куршской косе употребляли их до XX в., при этом по форме они были тождественны неолитическим.

Общераспространенным во всем мире являлось и такое грузило, как маленькая (5—7 см) галька, обернутая берестой (рис. 4, 15). Она обматывалась обычно очень тщательно, кончики завязывались веревкой, которая при этом еще и перевязывала все грузило. Такие грузила встречены во всех областях Литвы как в самых ранних поселениях (Швянтойи 1Б и 2Б), так и в самых поздних (Жямайтишке 2). Иногда в бересту завертывали случайные вещи — черепок или горсть песка. Порой такая обернутая галька вставлялась в кружок из лозы (один плохо сохранившийся экземпляр найден в поселении Швянтойи 3Б). Трудно судить, сколько обернутых грузил было на поселениях, поскольку их нельзя определить, когда

отсутствует обмотка берестой. Но, вероятно, к таким грузилам относятся, например, на поселении Нида кучки по 60—100 галек одинакового размера, найденные в одном месте.

Такие обернутые грузила встречаются почти во всех торфяниковых поселениях разных периодов — в Латвии [Ванкина, 1970, табл. XVII, XVIII], в Белоруссии [Чернявский, 1969а, рис. 13, 10], на Урале [Раушенбах, 1956, рис. 8, 7] и др. Они употреблялись до XX в., но обертывались в основном не берестой, а тряпкой [Benecke, 1881, S. 378; Bielenstein, 1918, S. 649; Manninen, 1931, fig. 193].

Вставленные в кружок из лозы, такие грузила найдены в неолитическом поселении в Шигирском торфянике [Дмитриев, 1951, с. 48]. Этот тип известен и в этнографическом материале Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и других стран [Manninen, 1931, fig. 193].

Обернутые грузила имели особое назначение, и хотя на их изготовление требовалось больше труда, зато они были бесшумными и не пугали рыбу. Поэтому без них не обходились тянущие сети. При сушке сетей такие грузила отвязывались. В зависимости от глубины водоемов, длины и ширины сетей количество их было различным.

О длине сетей каменного века пока сказать затруднительно. Но по этнографическим данным известно, что сети были очень разной длины, в зависимости от сезона и объекта ловли. О ширине сетей можно составить точное представление — они были до 60—70 см. На это указывают валки или распорки (рис. 1, 45, 46), которые крепились к концам сетей, найденные на поселениях раннего и развитого неолита Швянтойи 1Б, 2Б, 23. Такие распорки имели на концах головки для привязывания, иногда на головках были надрезы. В позднем неолите (Швянтойи 1А) тоже найдены части распорок, но судить об их длине невозможно из-за плохой сохранности.

Распорки примерно таких же размеров найдены и в Сарнате — 55—70 см длиной, много их также в Горбуновском торфянике. Несколько сложнее выглядят распорки Висского торфяника, достигающие в длину 130 см. Предполагается, что сеть из Корпилахти шириной также 130 см.

По этнографическим данным самые древние сети — это узкая полоса (без мешка), которую прямо в воде поддерживают поплавки и грузила, а концы натянуты на распорки. Привлекая этнографические параллели, С. Пяльси предполагал, что сеть из Корпилахти должна была достигать примерно 27 м в длину. Но по этнографическим данным северных народов известно, что активно применяемая сеть (без мешка) была и гораздо короче (длиной около 6 м), иногда даже без поплавков и грузил [Sirelius, 1934, fig. 204]. Короткие (8—10 м длиной) и узкие сетки без мешка еще в XIX в. употреблялись в Вислинском заливе [Benecke, 1881, S. 256, 257]. Это, безусловно, очень древнее приспособление. По-видимому, и в каменном веке употреблялись сети различной длины. Длинные сети применялись для пассивной ловли, они ставились на ночь, а короткие использовались для активной добычи.

Активный способ — это когда короткими узкими сетями окружался маленький участок озера, обычно в его зарастающей прибрежной части. Такие сети (так называемые подкидываемые сети) в XIX в. были 7—8 м длиной и около 1 м шириной. Для них употреблялись обернутые грузила. Сеть закидывали там, где видели скопление рыбы. Ловля рыбы такой сетью требует большой ловкости. Как только почувствуют, что рыба кос-

нулась сети, ее замыкают распорками и таким мешком рыбу вытаскивают на берег [Bielenstein, 1918; Manninen, 1931; Šulcs, 1961]. В такие сети гнали рыбу с помощью балдаков — это могла быть и обыкновенная палка, но в большинстве случаев, по-видимому, употребляли еще диски, которые нанизывались на концы жерди, иногда еще прикрепляя их лыком (рис. 1, 43). Найденные диски почти одинакового размера — 9—11 см, обычно деревянные, округлые, линзовидного или сегментовидного сечения, с продолговатым прорезом в середине. Иногда (например, в поселении Швянтойи 23) встречались диски и из сосновой коры, причем даже четырехугольной формы. Один диск, найденный в поселении Швянтойи 2Б, был нанизан на жердь (рис. 1, 44). Такие диски из дерева и коры найдены во многих торфяниковых поселениях как в мезолите (Тырвала, Вис 1), так и в неолите (Сарнате, Нижнее Веретье и в разных датских поселениях).

Балдаки широко известны по этнографическим данным. Теперь в Литве в большинстве употребляются балдаки с воронковидной головкой (они более позднего славянского происхождения), но сохранились и простые дощечки, прикрепленные к концу длинной жерди, более близкие к балдакам каменного века [Bielenstein, 1918, S. 66; Znamierowska-Prüfferowa, 1930, fig. 37; Ränk, 1934, fig. 19]. Хотя можно предполагать, что эти жерди с дисками имели и другое назначение — толкать лодку в илистом озере. Но, возможно, они применялись для обеих целей.

По всей вероятности, рыбаки прибрежных лагун моря использовали еще и траловидное приспособление для ловли рыбы (*kindelis*). Это мешок из сетки, натянутый между двумя длинными досками, которые имели зарубки или зубцы на концах, а посередине отверстие (рис. 1, 33, 34). Между двумя такими досками в отверстие вставляли длинную жердь, чтобы она поддерживала расстояние между досками и тем самым устье трала. Такие траловидные приспособления с помощью зубцов крепились к лодке, которая и тянула их. В поселениях раннего и развитого неолита в Швянтойи найдено 8 таких досок, в большинстве случаев сломанных пополам в месте отверстия. Единственная почти целиком сохранившаяся доска (Швянтойи 1Б) (34) была очень простой, 89 см длиной и 8.5 см шириной (концы ее отломаны), зубцов не было, но отчетливо видны зарубки и следы от веревок. Возле доски лежала часть жерди, которая ставилась между досками (35), с выступом на конце. Другие доски, вероятно, достигали более 200 см в длину, но расстояние между зубцами оставалось 80—90 см. Такие приспособления употреблялись и поздненеолитическими рыбаками, так как в поселении Швянтойи 1А также найдено несколько фрагментов таких досок, мало отличающихся от более ранних. Они лишь несколько уже, и отверстие в них не пробито, как у ранних, а высверлено в форме цилиндра.

Вообще эти доски мало отличаются от этнографических, уцелевших на побережье Куршского залива. Целое приспособление этнографам не удастся уже найти, так как ловить рыбу такими приспособлениями запрещено законом еще в начале XIX в., а известны они лишь по найденным частям и из литературы [Bencke, 1881, S. 340; Morkūnas, 1975, fig. 1, 2]. От этнографических орудия каменного века отличаются длиной своих концов. Этнографические доски бывают около 100 см длиной, что приблизительно равно расстоянию между зубцами досок каменного века, при этом зубцы или зазубрины у этнографических экземпляров имеются на конце. Наверное, эти длинные выступы на концах были нужны для того, чтобы весь снаряд не завяз в иле. Между досками ставилась жердь до 500 см дли-

ной, которая в каменном веке, безусловно, была гораздо короче, так как и лодка, тянувшая это траловидное приспособление, была гораздо слабее (этнографические тралы тянулись быстрыми парусными лодками). На верхнем краю трала крепились поплавки, на нижнем — грузила; канат зацеплялся за зубцы, к месту соединения канатов был привязан камень, который регулировал погружение.

Одним из орудий ловли рыбы служила верша, которая употреблялась для пассивной и для активной ловли. В поселениях Швянтойи найдены два типа верш. Обычно они делались из сосновых лучин в 2—3 см шириной, соединенных между собою лыком. Как видно из уцелевшей части в поселении Швянтойи 2Б, конец закрывался донышком в 10 см шириной, тоже из лучин (рис. 1, 47). В поздненеолитическом слое Швянтойи 1А найдены более длинные куски таких верш. В одном месте часть верши 80 см длиной и 15—20 см шириной залегала двумя слоями, между которыми в одном конце лежал плоский камень 5 см в диаметре. Вероятно, это был кончик верши с гортанью. А на дне раскопа, возле оградки, окружавшей поселение, найден второй пучок лучин длиной 265 см, образующий три слоя. Лучины были почти одинаковы — 2—3 см шириной и 1 см толщиной, четырехугольного сечения. Но не уцелело никаких следов перевязки. Отдельно за оградкой найдена нижняя часть третьей верши в 25 см длиной. Над ней лежал камень 12 см в диаметре, под которым уцелела береста. Части верш из лучин (до 100 см длиной) были обнаружены и в поздненеолитическом поселении Жямайтишке 1. В одном случае, у поздненеолитического закола Швянтойи 9, найден пучок прутьев, которые указывают на то, что верши изготовлялись также из прутьев, как это обычно фиксируют и этнографические материалы.

Верши из лучин или прутьев в Европе встречены уже в мезолитических памятниках. Везде они очень одинаковые по форме — конусовидные или колоколообразные. Один из самых древних экземпляров, найденный в Дании, относится к началу атлантического периода; его длина 4 м [Кларк, 1953, табл. II; Brøndsted, 1960, S. 128—129]. Мало изменились верши и в наши дни, только они обычно делаются из прутьев, редко из лучины, и бывают связаны в узком конце [Manninen, 1931, S. 237—240].

Кроме таких верш в каменном веке уже была известна сеть, натянутая на неподвижном каркасе из жердей. В поселении Швянтойи 2Б были найдены куски двух таких верш (рис. 1, 48). Каркас их сделан из прутьев 1.5 см толщиной. Сеть сплетена из липового лыка прямо на дугах, связана рыбацким узлом. Возле этих остатков лежал кусок толстой веревки. В других поселениях остатки таких верш встречаются крайне редко, вероятно потому, что они плохо сохраняются. Лишь в Висском торфянике обнаружены изогнутые жерди с отверстиями, на которые, как полагают, была натянута сеть [Буров, 1966, с. 161—162].

По мнению этнографов, верши, обтянутые сетью, должны были появиться позднее, чем верши из лучины или прутьев. Причем они западного происхождения, так как у финно-угров это приспособление известно позже [Sirelius, 1934, S. 120].

Находки в Швянтойи 2Б могли быть остатками таких верш на неподвижном каркасе [Bielenstein, 1918, fig. 605; Moszyński, 1929, s.79]. Но это мог быть и обыкновенный сак на длинной рукоятке [Manninen, 1931, fig. 134]. В Тракайских озерах Литвы до недавнего времени употребляли такие саки из сети, натянутой на маленькую (около 40 см в диаметре) дугу.

Такими саками вынимали оглушенную рыбу из-под льда или летом ловили у берегов [Znamierowska-Prüfferowa, 1930, fig. 18].

Теперь уже редко встречаются верши, обтянутые сетью, так как их повсюду заменили длинными вентерями с несоединенными дугами. Верши чаще использовали для пассивной ловли — ставили на ночь между камышом или тростником. Иногда, как показывает этнографический материал, употреблялись особые лестницевидные устройства для крепления и поднятия их, несколько похожие найдены в поздненеолитическом поселении Абора I в Латвии [Лозе, 1979, с. 78, 79].

Верши ставились также у специальных заколов. Такой поздненеолитический закол (возле него найдены черепки шнуровой керамики) исследован в Швянтойи 9 (рис. 3, 9, 10). Он был сооружен в том месте, где бывшее озеро соединялось речкой с морем. По разрезу видно, что закол неоднократно заносился песком как со стороны озера, так и моря. Во время раскопок он лежал ниже зеркала грунтовой воды, как и в то время, когда был сооружен. На дне залегал аллевит, в который были вбиты колья. Культурный слой состоял из тонкого слоя сапропеля, сохранившего много органики, некоторые деревянные предметы и принадлежности лова, а также немного керамики. Этот слой до дневной поверхности был перекрыт торфом. Уцелело много стоящих столбов, жердей и рогуль, покрытых корой. По их расположению видно, что закол 40 м длиной был несколько изогнут. Он начинался у северного берега протоки и, вероятно, достигал его середины, как это бывает у примитивных заколов, известных по этнографии. В середине закола были оставлены ворота, в которые вставлялись верши. Куски их дуг найдены у закола. Возле ворот с обеих сторон плотно друг к другу были вбиты в грунт в два ряда колья. А между рядами закладывались еще большие куски сосновой и ольховой коры. Колья были 120—147 см длиной, но их верхушки стояли почти на одном уровне. Толщина колевок обычно 8—11 см, хотя между ними замечены и еще более короткие и тонкие колышки, которые, вероятно, были вбиты во время починки закола; старались, чтобы часть закола у ворот была более плотной. С целью удержать колья на месте их прикрепляли к длинным (до 260 см) бревнам, которые, надо полагать, во время пользования заколом были еще привязаны лозою. Эти бревна подпирались длинными рогулями, найденными в нескольких экземплярах. К обоим концам закола расстояние между кольями увеличивалось. Между рядами уже не было коры, а лишь длинные тонкие жерди, чтобы они пропускали воду, но с шумом. В целом же весь закол был специально изогнут. На концах закола, между редко стоящими кольями и жердями, вода сильно завихряется и рыба, не найдя у крыльев спокойного места, вынуждена была плыть возле закола в тихую среднюю часть, где и попадала в вершу.

В археологической литературе имеются некоторые данные о заколах каменного века. Самым близким к нашему, пожалуй, является закол в Луговом торфянике на р. Свияге, в Ульяновском р-не [Буров, 1972, с.35—40], хотя там лишь один кол уцелел в стоячем положении. Некоторые заколы каменного века известны и из северо-западных стран Европы [Кларк, 1953, с. 53].⁸

⁸ Между прочим, в литературе часто упоминается «закол», найденный в 1911 г. на Карельском перешейке в окрестности Кюрклет (ныне Каменногорск) [Topelius, 1912]. Позднее естествоведы выяснили, что это сооружение бобров [Europeus, 1922], причем грузила, которые связывались с «заколом», были найдены довольно далеко от него.

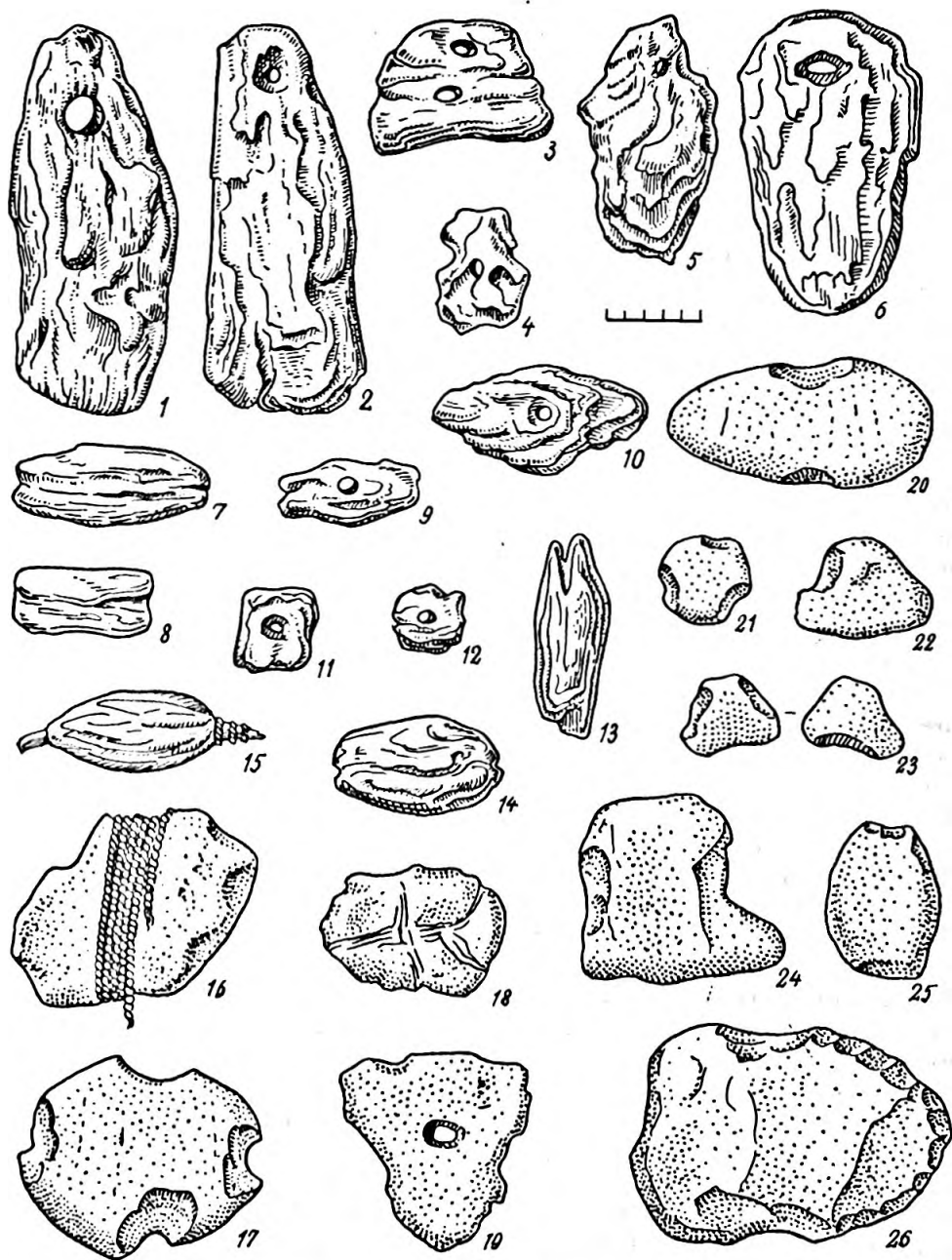

Рис. 4. Поплавки из сосновой коры и дерева (1—14) и каменные грузила (15—26).

В каменном веке больше известно заколов другого типа — передвижных, из заслонов [Левенок, 1969, с. 88—90; Буров, 1969, с. 133—134] или котцы [Федоров, 1953, с. 305]. В Северо-Западной Европе (Шедемосе на Аландских о-вах) найден еще более сложный закол, состоящий из котца с крыльями [Hagberg, 1966—1967, fig. 74, 75, 77—81].

По этнографическим материалам известны очень разнообразные заколы. Самые примитивные сходны с нашим заколом каменного века [Sirelius, 1934, S. 122—124].

Сохранились следы охоты на тюленей. Большинство гарпунов и их частей найдено в раннеолитическом поселении Швянтойи 2Б, здесь же найдено и большое количество костей тюленей. Вообще все обломки гарпунов найдены между костями животных. В Швянтойи 3Б и 23 специально из костей тюленя изготовляли скребла для мездрения шкур. На тюленей охотились с помощью довольно крупных гарпунов (рис. 1, 12, 30). Сколько зубцов имели эти гарпуны, трудно определить, так как они обычно сохранились в обломках, но, вероятно, не более 1—3. В насаде обычно бывает отверстие, через которое гарпун соединялся с древком. В одном отверстии сохранилась длинная веревка из лыка (рис. 1, 13). Очень крупный гарпун с одним зубцом найден в поселении развитого неолита Швянтойи 23 (рис. 1, 30).

Неолитические гарпуны с одним или несколькими зубцами известны на всем побережье Балтийского моря. Они найдены в Латвии, Эстонии [Ванкина, 1970, табл. XXV, 1, 2; Zagorska, 1972, Att. 4, 6, 8; Jaanits, 1965, fig. 10, 19; 14, 1—3] и в других местах. Неоднократно в отложениях Литоринового моря были встречены костяки тюленей с гарпунами возле них — спасшихся от охотника, но затем погибших [Кларк, 1953, рис. 37].

Насад единственного поворотного гарпуна (рис. 1, 21) был найден на поселении Швянтойи 3Б. Такие гарпуны предназначались специально для охоты на морских животных и распространены во всем мире [Береговая, 1953, рис. 2].

Третий тип гарпуна, о котором уже говорилось выше, возможно, также предназначался для охоты на тюленей. Он представлен только одним экземпляром в поселении Швянтойи 3Б (рис. 1, 23). Длина его лишь 7 см. Имеются два острых зубца, расположенных симметрично по обеим сторонам орудия и направленных в одну сторону. На другом конце оставлены натуральные отростки кости.

В позднеолитических приморских поселениях хотя и не найдено гарпунов, но обнаружены кости тюленей, доказывающие продолжение этого промысла и во время появления культуры шнуровой керамики, например, в Швянтойи 1А и Ниде на Куршской косе. В разных поселениях жуцевской (приморской) культуры тоже встречаются и кости тюленей, и даже иногда гарпуны [Žugek, 1954, s. 23].

По этнографическим параллелям, наверно, можно описать и маленький острый гарпун из поселения Швянтойи 3Б (рис. 1, 23). По своему облику он напоминает трезубый крючок, который употреблялся рыбаками Эстонии и Финляндии для охоты на тюленей. Такие железные крючки имеют два зубца, отвернутых вперед, а один — назад. С помощью собак находили белька. Ему на спину прикрепляли такой крючок и на длинной веревке выпускали в воду. На помощь бельку приплывала самка, обнимала его и старалась оторвать от веревки. А когда охотник дергал веревку, самка сама попадала на отогнутые вперед крючки. Потом охотник убивал палками или гарпунами обоих [Manninen, 1931, fig. 65; Sirelius, 1934, fig. 152]. Таким образом и уничтожили все популяции, так как самка приносит лишь одного белька в год.

На тюленей охотились и копьями с плоскими наконечниками (рис. 1, II), так как в поселении Швянтойи 2Б найден череп тюленя, пробитый через оба глаза таким наконечником.

При морской охоте и рыболовстве нужны были средства транспорта. Самые древние остатки лодок и весел в Литве имеются лишь из раннего неолита. Но разнообразие форм весел и совершенное изготовление их свидетельствуют о том, что это результат длительного развития и, безусловно, они были хорошо известны уже в мезолите.

Довольно крупные части челнов обнаружены в поселении Швянтойи 1Б, но по ним трудно судить о лодке в целом. Самые большие куски челна лежали у поздненеолитического закола Швянтойи 9. Челн лежал на самом дне раскопа, под свалившимися остатками закола. Уцелела лишь часть его дна 360 см длиной и 25—32 см шириной, причем переломанная в нескольких местах. На дне, особенно у одного конца, ясно было видно углубление. Уцелели в некоторых местах еще части бортов, утончающихся по краям. По-видимому, челн попал в воду уже совсем в разрушенном виде.

Представление о форме челна дает модель длиной 96 см и около 25 см шириной, изготовленная из дуба, найденная в ранненеолитическом поселении Швянтойи 2Б. Стенки ее были несколько тоньше и загнуты вовнутрь, нос высоко поднят и, наверно, в древности украшался еще скульптурой, от которой остались лишь слабые следы.

Долбленные лодки-челны, как и сети, являются такими изобретениями человечества, которые, появившись в каменном веке, сохранились вплоть до XX в. почти в неизменной форме.

В Европе известно несколько челнов мезолитического времени [Clark, 1964, S. 80], а в неолите их уже довольно много уцелело в Британии, Дании, Германии, Швейцарии и в других странах [Paret, 1930, S. 76—116; Кларк, 1953, рис. 154; Brøndsted, 1960, S. 218, 219], в Калининградской обл. [Stadie, 1921, S. 151; Grigat, 1927, S. 34], в Латвии [Sturms, 1940, S. 53, 54; Ванкина, 1970, с. 92], на Ладожском озере [Иностранцев, 1882, с. 15] и еще дальше на восток — на р. Оби [Федоров, 1953, рис. 7, 1, 2]. В Литве сохранились некоторые челны более позднего времени [VIII—XII вв. н. э.], в целом очень похожие на неолитические, но только с низким носом [Kuncienė, 1975, p. 53].

Поднятый нос челна, наверно, является одним из признаков лодок каменного века. Кроме упомянутой модели, в Швянтойи 1Б был найден и отломанный приподнятый нос большого челна. Поднятый нос имелся и у челна из Сарнате [Ванкина, 1970, табл. VIII, 2]. Такие же были найдены в Дании (Омосен) и Германии (Федерзе) [Paret, 1930, S. 112]. Надо полагать, что нос был еще богато украшен. По следам на нашей модели можно заключить, что на верхушке была вырезана какая-то головка. Высоко поднятые и часто украшенные звериными головками носы челнов видны в скандинавских наскальных изображениях [Vogel, 1912, fig. 1, a, b]. Наверно, эти украшения надо воспринимать как стилизацию, так как наскальные рисунки имели, безусловно, культовое значение и многое в них преувеличено. Но все-таки они отражали естественные обычаи.

Для устойчивости по краям челна иногда крепились доски. Об этом можно судить по находке челна в Веруп 1 в Дании, который был 550 см длиной и имел маленькие отверстия по краям [Brøndsted, 1960, S. 218—

220]. Может быть, остатками таких лодок были и некоторые доски с отверстиями, найденные в поселении Швянтойи 2Б.

Челны делались из разных пород дерева. Упомянутая модель изготовлена из дуба, но все остальные — из более мягкого дерева хвойных и лиственных пород.⁹

С челном связан и деревянный ковш для выливания воды с открытым концом. Такой ковшик был найден в поселении Швянтойи 23 на затопленном берегу бывшего озера.

Челны передвигались с помощью жердей и весел. По этнографическому материалу известно, что жерди, с помощью которых толкали челн в зарастающем озере, были часто загнуты на концах, с прикрепленными дощечками на конце или обмотанными толстым слоем бересты [Rasmussen, 1953, S. 36]. В связи с этим можно предполагать, что и упомянутые жерди с дисками (рис. 1, 43, 44), которые могли использоваться вроде балдаков, вначале были предназначены именно для толкания челнов в илистом зарастающем озере [Troels-Smith, 1960, p. 118]. Но дальше на озере обычно челн передвигался при помощи весел. Весел и их фрагментов на поселениях Швянтойи 1Б, 2Б, 3Б, 23 и 1А найдено около 30 экз. Они были изготовлены из разных пород лиственных деревьев и имели разнообразную форму. Во-первых, это узкие длинные весла с острым окончанием лопатки (рис. 1, 42). По уцелевшим целым веслам можно судить об их длине, которая, например, в поселении 1Б достигала 144 см, в поселении 2Б — 169 см. Ширина лопатки колебалась от 7.5 до 13 см. Такие весла употреблялись по одному и были предназначены больше для толкания лодки, чем для гребли. Между ними следует упомянуть своеобразное весло с длинным языком на конце с отломанной рукояткой (рис. 1, 38), найденное стоящим в слое сапропеля. Уцелевшая часть была 74 см длиной и 13 см шириной.

Узкие длинные весла имели иногда и затупленный кончик, наверно, они также употреблялись в большинстве случаев для отталкивания челнов. Такие весла несколько короче, чем острые, например, в поселении Швянтойи 3Б найдено уцелевшее весло 126 см длиной, с лопастью 9 см шириной (рис. 1, 41).

Для гребли употреблялись более короткие весла, с овальной лопастью, причем они иногда встречались попарно. Так, в поселении Швянтойи 2Б найдена рядом пара почти одинаковых весел с лопастью в 8 и 9 см шириной и 32 и 34 см длиной (рис. 1, 39, 40). Поскольку уцелела лишь часть их рукоятки, точно судить о длине невозможно, но приблизительно они были 120—130 см.

В поселении развитого неолита Швянтойи 23 обнаруженные весла были, наверно, более универсальными. Их лопасти острее, чем у парных весел из поселений 1Б и 2Б, они иногда также находились парами. Одна такая пара имела лопасти 57 и 61 см длиной и 9 см шириной. Уцелевшее весло с целой рукояткой в данном поселении было 130 см длиной, а его лопасть —

⁹ Хотя в музеях, особенно в Западной Европе, хранятся челны обычно из дуба [Paret, 1930], это отражает, вероятно, лишь то, что такие челны могут сохраняться и без консервации, а экземпляры из более мягких пород деревьев погибают. Среди этнографического материала дубовые лодки встречаются очень редко, чаще они изготовлены из сосны, тополя и других лиственных пород деревьев.

55 см. Следует упомянуть еще одно отличающееся от других весло, найденное в поселении 2Б с узкой, в 5 см, лопастью треугольного сечения толщиной 1.8 см.

В позднем неолите, как это можно судить по находкам в Швянтойи 1А, употреблялись различные весла — и остроконечные, и с тупым концом. В данном поселении были найдены лишь их фрагменты, причем часто использовавшиеся как строительный материал для ограды поселения.

В поздненарвском поселении в Восточной Литве Жямайтишке 2 была найдена лишь часть весла — переход от рукоятки к лопасти, но определить его тип не представилось возможным.

Весла, разумеется, такое же древнее изобретение, как и челн. Мезолитические весла известны из разных стоянок в Британии, Дании, Германии, на Урале, в Коми АССР [Clark, 1936, fig. 39; 1964, p. 80; Schwantes, 1934, fig. 101, 109; Буров, 1968, рис. 5, 6]. Это обычно короткие весла с тупыми концами (лишь висский экземпляр заострен). Довольно много весел найдено в неолитических поселениях Советского Союза [Эдинг, 1940а, рис. 3, 4; Дмитриев, 1951, рис. 4, 21; Брюсов, 1951, рис. 11, 1; Раушенбах, 1956, рис. 1, 15; Микляев, 1969, с. 28] и Западной Европы [Kostrzewski, 1936, fig. 6; Reinert, 1929, S. 141; Brøndsted, 1960, S. 128; Кларк, 1953, с. 284]. Они разнообразны, бывают и с острыми и с тупыми концами. Лишь весло с односторонней лопастью — редкое явление (известно из мезолитической стоянки Нольмегор 1 [Brøndsted, 1960, S. 72]).

В этнографическом материале весла обычно очень примитивной формы: бывают и с очень короткой лопастью, но обычно более длинной, но узкой и с тупым концом [Moszynski, 1929, fig. 54].

Значение рыболовства в хозяйственной и общественной жизни людей особенно ясно в раннем и развитом неолите, когда рыба была гораздо крупнее современной, а люди уже имели достаточно приспособлений для лова. Но в Прибалтике в истории хозяйства не было такого времени, когда рыбная ловля представляла единственную отрасль хозяйства. Во всех исследованных нами неолитических поселениях, где найдено огромное количество рыбных костей, было много и костей крупных диких животных: лося, кабана, оленя, тура, медведя, косули, не говоря уже о пушных. Нам кажется, что редко в поселение приносили всю тушу зверя, обычно рубили на части и брали лишь самые крупные. А рыба приносилась целиком. Подсчет соотношения массы рыбного и звериного мяса, нам кажется, был бы в определенной мере недостоверным. Это может, например, проиллюстрировать количество костей тюленя в поселении Швянтойи 2Б (76 %) и 1Б (1 %), хотя оба поселения релятивно того же времени. Поскольку все оборудование для лова приспособлено в большинстве случаев к летнему сезону, можно полагать, что рыбой кормились в основном летом, а если какими-то древними способами (например, битье через лед) и ловили рыбу зимой, это была лишь случайная добыча. Очевидно, зимой обычно занимались охотой.

Следует думать, что если половину года, а может быть и еще больше, рыбная ловля занимала в хозяйстве господствующую роль, это, безусловно, должно было отражаться на общественной и духовной жизни неолитического общества. И об этом имеются некоторые данные. Именно в это время, когда возрастает роль рыбной ловли, рядом с культом хозяина зверей

(или как часть того же культа), который сам является зверем, появляется, наверно, и культ хозяина водного мира. Это не была ни рыба, ни водяная птица — это был человек. Хозяин зверей, представление о котором уходит в глубь веков, сохранил образ зверя, а хозяин вод появился позже — потому он уже приобрел человекообразный облик.

Во всех сообществах рыболовов Северной Европы мы встречаем деревянные идолы — столбы с человеческими головками. Такие идолы были найдены в Швянтойи 2Б, в Сарнате, на Шигирском и Горбуновском торфяниках и во многих других поселениях рыболовов [Мошинская, 1976]. А следы таких хозяев остались у рыболовов глухих северных районов даже до XIX в. Подобные идолы, например, в Северной Финляндии ставились у самых богатых рыбою водоемов как их охрана. Называли их «большими хозяевами» — отцами. Особенных культовых обрядов при них не исполняли, но иногда жертвовали какую-либо очень большую рыбу (лосося, например), завернутую по древнему ритуалу в бересту. Говорить о таких жертвах в неолите что-либо определенно трудно. Вероятно, они были, но не оставили следов. Возможно, «жертвой» являлась упомянутая модель челна из поселения Швянтойи 2Б. Челн стоял прямо на дне озера и, кажется, был умышленно потоплен, так как при нем лежал и большой камень (якорь?). На такую мысль наводит и то, что челны и лодки (и настоящие, и модели их) были часто объектами жертвоприношения [Müller, 1897, fig. 233; Brøndsted, 1960, S. 240; Urtans, 1977, fig. 89]. Жертва — это один из основных обрядов всякого культа.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РЫБОЛОВСТВЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ (по материалам современной Калининградской области)

Наиболее документированные свидетельства о рыболовстве в неолитическое время имеются в памятниках Цедмарского торфяника.

Стоянки Цедмар А и Д связаны с довольно обширным, впоследствии заболотившимся озером. Площадь заболоченного пространства составляет около 366 га, собственно Цедмарского торфяника — около 94 га. Мощность озерно-болотных отложений в наиболее глубоких местах торфяника достигает 20 м. Окончательное заболачивание озера относится к довольно позднему времени. Так, известно, что еще в 1768 г. в одном из указов прусского короля Фридриха Великого это место именовалось «озеро Астравикшен». Значительно обводненным торфяник был еще в XIX в., до проведения первых мелиоративных работ в 1868—1874 гг. [Gross, 1939]. Некоторое представление о рыбных ресурсах этого района можно получить из данных по ихтиофауне ближайшего к Цедмарским стоянкам оз. Виштынецкого, наиболее крупного в Калининградской области. В этом озере обитают: ряпушка, сиг, плотва, лещ, карась, линь, щука, окунь, налим, угорь (промысловые виды), а также елец, польян, красноперка, укляя, густера, пескарь, шиповка, ерш, бычок, минога ручьевая, вьюн, голец. Некоторые из их числа (ряпушка, налим, возможно, сиг) рассматриваются ихтиологами как реликты ледниковых водоемов, ряд других (плотва, щука, окунь, ерш) специалисты относят к видам, заселившим Прибалтику вслед за отступающим краем ледника [Алексеев, 1971]. Некоторые виды оказались в озере, по-видимому, уже в недавнее время, в результате хозяйственной деятельности человека (лещ, карась, линь, возможно, сиг и угорь) [Там же].

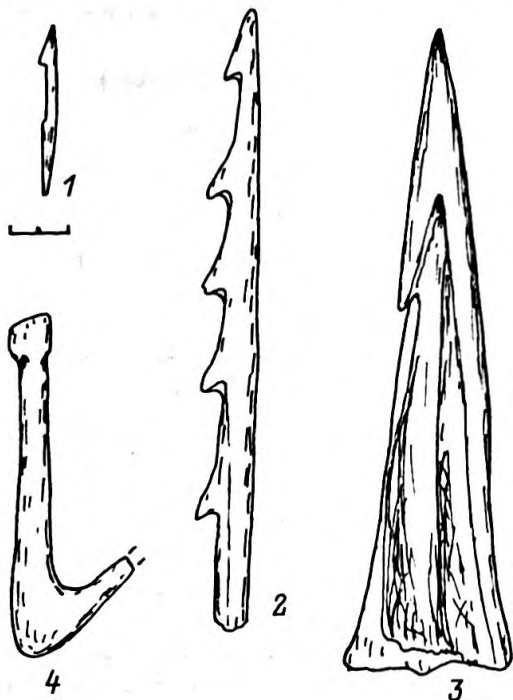
Для всех периодов существования поселений на берегах оз. Астравикшен имеются некоторые свидетельства о наличии рыболовства. Наиболее ранние из них относятся ко времени существования неолитического поселения, остатки которого залегают в нижнем культурном слое поселения Цедмар А (5300—4700 лет тому назад, по данным C₁₄). В неолитическом культурном слое были обнаружены кости щук (преимущественно), а также сома и плотвы.¹ По мнению В. И. Цепкиной, размеры щук составляли

¹ Определения ихтиофауны цедмарских стоянок сделаны В. И. Цепкиным. Пользуюсь случаем выразить ему свою искреннюю признательность.

от 42 до 120 см, сома — около 125 см, а кости плотвы принадлежали рыбе длиной 10—12 см. На материке (алеврите) в квадрате А₁₇ было отмечено также небольшое скопление рыбьей чешуи — плотвы (*Rutilus rutilus*).

Среди серни орудий из кости и рога в неолитическом слое в северо-восточной части раскопа встречено два наконечника гарпунов. Крупный фрагментированный гарпун с односторонними редкими зубцами залегал в основании нижнего горизонта неолитического слоя и связывается,

очевидно, с наиболее ранним этапом заселения стоянки. Длина сохранившейся части изделия 19,8, ширина 1,8 см, основание сломано (см. рисунок, 2). Изделие ближе всего к четвертой группе односторонних гарпунов Латвии [Загорска, 1975]. Второй наконечник (1) — тонкий, мелкий (длиной 5,5 см), с одним зубцом на конце острия, с выделенной и несколько заостренной тыльной частью залегал в нижнем горизонте стратиграфически нерасчленяющегося неолитического слоя. Следует заметить, что у первого наконечника основание сломано, а у второго выраже-

Костяные орудия рыбной ловли.

1—2 — наконечники гарпунов или острог; 3 — орудие для плетения; 4 — рыболовный крючок.
1, 2 — Цедмар А; 3, 4 — Цедмар Д.

но лишь слабым утолщением, так что в принципе оба изделия могли использоваться и в качестве наконечников острог, не отделяющихся от древка.

В культурном слое поселения Цедмар Д, относящемся к более позднему времени (4400—4100 лет т. н., по данным С₁₄), также найдены обломки костей рыб (около 60 экз.). Все они, по определению В. И. Цепкина, принадлежат щукам; размеры рыб от 42 до 105 см.

Свидетельством рыбной ловли является также находка в культурном слое рыболовного крючка (4). Крупный, длиной 7 см, крючок, округлый в поперечном сечении, с расширенной и уплощенной головкой изготовлен из рога. Изделие относится к крючкам типа 1-А по дробной типологии И. А. Загорской [Zagorska, 1977], близких изделиям из Лубанской коллекции. По мнению И. А. Загорской, такие крупные более развернутые крючки могли использоваться и просто для зацепки рыбы. находка рыболовного крючка является, видимо, неоспоримым свидетельством наличия индивидуальной формы рыбной ловли.

Среди изделий, возможно, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, следует упомянуть также широкое острие с одним длинным зуб-

цом, изготовленное из продольно расчлененной, довольно массивной трубчатой кости (3). Основание его (сохранившаяся часть естественной поверхности эпифиза) — довольно ровное (размеры изделия: длина 12.5 см, ширина в основании 3, длина зубца 5.6 см). Нельзя исключать возможность использования этого орудия в качестве иглы для плетения сетей (хотя какие-либо другие признаки наличия сетевого рыбного промысла на стоянке отсутствуют).

О том, что рыбная ловля в оз. Астравишкен имела место и в последующее время, указывает небольшое количество костей рыб, встреченных на стратифицированном поселении Цедмар А в верхней части слоя сапропеля, на уровне залегающих здесь песчаных линз. Находки эти с большей вероятностью могут связываться с материалами культуры шнуровой керамики. Кости принадлежат щукам (размеры рыб — от 40 до 80 см), лишь одна из костей — сому (от рыбы длиной около 70 см). Рыбьи кости отмечены также и в верхнем культурном слое поселения Цедмар А, вместе с материалами, относящимися к раннему железному веку. Все они принадлежат щукам (размеры рыб от 38 до 110 см).

Преобладание в уловах щуки объясняется, видимо, тем обстоятельством, что щуку можно ловить круглый год и легко добывать с острогой (и гарпуном) во время нереста [Лебедев, 1952].

Рыбная ловля занимала, очевидно, незначительное место в хозяйственной деятельности обитателей Цедмарских стоянок. Это явствует прежде всего из очень значительного преобладания обломков костей наземных животных и птиц над остатками рыб, найденными на поселениях. Так, в культурном слое поселения Цедмар Д было обнаружено около 5300 обломков костей животных и птиц и лишь 60 обломков рыбьих костей. На то, что небольшое количество костей рыб на исследованных памятниках не является случайным обстоятельством, указывает, очевидно, и единичность изделий, связывающихся с проведением рыбной ловли, полное отсутствие грузил для сетей, остатков поплавков и других свидетельств в пользу сетевого рыболовства. Можно отметить также, что немногочисленны и орудия для обработки дерева, необходимые для изготовления челнов и других средств транспорта, применяемых при рыбной ловле.

Незначительность удельного веса рыболовства в общей системе хозяйства нетипична для неолитических памятников Восточной Прибалтики. Так, на неолитических памятниках Эстонии, как отмечает Л. Ю. Янитс [1973], «остатков рыб обнаружено много, в первую очередь в поздне-неолитических поселениях» [с. 202]. На таких неолитических поселениях Восточной Латвии, как Лагажа, Абора 1 и Эйни, было обнаружено свыше 2300 определимых костей рыб [Лозе, 1979]. На поселении Абора 1, как отмечает И. А. Лозе, возле очагов было вскрыто «скопление чешуи и позвонков рыб в виде сплошного слоя на значительной площади» [Там же, с. 126]. На таком торфяниковом поселении, как Сарнате, где кости рыб сохранились плохо, о значительном весе рыболовства свидетельствует большое число грузил (457) и поплавков (137), а также обнаруженная в одном из жилищ яма, наполненная плотным слоем рыбьих костей, не поддающихся определению [Ванкина, 1970]. На наиболее изученных неолитических поселениях Литвы, в Швянтойи, 4600—4200 лет

т. н. (по данным С₁₄), как отмечает Р. К. Римантене, рыбная ловля занимала центральное место в хозяйственной деятельности [Rimantienė, 1979]. Следует сказать, что для населения, оставившего упомянутые выше памятники, именно рыболовство обеспечивало оседлость, возможность длительного существования на одном месте, что характерно и для многих памятников неолита лесной и лесостепной полосы [Гурина, 1973б].

Цедмарские стоянки отличаются от памятников, оставленных населением, экономика которых базировалась на стабильном рыболовстве, незначительной мощностью культурных слоев и неравномерной, часто слабой, их насыщенностью. Известные памятники Цедмарского типа, видимо, можно рассматривать как места недолговременных стоянок, посещавшихся коллективами в течение ряда лет лишь в определенные сезоны. Сопоставляя данные об удельном весе рыболовства в хозяйственной деятельности населения, оставившего неолитические стоянки Цедмарского типа, с данными синхронных поселений более восточных и северных районов Прибалтики, видимо, можно говорить об определенных отличиях в их хозяйственных укладах.

М. М. Чернявский

ДРЕВНЕЙШИЕ РЫБОЛОВНЫЕ ОРУДИЯ СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ

Почти всю Северную Белоруссию занимает Белорусское Поозерье — геоморфологическая область, исключительно богатая озерами, которых к настоящему времени здесь сохранилось около 3000. Учитывая, что многие водоемы заторфовались, можно полагать, что в древности их было значительно больше. Обилие озер в области сочетается с разветвленной речной системой. Все это создавало благоприятные условия для развития древнего рыболовства, о чем свидетельствуют и соответствующие находки на торфяниках и в озерах.

На всех торфяниковых памятниках неолита и бронзы Северной Белоруссии встречаются кости рыб и чешуя [Чернявский, 1960а, с. 214]. На стоянке Кривинского торфяника Осовец II у дер. Осовец Бешенковичского р-на Витебской обл. чешуя иногда залежала пластами толщиной до 5—8 см. Позвонки рыб найдены и на ранненеолитическом поселении Осовец IV, расположенном на гравийном всхолмлении у северного края Кривинского торфяника.

Непосредственно в культурных слоях торфяниковых стоянок не найдено остатков челнов. Однако обломок торцовой части однодревки был обнаружен в выбросах из магистрального канала, перерезавшего остатки торфяниковой стоянки на берегу р. Цна у дер. Зацење Логойского р-на Минской обл. Нижний слой памятника датируется серединой IV тыс. до н. э. и содержит находки, близкие находкам нарвской культуры [Чернявский, 1978, с. 12, 43]. В среднем слое залегают немногочисленные материалы с некоторыми чертами северобелорусской культуры, которые вероятнее всего датируются концом III—началом II тыс. до н. э. Верхний, надторфяниковый слой, в котором не сохранилась органика, относится к среднебронзовой сосницкой культуре. Фрагмент челна происходит из нижнего или среднего слоя стоянки.

В северной части Кривинского торфяника у дер. Осовец при осушительных работах был выкопан, по словам мелиораторов, целый долбленный челн, который, к сожалению, не сохранился. Точно датировать его невозможно, так как рядом расположены памятники, датированные временем от раннего неолита до средней бронзы.

Наиболее многочисленные и выразительные древнейшие рыболовные орудия Северной Белоруссии — костяные гарпуны. Правда, некоторые

из них, особенно более массивные, могли использоваться и при охоте на таких животных, как бобры.

В выбросах того же канала у Заценья найден односторонний массивный гарпун, изготовленный из расщепленной вдоль толстой кости. Конец его острия отломан, на сохранившейся части имеются три относительно слабо выделенных косых зубца со стертymi и притупленными остриями. Основанием — насадом орудия является поврежденное расширение — головка. Длина орудия 217 мм. Гарпун из Заценья довольно груб и несовершенен. Он не имеет аналогий среди рыболовных орудий Кривинского торфяника. Наиболее близкие ему типы встречены в Юго-Восточной Прибалтике, где они датируются мезолитом и ранним неолитом. Судя по этому, наша находка происходит, очевидно, из нижнего ранненеолитического слоя стоянки.

Типологически близок изделию из Заценья и трезубый гарпун длиной 154 мм, найденный в оз. Окно недалеко от Лепеля.

Фрагмент также одностороннего, довольно архаичного, гарпуна обнаружен при раскопках Осовца IV. Сохранилось острие хорошо обработанного массивного орудия линзовидного сечения с одним слабо выделенным зубцом.

Больше всего гарпунов найдено на стоянке Осовец II—5 целых и столько же обломков. Почти все они тщательно изготовлены из стенок трубчатых костей. Основной тип — односторонние изделия с двумя клювовидными острыми зубцами и лопатковидным насадом. Сечения острия и насада почти всегда линзовидные, ствола — округлые или утолщенно-овальные (рис. 1, 2, 3, 5, 6). У одного из довольно массивных однозубых гарпунов конусовидный насад отделен от ствола кольцевой канавкой (7). Небольшой, плохой сохранности экземпляр имеет насад конусовидный с выступающими плечиками, выемкой снизу у него сформирован тупой зубец, плавно переходящий в острие (7). Возможно, обработка орудия не закончена. Большинство найденных обломков гарпунов принадлежит односторонним изделиям с клювовидными зубцами (4, 11). Лишь один экземпляр с двусторонними, несколько асимметрично расположенными косыми зубцами и стволом округлого сечения (12).

Гарпунам с клювовидными зубцами и лопатковидными насадками из Осовца II пока что трудно найти близкие аналогии. Отметим лишь, что подобный, правда трехзубцовый, экземпляр был выявлен на стоянке Нарва I [Гурина, 1967, рис. 90, 1].

Необычным для Осовца II является обломок гарпуна с небольшими частыми зубцами (10). Он найден у основания культурного слоя и, возможно, одновременен с местной позднеарвской керамикой типа нижнего слоя Кривины. В таком случае его можно считать более древним, чем другие гарпуны данного памятника, залежавшие вместе с керамикой северобелорусской культуры.

У обитателей неолитических и раннебронзовых поселений Северной Белоруссии было распространено и ужение рыбы.

Из оз. Боторино Мядельского р-на Минской обл. происходит костяной крючок без бородки. В Осовце II найдено 7 целых и поврежденных крючков. При этом у поврежденных экземпляров оказались отломанными поддевы или их концы с бородкой. Шесть крючков являются тонкими

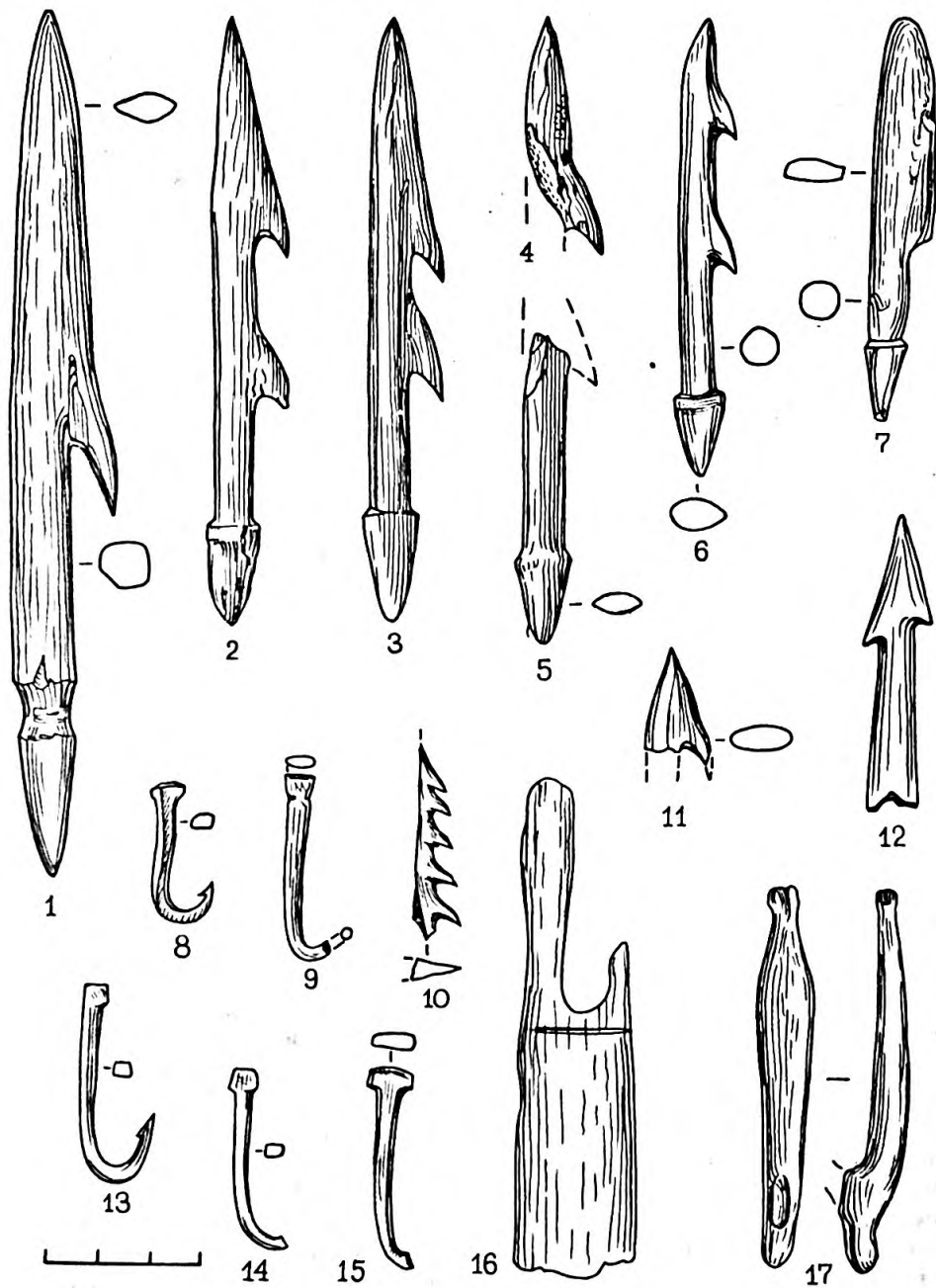

Рис. 1. Рыболовные орудия с поселения Осовец II.

1-7, 10-12 — гарпуны и их обломки; 8, 9, 13-17 — целые и составные рыболовные крючки.

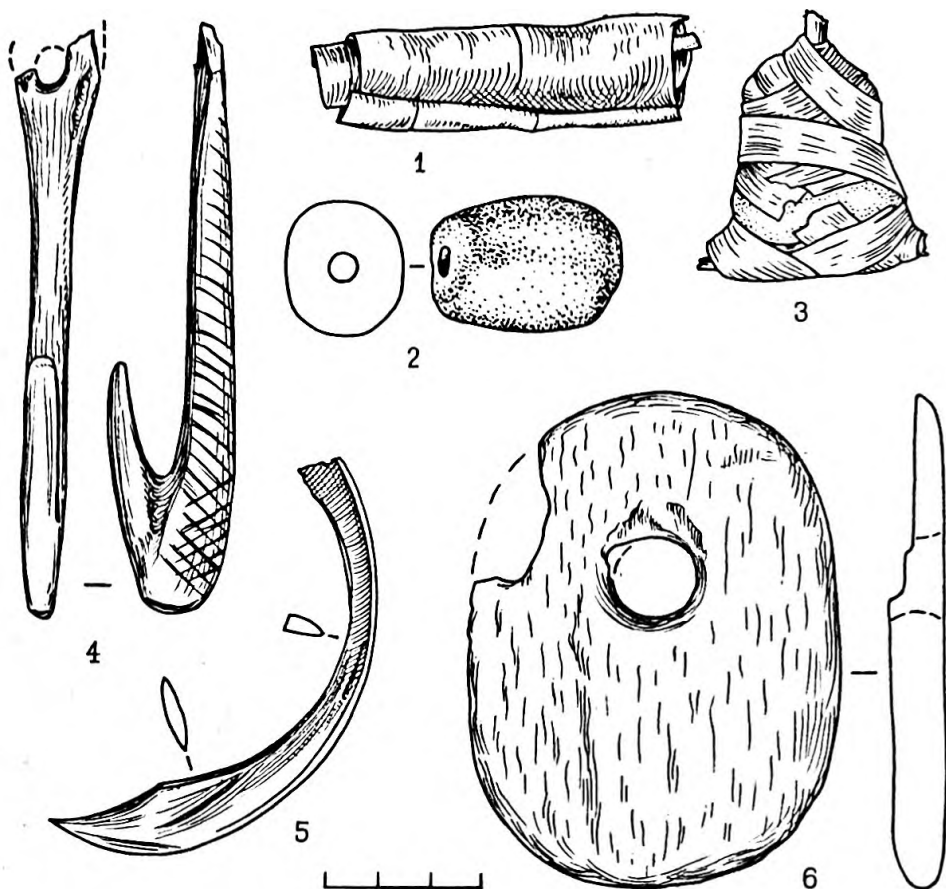

Рис. 2. Рыболовные орудия с поселения Осовец II.

1 — берестяной поплавок; 2, 3, 6 — грузила; 4 — костяной крюк; 5 — орудие из клыка кабана.

изящными изделиями с грибовидно расширенными головками и бородами на концах поддевов (рис. 1, 8, 9, 13, 14, 15). Высота их от 28 до 41 мм. Найдены 2 заготовки подобных крючков: на костяной пластинке была вырезана выемка и намечена борода, а также прорезана линия отлома нижней части заготовки (16), вторая более обработанная пластинчатая заготовка сломана. Седьмой более крупный крючок иного типа — с поперечно утолщенным цевьем, перехватом под головкой и оттянутым выступом в нижней части, поддев отломан (17). В коллекции из Осовца II имеется и несколько заостренных костяных стерженьков, которые, возможно, являлись частями составных крючков.

Большинство рыболовных крючков Осовца II залегало в слое северобелорусской культуры и может быть датировано концом III — первой половиной II тыс. до н. э.

Не совсем понятно назначение четырех крупных костяных крючков из той же стоянки. Один крюк был орнаментирован с обеих сторон косыми нарезками (рис. 2, 4). Возможно, эти изделия также употреблялись при ловле рыбы.

Имеется достаточно свидетельств о распространении в неолите и бронзовом веке Белорусского Поозерья сетей. Среди находок из Осовца II имеются 2 плоских овальных грузила из каменных плиток (рис. 2, 6), 8 бочковиднозакругленных глиняных грузил с проткнутыми вдоль отверстиями (2), несколько поплавок из свернутой бересты (1). Глиняное грузило найдено и на соседней торфяниковой стоянке Кривина I. Каменные грузила с отверстиями, а также берестяные трубчатые полавки известны и на поселении Кривина III.

В слоях поселений Кривинского торфяника встречаются узкие лучинки от рыболовных приспособлений типа вершей. Очевидно, от какой-то подобной снасти происходит и небольшое каменное грузило, прикрепленное лентой из коры к обломкам прутьев (рис. 2, 3). Обнаружены также кольца из тонких прутьев, связанные лыком, в которых закреплялись каменные грузила. Остатки сетей и вершей в виде берестяных поплавок, каменных грузил, лучинок — частые находки на соседних прибалтийских территориях [Янитс, 1959, с. 306; Ванкина, 1970, с. 93, 94; Лозе, 1979, с. 127; Rimantienė, 1979, p. 27, 34; 1980a, fig. 3, 1, 2].

Нередко на Кривинском торфянике встречаются обработанные пластинки из расщепленных кабаньих клыков. Подобные находки из Литвы и Латвии определяются как украшения [Лозе, 1979, с. 77; Rimantienė, 1979, fig. 84, 11, 12]. Однако некоторые наши пластинки (рис. 2, 5), судя по характерной заостренной форме и сработанности, возможно, могли использоваться как ножи для потрошения рыбы и очистки ее от чешуи.

ДРЕВНЕЕ РЫБОЛОВСТВО В ПОЛЕСЬЕ

Во второй половине XIX столетия И. Эремич [1867, с. 120] писал, что Полесье белорусское — едва ли не самая низменная часть Европейского материка; будучи назад тому несколько тысячелетий глубочайшим местом исчезнувшего с лица земли океана, оно и доселе так низменно, что весной едва ли не третья часть его покрыта водой. В журнале «Русский мир» за 1875 г. сообщалось, что пространство между Припятью и Пиной на площади 20×45 км — одно непрерывное болото, покрытое камышами, лозой и мелким, редким и корчеватым лесом, пересекается бесчисленным множеством рукавов, образуемых верховьями Припяти, реками Стоходом, Струменью, Гнилою Припятью и Стырью, это лабиринт вод. Посреди болот возвышаются песчаные холмы, где расположены небольшие деревни. При вскрытии рек, когда воды их сливаются, заречье представляет одно обширное озеро, среди которого, как на островах... села [Зелинский, 1964, с. 118]. Полесье — «страна болот и песков, рек с длинными заболоченными дельтами и широкими плоскими поймами, вдоль которых очень часто тянутся холмы дюнных песков, страна, где весенние разливы рек распространяются на необозримые пространства и где они держатся до осени... В Полесье местность везде понижается быстрее, чем текущие по ней реки. Берега несколько приподнимаются над поверхностью прилегающих к ним болот» [Жилинский, 1899, с. 9].

Эти места издавна славятся своими рыбными богатствами. В «Очерках Белорусского Полесья» И. Эремич [1867] сообщал: «...Самая обычная, самая вкусная и питательная еда полещука... рыба. Рыбы так много, что ее только тот не наловит, кто не хочет или не может. Рыба, как говорится, кишит в его водах. Нужно посвятить несколько часов дня и особенно ночи, чтобы наловить ее на несколько недель, даже месяцев» [с. 125]. Были издавна излюбленные места лова, особенно во время зимних заморозов рыбы. Польский торговец Михалон Литвин отметил в 1544 г.: «В Припяти, в одном месте у Мозыря, близ речки Туры, при пополнении свежей воды из источников, накапливается ежегодно около 1 марта таким количеством рыбы, что копье, брошенное в середину, останавливается твердо, как в землю, — так густа рыба. Я не поверил бы этому, если бы сам не был свидетелем, как черпали там рыбу непрерывно и наполняли в один день около тысячи телег» [Цит. по: Жуков, 1974, с. 101, 102]. И даже спустя 300 лет улов в одной тони доходил здесь до 5 тыс. пудов [Обзор Минской губернии, 1888, с. 37]. Перед весной много рыбы

заходило в р. Словечну. Здесь в течение месяца, как сообщает М. Вологовский, вылавливали 3—5 тыс. пудов и проводили крупные торги [Русский Мир, 1875]. Улов на рыбака в первой половине XX столетия составлял не менее 50 пудов (800 кг) в год.

Повсеместно была распространена ловля вьюнов, которая осуществлялась специальными снастями, описанными А. К. Сержпутовским [1907, с. 207—109]. Рыболовство было, например по Н. Ровбе, одним из основных занятий жителей с. М. Лахва Луницкого р-на, а также населения прибрежных деревень, расположенных возле ясельдинских озер (Белое, Споровское, Черное), озер Олтуш, Ореховское, Луковское в бугско-припятском междуречье, оз. Червоное (Кязь), приустьевых участков долин Стохода, Горыни, Словечны, Стыри, возле д. Стахов Столинского р-на. В некоторых местах рыба была основной пищей. «Единственное самое главное и надежное обеспечение дает споровцу озеро. Это его житница, его мать-кормилица» [Виленский, сборник, с. 90].

Ихтиофауна была в древности значительно богаче современной. По сообщению Ржанчинского, в Припяти возле Петиркова весной 1721 г. одной сетью было вытянуто 600 осетров [Жуков, 1974, с. 102]. Видовой состав обедняется к началу XIX столетия: исчезают осетровые, вырезуб, значительно меньше становится леща, судака и других ценных рыб. В настоящее время имеется всего 45 видов рыб — аборигенов, из них 70 % общих с балтийским бассейном, 20 % не имеет хозяйственного значения. В озерах Полесья осталось всего 14 видов аборигенов — вдвое меньше, чем в других областях, — результат усиленного лова и сельскохозяйственной деятельности человека. Рыболовство в Полесье с его низкоурожайными землями до недавнего времени оставалось одним из самых важных источников существования и велось круглый год. За последние 20 лет озера давали 85 % улова, по 12—20 кг рыбы с одного гектара площади (а могут без ущерба для воспроизводства поставлять не менее 50—60 кг). На 1 км протяжения реки добывалось 160—580 кг рыбы, значительно меньше, чем в озерах, но в 2 раза больше, чем в Днепре. Наиболее ценными промысловыми рыбами являются щука (достигает массы 35 кг, в длину 150 см), лещ (6 кг, 75 см), судак (20 кг, 130 см), а также окунь (3 кг, 60 см), карась, жерех, сом (200 кг, 500 см). Изредка еще встречается стерлядь (16 кг, 125 см). Высокую численность способны накапливать щука, окунь, лещ, они довольно устойчивы к кислородному голоданию. Еще лучше переносят его сазан, линь, карась, вьюн. Щука и крупный окунь, пожирая малоценную рыбу, улучшают ее состав в водоемах. Большинство озер имеет щедрую естественную кормовую базу. Подсчитано, что гектар водоема, заселенного ценными, быстрорастущими рыбами, способен давать больше белковой продукции, чем гектар пахотной земли. В Полесье имеются бесчисленные мелководья — места для нерестилищ. Из-за специфики местных водоемов в конце зимы нередко случаются заморы («придухи») и гибель многочисленных косяков рыбы. Этому способствует избыток железистых соединений в речной воде и болотообразование, особенно усилившееся за последние 2500 лет. Разлагающаяся органика поглощает из воды много кислорода. На реках существуют определенные места, куда приходит рыба во время замора, и ямы, в которых она зимует.

В полесских водоемах участков с хорошим выходом к воде, где можно применить подвижные снасти, значительно меньше, чем мест для установки неподвижных ловушек или использования крючковых снастей. Это обстоятельство вызывает необходимость широко пользоваться челнами и лодками.

Накануне голоцена в долины полесских рек, видимо, с юга стали проникать первые общины поселенцев. В III тыс. до н. э. здесь существовало несколько сотен неолитических поселений. Все выявленные до сих пор в Полесье древние поселения тяготели к береговым линиям, где удобно ловить рыбу, или, во всяком случае, были удалены от них не более чем на 1.5—2 км.

Наблюдаемое в Полесье разнообразие индивидуальных и групповых рыболовных снастей, историю которых можно проследить лишь иногда, свидетельствует скорее не о четких культурных и производственных особенностях местных племен, но о том, что рыболовный промысел, начавшись еще до неолита, получил здесь широкое развитие в неолитическую эпоху и в III—II тыс. до н. э. и достигал уровня, сопоставимого с достижениями древнего населения лесной полосы Европы.

В плане изучения древнего рыболовства Белорусского Полесья особую ценность имеет поселение Камень-8, открытое в 1977 г.¹ Оно расположено в Пинском р-не Брестской обл. на берегу Погостовского озера, возле протоки, соединяющей озеро с р. Бобрик, на юго-западе от д. Камень. Было вскрыто 192 м². Культурный слой позднего неолита—раннебронзового века залегал на дне протоки и был перекрыт сверху аллювиальными наносами (включающими раковины) и слоем алохтонного, сильно разложившегося торфа мощностью 0.6 м. Поселение обнаружилось в результате спуска воды из озерной котловины, отчего уровень ее понизился на 1—1.2 м и открылся слой жидкого черного ила, местами размытого на дне протоки. При этом р. Бобрик оставила свое русло, повернула в протоку и здесь, неподалеку от прорытого канала, врезалась в дно, образовав порожек и разрушив слой с культурными остатками. Часть находок извлечена с обнажившегося дна протоки, с остатками вбитых в него свай. Их было не менее 200, диаметром 5—10, длиной 40—70 см. Они располагались плотными рядами в 20—30 см одна от другой, поперек русла. Видимо, большая часть свай была забита позднее, так как сваи заострены металлическими орудиями и служили опорами временного мостка или являлись остатками рыболовных сооружений типа закола (закоты). В процессе раскопок поселения было собрано более 8 тыс. кремневых изделий, обломков сосудов, типичных для неманской неолитической культуры, много костей животных и рыб, 160 костяных и роговых предметов. Среди них 7 целых рыболовных крючков и 14 обломков, 3 медных или бронзовых крючка. Такая представительная коллекция позволяет впервые описать индивидуальное рыболовство древнего населения Полесья. Исследование крючков — важнейшей части удочки — выясняет не только способы и традиции костерезного производства, но в ряде случаев также объекты промысла, приемы и сезоны рыбной ловли. Для сравнения укажем, что на поселении Свёрдборг (Швеция) выявлено 11 крючков, на Волме (Эстония) —

¹ Памятник находился в зоне гидротехнического строительства.

10, в погореловской индустрии на Десне — 7. Однако для многих археологических культур лесной полосы рыболовные крючки неизвестны.

Обычно в рыболовном крючке выделяют цевье (ножку), которое имеет сверху головку (лопатку), а снизу переходит в закругленный обушок. Последний состоит из затылка, сопряженного с ножкой, и лба. Лоб заканчивается жалом (острием), которое иногда снабжается бородкой (рис. 1). Крючок характеризуется поддевом. Это рабочая часть крючка от места наибольшего изгиба до жала.² Номер крючка определяется

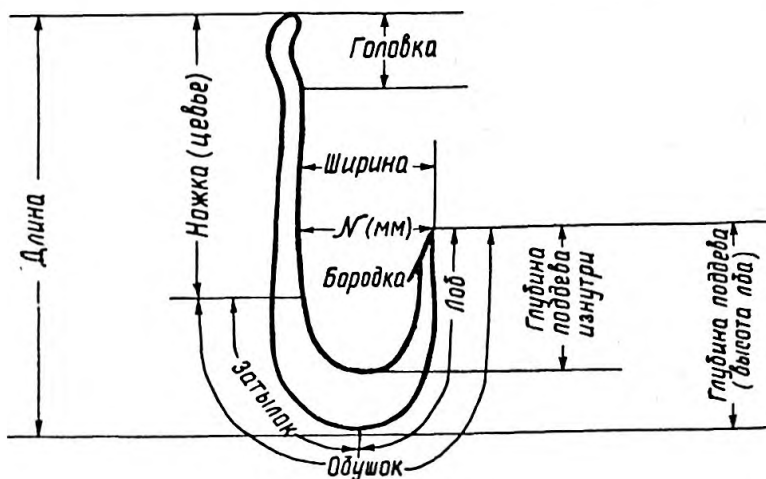

Рис. 1. Рыболовный крючок.

расстоянием от цевья (ножки) до жала в миллиметрах. Глубина поддева (высота лба) — расстояние между наиболее удаленной наружной точкой обушка (точнее, касательной в этой точке) и жалом в миллиметрах. Этот показатель является вспомогательным при определении номера крючка. Если при измерениях крючков из металлической проволоки можно пренебречь ее диаметром, толщину древних костяных крючков следует учитывать. Поэтому целесообразно ввести глубину поддева изнутри. Разность между глубиной поддева снаружи и изнутри дает толщину обушковой части.

Крючки поселения Камень-8 делятся на 4 группы: 1. С высверленным поддевом — 2 целых экземпляра, 6 в обломках (рис. 2, 1—7). Высота крючков 75—82 мм, диаметр высверлины в поддеве 4—7, а в одном экземпляре 13 мм, высота шипов 16—33, глубина поддева 33—60 мм, глубина поддева изнутри, определяемая как сумма высоты шипа и диаметра сверловины, варьирует в пределах 20—40 мм. Цевье прямое, расширяется в верхней части (6), нередко имеет здесь лопаточку и высверлину для лески диаметром около 3 мм (8). Обушок широкий мысовидный (1—3) или круглый (4, 5) с прямым или отогнутым лбом. Цевье в сечении четырехугольное, скошенное внутри, иногда овальное, обушок уплощенный, с сечением, заостренным книзу, лобная часть в сечении заострена внутрь.

² При описании крючков используется ГОСТ 5054-49, введенный 1 января 1950 г.

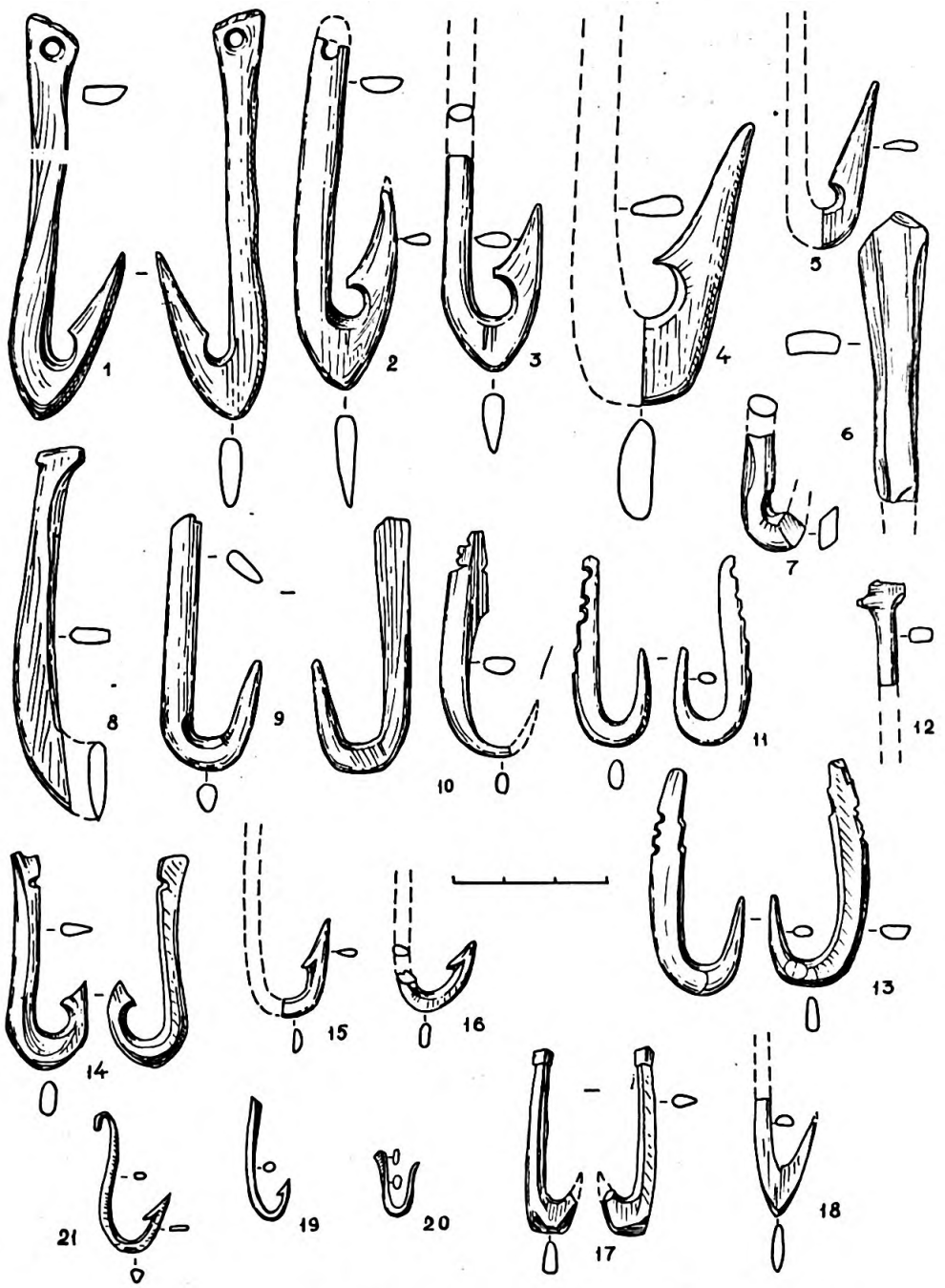
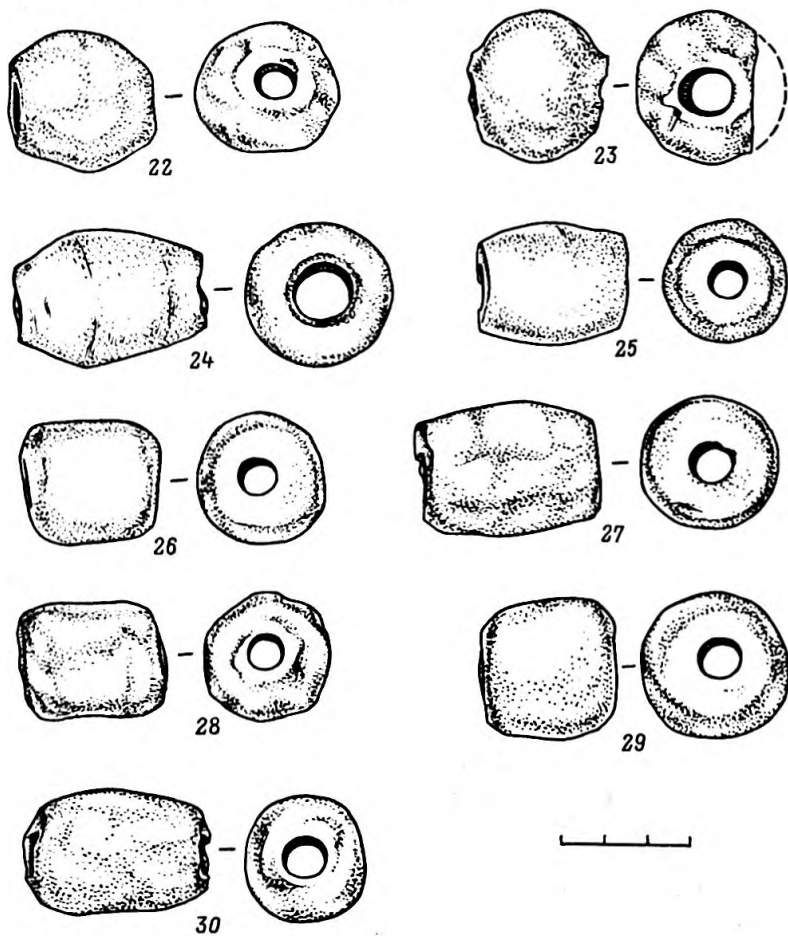

Рис. 2. Рыболовные крючки (1—21) и глиняные грузила
1—18 — крючки из кости и

2. U-образные без бородок или круглые; 4 целых экземпляра, 2 в обломках (рис. 2, 9—11, 13). Высота изделий 37—52 мм, они соответствуют № 8—12, глубина поддева 17—22, изнутри — 9—16 мм. Обушок круглый, кривой, причем лоб почти параллелен цевью (9, 13). Цевье слегка изогнуто внутрь, имеет в верхней части желобки снаружи (11), двусторонние насечки (10, 13), или прямое, слегка расширяющееся (9). Сечение овальное, лишь ножка уплощена.

3. U-образный с бородкой, 1 целый экземпляр, 3 в обломках. Высота крючка 43 мм, глубина поддева 14—20, изнутри 10—15 мм, высота жала вместе с бородкой 5—9 мм, причем бородка выступает на 1.5—2 мм. Крючки соответствуют № 8—12. Обушковая часть круглая, причем лоб загибается к цевью (рис. 2, 14), прямой (15) или отогнут наружу (16). Бородка треугольная и не просекает глубоко. Сечение овальное, ножка может быть утолщена, поверхность шлифованная.

рыболовных сетей (22—30) с поселения Камень-8.
рога, 19—21 — из меди и бронзы.

4. V-образные или угловатые — 3 экз. в обломках (рис. 2, 17, 18). Высота 35—40 мм, глубина поддева 15—17, изнутри 9—10 мм. Обушок заострен книзу (18) или срезан по прямой (17). Цевье может иметь выделенную головку (17). Крючки овальные в сечении, лишь обушок сильно уплощен.

Способ производства крючков с высверленным поддевом состоял в подготовке тонкой роговой пластинки (3—4 мм), которая просверливалась (диаметр сверловины 4—13 мм). Затем кремневыми резцами прорезались продольный и косой пазы, сходящиеся к сверловине. У заготовки оформлялась ножка так, что остаточный от сверловины шип полностью срезался, а боковые ребра слегка закруглялись. Обушковая часть обрабатывалась до тех пор, пока не становилась овальной в сечении. Поверхность обработана грубо, сохраняет следы резцов. Крючки иных типов изготавливаются из костяных пластинок или косых вырезок, сделанных из полых зубов животных (часто клыков кабана). На выпуклых пластинках из расщепленных трубчатых костей делался плоский косой срез до образования полуовальной выемки, цевья и лба, переход между которыми потом закруглялся (U-образные крючки). Две прорези могли сходиться к вершине, образуя угол (V-образные крючки). Изготовление части U-образных крючков могло также начинаться с высверлины, отделяющей цевье от поддева. Окончательная обработка завершалась тщательным закруглением всех ребер и шлифовкой поверхности.

Все крючки, естественно, одногибые, точнее одноплоскостные, без резкого различия в кривизнах при переходах к цевью или лбу, обушок имеет нередко мысовидное утолщение посередине. По способу крепления лески к цевью выделяются крючки со сверлением — 2, с лопаткой — 2 (причем лопатка всегда лежит в плоскости крючка), с расширяющейся ножкой — 2, с головкой — 2, с пазом изнутри — 1, снаружи — 1, с двусторонними насечками — 2. Нет крючков с шаровидной головкой, прямоугольным обушком, с отверстием в обушковой части. В то время как у современных крючков длина цевья обычно в 1.5 раза больше глубины поддева, у рассматриваемых изделий она превышает глубину поддева в 2—2.5 раза. Значительно рознятся и номера крючков, рассчитанные по расстоянию жала от цевья и по удалению жала от нижней точки обушка. По обушку крючки делятся на круглые (рис. 2, 14) и круглые кривые с прямым (11, 13) или отогнутым (1, 5, 16) лбом.

Крючки с высверленным поддевом известны в Скандинавии и Дании (Миллеруп), Швейцарии [Кларк, 1953, рис. 18], в Латвии (Лубана) [Latvijas PSR, 1974, tab. 4, 23], на Среднем Днепре (Ср. Стог, Деривка) [Телегин, 1973, рис. 66], Сев. Донце (Райгородок) [Даниленко, 1974, с. 48], где у них сохраняется остаточный шип от высверливания возле основания ножки. Без подобного реликта крючки этого типа в Калининградской обл. (с 3 бородками) [Римантене, 1973, табл. 66, 16], в Латвии (один с 2 бородками) [Ванкина и др., 1973, табл. 62, 30], в Эстонии (Тамула — с круглым просверленным утолщением на конце ножки) [Янитс, 1973, табл. 58, 34], Норвегии (с Г-образным цевьем) [Кларк, 1953, с. 93—95] и подобные им на Кольском п-ове [Гурина, 1973а, табл. 3, 18] в сурской культуре на Днепре (с головкой) [Археология УРСР, 1971, с. 110].

U-образные крючки без бородок встречаются в культуре маглемозе, но здесь они более крупные и грубые, иногда с прямоугольным или мысо-

видным [Обермайер, 1913, рис. 285, 288] обушком; в Латвии [Ванкина и др., 1973, табл. 62, 9], буго-днестровской культуре с отверстием на цефье [Археологія УРСР, 1971, с. 90]; в культуре воронковидных кубков (Зимне на Волини) [Стародавнi населення. . . , 1974, с. 124], рязанской, на Среднем Днепре [Цветкова, 1970, рис. 22, 4], поздне трипольской (Ржищев, Евминка) [Археологія УРСР, 1971, рис. 51, 4; 52, 22], каргопольской [Фосс, 1941а, б], шигирской с головкой, лопаточкой [Брюсов, 1952, рис. 36, 1]; возле Свердловска и Мурома [Федоров, 1937а, с. 101], на Кольском п-ове [Гурина, 1973а, табл. 3, 19], на Дону с головкой и отверстием для живца на обушке [Белановская, 1975, рис. 1, 2]; на Цне с прямым обушком [Попова, 1973, рис. 2, 4]; в Швянтойе с лопаткой, отверстием на цефье; на Лубанском озере в Латвии с головкой, желобком на цефье [Latvijas PSR, 1974, tab. 4, 21], в Литве [Lietuvos TSR. . . , 1974, fig. 5, 7], в Норвегии с головкой [Кларк, 1953, рис. 18, 4]; на оз. Нарочь и на Кривинском торфянике, в свайных постройках Швейцарии — из клыков кабана. В Полесье отсутствуют крючки прямоугольного очертания, известные на севере Европы [Равдоникас, 1947, рис. 43].

Крючки V-образной формы существовали, видимо, позднее, ибо в отличие от верхнепалеолитических (прямых остроугольных) и известных в Норвегии [Монгайт, 1973, с. 187] они здесь не такие крупные, тонко обработаны. Близкие экземпляры найдены в каргопольской культуре [Брюсов, 1952, рис. 23, 7]. Форма подобных крючков заимствована, вероятно, от составных крючков с игловидной кремневой вставкой. Одна подобная вставка с притупленным краем выявлена при раскопках и еще несколько — при обследовании стоянок, на берегах Погостского озера. Такая обоюдоострая сердцевина-вставка могла применяться и без костной основы — вставляться в наживу, как свидетельствует Г. Кларк [1953, рис. 10]. Крючки «погореловского типа», отличающиеся массивным овальным цефьем и прямым поддевом, выявленные на Погореловке — Косе (Десна) [Неприна, 1976, рис. 21], на Припяти пока не известны.

Более совершенными и уловистыми были крючки с бородкой; по всей вероятности, они наиболее поздние. Подобные находки известны в приустье р. Эмайыги (Акали, Эстония) [Янитс, 1959, рис. 20, 131], в Латвии (Лубана, Ича, Двиете) [Лозе, 1979, с. 127], шигирской культуре [Брюсов, 1952, рис. 36, 1]. В Восточной Прибалтике встречаются экземпляры с 2—3 бородками [Римантене, 1973, табл. 66, 16]. Крючки с бородкой характерны для поздне неолитических культур лесной полосы Европы. Бородка препятствовала сходу рыбы, как шипы у мезолитических рыболовных копий.

К более позднему времени относятся 3 крючка (рис. 2, 19—21). Два медных или бронзовых крючка поселения Камень-8 — из круглой проволоки с бородкой и насечками на цефье (19) и короткий V-образный с лопаточкой на цефье (20). Первая форма известна в шигирской культуре и Латвии, Гальштате [Кларк, 1953, с. 65], срубной культуре [Археологія УРСР, 1971, с. 410], на Среднем Днепре (с лопаточкой и петелькой на ножках) и на Урале [Черных, 1967, с. 204], вторая — в позднем Триполье и Латвие [Кларк, 1953, с. 65]. Третий крючок (21) имеет уплощенную загнутую ножку и лобную часть, которая завершается шипом с бородкой. Середина ножки имеет круглое сечение. Длина изделия 29 мм. Полных

аналогий этому крючку не найдено, встречаются лишь сходные изделия [Кларк, 1953, с. 65].

Лучшие подсечки обеспечиваются крючками с прямым лбом. Большой уловистостью, видимо, обладали все же крючки, у которых лобная часть отходила от цевья. Удлиненное цевье, прямое, прочное, обычное для древних крючков, свидетельствует об использовании живой насадки (черви, рыбки, лягушонок) или искусственной (типа мушки). Наиболее простые U-образные крючки без бородок часто считаются и более древними, однако этому противоречит их совершенная обработка. В настоящее время подобные крючки применяются как орудия для зимнего (подледного) лова, когда рыба малоподвижная.

Специфика древних рыболовных крючков Полесья проявляется в сравнительно длинном цевье со срезанным остаточным шипом в его основании, а также частично мысовидными массивными обушками. Рабочая часть вытянута, что выражается в резком преобладании (в 2.5 раза) номера крючка, рассчитанного по глубине поддева.

Основной промысловой рыбой были щуки, затем окунь, лещ, судак, возможно, стерлядь, язь, голавль и т. д., преимущественно средние и крупные экземпляры. Мелкая рыба (плотва, карась, красноперка и т. п.) не выуживалась. Наряду с весенне-осенним ловом производился, вероятно, и зимний, подледный лов, на это указывают крючки без бородки. Наличие крючков с прямым лбом свидетельствует в пользу применения как естественных живых, так и искусственных насадок. Крючки с широким заостренным обухом применялись скорее всего для ловли щуки на живца. Такая форма как будто позволяла использовать их для блеснения. По этнографическим данным крючки могли применяться не только как деталь удочки, но и в жерлицах (рогульках), на конце шнуров для ловли сома, в переметах. Их еще недавно продолжали изготавливать из деревянной развилки, подражая, видимо, очень древнему прототипу. Возможно, леска делалась из конского волоса, крученой нити, поплавки изготовлялись из коры бересты, гусиных перьев. Донные удочки не имели поплавка, грузилами могли служить глиняные изделия с продольным отверстием, напоминающие пряслица.

На поселении Камень-8 встречено 9 глиняных грузил (рис. 2, 22—30) небольших размеров (30—40 мм), вылепленных вручную из такого же глиняного теста, что и сосуды. Грузила имели эллипсовидную форму — 2 экз. (24, 30), шаровидную — 2 экз. (22, 23), укороченно-цилиндрическую — 4 экз. (26, 28, 29), а позднее удлиненно-цилиндрическую — 1 экз. (27). Видимо, ими оснащались короткие бредни-волокуши или ставные сети. Исходя из размеров, можно определить величину ячеек сеточного полотна. Она варьировала от 20×20 до 27×27 мм: при большей величине ячеек грузила проваливались бы в них и спутывали сеть. Известны каменные сверленные грузила (Моталь, Ивановский р-н).

Вначале сети могли плести из неперевитых прядей льняного, конопляного, крапивного, лубяного или лыкового волокна. Такими же прядями обвязывали и горловины раннеолитических глиняных сосудов до их обжига. В восточной части Полесья умели вывязывать сложные петли и узлы. Петля, концы которой стягивались несколькими витками возле основания, хорошо распознается в отпечатках так называемого лапчатого орнамента.

Иногда на керамике оттискивали «гусенички» и узелки. Так как нити были крученые, узлы не скользили. Умение вязать такие узлы — косвенное свидетельство применения в полесском неолите уже не плетеных, а узловых сетей. Как известно, сети со «свайными» узлами были обнаружены на доисторических озерных стоянках Швейцарии [Брандт, 1980, с. 148], в Литве (Швянтойи) — с «рыбацкими» узлами. Не исключено, что сетки могли применяться и в качестве охотничьей снасти, и как вместилище, удобное для переноски тяжелых, сосудов, о чем свидетельствует этнография. От плетения переходили к вывязке сетей.

Для плетения сетей, возможно, использовалось в качестве челнока орудие, изготовленное из ребра и снабженное головкой.

Поплавки изготовлялись из сосновой коры или свернутого рулончика бересты — такие изделия, известные на поселениях Кривинского торфяника, применяются в Полесье и поныне. Полесские водоемы удобнее для применения ставных, а не тягловых сетей, и особенно для трехстенных сетей, называемых иногда трегубицами или рожовками. В их тенете рыба образует «рожок» и при повороте запутывается и повисает. Существование их в древности можно предположить по аналогии со Швянтойи. Видимо, длинные сети-неводы начали широко применяться лишь в древнерусское время, об этом свидетельствуют находки их в полесских городах XI—XII столетий (Туров, Пинск). Позднее, в XVI—XVII столетиях, вылавливание рыбы входило в состав феодальных повинностей, велось в пользу местных замков. Право «первой тони» нередко оговаривалось в документах этого периода.

Среди древних снастей для добычи щуки использовали остроги, снабженные несколькими игловидными костяными остриями. На поселении Камень-8 найдено 3 целых и 3 сломанных острия, черешки которых уплощены, длина 130—182 мм. Известно плоское однозубое острие и, возможно, гарпун. Древние рыболовы могли вести и зимний лов рыбы. На поселении Камень-2 были найдены костяные навершия пешней из берцовых костей лошади с продольным сверлением.

В рыболовном и охотничьем промыслах жителей Полесья, сравнительно хорошо изученных этнографами, сохранились приемы и снасти, уходящие в глубокую древность, они широко были распространены в конце каменного века в Европе. Еще недавно жители Западного Полесья применяли архаические опадные самоловы из двух деревянных плах с подпорным колышком между ними, капканы — «ступицы» из выдолбленной колоды с двумя согнутыми прутьями в скважине, которые играют роль пружин [Кларк, 1953, с. 65]. Через каждые 10—15 км русла сооружались рыбацкие курени весьма простой конструкции — овалы в основании, с конусовидной кровлей. Шесты и сошки, образующие ее, покрывались ветками, сеном, камышом, обкладывались дерном. Внутри были настилы и очаг [Обзор Минской губ., 1888, с. 14].

На востоке Полесья с помощью тесел-«копыт» из ствола осины и сегодня выдалбливают легкие лодки приемами, известными, например, на Рейне в неолитическую эпоху. Заданная толщина бортов выдерживается по забитым в высверлины «сторожам» — одинаковой длины колышкам. Часть заготовок для лодок потом запаривается на огне и их борта разворачиваются в средней части, тогда как прочие сохраняют форму ствола.

Крупные лодки «дубы», видимо, изготавливались из стволов этой породы дерева, нередко способом выжигания [Кларк, 1953, с. 283—285; Телегин, 1968, с. 205; Ванкина, 1970, с. 92]. Их борт мог нашиваться.

Хотя мы еще не можем установить конкретное время появления той или иной снасти, но несомненно, что некоторые типы неводов (бредней), ставных и подвижных ловушек на рыбу (известных по этнографическим данным и применяемых поныне) восходят к неолитической эпохе. В первую очередь это относится к достаточно примитивным изделиям, среди которых наблюдается большое разнообразие, для возникновения которого потребовалось немалое время. Так, например, поплавочные сети и их детали имеют в Полесье в 2—3 раза больше различных наименований [Кривицкая, 1968, с. 162—174], а ставные ловушки гораздо разнообразнее, чем в Белорусском Поозерье [Браім, 1976, с. 90; Маракуев, 1897]. К ним относятся кош, низкая цилиндрическая коробочка которого, имеющая снизу воронковидную горловину, может быть изготовлена из прутьев, луба, дранок, бересты. Кош применяется при зимней ловле вьюнов, устанавливается в лунке, прикрытой сверху. Буч (верша, морда) является древней снастью. Это конусовидная корзина с воронковидной горловиной, изготовленная из прутьев, лучин или лозы. Вставляется она в проходах езов (язов) — стенок (перегородок) из плетня и кольев, перекрывающих протоки и реки. Иногда такие стенки образуют камеру-ловушку (котцы, закоты). Возле неолитического поселения Мотоль-6 в Ивановском р-не Брестской обл. под аллювиальными наносами мощностью до 2 м выявлено несколько рядов плетней, остатки закоты. Такая же корзиноподобная снасть, но с плоским низом и без горловины, легко превращалась в подвижную ловушку — «топтуху». Небольшие сети и ныне характерны для Западного Полесья. Подобные изделия, видимо, применялись и в древности так же, как и «сило» — укрепленная на конце удилица петля из конского волоса для ловли шук.

Припятское Полесье издавна было благоприятно для развития рыболовства. Об этом свидетельствуют как письменные источники последних 2500 лет, так и палеогеографические данные для более раннего времени, полученные естественнонаучными методами. На территории Полесья (100 тыс. км²) в конце III тыс. до н. э. на 200—250 поселениях могло жить предположительно от 3 до 5 тыс. человек двух основных племенных групп (неманской культуры в западной части и днепро-донецкой в восточной). Плотность увеличилась сравнительно с мезолитической эпохой раз в 10 и доходила до 1 человека на 20 км². При попытке объяснить причину перехода древних племен от охоты к рыболовству в общем плане, очевидно, следует учитывать изменение экологических условий. Возможно, начавшийся кризис экосистемы, в которой человек выступал как охотник, ускорял переход к рыболовству, превращавшемуся в основной вид промысла. Жизнь действительно требовала приспособления к другой экосистеме, освоения почти нетронутых рыбных богатств. Если прежде рыба добывалась лишь изредка и для этого достаточно было использовать обычное охотничье оружие, в неолитическую эпоху были разработаны и успешно применялись все основные рыболовные снасти как для группового, так и для индивидуального использования.

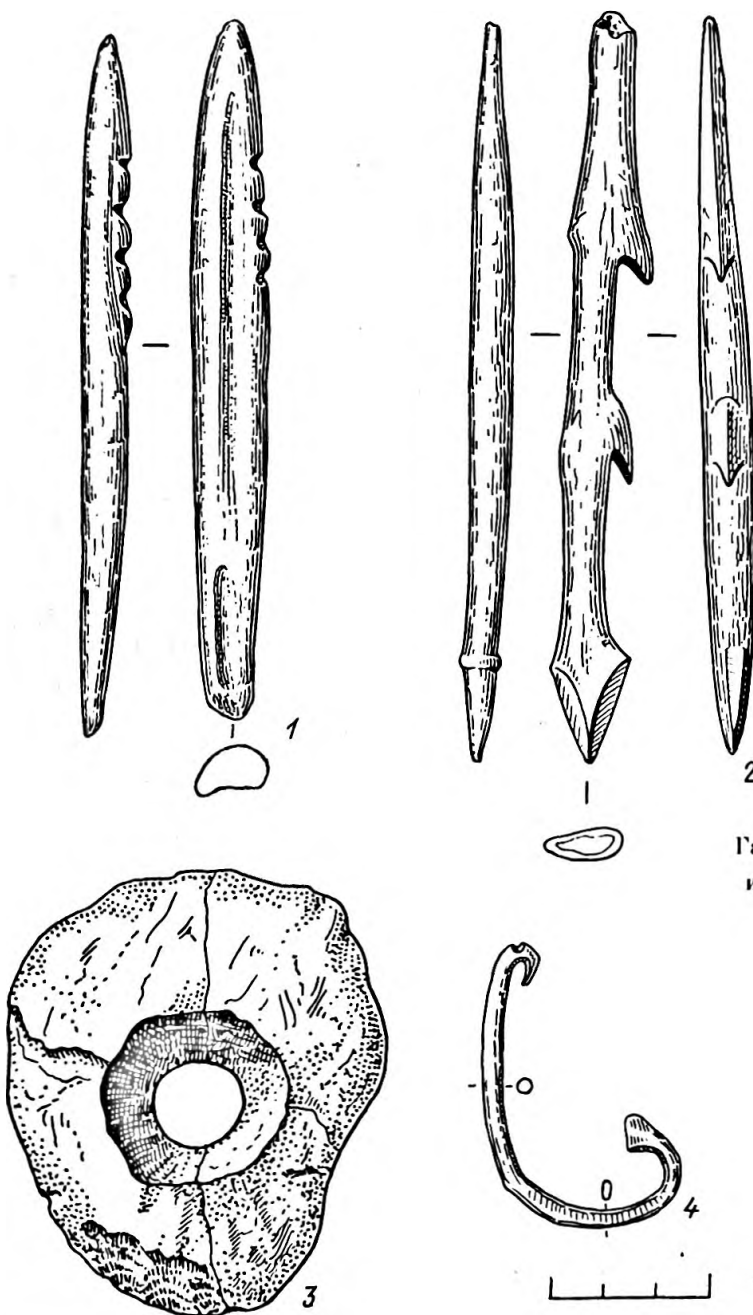
ДРЕВНИЕ ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА ПОСОЖЬЯ

Восточная Белоруссия имеет исключительно разветвленную речную сеть. Пойма р. Сожа имеет множество стариц и затонов. Не случайно эта территория была так густо заселена в древности. В настоящее время на относительно небольшом участке белорусского левобережья Днепра зафиксировано свыше 500 стоянок каменного и бронзового века. Все они расположены непосредственно у воды и поэтому естественно предположить, что одним из главных промыслов населения издавна было рыболовство. Еще и теперь, в эпоху бурной индустриализации, очень чистые малые и большие реки Днепровского бассейна — Беседь, Инуть, Покожь, Сож и др. — изобилуют рыбой. Однако культурный слой древних памятников — песок — не сохраняет органические остатки. Здесь в полной мере единичны лишь находки орудий труда из кости, дерева. Они обнаружены случайно в торфяниках. Наиболее перспективным в этом отношении является бассейн р. Инути, где за последние годы нами выявлено более 20 стоянок и местонахождений каменного века. В ряде случаев культурные слои залегают стратиграфически очень низко, перекрываются и подстилаются торфом. В настоящее время наиболее вероятным свидетельством древнего рыболовства можно считать следующие изделия. Костяной гарпун (см. рисунок, 1), найденный на левом берегу во время спада воды, очевидно, вымыт р. Сож из берега. Рядом зафиксировано более 7 поселений каменного века, расположенных на дюнах поймы Сожа, у бывшей д. Якубовка. Глеевый горизонт прослеживается на 0.5 м ниже уреза воды. Возможно, гарпун был вымыт из него. От длительного пребывания в воде либо употребления он сильно заполирован. Изделие имеет 4 мелких зубца, расположенных с одной стороны. Тело гарпуна практически ровное, одной ширины снизу доверху, насад лишь слегка сужен, конец заострен. Зубцы в верхней части орудия расставлены часто. Размер 14×1.5 см.*

Гарпун костяной с односторонними зубцами (2) найден в 1948 г. близ д. Вотар Чечерского р-на Гомельской обл. Имеет 2 широко расставленных хорошо выраженных зубца. Конец заужен и обломан. Насад массивный. Размер 14×1.5 см.*

Крючок рыболовный, бронзовый найден на участке разветвленной части террасы, к востоку от д. Шерстим Ветковского р-на, за мостом по дороге в уроч. Борок, на правобережье р. Сож. Хорошо сохранился, имеет ярко-зеленую патину. Высота изделия 6 см, ширина 3.7, высота поддева 2.4 см. Головка загнута внутрь, острие сильно загнуто внутрь, на конце имеет жало. Лоб круглый, крутой. В целом поддев имеет значительную кривизну. Цевье прямое, круглое в плане.*

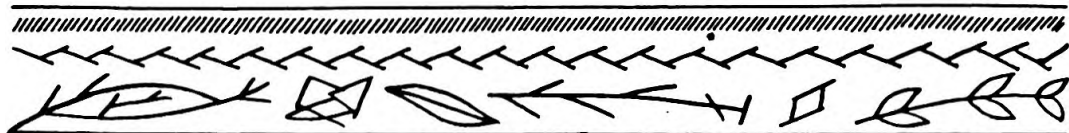
* Фонды Гомельского музея.

Гарпуны (1—2), грузило (3)
и рыболовный крючок (4).

Каменное грузило (3) 7.5×9.0 см с отверстием в центре диаметром 1.6 см найдено в культурном слое неолитической стоянки в уроч. Курганы у д. Громов Чериковского р-на. Слегка оббито по периметру и в области сверлины.**

** Фонды Института истории АН БССР.

II. ЮГ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В. И. Неприна

РЫБОЛОВСТВО В МЕЗОЛИТЕ—ЭНЕОЛИТЕ УКРАИНЫ

Рыболовству как отрасли присваивающего хозяйства древнего человека на территории Украины не было посвящено отдельных работ, за исключением работы по Поднестровью [Черныш, 1977, с. 120—122]. Обычно в исследованиях разных авторов по проблемам названных эпох рыболовству посвящается краткая сводка по отдельным регионам или культурам территории Украины [Мацкевой, 1977, с. 126—147; Стародавні населення... , 1975, с. 131—153; Даниленко, 1969, с. 165; Телегін, 1968].

Настоящая статья представляет попытку обзора материала по рыболовству в древности на территории Украины (его возникновение, развитие и значение для древнего общества).

Территория Украины обладает разветвленной сетью рек, связанных в основном с бассейнами Черного и Азовского морей. На Украине зафиксировано свыше 22 тыс. рек. Большинство из них, как Днепр, Десна, Припять, Северский Донец и левобережные притоки Днепра, имеет равнинный характер, а некоторая часть, такие, как Днестр, Прут, Тисса с их притоками и реки Южного Крыма, имеет горный характер.

Озера на Украине обычно пойменного происхождения. Болота и заболоченные земли в настоящее время составляют немного более 3 % всей территории. Многие болота в древности тоже были озерами, что особенно достоверно относительно районов Полесья.

Река Днепр, занимающая центральное положение, служила главным водным рубежом и в то же время представляла вместе со всей системой озер и притоков главный водный бассейн, вокруг которого сосредоточивалась история народов, населявших территорию Украины.

В мезолите, неолите и энеолите поселения человека были приурочены к местам, наиболее приближенным к охотничьим и рыболовческим угодьям. Последние на территории Украины имелись во всех ее географических зонах: лесной, лесостепной, степной и горной.

Источниками для суждения о древнем рыболовстве интересующих эпох являются такие предметы, как сети, лодки, весла, грузила, крючки, остроги, блесны, жерлицы, а также костные остатки рыб, находимые в культурных слоях поселений и стоянок. Для изготовления всех этих предметов использовались преимущественно органические материалы: дерево, кость, рог, створки раковины, — т. е. плохо сохраняющиеся среди культурных

остатков. Сохранность орудий рыболовства неодинакова в разных географических зонах Украины. Только в торфяниках наиболее полно сохраняется органика. Однако на территории Украины таких торфяниковых местонахождений пока не обнаружено, и все данные о такой важной отрасли хозяйства, каковым было рыболовство в древности, имеют отрывочный характер.

Зарождение рыболовческого промысла на территории Украины произошло, судя по остаткам фауны, еще в позднем палеолите. В то время рыболовство представляло собой вид охоты, когда рыба выслеживалась и поражалась с помощью острог и гарпунов. Предметом «водной охоты» служила не только рыба, но и моллюски, мясо которых также употреблялось в пищу.

Возникновение рыболовства было вызвано рядом причин. В настоящее время установлено, что деятельность первобытного человека была динамично связана с окружающей средой. Доказано, что общество стремится выбрать такую форму хозяйственной деятельности, которая обеспечивала бы получение максимального энергетического продукта при минимальном риске; установлена связь экосистем с определенным типом хозяйства [Долуханов, Пашкевич, 1977, с. 135, 136]. Изменения географической среды неизбежно приводили к изменениям в хозяйственной деятельности человека.

Возникновение рыболовства как новой хозяйственной деятельности для древнего человека происходило в конце ледниковой эпохи, соответствующей в человеческой истории позднему палеолиту. Кардинальные изменения географической среды, вызванные исчезновением ледников и установлением условий, близких к современным, вызвали и все последующие изменения в хозяйственной деятельности человечества. Этот период известен как период кризиса палеолитической охоты и возникновения индивидуальной охоты с помощью лука и стрел в мезолитическое время [Бибиков, 1950, с. 118—126; 1966, с. 139].

О возникновении рыболовства еще в позднем палеолите свидетельствуют находки костных остатков рыб и орудий рыболовства в материалах ряда стоянок позднего палеолита Крыма, Поднестровья, Надпорожья и Подесенья: кости сома — в Осоковке, щуки — в Новгород-Северской стоянке и неопределимые — в Чулатове [Пидопличко, 1940, с. 154]. Возможно, что к этому же времени могут быть отнесены гарпун (рис. 1, 5) и обломок крючка из слоев 1 и 1а стоянки Молодово [Черныш, 1977 с. 120, 121].

В мезолите рыболовство получает свое становление как определенная отрасль присваивающего хозяйства. Основными источниками для представлений о рыболовстве в мезолите на территории Украины служат также материалы Крыма, Надпорожья и Поднестровья, что обусловлено сохранностью органических остатков в этих районах. Рыболовство в мезолите сопровождается собирательством — сбором речных и морских, а также и сухопутных моллюсков, створки раковин от которых образуют целые скопления на площади стоянок (Игрень 8, Мурзак-Коба). В отличие от палеолитического времени в мезолите рыболовство характеризуется уже не только битьем рыбы гарпунами, но и ловлей на жерлицу с блеснами. Об этом впервые высказался С. Н. Бибиков [1959, с. 114—121], предпо-

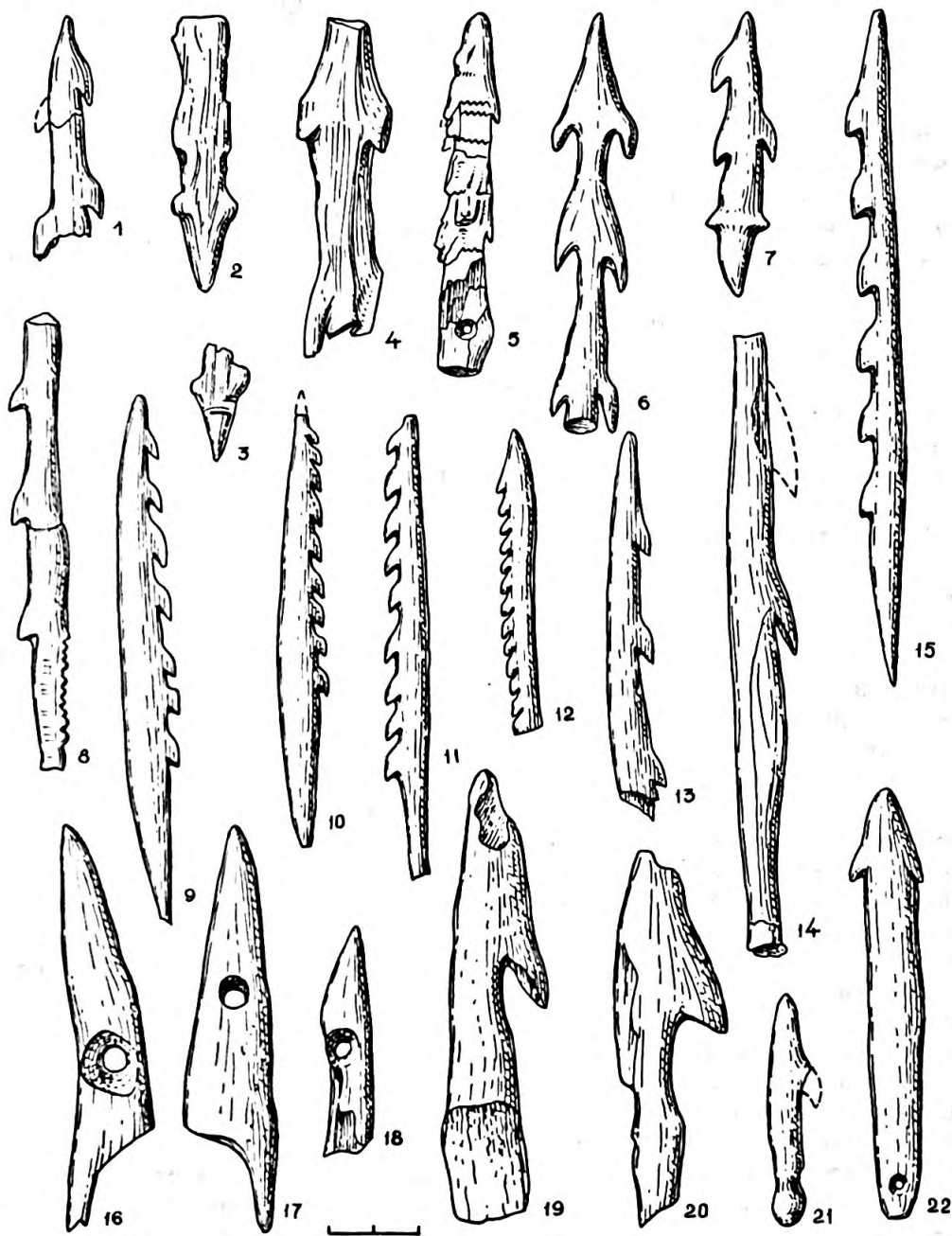

Рис. 1. Гарпуны.

1-3, 5, 7 - мезолит; 4, 6, 8-15 - неолит; 16-22 - энеолит. 1 - Кара-Коба; 2, 3, 7 - Мурзак-Коба; 4, 6, 14 - о-в Сурской II; 5 - Молодово V, слой 1а; 8 - Погореловка-Эсмань; 9-12, 15 - Погореловка-Коса; 13 - Новые Санжары; 16-20 - Волошское-Стрильча Скеля; 21 - Михайловка; 22 - Деревка.

живший, что мезолитические длинные и узкие трапециевидные микролиты с зубчиками являются блеснами для ловли рыбы. Такие трапеции отмечены им в Фатьма-Кобе, 3-м слое Шан-Кобы, в Мурзак-Кобе, Балин-Коше, Домчи-Кая на Чатырдаге, Беш-Текне над Лименами, Каракуш-Кобе, Кукреке. Алачук на Караби-Яйле, а также в тарденуазских комплексах дюнных стоянок Северского Донца.

Относительно трапеций, которые С. Н. Бибииков трактует как блесны, высказано мнение, что они таковыми не являются, а служили наконечниками стрел [Нужный, 1981, с. 18].

Из других орудий рыболовства мезолитической эпохи, известных на территории Украины, найдены гарпуны из кости или рога в Мурзак-Кобе (4 экз.) и в Шан-Кобе (1 экз.) (рис. 1, 2, 3, 4). По костным остаткам из Сюрени определены черноморский лосось, сом, судак, форель и голавль.

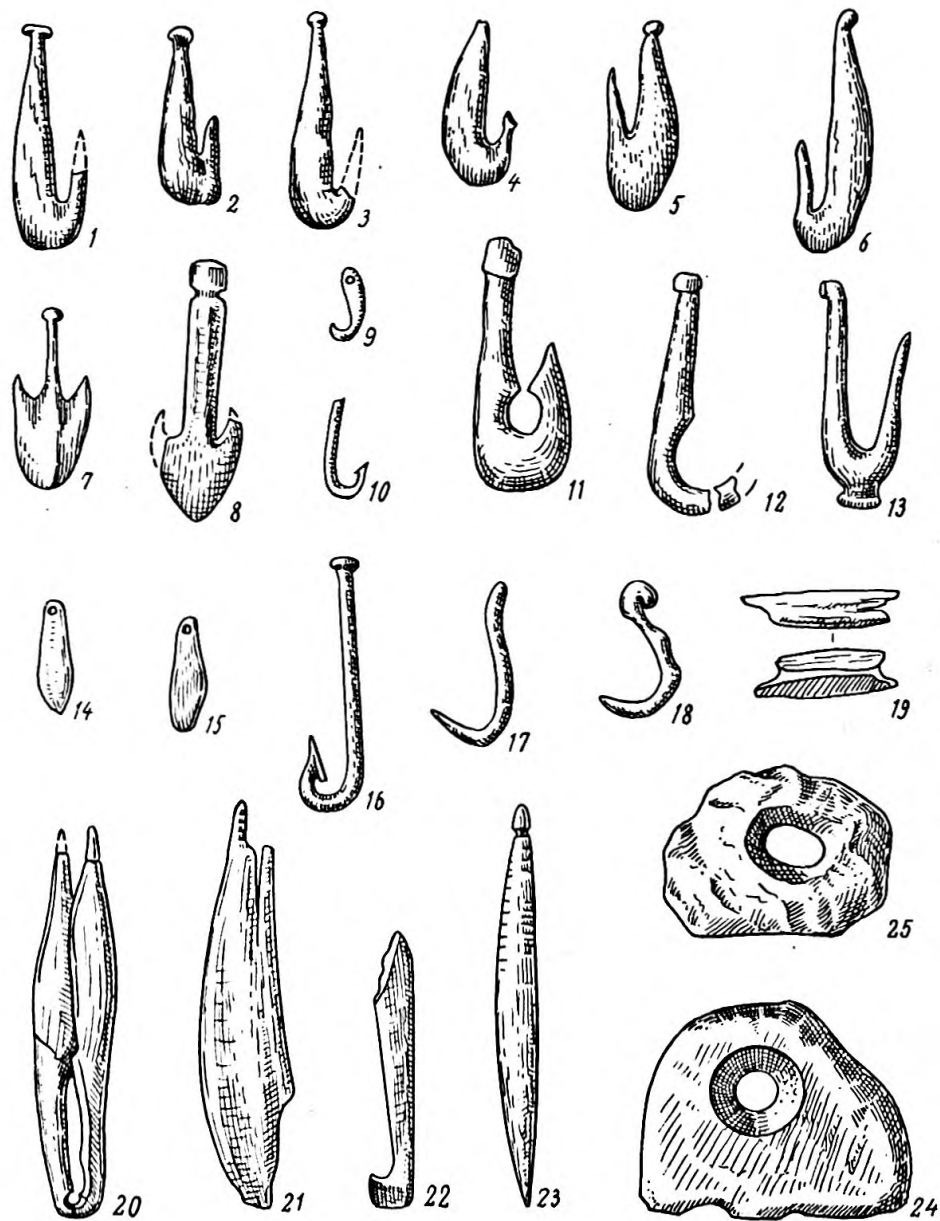
Все исследователи признают, что в мезолитическую эпоху рыболовство имело вспомогательное значение при решающей роли в экономике охоты. Как и в палеолите, оно восполняло недостаток в мясной пище.

Рыболовство в неолитическую эпоху, особенно в лесных и лесостепных районах Украины, становится ведущей отраслью древней экономики наряду с охотой. Однако условия сохранения органических остатков и для этой эпохи таковы, что не дают возможности говорить с необходимой полнотой об объеме и значении этой отрасли хозяйства.

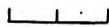
Для крымской неолитической культуры данные о рыболовстве отсутствуют, и только некоторые наблюдения имеются для Керченского п-ова. Здесь продолжает развиваться собирательство моллюсков, костей же рыб в стоянках пока не обнаружено. Исследование под микроскопом кремневых сегментов показало, что они были наконечниками метательных орудий для охоты на рыбу [Мацкевой, 1977, с. 126—147].

В основе хозяйства буго-днестровской культуры, изученной на территории Украины В. Н. Даниленко, лежали уже производящие формы — земледелие и скотоводство. Однако по сравнению со степной зоной Левобережной Украины здесь были исключительно богатые рыбные угодья. Это обстоятельство в известной мере являлось тормозом для развития производящих форм хозяйства. В. Н. Даниленко указывает на наличие в слоях поселений костей вырезуба, отмечает постоянную близость поселений к воде, а из находок рыболовческих орудий приводит крючок и блесну (рис. 2, 9, 14, 15) с поселений на Митьковом и Базьковом о-вах. Блесны изготовлены из эмали клыков кабана. Скопления створок раковин моллюсков тоже обычны на поселениях этого региона. Поселения буго-днестровской культуры на Днестре, по данным В. И. Маркевича, необычайно близки по материальной культуре побужским, обладают мощными скоплениями рыбеи чешуи и костей рыб, хотя орудий рыболовства, по-видимому, тут не найдено. Но в целом по материалам Украины и Молдавии можно составить представление о большом значении рыболовства для населения буго-днестровской культуры, которое было развитым сетевым рыболовством [Маркевич, 1974].

Другая раннеолитическая культура Украины, также с производящим хозяйством, сурско-днепровская, изученная В. Н. Даниленко [1950, с. 119—147], дала очень выразительные и разносторонние материалы о рыболовческом промысле. Из поселений на Сурском острове происходят двусторонние гарпуны (рис. 1, 4, 6); два костяных крючка (рис. 2, 8, 16),

1-8, 16-22

9-15, 23-25 — уменьшены

Рис. 2. Предметы, связанные с рыболовством.

1—13, 16 — костяные рыболовные крючки; 17, 18 — бронзовые рыболовные крючки; 14, 15 — перламутровые блесны; 19—22 — приспособления для плетения сетей; 23 — жерлица; 24, 25 — каменные грузила от сетей. 1—6 — Погореловка-Коса; 7 — Ображеевка; 8, 16, 19—22 — о-в Сурской II; 9, 15 — Базьков остров; 10 — Средний Стог II; 11 — Райгородок; 12 — Деревка (поселение); 13 — Волошское-Стрильча Скеля; 14 — Митьков остров; 17, 18 — Лука Врублевская; 23 — Деревка (могильник); 24, 25 — Александрия, неолитический слой.

один из них имеет якоревидную форму; приспособления для плетения сетей (рис. 2, 19—22), а также графическое изображение рыболовческих приспособлений на костяном вкладышевом кинжале.

В Днепро-Донецком регионе раннеэнеолитические культуры — струмельская и лисогубовская — имели производящие формы хозяйства в его начальных проявлениях, но поскольку эти культуры распространены в зоне леса и лесостепи, богатых рыбными и охотничьими угодьями, то со временем производящие отрасли хозяйства теряют свое значение. Особенно это относится ко времени бытования таких памятников ранней днепро-донецкой культуры, как Моства, хут. Тетеревский, Вита-Литовская (поздняя) и т. п. [Даниленко, 1969, с. 36].

На территории лисогубовской культуры, в бассейнах Десны и Сейма существовало примитивное земледелие, судя по находкам зернотерок и пестов южно-бугского типа, мотыг и копалок. Но рыболовство и сбор речных и сухопутных моллюсков практиковались в значительных размерах. Комплекс рыболовческих орудий лисогубовской культуры известен по находкам в Погореловке-Косе, Погореловке-Эсмани и Ображевке (рис. 1, 8—12, 15; 2, 1—6) [Неприна, 1976, с. 35, 36]. Большая типологическая близость рыболовческих орудий (крючков) Лисогубовки и сурско-днепровских, а также керамики и производственного инвентаря заставляет предполагать, что рыболовство носителей лисогубовской культуры имело также сетевой характер. Элементы раннего земледелия на северо-востоке Украины ликвидируются, по-видимому, в связи с продвижением сюда из бассейна Верхнего Дона неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой долговского типа. Эти племена распространяются на обширном пространстве Левобережной Украины, вытесняя лисогубовские племена и племена с культурой раннего этапа неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, известной по памятникам типа Волынцево и Вырчище.¹

Рыболовство в культурах с ямочно-гребенчатой керамикой наряду с охотой играло важнейшую роль в экономике, но для памятников украинской территории сохранилось очень мало данных. Очень выразительный комплекс рыболовческих орудий на Верхнем Дону содержит Долговская стоянка. На таких стоянках территории Украины, как Погореловка, Вырчище и Эсмани, и Коса встречены отдельные позвонки, а также плавники рыб.

Такие, уже энеолитические, культуры Украины, как ямная, среднестоговская и трипольская, с их сформировавшейся производящей экономикой, имеют рыболовство в качестве вспомогательного занятия, дополняющего и разнообразящего питание древнего человека. Сбор моллюсков в это время уже не практикуется, но заметим, что он продолжает существовать в среде племен с ямочно-гребенчатой керамикой, синхронных с названными энеолитическими культурами. Так, на стоянке Гришевка на площади жилищ, относящихся к концу III тыс. до н. э., встречены скопления створок раковин [Березанская, 1975]. На памятниках энеолитической эпохи встречены орудия рыболовства — гарпуны и крючки из кости

¹ О продвижении и существовании памятников долговского типа на территории Украины свидетельствуют материалы Гришевской стоянки, давшей комплексы жилищ с производственным и бытовым инвентарем, необычайно близким к долговскому [Левенко, 1965].

(рис. 1, 16—22; 2, 11, 13) [Лагодовська и др., 1962, с. 168—182], а с трипольского поселения Лука Врублевская известны крючки из меди (рис. 2, 17, 18) [Бибииков, 1953, с. 189—192; Телегин, 1973, с. 131—142].

Рыболовство получило некоторое отражение в духовной культуре, хотя данных сохранилось немного. Так, на вкладышевом кинжале из Сурского острова имеется изображение верш — ловушек для рыбы, сетей и загородок. В Каменной Могиле встречен ряд плит (№ 4, 7, 17), на которых изображены сети, рыбы в сетях, верши. Надо полагать, что эти изображения являются результатом магических действий древних людей, каковые были призваны обеспечить удачный лов рыбы [Рудинский, 1961, с. 31].

Этот краткий обзор данных по рыболовческому промыслу на территории Украины в мезолите—энеолите показывает, что рыболовческий промысел имел большое значение в жизни древнего человека. Он играл вспомогательную роль на раннем этапе своего развития у верхнепалеолитического населения и в среде раннеэнеолитических племен с ранними формами земледелия и скотоводства. Такое значение он сохранил у них и в энеолите. Но в среде племен леса и лесостепи рыболовство наряду с охотой занимало важнейшее место в экономике. Необходимо подчеркнуть, что фиксация рыболовства, т. е. ловля рыбы с помощью сетей при использовании лодок, является тем фактором, который обусловил переход к неолитическому времени и ознаменовал конец мезолитической эпохи.

РЕЧНОЕ РЫБОЛОВСТВО В НЕОЛИТЕ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ

Одним из своеобразных регионов являются южнорусские степи, в неолитических поселениях которых оказался довольно обширный материал, позволяющий восстановить приемы и способы древнейшего рыболовства. В нашей работе речь пойдет о матвеевокурганских ранне-неолитических поселениях Северо-Восточного Приазовья и неолитическом поселении Ракушечный Яр на Нижнем Дону [Крижевская, 1974; Белановская, 1974].¹ Первые располагаются на правом берегу р. Миус, в широкой долине, образование которой связано с развитием системы лиманов и их отложениями, относящимися ко времени новозвксинской регрессии.

В долине прослеживаются более или менее отчетливо русла древних рек, их рукавов и стариц, в настоящее время почти полностью пересохших. Водотоки были направлены параллельно современной р. Миус, с севера на юг и, по-видимому, частично соединялись с р. Мертвый Донец (рукав Дона), частично же впадали непосредственно в Таганрогский залив Азовского моря.

Найденные в культурном слое остатки животных и рыб, раковины моллюсков и древесный уголь дают некоторую возможность реконструкции древнего ландшафта. Так, анализ угля с помощью шлифов² показал, что он принадлежит кустарниковой флоре, наличие которой подтверждается также находками значительного числа моллюсков *Bradybaena fruticum*,³ обитающих, как правило, на пойме, в травянистых и кустарничковых зарослях. Костные остатки бобра свидетельствуют, очевидно, об облесенности водоемов. Анализ угля из столбовой ямки жилища Матвеева Кургана I показал наличие вяза и ясеня.⁴

В целом можно предполагать, что древний ландшафт долины Миус был близок современному ландшафту дельты Дона, изобилующей зарослями кустарников и трав.

О древнем рыболовстве свидетельствуют в первую очередь костные остатки рыб, найденные на поселениях Матвеев Курган I и II, из 31

¹ К сожалению, какие-либо данные о морском промысле в это время на Азовском море отсутствуют. Единственный памятник, раскопанный вблизи Азовского моря, — Каменная Могила никаких материалов по интересующему вопросу не содержит.

² Анализ произведен Е. Н. Чавчавадзе (БИН АН СССР).

³ Определение И. М. Лихарева (ЗИН АН СССР).

⁴ Анализ произведен Г. Н. Лисицыной (ИА АН СССР).

образца до вида определено 18: 11 экз. принадлежат щуке, 5 — сазану и 2 — сому.⁵ Несколько остатков рыб относятся к семейству карповых, без определения вида.⁶ Размеры щуки 70—80 см, сазана — 50—60 см, что соответствует величине современных рыб. Сом был значительно крупнее — его длина 270 см, в то время как современные сомы не превышают 110 см [Световидов, 1948]. Крупные размеры ископаемого сома в дельте Дона известны и в неолитическом поселении Ракушечный Яр, где отдельные особи его достигают 240 см [Белановская, 1975], а также отмечены Л. Д. Житиновой для римского времени по данным нижнегниловского городища, где длина их сооставляла 150—200 см [Вороненкова, Прохоров, 1963; Житинова, 1966].

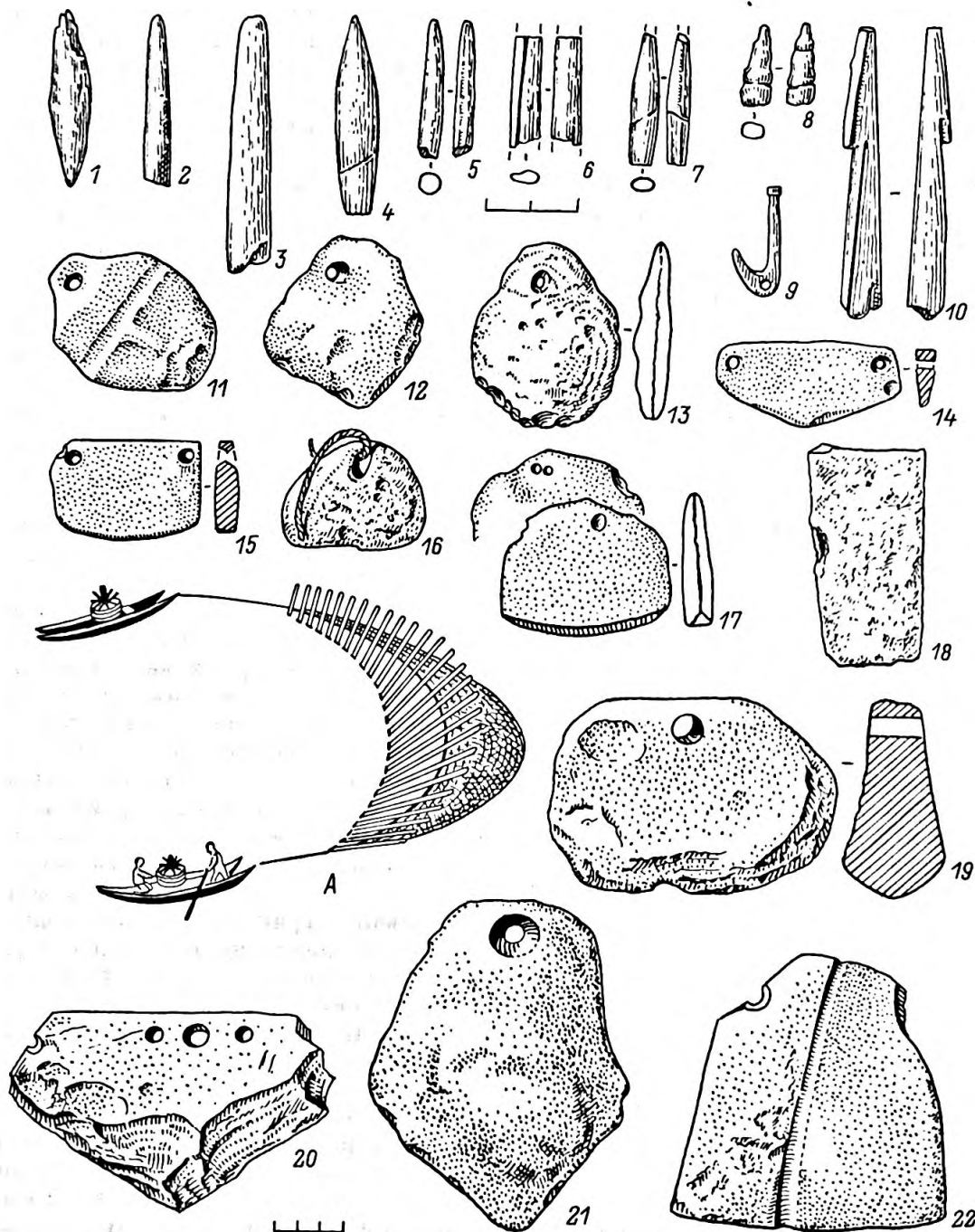
Матвеевокурганская ископаемая ихтиофауна по видовому составу имеет некоторое сходство не только с нижнедонской, но и в целом с азово-черноморской, однако отличается пока от последней отсутствием осетровых, а также несколько иным процентным соотношением видов. Так, на данных поселениях намечается значительное преобладание щуки, на втором месте — карповые. В то время как на Дону, точнее в современном Мертвом Донце, было установлено, что в эпоху бронзы основной промысловой рыбой был сом, щука же имела второстепенное значение [Лебедев, 1960]. Сейчас, по-видимому, можно говорить, что сом был основной промысловой рыбой на Дону и в эпоху неолита [Белановская, 1975].

Способы рыбной ловли можно до некоторой степени восстановить по найденным в матвеевокурганских поселениях орудиям, изготовленным из рога или кости и камня. Первые представлены тремя категориями. Значительную серию составляет дву- или трехзубая острога, но почти исключительно в мелких обломках. Лишь два почти целых (восстановленных) экземпляра дали возможность установить ее признаки и оригинальную технику изготовления. Исходным материалом для острог послужили небольшие рога молодых особей косули. Они подстругивались вдоль всей длины тонким инструментом, негативы от срезов которых, не превышающие в ширину 0.1—0.2 см, можно увидеть на некоторых экземплярах. Далее заготовки подвергались подшлифовке абразивом, сглаживавшим оставшиеся после подстругивания грани, следы чего в виде тонких параллельных бороздок также видны довольно отчетливо. Они расположены под углом к длине и прослеживаются на участках поверхности, заполированной до блеска, возможно, в процессе употребления. Роговая основа орудия не требовала предварительного расщепления, поскольку использовалась подходящая по размерам. Этим, очевидно, объясняется незначительное (минимальное) количество отходов производства. Роговая заготовка в законченном виде имела овальное поперечное сечение, диаметр которого в средней части равнялся 0.4—0.7 см. Что касается длины заготовок, то наибольшие размеры их едва превышали 10 см, в основном же были более короткие, предположительно 6—7 см.

При оформлении рабочей части орудия прежде всего тщательно заострялся конец, образуя тончайшее игловидное острие. Затем вдоль длины орудия в косом направлении прорезались один за другим узкие

⁵ Заключение Е. А. Цепкина (кафедра ихтиологии МГУ).

⁶ Помимо указанных, 2 образца определены В. И. Бибиковой как остатки вырезуба.

Орудия рыболовства из неолитических поселений южнорусских степей и параллели к ним.
 1 — костяное приспособление для наживки; 2—5, 7, 8 — острия-наконечники; 6, 10 — наконечники
 острог; 9 — рыболовный крючок; 11, 12—15, 17, 18, 20—22 — грузила; 16 — грузило XV в. 1—8, 10,
 13, 17, 18, 19, 20 — Матвеев Курган I; 9, 11, 12, 14, 15, 21, 22 — Ракушечный Яр; 16 — Новгород.
 А — реконструкция рыбной ловли с помощью невода и лодки (по Томази).

желобки. Каждый последующий начинался на уровне конца предыдущего. Выходя к одной и той же длинной стороне, желобок всякий раз отделял от основного тела орудия небольшой зубец. Таким образом получилась односторонняя острога с последовательным рядом зубцов (среди найденных максимальное число зубцов — три), находящихся на расстоянии 1.5—2 см один от другого. Интересно, что у всех найденных экземпляров самый кончик обломан, очевидно, в процессе использования (см. рисунок, 10).

Матвеевокурганская острога оригинальна по своим основным признакам. Она небольших размеров, с исключительно миниатюрными зубцами, и, главное, способ их оформления пока не находит прямых аналогий, во всяком случае на памятниках близлежащих территорий — Украины и Молдавии такие орудия отсутствуют. В литературе они также неизвестны, если не считать остроги из Мас д'Азиль, с которой матвеевокурганская острога сходна по общим размерам — малой величине, общему количеству и расположению на древке зубцов, но отличается способом изготовления [Clark, 1948, fig. 1]. В матвеевокурганской коллекции очень много (свыше трех десятков) небольших обломков с прорезанными по одной стороне желобками, которые, основываясь на аналогии с восстановленными экземплярами, можно определить как небольшие части или заготовки острог, по той или иной причине оставшиеся незаконченными. На некоторых прослеживаются неясные следы желобков, по-видимому, это неудавшиеся при изготовлении экземпляры.

Способ крепления остроги в древке остается невыясненным. В коллекции есть несколько мелких обломков костяных изделий длиной 1.5—2 см, с прямым уплощенным (усеченным) концом. Но принадлежность их к остроге не достоверна, хотя и не исключена. Поэтому возможно, что острога вставлялась в расщепленное древко и крепилась клеем или веревочным изделием [Житинева, 1966].

Вторую категорию орудий составляют острия-наконечники из того же поделочного материала (см. рисунок, 2, 5, 7, 8). Длина их 3—3.5 см, рабочий конец заострен и сглажен шлифовкой; на многих экземплярах он обломан. Противоположный тыльный конец имеет небольшие насечки, очевидно, для закрепления в древке, или преднамеренно уплощен для соединения с рукояточной частью. В сечении острия округлы, диаметр тыльного конца или его излома 0.2—0.3 см. По размерам и общему облику они имеют некоторое сходство с аналогичными орудиями из 5-го слоя пещеры Таш-Аир [Крайнов, 1960]. Встречено одно крупное острие, с обоими обломанными концами (5.3 см длиной, диаметр у отломанного основания 0.7—0.8 см) с почти правильным округлым сечением, возможно, это наконечник дротика (3).

Очевидно, это наконечники копий, которые употреблялись в первую очередь для охоты на мелких зверей, но могли в то же время применяться и для битья рыбы и водоплавающих птиц. Аналогичную трактовку подобным наконечникам дает В. Ф. Старков [1980]. Можно предполагать многофункциональность роговых и костяных орудий, подобную той, какая была у некоторых современных народов в недавнем прошлом.

К третьей категории относится костяное орудие, заостренное с двух концов, длиной 3.2—5.7 см, на большинстве участков зашлифованное по

всей поверхности, в единичных — без дополнительной обработки (см. рисунок, 1). Подобные изделия известны из европейских неолитических стоянок, в частности из свайных поселений Швейцарии, и тракуются как приспособление для наживки. Они применяются в этом назначении современным населением Франции и Финляндии [Кларк, 1953], однако у эскимосов используются для ловли пернатой дичи.

Итак, матвеевокурганский костяной и роговой инвентарь для индивидуального лова характеризуется в целом миниатюрностью, которая не связана с отсутствием поделочного материала для крупных орудий (в списках фауны — тур, олень, волк и др.), а подчинена, очевидно, целесообразности применения именно таких небольших изделий.

Рыболовные орудия из камня представлены грузилами, среди которых выделяются 2 группы. Первой — повсеместно распространенной — являются овальные гальки или иные, чаще удлиненные, бесформенные камни с противоположными выбоинами для привязывания (см. рисунок, 18). Это грузила, предназначенные для укрепления сетей в неподвижном состоянии. Вторая, более специфическая группа состоит в основном из плоских сланцевых плиток с одним биконически просверленным отверстием диаметром 0.3—0.4 см, а по наружной поверхности от 0.7 до 1.7 см, расположенным всегда у края (13, 19). На некоторых экземплярах сохранились следы первоначальных неудачных попыток мастера проделать отверстие — в виде начатых и недосверленных дырочек, причем во всех случаях также у края (17, 20). В подавляющем большинстве, но не все, грузила несут следы шлифовки обеих поверхностей, однако не очень тщательной. Такие грузила — неводные — прикрепляются через небольшие промежутки к нижней подборе невода. Во время его движения они легко принимают горизонтальное положение, прижимая таким образом невод ко дну. По-видимому, во время движения невода поверхность грузил шлифовалась неестественным путем, при соприкосновении с песчаным дном, что вполне отвечает невысокому качеству шлифовки. Разновидностью грузил с отверстием являются заготовки из известняка, массивные, нечетких форм, без каких-либо следов подправки. Отверстия, сделанные также биконическим сверлением, имеют диаметр 2.3 см. Интересный способ лова неводом рыбаками, сидящими на лодках, известен из этнографии народов Японии [Thomazi, 1947], не исключена подобная реконструкция и для рассматриваемого нами населения (см. рисунок, А).

Тожественные грузила представлены большой серией на поселении Ракушечный Яр. Грузила, подобные нашим, с еще сохранившимся ремешком, известны из раскопок древнего Новгорода X—XV вв. [Янин, 1953] (см. рисунок, 16). Следует отметить, что на многих матвеевокурганских грузилах имеются следы вторичного использования в виде сбитости, расположенные всегда по краю, противоположному отверстию, на некоторых, в частности, слегка приостренное лезвие говорит об использовании их, возможно, в качестве землекопных орудий.

Сетевое и неводное рыболовство предусматривает искусство вязания сетей, изготовления веревок, канатов и т. д. Материалом для таких изделий, по-видимому, служили произраставшие кругом кустарниковые

и травянистые растения, о которых упоминалось выше. Таким образом, исходный материал, очевидно, был в изобилии, а сети, невода и веревки изготавливались в принципе так же, как это делали до недавнего времени народы всех континентов. В этом плане интересна работа, посвященная рыболовству индейцев Калифорнии [Kroeber, Barrett, 1960]. В ней большое место уделено вязанию сетей, изготовлению канатов и веревок, начиная от подбора того или иного растения, например виноградной лозы или цветка ириса, в зависимости от вида изделия.

Можно предполагать, далее, рыболовство с помощью разнообразных заградительных сооружений, поскольку этот способ вообще чрезвычайно широко распространен у разных народов земного шара. Сирелиус, например, посвящает огромный том описанию только этого вида рыболовства у всей финно-угорской группы народов [Sirelius, 1906]. Имеются и прямые свидетельства применения этого способа рыбной ловли в неолитическое время [Левенок, 1969; Rimantienė, 1980a]. Наконец, укажем, что в матвеевокурганских поселениях весьма разнообразен набор сланцевых инструментов для обработки дерева: топоров, долот, стамесок. Они служат косвенным подтверждением обработки деревянных частей заколов (как думает Кларк), а также изготовления лодок, как считают многие исследователи [см., напр.: Хлобыстин, 1972]. Определенным подтверждением применения лодок является находка массивного (2.6 кг) камня с выбоинами для привязывания, служившего вероятнее всего лодочным якорем.

По-видимому, так же как и сейчас, древний рыбак учитывал различные повадки рыб — хищность и проворство щуки, малую подвижность сома, одной из самых оседлых рыб, живущего круглый год в одной и той же яме и редко из нее выходящего [Сабанеев, 1911]. Интересно, что начиная с мезолита основной промысловой рыбой в Европе вообще являлась щука, одна из наиболее распространенных рыб в озерах и реках. Кроме того, щук можно ловить круглый год, так как они очень прожорливы и легко попадают на крючок. Весной они заходят в мелководье для метания икры, а летом лежат, греясь на солнце, у поверхности воды. В это время их можно ловить силками, а также бить острогой и копьем. Наконец, мясо щуки привлекает своей пригодностью для заготовки впрок в соленом и сушеном виде. Таким образом, использовались разные приемы и орудия рыболовства в зависимости от сезона. Явное преобладание в ранне-неолитических матвеевокурганских поселениях остатков щуки над другими видами рыб свидетельствует, пожалуй, об общей направленности рыболовства в Европе.

В развитии и позднем неолите орудия рыболовства южнорусских степей представлены на поселении Ракушечный Яр, расположенном на о-ве Поречном, образованном двумя рукавами Дона, в его низовьях (Ростовская обл.). В культурном слое поселения также сохранились костные остатки рыб, но в отличие от матвеевокурганских они все принадлежали только сому.⁷ Таким образом, подтвердились наблюдения Л. Д. Житиновой о том, что основной промысловой рыбой в дельте Дона являлся сом, но, как оказывается, не только в эпоху бронзы, а и в предшествующее, неолитическое время.

⁷ Определение

Свидетельством наличия рыболовства в Ракушечном Яре являются грузила (см. рисунок, 9, 11, 12, 15, 21, 22), которые автор исследования [Белановская, 1975] подразделяет на 2 типа: крупные, с одним, и более мелкие, с двумя отверстиями для подвешивания к неводу. Первые являются аналогом матвеевокурганским. Костяные (или роговые) орудия представлены только рыболовным крючком, выразительным признаком которого является отверстие на изгибе (9). Подобные крючки, но несколько отличные в деталях, широко распространены в неолитических памятниках разных европейских стран, известны они в ряде неолитических памятников Украины. Функциональное назначение отверстия разными исследователями трактуется по-разному, но в целом рыболовный крючок — весьма совершенное орудие индивидуального лова. Это следует прежде всего из того, что, появившись в неолитическое время, крючки дожили до наших дней, перейдя из кости в металл и лишь несколько видоизменив форму. Вместе с тем в средних слоях Ракушечного Яра уже практически отсутствовал гарпун (найден только один обломок).

В итоге можно заключить, что в южнорусских степях в эпоху неолита существовало развитое речное рыболовство. Ранние формы его, когда применялись такие орудия, как наконечники копий и острога, генетически восходят к палеолиту и перенесены с охоты на диких зверей на «охоту» за рыбой. Эти самые ранние формы добычи рыбы соответствуют времени существования матвеевокурганских стоянок (радиоуглеродная дата, полученная для Матвеева Кургана I, — 7505 ± 210 лет от н. д. (GrN-7199)). Но уже в это время появляются первые собственно рыболовческие орудия индивидуального лова, а именно приспособление для наживки. Рыболовный крючок, однако, еще отсутствовал. Одновременно прочно входит в быт коллективное — сетевое и неводное — рыболовство, возможно, осуществлявшееся и с помощью лодок.

В развитом неолите (средние слои Ракушечного Яра датируются по C_{14} — 6070 ± 100 лет от н. д.) архаические формы «охоты на рыбу» исчезают или почти исчезают, заменяясь собственно рыболовством с помощью удочки и рыболовного крючка. Коллективные формы улова сохраняются.

В позднем неолите (верхние слои Ракушечного Яра датируются по C_{14} — 4360 ± 100 лет от н. д.) удельный вес коллективного рыболовства, а может быть, рыболовства вообще как хозяйственной отрасли в рассматриваемом регионе несколько сокращается. Заметно уменьшение количества грузил в верхних слоях Ракушечного Яра [Белановская, 1975]. Это обстоятельство хорошо коррелируется с развитием новой хозяйственной отрасли: скотоводством, которое устанавливается по наличию в верхних слоях Ракушечного Яра костных остатков домашних животных — крупного рогатого скота, овцы, козы, свиньи и др.

Наконец, отметим, что определенным подтверждением значения рыболовства в жизни неолитического населения южнорусских степей является использование в погребениях зубов, в основном вырезуба, а также карпа. Найденные иногда в большом количестве (например, только в Марьевском могильнике 174 экз. принадлежат вырезубу), они располагались как украшения либо на поясе, либо в головном уборе. Использование рыбьих зубов характерно для могильников днепродонецкой культуры: 3-го Васильевского, Вовнигов и Марьевского [Телегин, 1968].

Л. Д. Церетели

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ РЫБОЛОВСТВЕ В ГРУЗИИ

При изучении истории развития рыболовства немаловажное значение имеют начальные его формы, зарождающиеся на заре истории человечества. Природные условия и возможность использования имеющихся ресурсов в большей мере определяли существование первобытного человека, степень развития его экономики, социальной структуры и быта. При определенных благоприятных условиях рыболовство становилось основной формой производственной деятельности [Косвен, 1953].

При изучении производственной деятельности и быта первобытного общества необходимо в первую очередь учитывать физико-географические условия (рельеф, климат), которые в основном определяли своеобразие формирования и развития культуры человека.

Территория Грузии расположена в центральной и западной части Кавказа. Для нее характерно разнообразие рельефа. Северную ее часть занимают южные склоны Кавказских гор. Реки Грузии имеют горный характер, они очень бурные и многоводные. Созданию гидрогеографической сети способствовало обилие осадков, оттаивание снега и ледников при сложности рельефа. Речная сеть наиболее развита в Западной Грузии, реки берут свое начало с Главного Кавказского хребта и его отрогов. Одним из источников питания рек являются подземные и ледниковые многодебетные воды, которыми богаты известняковые зоны. Здесь с гор в Черное море стекают со своими притоками Риони, Ингури, Кодори, Бзыби, Хоби, Псоу и др.

Реки Восточной Грузии менее многоводны. Главная водная артерия — р. Кура. Среди основных рек нужно назвать Лиахви, Ксани, Арагви, Иори, Алазани и Храми. Грузия богата и озерами, большая часть которых находится в Южной Грузии на Джавахетском нагорье — озера Паравани, Ханчали, Табацкури и др. Они в основном вулканического происхождения. В горах Большого Кавказа много мелких озер. На Колхидской низменности близ г. Поти находится одно из крупнейших озер республики — Палеостоми. Кроме того, есть озера Адзюиса, Кваррами и другие ледникового происхождения. Заслуживает внимания тот факт, что в противоположность Северной Европе и региону Альп на берегах озер Грузии признаки жизни первобытного человека почти не встречаются [Церетели, 1973].

Вышеперечисленные реки интересны с точки зрения наличия на их террасах остатков каменного века. Очевидно, что для первобытного человека, проживающего в пещере или на открытой стоянке, река играла большую роль. В тех местах, где существовали соответствующие природные условия, наряду с охотой человек уделял большое внимание и рыболовству. На территории Грузии этому способствовала близость рек, озер и, наконец, моря, изобилующих рыбой.

На территории Грузии самым ранним памятником, где в большом количестве сохранились остатки ихтиофауны, является пещера Кударо I [Любин, 1980]. Представленные здесь рыбы кости относятся к виду черноморского лосося [*Salmo trutta labrax Pallas*], который употреблялся в пищу мустьерским человеком. Э. А. Цепкин [1980] указывает на особое распространение этого вида рыб в кударской пещере и отмечает, что материалы раскопок пещеры Кударо I свидетельствуют о широком распространении лосося в бассейне Черного моря в плейстоцене и раннем голоцене. Однако в мустьерской пещере Кударо I не обнаружено никаких следов орудий, подтверждающих наличие этого вида хозяйства; очевидно, рыболовство здесь носило очень примитивный характер.

На определенную роль рыболовства указывает костяное шиловидное орудие, изображающее реалистическую фигуру рыбки, обнаруженное в верхнепалеолитическом культурном слое пещеры Сагварджиле (см. рисунок, 1) [Бердзенишвили, 1963]. У нее хорошо выражена головка, рот отмечен маленьким отверстием (ямочкой). В центре головки проколот глаз. По-видимому, рыбка выполняла роль подвески. Аналогичные предметы в памятниках каменного века Кавказа не встречаются, но они обнаружены в Мальте и Тимоновке [Векилова, 1957]. Судя по тщательности обработки, это образец искусства, имеющий кроме практического назначения также и культово-магическое. Интересен и тот факт, что изображение имеет форму форели — вид рыбы, и сегодня широко распространенный в реках Грузии. Должно быть, первобытный человек придавал особый смысл ее изображению. Не исключено предположение, что данное изделие являлось знаком рыбака. По понятию первобытного человека, возможно, это изображение обеспечивало успех охоты на рыб. В любом случае предмет из Сагварджиле с изображением рыбы является явным свидетельством развития рыболовства. Культ рыбы, в виде пережитка древних верований, встречается в Грузии и сегодня.

Как свидетельствуют археологические материалы памятников Грузии, рыболовство в хозяйстве мезолитического и неолитического человека играло значительную роль.

С конца верхнего палеолита и позже — в мезолите—неолите начинается употребление совершенно новых, относящихся к рыболовству орудий: гарпунов, крючков, грузил. Первые орудия рыболовства в памятниках Грузии встречаются в верхнем палеолите. Так, в пещере Гварджилас-кльде в числе огромного верхнепалеолитического материала обнаружен костяной гарпун с двумя зубцами, весьма архаичной формы [Тушабрамишвили, 1960]. В эпоху мезолита—неолита его роль значительно возрастает. Подтверждением этого являются археологические остатки, найденные в Абхазии.

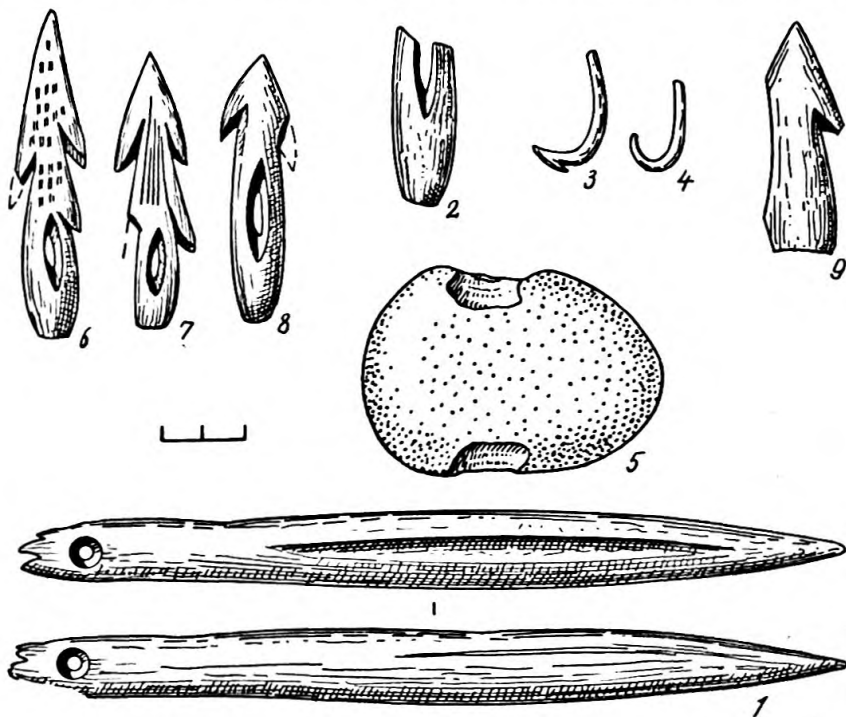
Территория Абхазии богата реками, ущельями и характеризуется выгодными природными условиями для широкого расселения человека

и развития рыболовства. По сведениям известного географа и историка XVIII в. Вахушти Багратиони (1941), водные бассейны Абхазии с древних времен были богаты рыбой.

Человек, живущий в этих местах, должен был широко использовать речные ресурсы. Об этом свидетельствуют найденные в позднемезолитическом слое Холодного Грота и позднемезолитических — неолитических слоях Апианча кости лосося и другой мелкой рыбы (форель, усач и др.), а также орудия лова, гарпуны и крючки. К рыболовным орудиям должны, по-видимому, относиться и асимметричные треугольники, найденные в позднемезолитических слоях.

Из многочисленных остатков ихтиофауны пещер Апианча и Холодный Грот установлен вид черноморского лосося, и это не случайно, поскольку в Черном море лосося много и в данное время. Известно, что черноморский лосось в период нереста направляется в чистые и холодные горные реки, таким образом, для обитателей стоянок Апианча и Холодного Грота, расположенных в ущелье р. Кодори, добыча рыбы, попавшей сюда из Черного моря, не представляла особой сложности. Лосось рыба мясистая и, очевидно, являлся одним из основных источников питания. Следует отметить, что кости лосося в большом количестве обнаружены также на стоянках палеолита и мезолита Крыма (Сюрень I, II и Мурзак-коба).

К концу мезолита и началу неолита рыболовство в Абхазии приобретает большое значение, так как теплый и умеренный климат Абхазии позволял

Предметы, связанные с рыболовством.

1 — костяная рыба; 2, 6—9 — гарпуны; 3, 4 — рыболовные крючки; 5 — грузило. 1, 4 — Сагварджиле; 2, 3 — Апианча; 5 — Даркветская стоянка; 6—9 — Холодный Грот.

вести лов круглогодично. Свидетельством того, что рыбная ловля носила планомерный характер, являются обнаруженные в Холодном Гроде 10 целых и ломаных гарпунов [Соловьев, 1973]. Они изготовлены из толстых уплощенных костей, которые с двух сторон хорошо обработаны, а один из них (см. рисунок, 7) в продольном направлении имеет нацарапанные прямые линии. Зубья гарпунов расположены по обеим сторонам, а тыльная часть имеет удлиненное отверстие. Некоторые из гарпунов орнаментированы рядами черточек (6). В комплексе орудий встречается поворотный гарпун с двумя зубьями, отверстие расположено посередине (8). Здесь же имеется гарпун без зубьев, предназначенный для оснащения кремневым или обсидиановыми вкладышами (треугольниками), посредством чего он мог превратиться в рыболовный крючок. Кроме Холодного Грота гарпуны (2 экз.) найдены и в мезолитическом слое Апианча (2). Они повреждены, однако сохранилась тыльная часть гарпуна с отверстием.

Для неолитического слоя Апианча особо значителен хорошо обработанный костяной крючок (3), имеющий много общего с крючком из Сагварджиле (4).

Орудия лова, обнаруженные в материалах Апианча и Холодного Грота, позволяют предположить, что рыболовство велось с помощью гарпунов и крючков.

В памятниках каменного века Грузии рыболовные крючки встречаются редко. Возможно, в быту мезолитического и неолитического человека коллективной рыбной ловле отводилась ведущая роль, а индивидуальная носила случайный характер. Если в мезолите основным орудием являлся гарпун (Холодный Грот, Апианча), то в неолите вместе с гарпуном употреблялся и крючок. По мнению исследователей [Гогитидзе, 1978], к этому же периоду относится метод отлова рыбы посредством корзин, так называемых «пацери», сплетенных из лозы. Такой прием и сегодня широко употребляется в Абхазии. В связи с этим интересно мнение М. О. Косвена [1953, с. 62], считавшего, что в этой области хозяйства первобытная техника создала в основном все, что известно и современному рыболовству. Необходимо отметить, что большое количество остатков ихтиофауны, обнаруженной в Холодном Гроде и Апианча, однородность рыболовческих орудий, техника их обработки, сходная хозяйственная деятельность (рыболовство) и близость этих стоянок позволяют предположить, что Кодорское ущелье в мезолитическую и неолитическую эпоху было заселено родственными рыболовческо-охотничьими племенами.

Следующим памятником на территории Грузии, свидетельствующим об определенном значении рыболовства, является позднемезолитическая стоянка Эдзанский навес (юго-восточная часть Грузии), расположенная на правом берегу р. Храми [Габуния, Церетели, 1977]. Несмотря на то что в Эдзани не обнаружены рыбы кости и гарпуны, которые в большом количестве встречаются в голоценовых памятниках Западной Грузии, здесь найдены геометрические вкладыши, среди которых преобладают асимметричные треугольники. О назначении треугольников в археологической литературе существует довольно распространенное мнение, что они употреблялись в процессе рыболовства (хотя не исключено и применение их в охоте). Если учесть соображения С. Н. Бибикова [1959], Л. Г. Мацкевого [1977], Л. Д. Небиеридзе [1978], М. К. Габуния [1976]

и др., то многочисленность треугольников, найденных в Эдзани, наталкивает на мысль, что главной отраслью хозяйства здесь было рыболовство.

О развитии рыболовства и его определенном значении в более поздних памятниках свидетельствуют также расположенные в ущелье р. Храми поселения Имирисгора и Храмисдидигора, где имеются кости осетровой рыбы [Кигурадзе, 1974]. Реки Восточной Грузии, особенно р. Храми, и сегодня богаты разнообразной рыбой.

По распространенному в специальной литературе мнению одним из основных показателей наличия рыболовства являются каменные грузила, которые свидетельствуют о ловле рыбы сетью. Самым ранним памятником, где зафиксировано грузило, считается мезолитический слой Даркветской стоянки. Эта находка (см. рисунок, 5) согласуется с мнением Кларка, который отмечает, что наиболее эффективной из всех рыболовных снастей является сеть, причем имеется много данных, свидетельствующих о том, что ею пользовались уже во времена мезолита, по крайней мере в ее наиболее примитивной форме [Кларк, 1953]. Если грузило, найденное в Даркветском навесе, единственное, то в последующих неолитических памятниках их количество достаточно велико (Палури — 4 экз., Кистрик — 215, Махвилаури — 465).

Интересные сведения дают нам этнографические материалы о культуре рыбы в Грузии и о рыболовстве вообще. У населения Грузии по установленным этнографическим сведениям рыба занимала особое место в верованиях и обычаях. Например, в Триалети в местечке Голянке [Чиковани, 1976] имеется церквушка, которая известна под названием «Форель». Она построена над бассейном, полным табуированной «святой рыбой». Бездетные женщины, купаясь в этой воде, убеждены, что здешняя форель — символ плодородия. Для населения Триалети форель — это святая рыба, исцеляющая от всех болезней. Ее употребляют при переломах, желтухе, опухолях и других болезнях [Робакидзе, 1949]. Заслуживает внимания обычай захоронения рыб. В ряде районов Грузии (в Кахети, Самегрело, Имерети) известны интересные факты, связанные с культом рыбы. Например, в Самегрело беременной женщине для облегчения родов привязывают к телу отдельные части рыб [Макалатия, 1941]. В Кахети культ рыбы связан с обилием урожая. Если иметь в виду все вышеуказанные сведения, тогда более достоверным кажется мнение Н. Марра и Я. Смирнова, что «на Кавказе рыба с древнейших времен была связана с культом плодородия».

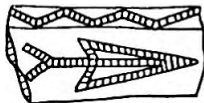
Таким образом, на основании археологических и этнографических данных можно утверждать, что в Грузии с древнейших времен рыболовство являлось одним из основных видов хозяйства. Имеются прямые свидетельства о зарождении рыболовства с мустьерской эпохи (Кударо I). Однако в это время рыболовство, очевидно, велось весьма примитивным методом — вручную, без применения каких-либо орудий лова.

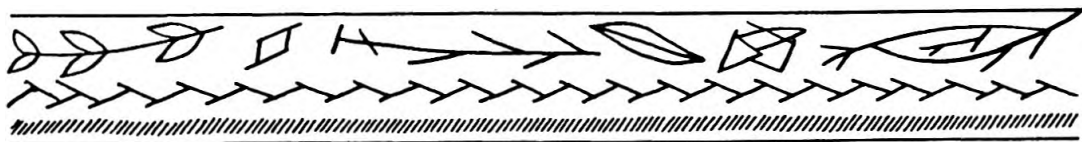
С позднего палеолита наряду с охотой рыболовство занимает уже значительное место. С этого периода началось производство специальных орудий рыбной ловли. На стоянках позднего палеолита Грузии в большом количестве обнаружены мелкие кремневые вкладыши, предназначенные для данного вида хозяйства. Кроме того, со времени верхнего палеолита вырабатываются более совершенные формы гарпунов, изготовленных из кости, и, что следует отметить особо, в этот период появляется первое

скульптурное изображение рыбы, связанное, очевидно, с определенным религиозным обрядом.

В мезолите и неолите складывается более развитая форма рыболовства. Производят уже разные типы гарпунов и крючков. С конца мезолита появляются первые каменные грузила, изготовленные из речной гальки, искусственно сбитые с обеих сторон.

Безусловно, что производство специализированных орудий рыболовства способствовало дальнейшему его развитию и в некоторых регионах Грузии (прибрежная часть — Холодный Грот, Махвилаури) этот вид хозяйства занимал даже ведущее место. На наш взгляд, отсутствие принадлежности рыбной ловли во многих открытых и пещерных стоянках первобытного человека как на территории Грузии, так и в других регионах Кавказа объясняется рядом причин. Так, можно предположить, что различные предметы и принадлежности (крючки, гарпуны, стрелы и др.) в процессе рыбной ловли терялись и не попадали в культурный слой стоянок. Кроме того, в отличие от равнинных рек бурные, быстротечные реки Грузии, вероятно, часто уносили орудия лова, что почти исключало возможность многократного их использования. Можно предположить также, что кроме вышеперечисленных форм ловля рыбы велась и методом стрельбы из лука. Необходимо подчеркнуть, что этот метод применяется во многих странах Азии, Африки и Америки и сейчас.

III. ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Д. А. Крайнов

РЫБОЛОВСТВО У НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Территория Верхнего Поволжья находится в центре Русской равнины, в лесной полосе европейской части СССР. С запада на восток эту территорию пересекает река Волга с многочисленными большими и малыми притоками. Здесь также расположен и ряд крупных озер (Селигер, Сиг, Пено, Волго, Плещеево, Неро, Сомино, Рубское, Сахтыш, Вашутино, Петровские озера и т. д.). Кроме того, имеются огромные болота с останцами озер (Варегово, Савцинское, Берендеево, Караш, Ивановское, Купанское и т. д.). В этих водоемах до сих пор водится много разнообразной рыбы и болотной дичи. Очевидно, и в более древнее время (VII—III тыс. до н. э.) они изобиловали разными породами рыб, а в лесах вокруг этих водоемов обитали многочисленные дикие звери, т. е. в эпоху позднего мезолита, неолита и энеолита на этой территории были благоприятные условия для развития охотничье-рыболовческого хозяйства.

Археологические и палеогеографические данные подтверждают это. На территории Верхнего Поволжья начиная с мезолита наблюдается резкое увеличение количества поселений. Если палеолитические стоянки исчисляются здесь единицами, то мезолитические — десятками, а неолитические и более поздние — сотнями. Увеличение количества памятников, особенно с позднего мезолита, и появление в неолите крупных постоянных поселений свидетельствуют об увеличении населения, не только в силу его притока извне, но и в результате роста местного населения, вызванного, очевидно, интенсификацией и большими возможностями охотничье-рыболовческого хозяйства. Если на юге (Причерноморье, Кавказ, Средняя Азия и пр.) в хозяйстве неолитического человека происходит так называемая «неолитическая революция» — появляются и развиваются производящие виды хозяйства, которые приводят к демографическому скачку и появлению крупных постоянных (оседлых) поселений, то в северной лесной половине европейской части СССР особое развитие получает интенсивное охотничье-рыболовческое хозяйство с доминантой рыболовства. Продуктивность этого хозяйства в неолите объясняется не только дальнейшим развитием производительных сил первобытного общества, но и особыми благоприятными природными условиями теплого и влажного атлантического периода голоцена, а также большим количеством зверя, птицы, рыбы на данной территории.

Археологические и палеогеографические исследования древних поселений Верхнего Поволжья показывают, что в позднем мезолите и в раннем неолите (VII—IV тыс. до н. э.), относящихся ко второй половине атлантического периода, времени климатического оптимума, в Центре Русской равнины создались благоприятные условия для жизни людей. Это теплообеспеченность, увлажненность, исчезновение тундры, распространение широколиственных лесов и т. д. Климат отличается от современного меньшей континентальностью. Январская температура была на 5 °С выше, так же и летняя температура. Реки и озера изобиловали разными породами рыб (сомы, щуки, судаки, осетры, стерляди, лещи, язи, сазаны, лини, караси, окуни, плотва и т. д.). Огромное количество водоплавающей птицы гнезилось в водоемах. В лесах водились разнообразные животные, звери и птицы (зубры, лоси, олени, косули, медведи, кабаны, бобры и т. д.).

Начиная с позднего мезолита человек расселяется не только по берегам крупных речных магистралей Верхнего Поволжья, но и по берегам более мелких рек, речек и особенно озер. Знаменателен факт существования поселений на одном и том же месте с мезолита, вплоть до позднего железного века. Такие многослойные стоянки известны здесь десятками. Особую научную ценность представляют озерно-болотные поселения, где можно с наибольшей точностью разобраться в стратиграфии и хронологии различных культурных комплексов.

В данной статье мы коснемся вопросов характера орудий рыболовства и значения рыболовства в хозяйстве неолитических и волосовских племен Верхнего Поволжья. Выше мы упоминали, что в охотничье-рыболовческом хозяйстве этих племен рыболовство доминировало. Возможно, это и не совсем точно, и все же об огромном значении рыболовства в присваивающем хозяйстве неолитического человека свидетельствуют следующие факты: 1) расположение поселений на берегах рек и озер; 2) присутствие в кухонных остатках большого количества костей рыб, рыбьей чешуи и раковин речной беззубки; 3) наличие на стоянках разнообразных орудий индивидуальной рыбной ловли (рыболовных крючков, гарпунов, пешней и т. д.), а также орудий коллективной ловли рыбы: верш, сетей, грузил, поплавок и т. д.; разных строительных сооружений и транспортных средств; 4) скульптуры рыб — изображения рыб на посуде, и другие данные.

Рассмотрим эти факты в изложенном порядке. Выбор мест поселений на берегах рек, речек, озер свидетельствует наряду с другими данными о большой роли рыболовства. Именно оно могло обеспечить неолитическим и энеолитическим обитателям лесной полосы прочную продуктовую базу. Изучение озерных мест поселений показывает, что чем богаче озера и протоки между ними рыбными ресурсами, тем больше здесь стоянок, и наоборот, на непроточных озерах, где в результате зимних заморов рыбы мало, неолитические поселения или отсутствуют вовсе, или их не много.

Почти все неолитические поселения, как правило, располагаются при впадении небольших рек, речек и ручьев, на мысах (стрелках) или на берегах озер, предпочтительно в местах истоков или устьев рек, островах, мысах, суходолах и т. д., удобных и для рыбной ловли, охоты и собирательства.

Тяготение к истокам и местам впадения рек, речек и ручьев диктовалось постоянными концентрированными миграциями рыб в этих местах, во время нереста, что давало возможность организовать коллективные, наиболее эффективные, методы рыбной ловли при помощи устройства заколов, «перестав», «езов», постановки сетей, верш, морд и ловли бреднем.

В развитии и позднем неолите значение рыболовства возросло еще больше, о чем свидетельствует не только увеличение количества поселений около водоемов, но особенно мощность культурных слоев. В этот период появляются целые поселки с большими общими и «промысловыми» домами. На возросшую роль рыболовства указывает и концентрация постоянных и временных поселений на близком расстоянии друг от друга вдоль течения реки, речки. Примером этому может служить расположение Сахтышских стоянок в Тейковском р-не Ивановской обл.

Сейчас на территории Верхнего Поволжья известно не менее 1000 неолитических поселений, причем около 70 % расположено на берегах древних озер, часть которых к настоящему времени превратилась в болота. Приведем ряд цифр, свидетельствующих о концентрации известных к настоящему времени поселений на озерах: оз. Неро — около 20 поселений, Плещеево — 15, Сомино — около 12, Вашутино — около 5, Сахтыш — 15, Караш — около 10, Ивановское — около 15, Маслово болото — свыше 10 поселений и пр. Большое количество поселений обнаружено и на таких озерах, как Селигер, Волго, Пено, Сиг, и на других водоемах Верхнего Поволжья.

Наряду с топографией поселений на большую роль рыболовства у неолитических племен Верхнего Поволжья указывают и кухонные остатки на поселениях, и особенно в жилищах. Начиная с позднего мезолита здесь встречается значительное число костей и чешуи рыб, причем оно увеличивается вплоть до появления племен с производящими видами хозяйства.

На торфяниковых стоянках Ивановское III и Ивановское VII¹ Переславского р-на Ярославской обл. в мезолитических слоях встречены кости рыб в довольно значительном количестве. Среди них преобладают кости щуки. Г. Кларк считает, что рыболовство в мезолите было рассчитано в основном на ловлю щуки [Кларк, 1953, с. 54]. Находки в указанных мезолитических слоях остатков верш, гарпунов, пешней и других орудий ловли и битья рыбы подтверждают значительную роль рыболовства у мезолитических обитателей стоянок. Вероятно, появление мезолитических стоянок на древних озерах (Ивановское III, Ивановское VII, Берендеево III, Сахтыш IX и др.) было вызвано увеличением роли рыболовства в хозяйстве.

В неолите и энеолите Верхнего Поволжья роль рыболовства неуклонно возрастает. На всех стоянках, относящихся к этим эпохам, в кухонных остатках увеличивается количество рыбьих костей и чешуи, но состав рыб и количество костей в отдельных культурных комплексах различно.

В слоях с верхневолжскими культурными остатками на стоянках Ивановское III, V, VII, Сахтыш I, II, VIII, Языково I и др. встречены в основном кости щуки и осетровых. По сравнению с позднемезолитиче-

¹ Крайнов Д. А. Отчеты о раскопках Верхневолжской экспедиции стоянок Ивановское III, Ивановское VII в 1972—1975 гг. и в 1981 г. // АИА. Ф. 1. Р. 1. № 4801, 5033, 5992, 6903.

скими их количество возросло. Появились кости осетровых рыб. О дальнейшем развитии рыболовства свидетельствует и расширение ассортимента гарпунов, увеличение количества остатков верш и пешней.

Расцвета рыболовство достигает в развитии, позднем неолите и в энеолите (в льяловской и волосовской культурах). На торфяниковых и прибрежных стоянках этого времени количество костей и чешуи рыб резко увеличивается, ярким примером чему могут служить находки в жилище № 1 на стоянке Сахтыш I.² Жилище имело площадь около 200 м², подпрямоугольную форму с тремя выходами: два на р. Койку и один на восток. Прослежено четыре строительных горизонта, относящихся к развитому и позднему неолиту и ранневолосовскому времени.

Не исключено, что это жилище было «промысловым рыболовческим», о чем свидетельствуют следующие факты. 1. Расположение жилища недалеко от истока р. Койки из древнего оз. Сахтыш.³ 2. Специальный выход из жилища на речку, заканчивающийся деревянной платформой (мостком) (рис. 1, 5). 3. В двух нижних строительных горизонтах, относящихся к льяловскому времени, были обнаружены значительные скопления костей рыб и рыбьей чешуи. По определению Е. А. Цепкина, кости рыб относятся к следующим видам: сом, осетр, стерлядь, язь, щука, окунь, карась, плотва и пр. По позвонкам сомов и осетровых были установлены их размеры: сом достигал 160 см, осетр — 130—150, стерлядь — 120 см. 4. Во втором строительном горизонте, относящемся к развитому льяловскому времени, была обнаружена прослойка сплошной рыбьей чешуи и костей рыб мощностью от 5 до 20 см. Наличие такого огромного количества рыбьей чешуи в жилище указывает не только на массовые уловы рыбы, но и на промысловое значение жилища. Это подтверждается и наличием в нем большого количества сосудов, заполненных рыбьей чешуей. Очевидно, в сосудах не только варили рыбу, но и готовили рыбий клей для хозяйственных нужд. Кроме того, около главного очага были сосредоточены большие скопления рыбьей чешуи и костей. Присутствие костей крупных сомов, осетровых и стерлядей может свидетельствовать о заготовках этой рыбы впрок (копчение, вяление, сушка и пр.). 5. О массовом коллективном лове рыбы свидетельствуют и находки верш как в самом жилище, так и у его выхода на речку, а также остатков заколов и весел. 6. Наконец, в жилище и на стоянке найдено большое количество и орудий рыбной ловли (гарпуны, пешни, рыболовные крючки, остатки деревянных удилиц, берестяные поплавки и т. д.).

Перечисленные факты говорят о большом значении рыболовства в хозяйстве сахтышского древнего человека.⁴ Рыбой питались не только люди,

² Крайнов Д. А. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1970—1975 гг. Раскопки стоянки Сахтыш I // Там же. № 4551, 4589, 4801, 5033, 5992, 6903.

³ Речка Койка вытекала из оз. Сахтыш и через 15 км впадала в р. Нерль-Клязьминскую. Вероятно, крупная рыба заходила в Койку из Нерли и Клязьмы.

⁴ Во время раскопок жилища нас посетил местный житель Батов А. Г. из с. Сахтыш (ему было около 85 лет) и рассказал, что когда он был молодым, то весной они на этом месте делали переставы и вылавливали около 12 возов рыбы и что караси имели чешую в размере медного пятака. По его рассказам, в самом оз. Сахтыш было очень много рыбы. На берегу озера под селом нами были обнаружены остатки рыбокоптилен, относящихся, судя по находкам керамики, к XVII—XVIII вв.

но и собаки, жившие вместе с ними в жилище: в собачьих копролитах обнаружены рыбы кости.

Значительные скопления костей рыб и чешуи прослежены у кострищ и очагов во всех стоянках, относящихся к неолиту и волосовской культуре (Сахтыш I, II, VII, VIII, Стрелка I, Ивановское VII и др.). В этом отношении интерес представляют находки костей рыб на волосовской стоянке Стрелка I в Палехском р-не Ивановской обл. в 1967 г. Стоянка эта расположена на мысу при впадении р. Люлех в р. Лух. Здесь в большом жилище у центрального очага были обнаружены скопления рыбьих костей и чешуи, результаты определения которых, проведенного Е. А. Цепкиным, отражены в таблице.

Виды рыб	Количество костей	Наличие чешуи	Размеры рыб, см
Щука	49	÷	25—120
Язь	3	÷	30—42.5
Лещ	—	÷	—
Линь	1	—	36
Сом	4	—	130—160
Окунь	1	÷	36
Судак	1	—	70

Видовое распределение остатков рыб по глубинам (в см) следующее:

Щука, лещ, окунь, язь	50—60
Щука, линь	60—70
Щука, язь, сом, судак	80—90
Щука, окунь, язь	90—100
Щука, сом	100—120
То же	120—150

Обращает на себя внимание присутствие костей щуки во всех горизонтах волосовского слоя. По количеству костей это основная промысловая рыба. В нижнем горизонте, относящемся к ранневолосовскому времени (середина III тыс. до н. э.), встречены только два вида рыб — щука и сом. Наряду с рыбой обитатели стоянки Стрелка I добывали много речной раковины. Вероятно, ею питались, а сами раковины в толченом виде шли в качестве основной примеси при изготовлении посуды.⁵

Таким образом, топография поселений и кухонные остатки рыбьих костей и чешуи, найденные на них, свидетельствуют не только о существовании рыболовства, появившегося еще в палеолите [Федоров, 1961, с. 140, 141], но и о его большом значении в хозяйстве неолитических и волосовских племен Верхнего Поволжья. О характере этого промысла можно судить и по орудиям рыболовства, найденным на поселениях. Среди них различаются орудия индивидуального способа рыбной ловли (крючки, гарпуны, остроги, пешни, орудия для плетения сетей и т. д.) и следы коллективного способа рыбной ловли (грузила, поплавки от сетей, сети, отпечатки сетей на керамике, различные ловушки — морды, верши и разные строительные сооружения, связанные с рыболовством). Детальное рассмотрение их показывает, что формы этих орудий различны у мезолитических, неолитических и более поздних племен, населявших Верхнее Поволжье.

⁵ Целые раковины и кучки толченых раковин встречены в жилище № 1 рядом с заготовками глины.

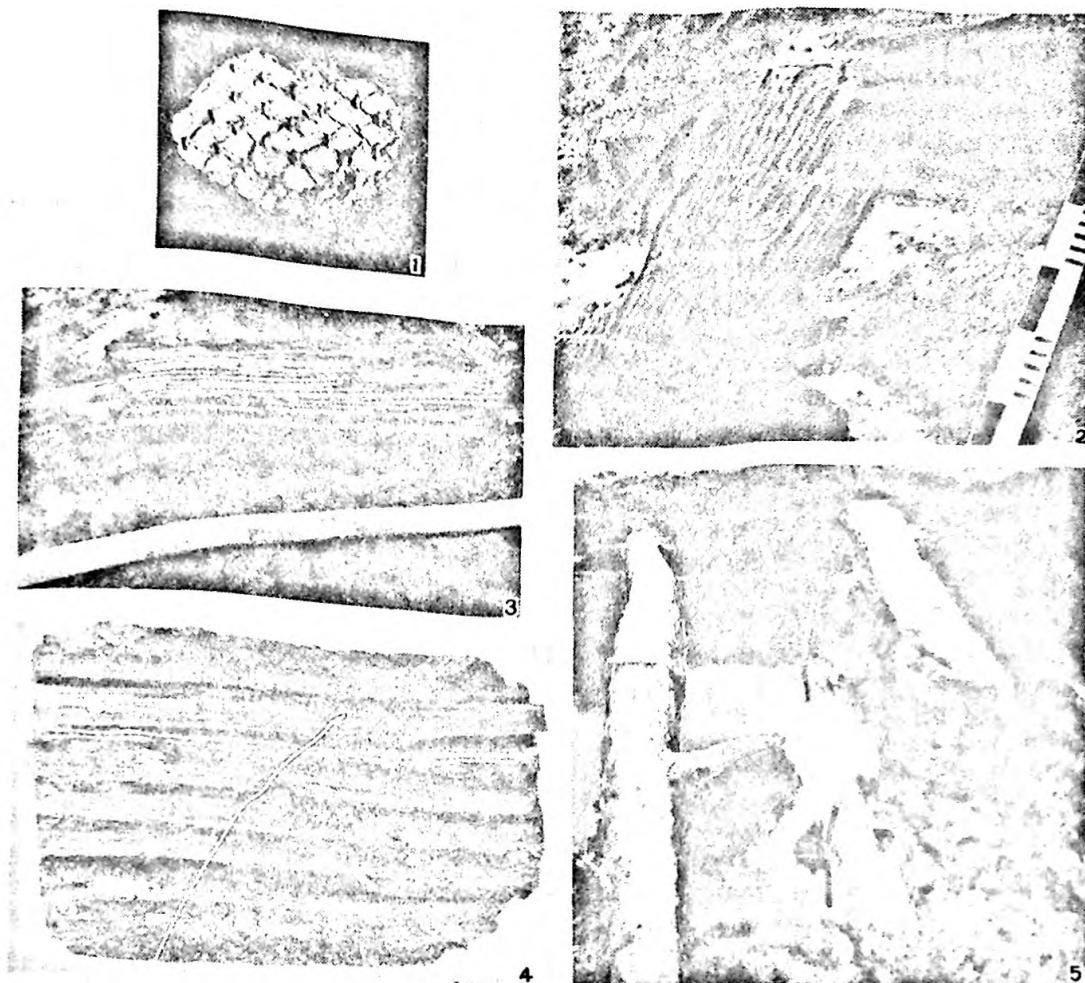

Рис. 1. Остатки деревянных сооружений, связанных с рыболовством (2—5), и отпечатки сети на глиняном сосуде из поселения Сахтыш I (1).

Среди индивидуальных орудий рыбной ловли особый интерес представляют рыболовные крючки (рис. 2). Г. Кларк считает, что древнейшие крючки существовали еще в мезолите у племен культуры маглемозе [Кларк, 1953, рис. 17]. На территории Верхнего Поволжья рыболовные крючки также, вероятно, появляются в мезолите, так как они известны на соседней территории в стоянке Нижнее Веретье [Фосс, 1952, рис. 19, 7; 22, 8, 9]. Это большие крючки с длинным стержнем, округлым основанием и острием без жальца (бородки). На конце стержня (головке) — зарубка или отверстие для привязывания лесы или шнура. Подобные крючки без жальца встречены и на стоянках Никола Перевоз [Фосс, 1952, рис. 19, 8], и на оз. Лубанос. Очевидно, крючки типа маглемозе, Веретья без бородок следует признать ранней формой крючков. Вероятно, близкие им крючки существовали и у племен верхневолжской ранненеолитической культуры.

Более поздние рыболовные крючки, относящиеся к льяловской и волосовской культурам, были обнаружены на стоянках Ивановское III, Сахтыш I, Сахтыш II, Берендеево I, Стрелка I и др. Следует отметить, что крючки разных культурных комплексов (льяловского и волосовского) отличаются друг от друга и по размерам, и по форме. На стоянке Ивановское VII в слое с поздней верхневолжской и ранней льяловской керамикой найден крючок с обломанным острием (рис. 2, 4). Тонкий стержень его утолщается к округлому основанию (обушку), очевидно, не имеющему бородки (жальца). Такой же крючок был найден в нижнем слое стоянки Сахтыш II в кв. 106 на глубине 60—70 см. Он без жальца. На тонком конце стержня оформлена головка для привязывания лески (25).⁶ Близкие по форме крючки были найдены и раньше [Гадзяцкая, 1966, рис. 8, 2, 4, 7] на стоянке Сахтыш II в слое с ранней ямочно-гребенчатой керамикой. Подобные крючки были встречены В. И. Неприной на Украине на стоянке Погореловка-Коса [Неприна, 1976, с. 37]. Автор назвала их «крючками погореловского типа» и посчитала их форму своеобразной, не имеющей аналогии. Целая серия подобных крючков была найдена на стоянке Берендеево I (рис. 2, 1—3). Они утолщаются к основанию и не имеют бородки, а на конце стержня у них также оформлена головка для привязывания лески. Вероятно, подобные формы крючков существовали у племен с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, а может быть, и раньше.

В слоях с ямочно-гребенчатой керамикой на стоянках Сахтыш I и Сахтыш II обнаружены и другие формы рыболовных крючков, как, например, крючки с длинным стержнем с прямоугольным основанием и острием без бородки. На конце стержня зарубки для привязывания лески, а нижняя часть основания украшена зубчиками [Гадзяцкая, Крайнов, 1965, рис. 12, 4; Гадзяцкая, 1966, рис. 8, 1]. Близкие формы крючков с зазубринами сбоку основания встречаются и на неолитических стоянках оз. Лубанос. В слоях с волосовской керамикой на стоянках Сахтыш I, II, Стрелка I, Ивановское III и др. появляются наряду со старыми новые формы рыболовных крючков. Это целые крючки с жальцами (бородками) на остриях (рис. 2, 7, 8, 29, 30) и составные крючки разных форм и размеров.

Среди крючков первого типа есть уникальные формы, найденные на стоянках Сахтыш II и Стрелка I. Один из них представляет собой большой массивный крючок, приспособленный, очевидно, для ловли сомов (рис. 2, 30). Длина его 8.5 см, ширина стержня от 1.4 до 2 см. Стержень уплощен с наружной стороны, а с внутренней имеет «ложбину». На конце стержня нависающая головка (длина 4 см, ширина 1.5 см), по краям ее зарубки (канавки) для привязывания шнура. Основание прямое. Острие гарпунообразное с двумя жальцами (бородками). Длина острия 4 см, ширина 0.8—1 см. По своим размерам и форме крючок не имеет аналогий. Относительно близок ему лишь крючок из Екатерининской стоянки Кольского п-ова [Гурина, 1973а, табл. 3, 18]. Второй крючок (29) изящной формы с удлиненным, округлым в сечении стержнем с оформленной на конце головкой. Длина стержня 5 см. Основание подпрямоугольное,

⁶ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1981 г. Раскопки стоянки Сахтыш II // АИА. Ф. 1. Р. I. № 8787.

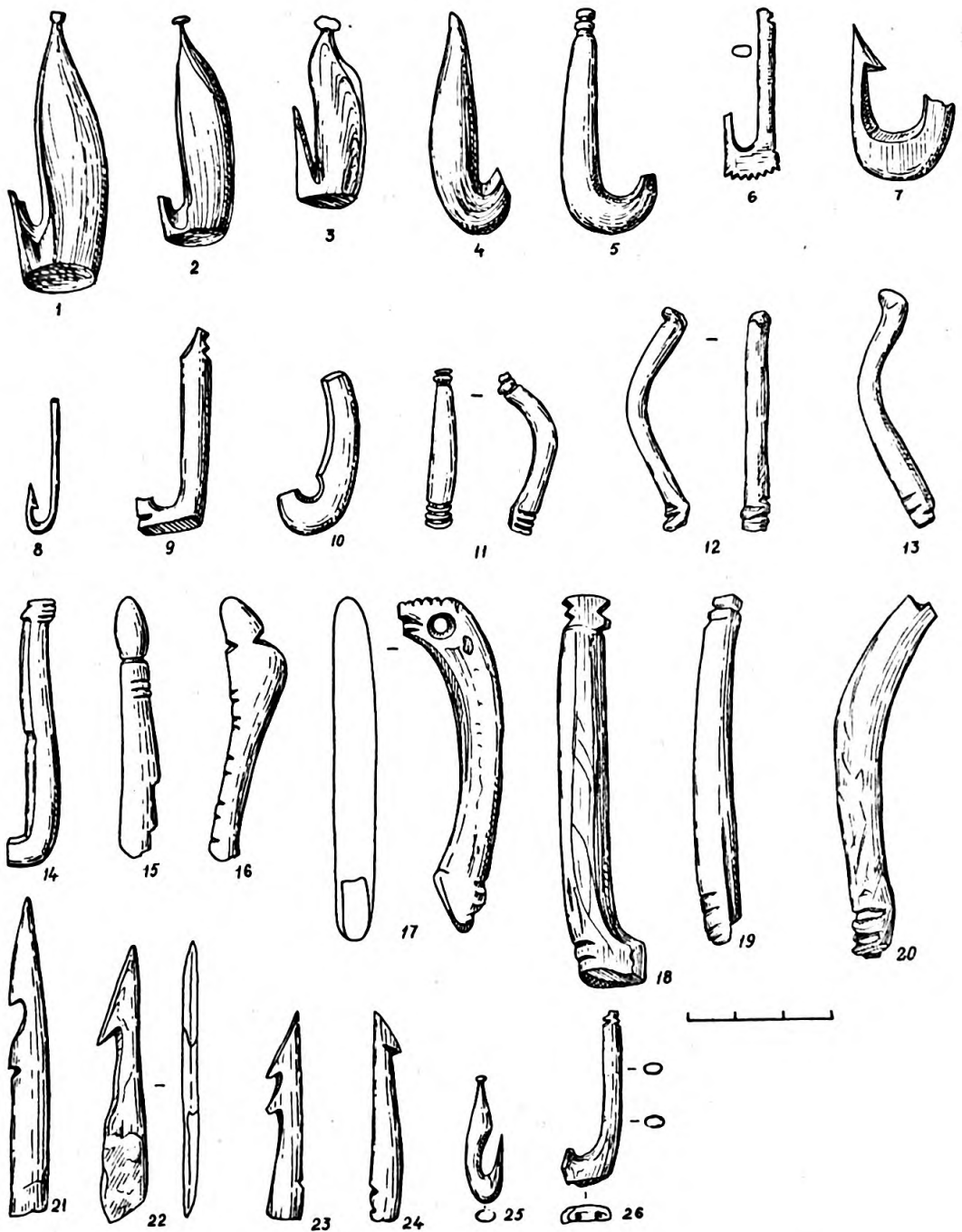
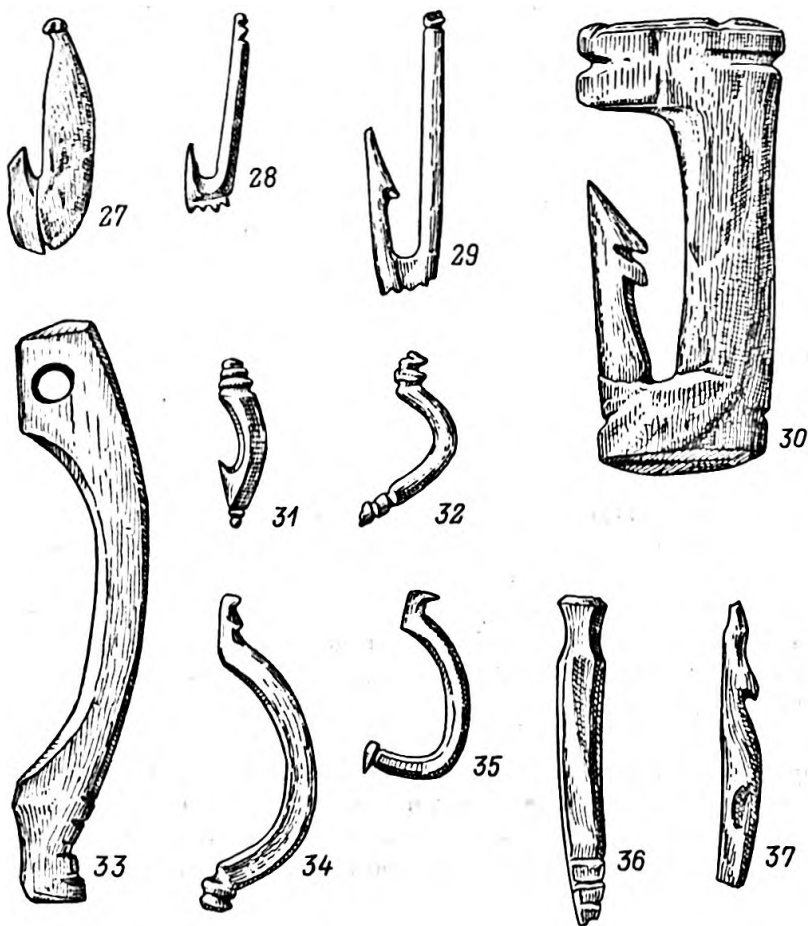

Рис. 2. Рыболовные крючки (с. 136—137).

1—3 — Берендеево I; 4 — Ивановское VII; 5, 7, 8, 10, 11, 13—15, 19, 31, 33, 34, 36 — Стрелка I;
6, 9, 12, 16—18, 21—24 — Сахтыш I; 20 — Ивановское III; 25—30, 32, 35, 37 — Сахтыш II.

украшенное внизу зарубками. Острие удлиненное с бородкой (жальцем) у середины. Близкий к нему по форме крючок с обломанным стержнем и острием с жальцем из стоянки Стрелка I (рис. 2, 7). Подобные крючки с жальцами найдены и в других волосовских стоянках [Федоров, 1937а, табл. 1, 10] или в одновременных им стоянках Эстонии [Янитс, 1973, табл. 58, 34], других республик Прибалтики и Кольского п-ова [Кларк, 1953, рис. 18, 3, 7; Римантене, 1973, табл. 66, 16; Гурина, 1973а, табл. 3, 20].

Особый интерес представляет маленький крючок на мелкую рыбу со стоянки Стрелка I (рис. 2, 8). Длина его стержня 3 см, толщина 0.1—0.2 см. Основание округлое, ширина дужки 0.5 см. Острие с жальцем в середине. На конце стержня зарубка для привязывания тонкой лесы. Этот крючок близок металлическим. Г. Кларк считает, что крючки с жальцем изготовлены по образцу металлических [Кларк, 1953, с. 65], но вряд ли можно с этим согласиться. Крючки с жальцем появляются в Верхнем Поволжье в волосовское время, когда еще металлические вещи в стоянках

не встречаются. Кроме того, небольшие гарпуны с одним жальцем существуют еще в раннем неолите. Некоторые из них (мелкие) служили частью составных крючков. Наряду с описанными крючками в волосовских слоях стоянок встречаются целые крючки без жальца с округлым основанием (рис. 2, 5). На концах их стержней имеются круговые канавки для привязывания лесы [Гадзяцкая, 1966, рис. 8, 3; Федоров, 1937а, табл. 1, 16]. Кроме того, на волосовских стоянках встречаются и целые серии разнообразных составных костяных крючков. На стоянке Стрелка I найдено несколько стержней и острий от составных крючков (рис. 2, 10, 11, 13—15, 19, 31, 33, 34, 36). Все стержни изогнуты. На верхнем конце имеются зарубки для привязывания лесы, а у основания стержня уплощена внутренняя часть и сделаны 2—3 зарубки для прикрепления и привязывания острия. Острия (21—24, 37) удлиненные, с одним жальцем. По своей форме они напоминают небольшие однозубые гарпуны, уменьшенные до миниатюрных размеров. На широком конце имеются затески и нарезки для прикрепления к стержню. Целый составной крючок с таким острием найден на стоянке Волосово [Кларк, 1953, рис. 26, 5], острия гарпунообразного типа обнаружены на стоянке Сахтыш I⁷ и на стоянках Прибалтики [Янитс, 1973, табл. 58, 14, 24]. Вместе с мелкими частями составных крючков найдены на стоянке Стрелка I и крупные на большую рыбу (33). Один из них имеет в длину около 14 см. На утолщенном конце стержня — круглое отверстие для толстого шнура. У расширенного основания с внутренней стороны срез-затеска, а с наружной — 4 нарезки. Крупные стержни от составных крючков, прямые и изогнутые, найдены в волосовских слоях стоянок Сахтыш I (17, 18), Ивановское I (20), Сахтыш II [Гадзяцкая, 1966, рис. 6, 8], Волосово [Федоров, 1937а, табл. I, 1, А, Б, В]. Широко распространенные составные крючки имеют стержни не только костяные, но и каменные (сланцевые).

На торфяниковых стоянках и других поселениях Верхнего Поволжья, где сохраняются кости, в значительном количестве встречаются гарпуны. Они отличаются друг от друга не только по форме, размерам, количеству и характеру зубцов, но и по скреплению с древком или привязыванию к шнуру, т. е. имеют неподвижное или подвижное крепление. Детальное изучение гарпунов позволяет выделить формы, особенно характерные для мезолитических, неолитических памятников и поселений волосовской культуры.

О мезолитических гарпунах можно судить по находкам на стоянках Верхнего Поволжья Ивановское III, Ивановское VII, Берендеево V, Октябрьская и др. Среди них имеются древние формы одно- и двузубчатых коротких и удлиненных гарпунов (рис. 3, 1, 3, 5, 6, 7), близкие мезолитическим гарпунам кундской культуры [Там же] и гарпунам стоянки Нижнее Веретье [Фосс, 1952, рис. 13, 2—6]. Вместе с ними бытуют и многозубчатые гарпуны с крупными клювовидными зубцами, расположенными с одной стороны. В более значительном количестве в мезолитических слоях найдены мелкозубчатые длинные и короткие гарпуны. Мелкие

⁷ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Раскопки стоянки Сахтыш I // Там же. № 2918.

частые и острые зубцы расположены сплошь по одной стороне (рис. 3, 5). Все эти гарпуны скреплялись с древком наглухо.⁸

Близость форм мезолитических гарпунов Верхнего Поволжья к формам гарпунов из стоянок озер Лача и Белого [Козырева, 1973, табл. 10, 12, 20, 21] и кундских может быть объяснена разными причинами, но не исключена и этническая близость племен, оставивших их. Гарпуны верхневолжской раннеолитической культуры, найденные на стоянках Ивановское III, Ивановское V, Ивановское VII, Берендеевских стоянках, Сахтыш I, II, Языково, Караш и др., близки мезолитическим гарпунам нарвской [Ванкина и др., 1973, табл. 62, 4, 5] и днепродонецкой культур. Аналоги им можно найти в Кунде, Оленеостровском могильнике, Ладожской стоянке, Шигирском торфянике и др.

Большинство гарпунов верхневолжской культуры относится к типу мелкозубчатых удлиненных. Мелкие тщательно вырезанные зубцы расположены на них или с одной стороны с самого верха до конца (рис. 4, 4, 5), или отступя от черешка и острия на значительное расстояние (9). На некоторых гарпунах на мелких зубцах имеются дополнительные зарубки, надрезы, насечки и пр. Встречены и небольшие гарпуны с длинным острием и мелкими зубцами в середине одной стороны (2) и односторонними зарубками ниже зубцов. Подобные гарпуны найдены на стоянке Берендеево I и на ранневолоховской стоянке Стрелка I (6).

На стоянке Ивановское III в верхневолжском слое найдены гарпуны среднезубчатые с небольшим количеством клювовидных зубцов. Кроме того, продолжают встречаться и крупнозубчатые с клювовидными зубцами, и двузубчатые.

Близость форм верхневолжских и позднемезолитических гарпунов свидетельствует о близких способах ловли рыбы и, вероятно, о сходстве ихтиофауны.

В поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой гарпуны встречаются также в значительном количестве. Наряду со старыми формами мелкозубчатых и крупнозубчатых гарпунов в льяловской культуре появляются и новые формы. Получают развитие широкие многозубчатые гарпуны с клювовидными зубцами (рис. 3, 13, 20, 21; 5, 1) и гарпуны узкие разных размеров (короткие, средние, длинные) с редкими клювовидными острыми зубцами (4—6 зубцов) со свисающим острием (рис. 3, 11, 17—19, 22, 23). Черешки последних имеют особую форму с зарубками, круговыми канавками или отверстиями для привязывания (19, 22). Продолжает встречаться и древняя двухзубая и однозубчатая форма гарпунов, некоторые из них являлись, вероятно, частями острог (10, 12, 14), другие привязывались к шнуру (15, 16). Возможно, не все гарпуны служили для рыбной ловли, а часть их употреблялась для охоты на зверей, водоплавающих птиц и на речных животных (бобр, выдра, норка и пр.). В жилище стоянки Сахтыш I был найден череп бобра с застрявшим в нем обломком гарпуна. Однако основная масса гарпунов служила для битья рыб. Следует отметить, что в

⁸ Большинство исследователей причисляют к гарпунам только те наконечники, которые могли отделяться от древка и скреплялись с ним в это время лишь с помощью шнура (маута). Зубчатые же наконечники, наглухо крепившиеся к древку, определяются как наконечники копий или части остроги.

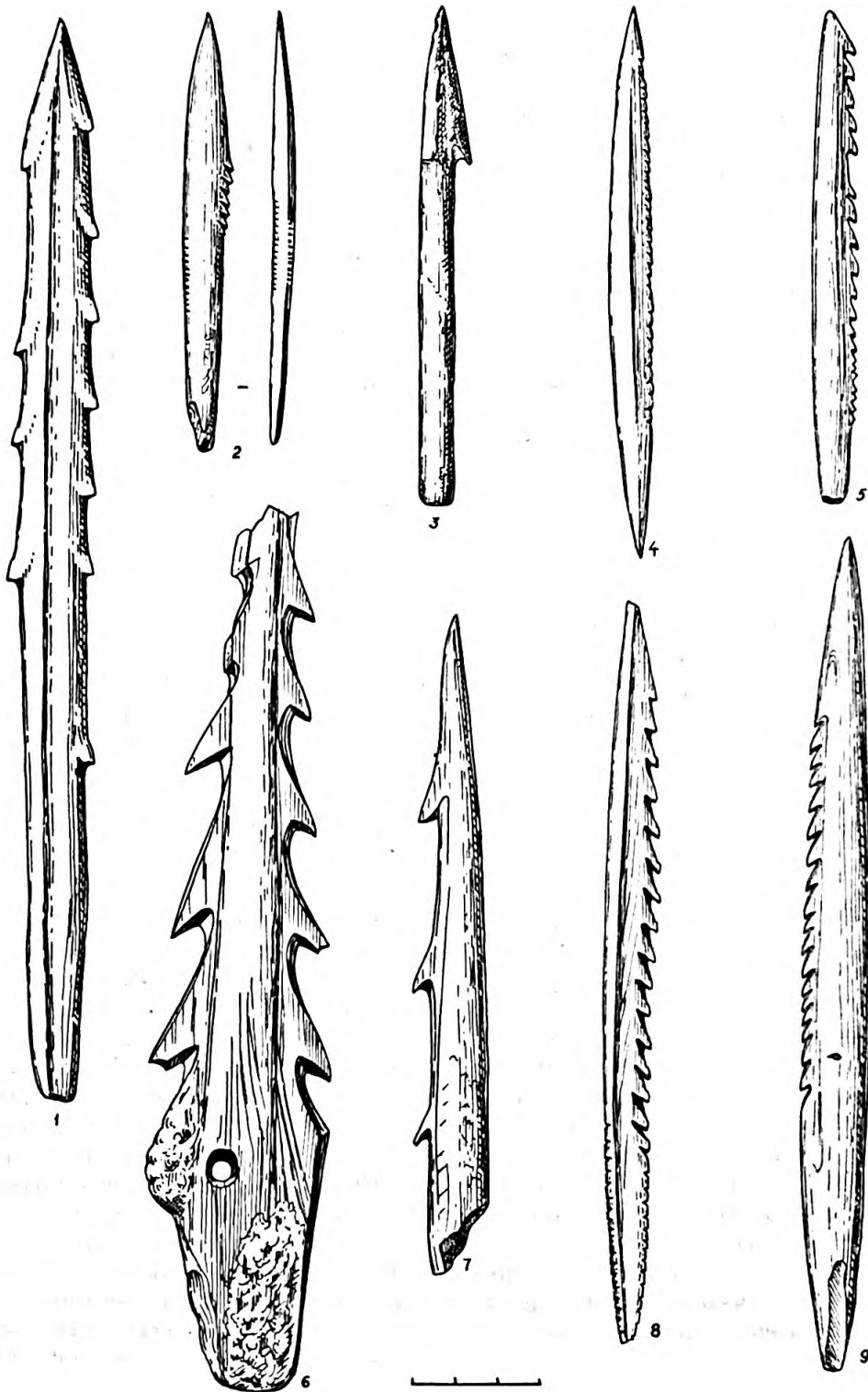
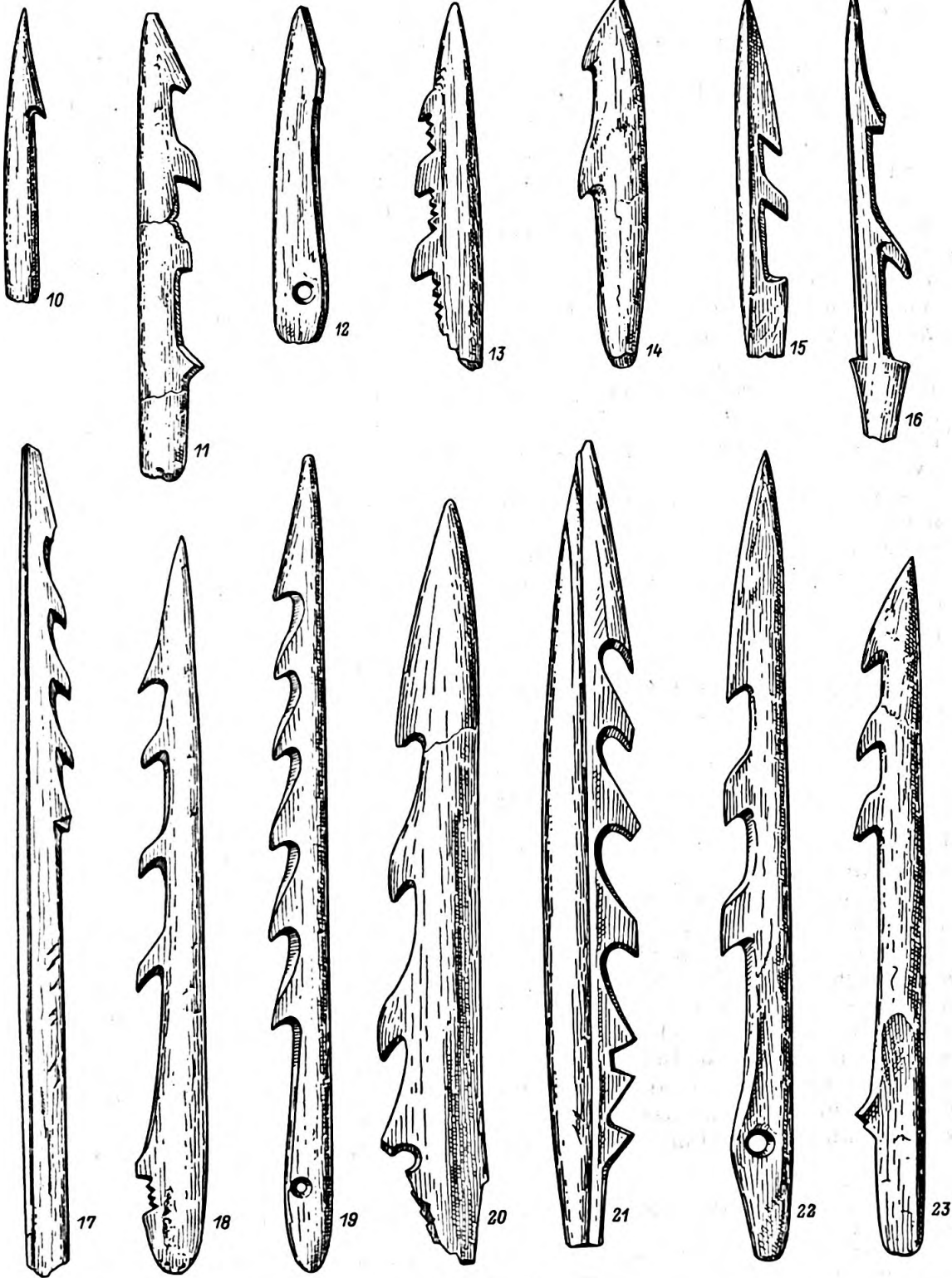

Рис. 3. Гарпуны (с. 140—141).

1 — Октябрьское; 2, 3, 5, 7, 9 — Ивановское III; 4, 8 — Берендеево V; 6 — Берендеево IX. 10—14, 18, 20—23 — Сахтыш I; 15, 16 — Берендеево I; 17 — Берендеево IV; 19 — Ивановское VII.

ляловских поздних слоях прекращают бытование мелкозубчатые длинные и узкие гарпуны, характерные для эпох мезолита и раннего неолита.

В стоянках волосовской культуры гарпуны встречаются также в большом количестве. Их характерной чертой является уплощенность. Длина такого гарпуна из стоянки Стрелка I составляет 23 см, наибольшая ширина 1—2 см. На его массивном черешке по три противоположащих зарубки с каждой стороны (рис. 4, 8). Очевидно, такие гарпуны служили для битья сомов. Наряду с ними существовали и другие разнообразие уплощенные формы трехзубых, двухзубых и однозубых гарпунов (2—5, 7, 9—11), часть которых шла на оснащение острог [Гадзяцкая, 1966, с. 19]. Представляет интерес наконечник гарпуна с длинным шилообразным концом и пятью мелкими зубьями ниже острия (6). Подобные гарпуны встречены и в более древних слоях стоянок Ивановское III⁹ и Берендеево.¹⁰

Охарактеризованные мною гарпуны различных эпох истории Верхнего Поволжья (мезолит, неолит, энеолит) в большей своей части являлись орудиями рыбной ловли. Наряду с формами гарпунов, присущими только одной эпохе, имеются и формы, существовавшие длительное время во всех культурах.

Судя по характеру зубцов, размерам и оформлению черешков, гарпуны использовались при различных способах рыбной ловли и на различную рыбу. Узкие длинные многозубчатые гарпуны употреблялись для битья щук, а большие гарпуны с клювовидными зубцами — для битья крупных сомов, осетров, стерлядей, судаков и пр. Охота с гарпунами на крупную рыбу производилась, очевидно, во время массового ее хода на нерестилищах или на отмелях (на щук). Вероятно, широко практиковалось и битье рыбы с лодок, плотов и в заграждениях, где скапливались стада лещей, язей и др. Разные варианты скрепления гарпунов с древком свидетельствуют о разных способах битья рыбы. Возможно, небольшие узкие гарпуны употреблялись также для охоты на рыб. Часть гарпунов шла на оснащение острог. Г. Кларк считает, что остроги появились еще в мезолитическое время [Кларк, 1953, с. 65, 66] и существуют они до настоящего времени. Первоначально наконечники для острог делались из кости, потом из бронзы, железа и стали.

Очевидно, остроги существовали на территории Верхнего Поволжья начиная с мезолита, но от них сохранились только костяные наконечники. Это подтверждается находкой целой остроги на стоянке Караш I.¹¹ Древко ее с тройной развилкой на койце было сделано из молодой сосенки. Длина округлого древка 373 см, диаметр около 4 см. Длина развилки (каждого острия) около 30 см, ширина развилки (от начала двух крайних острий) около 15 см. Вся деревянная часть тщательно обстругана при помощи кремневых орудий. Наконечники остроги представляли собой плоские костяные «гарпуны». Центральный имел вид копьеца, а боковые наконечники имели зубцы, обращенные внутрь остроги. К сожалению, дерево

⁹ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1981 год. Раскопки стоянки Ивановское III // АИА. Ф. 1. Р. I. № 8787.

¹⁰ Коллекция А. М. Бакаева из случайных находок на Берендеевском торфянике.

¹¹ Крайнов Д. А. Отчеты о раскопках на Карашском торфянике в 1954—1955 гг. // АИА. Ф. 1. Р. I. № 1020, 1167.

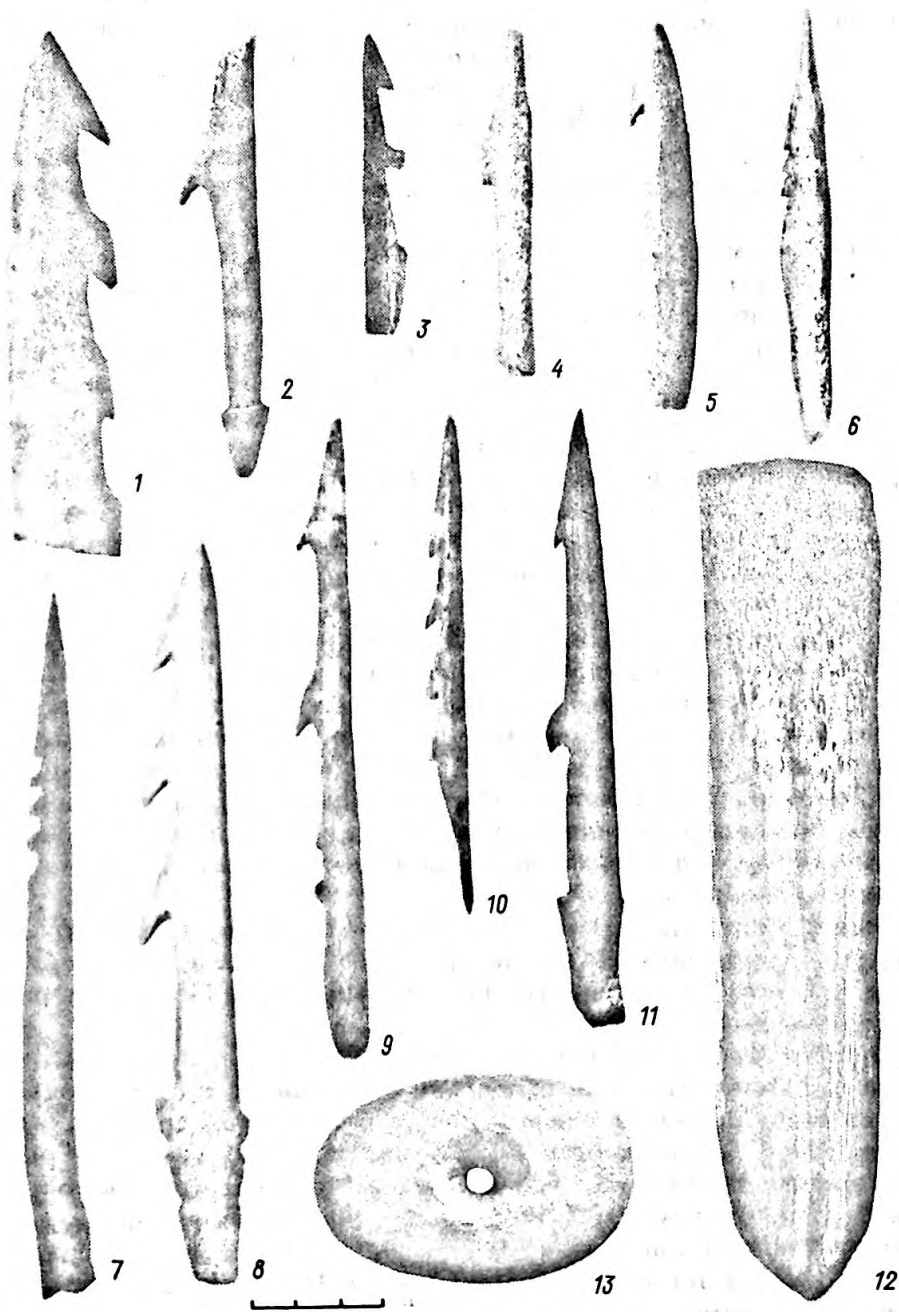

Рис. 4. Гарпуны (1—11), грузило (13) и пешня (12). 1, 2, 3, 7, 9, 10, 12 — Сахтыш I; 4, 5, 6, 8, 13 — Стрелка I; 11 — Караш I.

не сохранилось, хотя вынута оно было в прекрасном состоянии. Острога обнаружена в горизонтальном положении вместе с керамикой с ямочно-гребенчатым орнаментом. На том же Карашском торфянике в 1955 г. была найдена деревянная острога. Сохранившаяся верхняя часть ее представляла собой лопатку с зубьями на конце, древко обломано.¹² Способы рыбной ловли при помощи остроги были также различны. Острогой били рыбу и с берега, и с лодок дном, а ночью — с огнем, разведенным на носу лодки.

В 1959 г. нам удалось наблюдать битье рыбы острогой на оз. Сомино в Переславском р-не методом, называемым наваром. Озеро Сомино мелкое, 1—3 м глубиной. На дне его отложился мощный слой жидкого ила. Двое едут в лодке по озеру. Один сидит на веслах, а второй стоит с острогой в руке. Первый ударяет веслом по воде — рыба (если она здесь есть) пугается и бросается в ил. Оттуда поднимаются на поверхность пузыри («навар»). Второй бросает в это место острогу и поражает рыбу.

Перечисленными орудиями рыбной ловли не исчерпывается их перечень у неолитических племен. На стоянках эпох мезолита, неолита и энеолита в значительном количестве встречаются костяные пешни разных форм (рис. 4, 12; 5, 1—3). Это, во-первых, «орудия под углом в 45°» (рис. 5, 1); во-вторых, пешни со втулкой для древка (рис. 5, 2—3) и, наконец, крупные орудия из медвежьих костей (рис. 4, 12). Одна пешня из втульчатой кости с остатками деревянного древка найдена была на стоянке Ивановское III в мезолитическом слое (рис. 5, 3). Длина ее 15.5 см, ширина 2.5—4 см. Пешни служили для пробивания прорубей во время зимнего лова.¹³ Количество этих орудий в стоянках довольно значительное, что свидетельствует о ловле рыбы и в зимнее время. Возможно, у обитателей неолитических стоянок существовали и другие орудия индивидуального лова рыбы, которые до нас не дошли, или орудия, которые мы относим к другим хозяйственным изделиям.

Вероятно, индивидуальные способы ловли рыбы имели большое значение в рыболовческом хозяйстве древнего человека, но главную роль, очевидно, играли коллективные способы ловли, ибо только они могли обеспечить массовые уловы.

О существовании коллективных способов ловли рыбы свидетельствуют грузила и поплавки от сетей, отпечатки сетей на глиняной посуде, верши, строительные сооружения, связанные с рыболовством, лодки, плоты, весла, необходимые при организации коллективных способов ловли рыбы.

В ранних стоянках Верхнего Поволжья пока сетей не обнаружено, но находки поплавков, грузил, лыка и других предметов являются косвенным указанием на возможность их существования. Поплавки из сосновой коры были обнаружены на стоянке Ивановское III в позднемезолитическом слое¹⁴ и на стоянке Караш с ямочно-гребенчатой керамикой.¹⁵ Поплавок из стоянки Ивановское III сделан из толстого куса сосновой коры

¹² Крайнов Д. А. Отчет о раскопках Карашской стоянки в 1955 г. // Там же. № 1167.

¹³ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1981 г. Раскопки стоянки Ивановское III // Там же. № 8787.

¹⁴ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1981 год. Раскопки стоянки Ивановское IIIа (Раскоп III, квадрат 2, глуб. 193 см) // Там же.

¹⁵ Крайнов Д. А. Отчет о раскопках на Карашском торфянике в 1955 г. // Там же. № 1167.

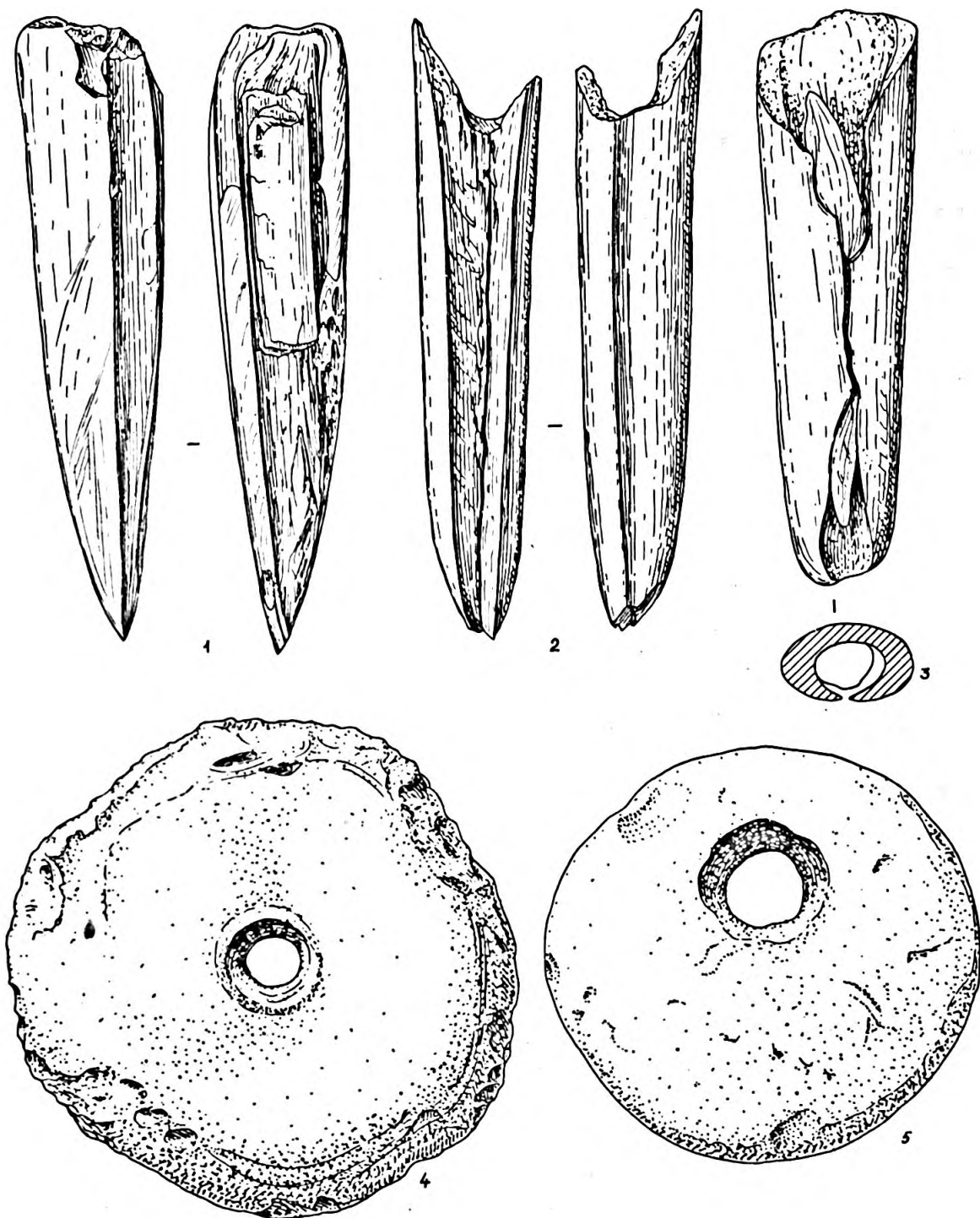

Рис. 5. Пешни (1-3) и грузила (4-5).

1 — Берендеево V; 2, 3 — Ивановское III; 4 — Сахтыш I; 5 — Ивановское VII.

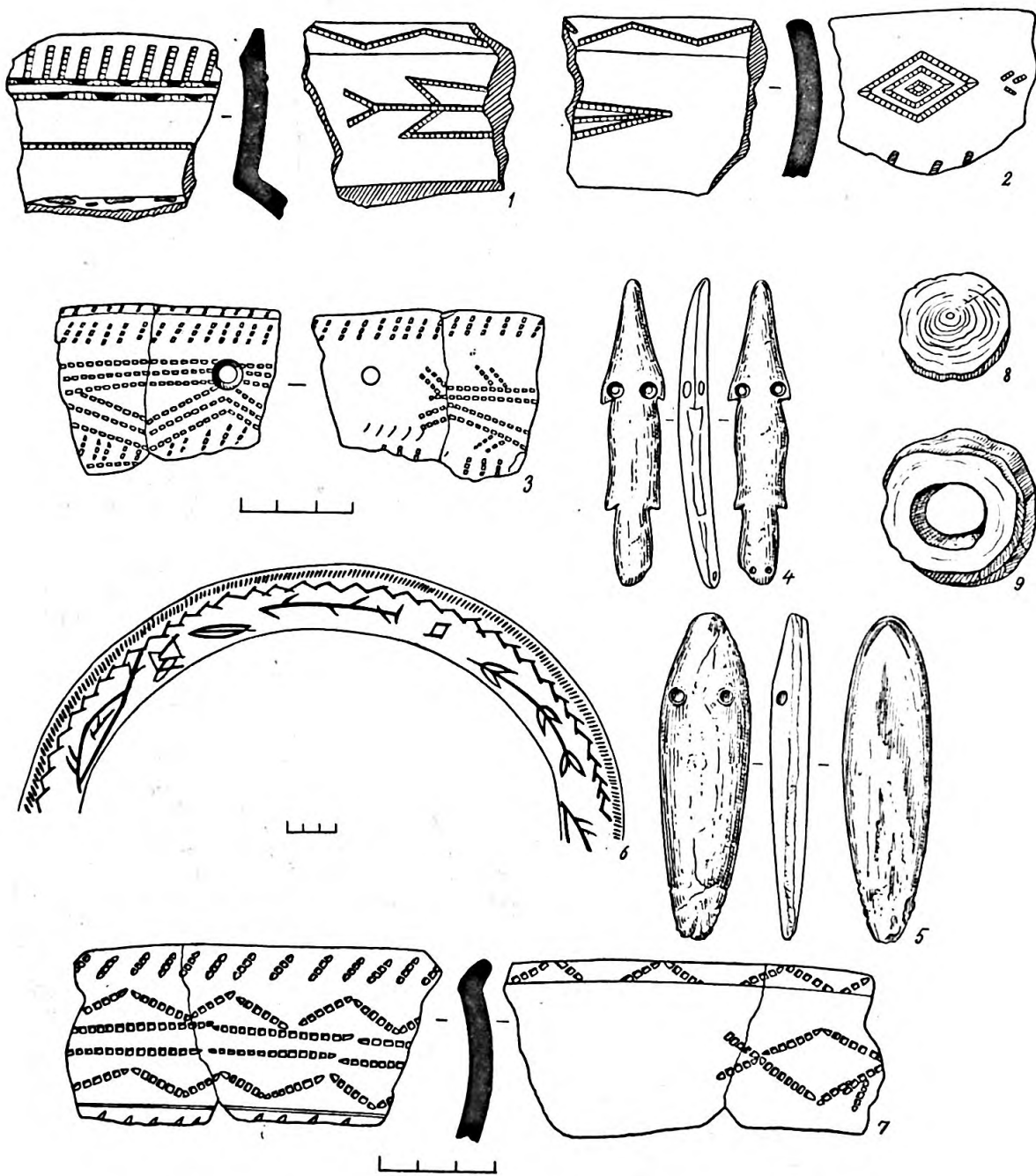
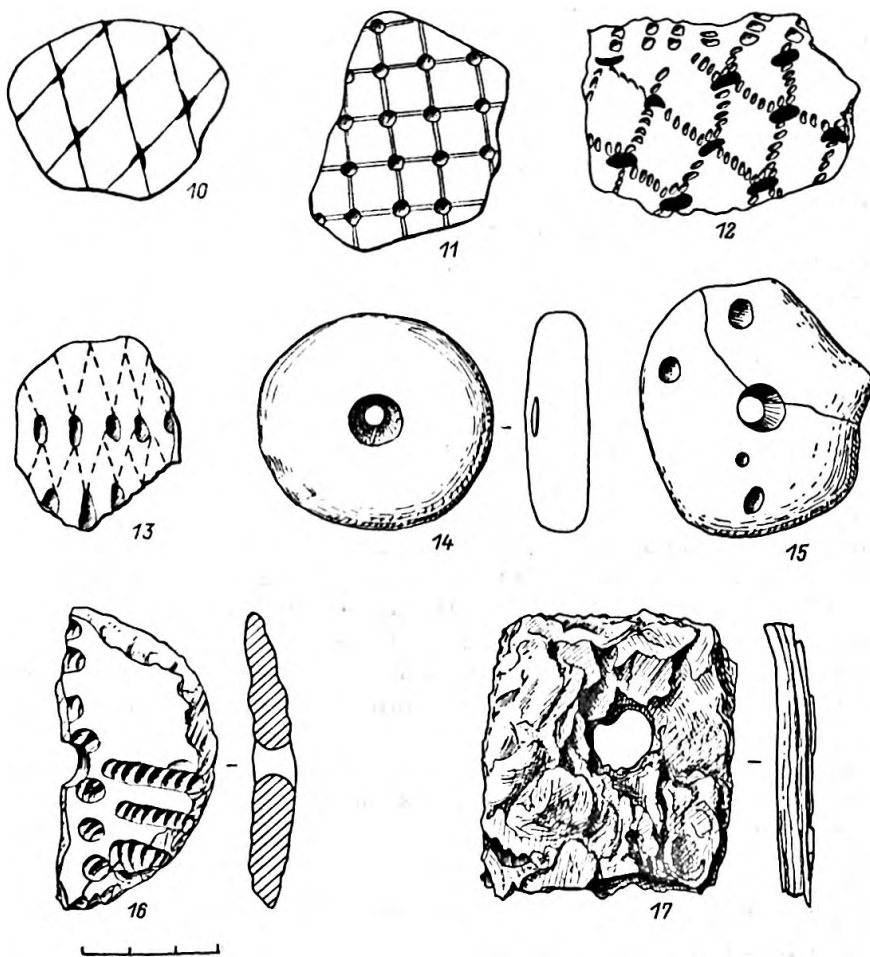

Рис. 6. Предметы, связанные с рыболовством (с. 146—147).

1—7 — изображения рыбы на сосудах и в скульптуре; 8—9 — позвонки рыб; 10—13 — отпечатки сетей на керамике; 14—16 — прыслица; 17 — поплавок; 1, 4, 5, 16 — Сахтыш I; 2, 10, 11, 13, 15 — Стрелка I; 3, 7, 12, 14 — Сахтыш II; 6 — могильник Кухмарь; 17 — Ивановское III; 8, 9 — разные стоянки.

четырёхугольной формы с отверстием в центре (рис. 6, 8). Поплавок из Карашской стоянки такой же формы. Пять поплавков из сосновой коры найдены на стоянке Берендеево [Уткин, 1982], подобные же поплавки были найдены в слоях нарвской культуры на стоянках Прибалтики Сарнате [Ванкина, 1970, с. 94] и Швентойя [Rimantienė, 1979, fig. 21, 22]. Г. Кларк [1953, с. 54] упоминает о находке таких поплавков, каменных грузил и остатков сети на стоянках Финляндии и Эстонии, датируемых временем Анцилового моря. На стоянке Сахтыш I в жилище были обнаружены поплавки из бересты и большой сверток липового лыка.¹⁶ О наличии сетей у древних племен Верхнего Поволжья свидетельствуют и находки каменных грузил. Это камни или с подтеской боков, или со сверлинами в центре (рис. 4, 13; 5, 4, 5) для привязывания. Они найдены на стоянках Стрел-

¹⁶ Крайнов Д. А. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1970—1975 гг. Раскопки стоянки Сахтыш I // Там же. № 4551, 4589, 4801, 5033, 5992, 6903.

ка I, Ивановская VII, Сахтыш I в неолитических и волосовских слоях. Каменные грузила с начатым сверлением в центре были найдены в нижнем слое Веретье I [Фосс, 1952, рис. 14, 6, 8].

Грузила разных форм и размеров обнаружены и на стоянках Прибалтики [Кларк, 1953, с. 53, 54, 65; Ванкина, 1970, табл. XV—XVI; Лозе, 1979, табл. XXIII, 9, 10; Rimantienė, 1979, fig. 23; Rimantienė, 1980a, fig. 6]. Таким образом, по находкам поплавков и грузил можно предположить и существование сетей в Верхнем Поволжье с мезолитического времени. Эти сети первоначально могли делать из лыка, волокон крапивы, тонких корней сосны, ивовой коры и т. д. Возможно, орнамент в виде ромбической сетки на верхневолжских и льяловских сосудах является изображением сетей, отпечатки которых потом появляются на волосовских сосудах. На обломке сосуда из верхнего волосовского слоя стоянки Стрелка I изображен узор, имитирующий сеть с вытянутыми ромбическими ячейками,¹⁷ выполненными тонким зубчатым штампом и отпечатками продолговатых ямок на углах ромбов, имитирующих узелки (рис. 6, 13). К изображению сети можно отнести и орнамент на обломке сосуда из нижнего волосовского слоя стоянки Стрелка I. Ромбический орнамент нанесен отпечатками шнура, намотанного на палочку.¹⁸ На обломке сосуда с раковинной примесью из нижнего волосовского слоя той же стоянки на его лицевой стороне сделан отпечаток сети (11).¹⁹ Нить средней толщины, ячейки квадратные 1×1 см, узелки на углах крупные — размером 0.3×0.3 см. Особый интерес представляет отпечаток сети на внутренней стороне обломка ранневолосовского сосуда из той же стоянки.²⁰ Судя по отпечатку, сеть была сделана из очень тонких нитей. Величина ромбических ячеек по диагоналям 1.5×3 см. Узелки по углам ромбов размерами 0.3×0.5 см (10).

Обломки с отпечатками сети на внутренней стороне обнаружены на волосовской посуде стоянки Сахтыш I (рис. 1, 1).²¹ На отпечатке видно, что сеть была сплетена из перевитого тонкого шнура. Хорошо видны стандартной величины узелки. Это обстоятельство и ровные ячейки сети указывают, что плел ее опытный мастер.

Такие же обломки с отпечатками сети найдены и на стоянке Сахтыш II в волосовском слое.²² На внешней стороне обломка виден отпечаток тонкой сети с ромбическими ячейками и узелками (рис. 6, 12). Отпечатки сетей наблюдались на сосудах и из других волосовских стоянок [Городцов, 1926, с. 14, 17]. Наличие отпечатков сетей, связанных из тонких нитей, частая встречаемость их на волосовских сосудах и отпечатки шнура, намотанного на палочку, позволяют предполагать о существовании у волосовцев ткачества. Вероятно, они были хорошо знакомы с

¹⁷ Крайнов Д. А. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1967—1969 гг. Раскопки стоянки Стрелка I // АИА. Оп. 1969 г. № 1550, 3567, 3706, 4008.

¹⁸ Там же, оп. 1967 г. № 984.

¹⁹ Там же, оп. 1969 г. № 2854.

²⁰ Там же, оп. 1968 г. № 4868.

²¹ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1970 г. Раскопки стоянки Сахтыш I // АИА. Ф. 1. Р. I. № 4551.

²² Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1981 г. Раскопки стоянки Сахтыш А // АИА. Оп. № 1229.

разного рода растительными волокнистыми материалами, используемыми для изготовления пряжи. Возможно, делали пряжу из волокон крапивы, шерсти животных, но не исключено, что у них могли существовать и более совершенные растительные волокна. О наличии ткачества у волосовцев свидетельствуют не только отпечатки сетей, тканей, шнуров и пр., но и такие вещи, как пряслица, иглы, шилья, утюжки и пр. Большая часть пряслиц делалась из обломков волосовских глиняных сосудов (рис. 6, 16). Они округлы, с отверстием в середине, но есть и специально изготовленные из глины округлые пряслица с отверстием в центре и орнаментом из ямчатых вдавлений (рис. 6, 14, 15). Диаметр пряслица 6 см, а отверстия 0,9 см. Есть и кремневые округлые пряслица диаметром 4 × 5 см и сверлинами в 1 см. Кроме сетей, у волосовцев, вероятно, существовали бредни, наметы, сетки и другие плетеные устройства для массовой рыбной ловли.

На стоянках часто встречаются верши разных размеров. Обломки верш, сделанных из еловой и сосновой «лучины», найдены на торфяниковых стоянках Ивановское III, VII, Берендеево IIa и др. в мезолитических слоях и раннеолитических верхневолжских, а в большом жилище стоянки Сахтыш I они сохранились почти целиком.²³

В упомянутом выше большом промысловом жилище на стоянке Сахтыш I с выходом на речку Койку были найдены три верши (см. рис. 1, 2—4). Одна из них (3) была обнаружена у выхода из жилища, на глубине 130—140 см от современной поверхности. Она лежала в направлении ЮЗ—СВ, горловиной на СВ. Длина верши (вместе с хвостом) около 150 см, ширина у горловины около 50, в середине около 30 и в хвостовой части около 20 см. Толщина от 10 до 15 см — она найдена в сплюсненном состоянии. Сделана из длинных лучин, прямоугольных в сечении. Поперечных переплетений не замечено. Возможно, она была связана веревками из растительных волокон. Горловая часть до середины толще, чем хвостовая, от вставленной здесь западни с отверстием для входа рыбы. Вторая верша (2) была обнаружена в полуразрушенном виде в северо-восточном конце жилища недалеко от выхода. Длина сохранившейся части верши около 70 см, ширина 40 см. Изготовлена она также из лучины, прямоугольной в сечении. Поперечные связанные обручи сделаны из такой же лучины на расстоянии 36 см друг от друга. Третья верша (4), найденная в юго-западном конце жилища, имеет длину около 200 см. Сделана она из такой же лучины (однако не исключено, что это не верша, а циновка). Верши в разрушенном виде встречены на многих неолитических стоянках Верхнего Поволжья (Караш, Берендеево, Ивановское V, III, VII и др.). В целом виде они обнаружены на стоянках Прибалтики (Сарнате, Швентойи, культурах эртебелле и маглемозе). Близкими сахтышским (коническая форма, длина и лучина, из которой они сделаны) являются верши из стоянки Сарнате [Ванкина, 1970, табл. XI, 1—3; XII, 1—4]. Остатки таких же трех верш были обнаружены и на стоянке Абора. Рядом с ними лежали кольца для укрепления верш в воде [Лозе, 1979, с. 20, 21, 23].

²³ Крайнов Д. А. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1970—1975 гг. Раскопки стоянки Сахтыш I // АИА. Ф. 1. Р. 1. № 4551, 4589, 4801, 5033, 5992, 6903.

Верши из еловых или сосновых лучин и прутьев дожили до современности. Как и в древнее время, они ставятся сейчас в узких протоках или перегороженных речках во время половодья или массового хода рыбы. Горло верши закрепляется колом, а к хвосту привязывается груз из камней. Таким образом, можно считать установленным употребление у древних племен Верхнего Поволжья сетей, морд, верш и других способов массового лова рыбы. Очевидно, они широко использовали устройство в соответствующих местах водоемов — преград, заколов, переставов, езов и т. д. На стоянке Сахтыш I около жилища и в других местах на р. Койке были обнаружены колья, поставленные поперек речки. Подобные заколы, езы, сежники встречаются и сейчас на многих реках и речках Центра Русской равнины. О разных ловушках, найденных в окских стоянках, и ловушках, употреблявшихся разными народами при ловле рыбы, упоминает В. В. Федоров [1937б, с. 61—70].

Остатки древних езов были обнаружены Верхневолжской экспедицией в узких местах р. Лух в Ивановской обл. недалеко от стоянок Стрелка I, Клячино I, относящихся к волосовскому времени. На р. Ухтохме Ильинского р-на Ивановской обл. около древнего с. Игрищи до последнего времени перегораживали реку камнями, оставляя в середине небольшой «проход», где ставили конусообразную вершу из ивовых прутьев. Не исключено, что с подобными и другими речными строительными сооружениями было связано и расположение сахтышских неолитических стоянок на р. Койке. Все они приурочены к древним омутам и поворотам реки.

Очевидно, большую роль в развитии рыболовства неолитических племен Верхнего Поволжья играли разные речные транспортные средства. О существовании лодок свидетельствуют находки весел в стоянках Сахтыш I,²⁴ Ивановское VII,²⁵ Караш I.²⁶ Весла относятся ко времени культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и волосовской культуры. Они различной формы. Весло из стоянки Ивановское VII имеет удлиненную узкую лопасть с остатками древка. Оно тщательно обработано при помощи кремневых орудий.

В 1933 г. сотрудник Ярославского областного краеведческого музея г. Кузнецов сообщил нам, что в 1931 г. он видел лодки-долбленки, извлеченные при копке канавы на Вареговом торфянике Рыбинского р-на Ярославской обл. По его описанию, длина их была 5—6 м и ширина около 1 м. Музей не предпринял мер к их спасению, и они не сохранились, как было установлено при обследовании Варегова болота в 1933 г. Около места находки лодок был найден кремневый наконечник дротика [Крайнов, 1941]. Вероятно, лодки относятся к эпохе неолита. Лодки-долбленки эпохи неолита обнаружены в прибалтийских торфяниковых стоянках, а изображения их — в петроглифах Карелии, датируемых III тыс. до н. э. Не исключено, что лодки появились еще раньше — в мезолите. В д. Гоголи Пестяковского р-на Ивановской обл. на р. Лухе до сих пор делают лодки-долбежки из осины (производство их недалеко ушло от первобытных спосо-

²⁴ Там же. № 4551, 4589, 4801, 5033, 5933, 5992, 6903.

²⁵ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973—1974 гг. Раскопки стоянки Ивановское VII // Там же. № 5033, 5992.

²⁶ Крайнов Д. А. Отчет Ярославской экспедиции о раскопках стоянки на Карашском торфянике осенью 1955 г. // Там же. № 1167. С. 11.

бов). По этой реке, протекающей на востоке Ивановской обл., расположены многочисленные разновременные стоянки эпох неолита и энеолита. Они могли возникнуть здесь только благодаря существованию речного транспорта (лодок, плотов и др.).

Итак, приведенные в статье сведения о рыболовстве в Верхнем Поволжье в эпоху неолита указывают на его большое значение в охотничье-рыболовческо-собирательном хозяйстве неолитического человека. Судя уже только по одному признаку — расположению древних стоянок на берегах рек, речек, озер и других водоемов и именно в местах, удобных для массового лова рыбы, можно заключить, что в экономике неолитического человека удельный вес рыболовства был очень высок и, пожалуй, был прав А. А. Иностранцев [1882], написавший более ста лет назад, что «доисторический человек прежде всего был рыбак, а уже затем охотник» [с. 185]. Прав этот исследователь и в том, что удачная охота не всегда возможна, а рыбная ловля могла быть успешной почти круглый год. Очевидно, пища неолитического человека состояла из рыбы, мяса и растительных продуктов, получаемых в результате собирательства. Огромное скопление костей рыб и рыбьей чешуи в жилище стоянки Сахтыш I, описанное выше, также подтверждает значение рыболовства. Находки же большого количества костяных гарпунов и пешней на торфяниковых стоянках свидетельствуют об охоте на таких крупных рыб, как сомы и осетры, и заготовке их впрок.

О большом промысловом значении этих рыб говорят и костяные скульптуры сома и осетра, найденные на стоянке Сахтыш I (рис. 6, 4, 5). Фигура сома (5) имеет длину 9 см, наибольшая ширина 2.5 см. Глаза выполнены небольшими ямчатыми высверликами. Рот оформлен двумя глубокими подрезами с брюшка. Хвост едва намечен. Вторая скульптура (4) изображает осетра. Длина ее 8.5 см, ширина около головы 1.3 см. Глаза выполнены так же, как и у первой скульптуры. Жабры и плавники показаны выступами. На хвосте два круглых отверстия для привязывания. Позвонки сомов и осетров, найденные на стоянках Сахтыш I, Стрелка I, Ивановское III, отличаются крупными размерами (рис. 6, 8, 9). По определению ихтиолога Е. А. Цепкина, размеры сомов приближаются к 2 м, а размеры осетров 1.5 м. Скульптуры рыб встречены и на окских волосовских стоянках [Цветкова, 1969, с. 35, 36].

В более позднее время (II тыс. до н. э.) рыболовство также не теряет своего значения в культурах Верхнего Поволжья. Среди находок на поселениях и в могильниках костей рыб и чешуи, а также различных рыболовческих орудий встречаются сосуды, относящиеся к абашевской и поздняяковской культурам с изображениями рыб (рис. 6, 1—3, 7) [Крайнов, 1962, с. 146]. Рисунок осетра (1) обнаружен на внутренней стороне шейки сосуда со стоянки Сахтыш I, а на некоторых сосудах стоянки Сахтыш II и Стрелка I также на внутренней стороне шеек часты изображения разных рыб, выполненных схематически насечками зубчатого штампа (2, 3, 7). Особый интерес представляет большой высокошейный круглодонный сосуд из кургана № 13 Кухмарского могильника [Крайнов, 1962, рис. 13 и 14]. Его наружная поверхность покрыта отпечатками мелкозубчатого штампа в виде 7 рядов (поясков) косовертикальных вдавлений, разграниченных зигзагообразными линиями из вдавлений того же

штампа. Форма сосуда и вся композиция орнамента символизируют большой водоем, очевидно, Плещеево озеро, на берегу которого расположен могильник. Это подтверждается и пиктографическим сложным рисунком на внутренней стороне шейки сосуда (рис. 6, б). По срезу венчика идут косые насечки и ниже на шейке — зигзаг, символизирующий воду, и внутри него вокруг шейки располагаются шесть изображений: 1) рисунок рыбы, очевидно, сома, пораженного гарпуном; 2) изображение, вероятно, ловушки или какой-то рыболовной снасти (вентирь, верша, сеть и пр.), и в ней пойманная рыба; 3) за ловушкой изображена рыба; 4) далее расположен рисунок гарпуна или схематическое изображение рыбы; 5) за ним «ловушка» или рыба и 6) условное изображение большой рыбы. Часть подобного же сосуда была найдена на Галичской стоянке [Кольцов, 1971]. На внутренней стороне шейки изображена вода и рыба из семейства карповых. Орнамент с наружной стороны также, очевидно, символизирует воду. Оба сосуда найдены в памятниках, расположенных на берегах больших озер — Плещеево и Галичское.

Приведенные примеры, относящиеся к области идеологии, вероятно, связанные с магическими обрядами промыслового характера, также указывают на большое значение рыболовства в жизни и более поздних обитателей древних поселков. Очевидно, появление прочных оседлых поселений у неолитических племен Центра Русской равнины было связано с рыболовством. Не исключено, что оно доминировало в комплексном охотничье-рыболовческо-собираательском хозяйстве почти вплоть до появления здесь производящих форм хозяйства.

И. В. Гаврилова

ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Одной из географических особенностей Костромского Поволжья является сильно разветвленная речная сеть. Здесь Волга принимает три достаточно крупных левых притока: Кострому, Унжу и Ветлугу со множеством впадающих в них мелких речек. Кроме того, в его пределах находятся Галичское и Чухломское озера, также связанные с реками Костромой и Волгой посредством рек Вексы Чухломской и Вексы Галичской.

подавляющее большинство древних поселений, известных в настоящее время, находится в бассейне р. Костромы, при этом все они приурочены к местам, связанным с водоемами не только как источниками воды и средствами передвижения, но весьма удобными для рыбной ловли. На озерах такими местами служили стрелки древних берегов при устьях и истоках рек, как, например, для групп памятников вокруг упомянутых выше озер и менее крупных — Борисовского, Половчиновского, Святого. Иногда они группируются в местах слияния небольших рек — например, Борани, Водыша, Шачи, Ихтенки.

Как правило, древние поселения расположены на сравнительно невысоких отметках, среди обширных низин с многочисленными озерцами и речками. Речки нешироки, извилисты, с низкими берегами и медленным течением. В настоящее время водоемы в значительной степени обмелели, их берега заболочены и нередко удалены от сухого древнего берега на значительное расстояние. Наблюдения над топографией некоторых памятников позволяют предполагать, что в период каменного века, когда эти участки были обитаемы, уровень воды в водоемах держался выше. Так, в наши дни невысокий холм, занимаемый поселением Борань, поднимается на 6 м, что затрудняло бы в то время пользование водой и заставило бы обитателей древнего поселения переселиться на соседние пониженные участки. Однако, как показали исследования их, этого не произошло [Гурина, 1960].

На Федоровском поселении культурные остатки, обнаруженные на болоте под торфом, очертили бывшую границу озера. Выяснилось, что она была удалена от древнего берега не более чем на 10—15 м. Зафиксированные остатки очага на заболоченном участке исключают предположение о попадании сюда находок случайно или в результате выброса и опол-

зания возвышенного берега. По-видимому, позже этот участок был затоплен, а затем заторфован и к настоящему времени граница торфяника отошла на 1 км от берега, на котором размещалось поселение. Аналогичным образом известная Галичская стоянка оказалась удаленной от современного берега озера почти на 1 км, а речка Лыкшанка, впадающая в него, сейчас превратилась в мелкий ручей. В современной топографии поселения Поповка, расположенного у истока речки Займы, вытекающей из Святого озера, фиксируются два факта, свидетельствующие о более высоком уровне воды в прошлом, — достаточно высокий уровень над окружающей низиной и удаленность от озера и р. Костромы более чем на 1 км.

Памятники эпохи бронзы и раннего железа в тех же обширных низинах занимают более низкие места — главным образом песчаные косы (дюны?) — «гривы». К ним относятся поселения Станок I и II, Ватажка — в костромской низине [Гурина, 1963], югские стоянки и Святица — на Чухломском озере [Збруева, 1928], а также поселение на правом берегу р. Шачи. На тех же холмах располагались и поселения предшествующих эпох — Борань, Федоровское, Галичская, что вызвано было, вероятно, малочисленностью удобных мест.

Таким образом, топография древних поселений Костромского Поволжья указывает на постепенное понижение уровня близлежащих водоемов. В этом плане неясны топографические условия поселения на излучине левого берега р. Водыш, отличающегося крайне низким расположением. Как и на большинстве костромских памятников, поселение Водыш содержит культурные остатки от эпохи мезолита до поздней бронзы. Однако помимо дернового слоя находки перекрыты еще слоистым горизонтом из тонких прослоек супеси и суглинка, что свидетельствует о временном затоплении его площади.

Колебание уровня водоемов объясняется, вероятно, различными причинами, в том числе общим изменением климата [Шнитников, 1957], а также внутренней жизнью самих водоемов. По утверждению специалистов, пресноводной ихтиофауне по ряду причин свойственна консервативность, изменение ее состава вызывается главным образом деятельностью человека. В те отдаленные времена во внутренних водоемах водились все известные сейчас рыбы, а также некоторые тепловодные виды — красноперка, жерех, синец. Высоко по Волге поднимались осетровые и лососевые. Так, осетр доходил до Белого озера. Богатство ихтиофауны подтверждается находками рыбьих костей и чешуи на древних поселениях рассматриваемой территории. Наибольшее количество костей рыб обнаружено в культурном слое Водыша — 499 экз.: во II горизонте культурного слоя — 122, в III — 108, в IV — 269. Интересно заметить, что в IV горизонте все кости находились в придонной части раздавленного сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом, 229 из них являются позвонками мелких рыб, по-видимому, плотвы.¹ Все остальные кости, за исключением пяти, принадлежат щуке и судаку, причем щуке гораздо больше: во II горизонте костей щуки 103, судака — 14; в III — соответственно 96 и 12; в IV — 31 и 9. Исключение составляют пять позвонков сома, найденных во II горизонте культурного слоя. Е. А. Цепкин предполагает, что длина щук

¹ Кости рыб определены Е. А. Цепкиным, за что автор приносит благодарность.

колебалась от 0.40 до 0.95 м, судака — от 0.30 до 0.75, сома — от 0.98 до 1.40 м. Вообще ихтиологи отмечают стабильность ихтиофауны в период неолита и бронзы.

Помимо топографии поселений, остатков чешуи и костей рыб, о весьма активном промысле свидетельствуют костяные и каменные орудия, прямо или косвенно связанные с ловлей рыбы. Изделия из камня, которыми пользовались в процессе рыболовства или при изготовлении приспособлений для этой цели, обнаружены почти на всех костромских памятниках, тогда как подавляющее большинство орудий из кости происходит из Водыша и гораздо меньше из Федоровского поселения и Шачи. Кроме того, имеется одна случайная находка из Мисковского р-на.

Костяные орудия представлены крючками, гарпунами, возможно, острой, а также орудиями, косвенно связанными с рыболовством, — иглами для вязания сетей. Рыболовных крючков семь экземпляров. Один целый и четыре обломка вырезаны целиком из кости, два обломка от составных крючков (рис. 1, 1—6). Целые крючки имеют поперечное сечение в виде резко удлинненного овала. Полностью сохранившийся крючок длиной 4.5, шириной 1 см, с Т-образной головкой не имеет бородки. Ножка длиной 2.5 см, слегка изогнутая к головке, переходит в обушок почти под прямым углом, острое, незначительно отогнутое наружу, заканчивается острым жалъцем. Наружная сторона обушка почти прямая, внутренняя — округлая, оформленная, вероятно, сверлением. Среди обломков крючков 4 ножки и одно острое. Ножки сравнительно короткие, одна (1) — от крючка длиной 3.9 см, слегка изгибается к Т-образной головке и обушку, по ее ребру с внешней стороны нанесены 9 нарезок. Второй обломок крючка длиной 4.2 см, почти прямой, заканчивается головкой, оформленной двойным вырезом по обеим сторонам. Третий обломок маловыразителен, так как оба конца его отсутствуют.

Составные крючки представлены ножкой и острием. Ножка подквадратная в сечении, длиной 6.2 см, с головкой, оформленной двойными вырезами с двух противолежащих сторон (рис. 1, 5). Второй конец с одной стороны скошен срезом, с другой — обломлен, над сломом — одна неглубокая нарезка. На обломке острия длиной 3.2 см конец для скрепления с ножкой скошен и на внешней стороне нанесены три бороздки, противоположный конец утрачен.

Возможно, ножками составных крючков служили 2 стерженька с нарезками на конце. Один из них, длиной 4.1 см, вырезан из кости. Для второго, длиной 5.1 см, использована округлая косточка диаметром 0.5 см. Противоположный конец у обоих стерженьков обломлен.

Гарпунов найдено 27 экземпляров (рис. 1, 7—29, 31), среди которых 5 целых изделий, 3 экз., форма которых восстанавливается полностью, 7 обломков без насада, 6 насадов, 6 обломков пера с утраченными обоими концами. Для изготовления гарпунов, как правило, использовались стенки метоподий лоса, реже — иные кости. Все гарпуны однорядные, односторонние, количество же зубцов, их величина и расстояние между ними несколько варьируют, тогда как насады чаще оформлены однотипно.

Выделяются 3 гарпуна без зубцов (7—9). Два из них уплощены, с широким вырезом на одной из боковых, слегка расширяющихся книзу сторон, при этом вырез одновременно отделяет перо от насада и служит для кре-

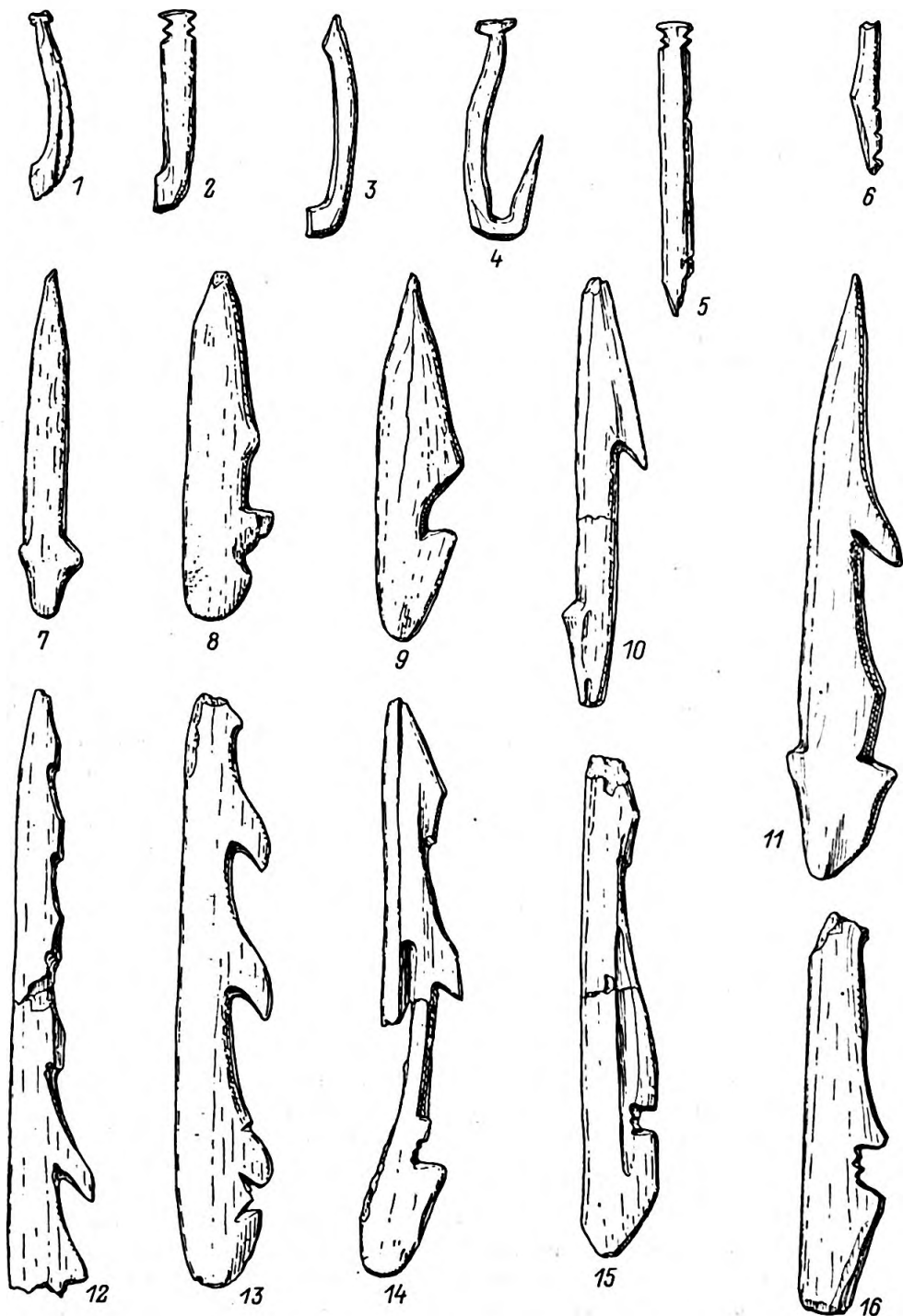

Рис. 1. Костяные изделия, связанные с рыболовством (с. 156—157).

1—16, 18, 29, 31 — Водыш; 17 — Федоровское; 30 — Мисковское.

17

18

19

20

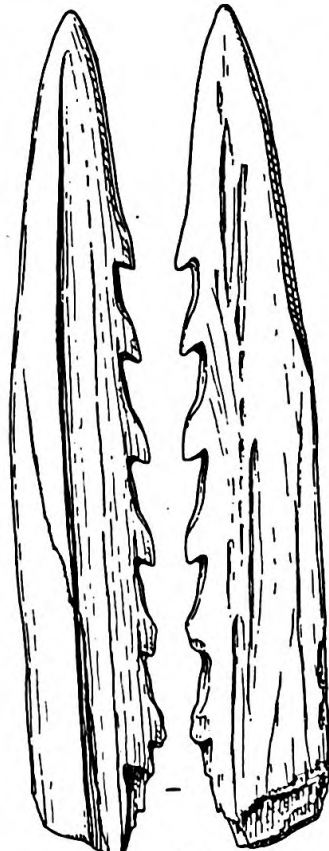
21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

пления бичевы, а его верхний угол заменяет, по-видимому, зубчик. Длина одного из гарпунов 7.8 см, перо плавно переходит в округлое в сечении острие, насад заужен, со слегка округленным основанием (9). Выемка длиной 1.5 см размещается в 2.5 см от основания. Второй гарпун (8) длиной 7.4 см, отличается менее выраженным, как бы сглаженным верхним выступом выреза, его насад шире, острие скошено круто, кончик обломлен. Третий гарпун (7) представляет собой овально-уплощенный стерженек длиной 7.3 см, заостренный на конце, с неправильно-треугольным насадом, снабженным для бичевы несимметричными выступами.

Два гарпуна имеют по одному зубцу (10—11). Один гарпун длиной 9.2 см со сравнительно неглубоко вырезанным, коротким зубчиком, который в целом придает его острию очертания вытянутого треугольника. Подтреугольную форму имеет и насад благодаря небольшому выступу, направленному в сторону, противоположную зубчику. Длина другого гарпуна 12.9 см, его зубец размещается почти посередине пера, острие резко вытянуто, насад подтреугольный с выпуклыми «крылышками». Вероятно, однозубым был еще один гарпун (15). Его обломленный зубчик размещается высоко у слома, выше зубчика перо настолько сужается, что скорее всего заканчивалось острием. Насад расширен и уплощен коротким фигурным вырезом, длина 10.9 см.

Двухзубый гарпун (14) имел такой же, как у предыдущего гарпуна, насад с фигурным вырезом. Длина гарпуна 12.5 см. Некрупные зубцы размещаются на расстоянии 2 см друг от друга в верхней части пера. Перо и насад уплощены. Гарпун плохо сохранился, верхний зубчик и часть пера около насада обломлены. Последний гарпун (13) с обломанным острием, длиной 12.9 см, судя по слома, имел три зубца, размер которых увеличивался к насаду, при этом соответственно увеличивалось и расстояние между ними. Его насад в виде плавного расширения с двумя направленными под углом друг к другу глубокими надрезами, которые образуют выемку, аналогичную тем, какие наблюдались у предшествующих гарпунов.

Из семи обломков верхней части пера (рис. 1, 12, 20, 22—25, 29) три, по-видимому, принадлежат многозубчатым гарпунам. Среди них выделяется массивный обломок (23) длиной 16.4 см, из распиленной вдоль крупной кости, сохранившей на спинке естественный желобок, на брюшке — следы от скобления. Такие же следы наблюдаются на плавно зауженном острие. Под одной из боковых сторон в 4 см от острия с промежутком в 1 см размещаются 6 некрупных зубчиков, кончики двух нижних обломлены. Очевидно, целое изделие было весьма крупным. Его назначение не совсем понятно, поскольку неясен объект охоты; не исключено, что им пользовались как острой. На другом обломке (12) длиной 13 см, с овально-уплощенным сечением, сохранился один нижний зубчик и следы еще четырех обломленных, вырезанных на расстоянии 1 см друг от друга. Судя по слома, его насад был расширен и уплощен, с «фигурным» вырезом для бичевы. На третьем обломке (20) длиной 4.8 см следы трех обломленных зубчиков, расстояние между которыми 0.7 и 0.5 см. Для этого изделия использована распиленная вдоль некрупная трубчатая кость, поэтому его сечение в виде неполного полукольца. Четыре некрупных зубца на расстоянии 2 см друг от друга прослежены еще на одном обломке весьма

крупного гарпуна (22). Длина обломка 12.8 см, одна из плоскостей достаточно выпуклая, а противоположная сохраняет естественную вогнутость, поэтому сечение имеет очертания треугольника с вогнутым основанием. Острие уплощено и плавно заужено.

Следующие три фрагмента гарпунов с редкими зубцами, которых на каждом из них сохранилось по два. Обломок длиной 8.9 см в значительной степени уплощенного гарпуна с резко заостренным концом (29), возможно, дополнительных зубцов не имел, поскольку у слома перо заметно сужается, как у насада. Его зубцы некрупные, первый размещается в 2 см от острия, второй — на таком же расстоянии ниже. Следующий обломок (25) — от гарпуна из распиленной вдоль трубчатой кости. Его длина 8.1 см, сравнительно мелкие зубчики удалены друг от друга на 3.5 см, верхний зубчик вырезан в 2.6 см от конца плавно зауженного острия. На третьем фрагменте (24) длиной 7.4 см расстояние между зубцами 3.5 см, его верхний зубчик несколько меньше, расположен у самого острия, которое как бы притуплено.

Из насадов гарпунов четыре почти тождественны (рис. 1, 16, 26, 27, 31). Длина первого — 8.5 см, второго — 6.8, третьего — 6.6, четвертого — 4.6 см. Они расширяются с одной стороны, уплощены к основанию, которое слегка заужено и скруглено. На расширенной стороне размещается неглубокая, не более 0.5 см, подпрямоугольная выемка длиной 0.7—0.8 см, с нарезками внутри. У пятого обломка, длиной 4 см, насад имеет форму треугольника. Шестой фрагмент длиной 4.3 см принадлежит гарпуну, изготовленному из грифельной кости, эпифиз которой, слегка подправленный, по-видимому, использовался для крепления бичевы. Последний фрагмент насада гарпуна имеет коническую форму.

Среди верхних частей (рис. 1, 18—19, 21, 28) выделяются два массивных обломка, особенно один, из распиленной вдоль крупной кости (21). Его длина 10.1, диаметр 3.1 см. На плоскости распила частично сохранилась губчатая ткань, на внешней стороне — естественный желобок. Этот массивный обломок имеет всего один зубец. Второй обломок меньших размеров (длина 7, диаметр 1.5 см) из распиленной кости также с единственным зубчиком. Заслуживают внимания два обломка уплощенных, возможно, не законченных миниатюрных гарпунов. На одном из них, длиной 4.2 см, три зубчика (18), разделенных промежутком в 0.5 см, возможно, еще один размещался в 0.8 см выше, у слома. Длина второго гарпуна 4.9 см. Почти посередине его размещаются два зубчика, причем верхний оформлен лишь вырезом снизу (20). Ниже второго зубчика перо расширяется, как у насада. Еще один обломок можно отнести к заготовкам (19). Его длина 5 см, сечение в виде неполного полукольца, так как для изготовления использована сравнительно тонкая полая кость. В то же время его единственный зубчик и внешняя сторона значительно заложены, как у готового изделия. Шестой обломок (28), длиной 8.9 см, от крупного гарпуна с редко размещенными зубцами. На нем сохранился один зубчик и на расстоянии 2 см друг от друга — сломы еще от двух.

На Федоровском поселении найден единственный обломок (рис. 1, 17). Его длина 4.6 см, сечение в виде полукольца диаметром около 1 см, оба конца обломлены, на поверхности — следы от огня. У верхнего слома сохранился один маленький зубчик, у нижнего — одна сторона расширяется, на второй — срез, отчего обломок кажется изогнутым.

Фрагмент изделия длиной 5 см, служивший, по-видимому, гарпуном, обнаружен и на Шаче: овальный в сечении, уплощенный к концу, он снабжен небольшими выступами по обеим сторонам, что характерно лишь для гарпунов. Отметим, что гарпуны без зубцов и гарпун с одним крупным зубцом посередине пера являются оригинальными, аналогий им найти не удалось. Характерная черта прочих гарпунов — почти стандартное оформление насада с вырезом и бородками внутри него. Среди имеющихся экземпляров отсутствуют гарпуны с отверстием в насаде.

Достаточно своеобразно изделие из Мисковского р-на (рис. 1, 30). Длина его 23 см, сечение овальное, диаметр около 1 см. Три некрупных зубчика расположены у самого острия, насад утончен несколькими срезами, на пере неглубокие нарезки образуют две пунктирные линии. Поскольку приспособление для привязывания бичевы не оформлено, это изделие скорее всего нужно рассматривать как зубец остриго.

В качестве орудий для вязания сетей использовались грифельные кости лося. Эпифиз их почти не подправлен, иногда лишь слегка усилено естественное углубление, а противоположный конец приострен и нередко уплощен. На некоторых экземплярах около эпифиза наблюдается неглубокий желобок — след от привязанной нити. Размеры этих изделий целиком зависят от заготовки — кости, их длина колеблется от 6.5 до 12, диаметр — от 0.8 до 1.5 см. Такие орудия найдены на Водыше — 19 экз.; на Федоровском поселении — 4 экз.; один обломок — на Шаче.

Описанный костяной инвентарь очень сложно расчленить во времени, так как на близлежащих территориях, как и в Костромском Поволжье, костяные орудия встречаются на памятниках со смешанным культурным слоем. Опираясь на некоторые аналогии и учитывая поглубинное залегание находок, можно лишь предположить, что, например, рыболовные крючки относятся, по-видимому, к эпохе бронзы, потому что от крючков из неолитического слоя Нижнего Веретья они отличаются меньшими размерами и тонким обушком [Фосс, 1952, рис. 22, 8, 9], от крючков из Нарвы I — оформлением обушка [Гурина, 1967, рис. 90, 18, 19], у крючков из нижнего горизонта Сахтыша II иначе оформлены крепления для лески и обушок [Гадзяцкая, 1966, рис. 8, 1—3]. Некоторое сходство, но не тождество, наблюдается с крючками из Тамулы [Яните, 1973, табл. 58, 34], Черной Горы [Цветкова, 1970, с. 116] и Шигирского торфяника,² но ножки последних почти прямые и несколько иная форма головки. Кроме того, на Водыше лишь один из крючков найден в нижнем горизонте культурного слоя. Датировка гарпунов, не снабженных зубцами, особенно затруднительна из-за отсутствия аналогий. Учитывая нахождение двух первых в нижнем горизонте культурного слоя, их можно рассматривать как неолитические. К тому же оформление насадов этих гарпунов имеет некоторое сходство с насадом массивного гарпуна из Кунды [Фосс, 1952, рис. 13, 5] и некоторых гарпунов из Языкова I. Третий «беззубый» гарпун происходит из второго горизонта культурного слоя. Его насад значительно отличается от насадов двух первых гарпунов, не исключено, что он относится к более позднему времени.

² Коллекция Гос. Эрмитажа, № 5546.

К неолиту, по-видимому, относятся однозубые гарпуны (рис. 1, 10, 11). Первый происходит из нижнего горизонта. Для второго близкой аналогией служит гарпун из Оленеостровского могильника [Гурина, 1956а, рис. 34, 3]. Аналогичные гарпуны, отличающиеся только насадом, известны в Нижнем Веретье [Фосс, 1952, рис. 19, 6], Языково I и Николо-Перевозе. Что касается гарпунов с оригинальным вырезом на насаде, то наиболее близкими им являются некоторые гарпуны из Николо-Перевоза и Нарвы I [Гурина, 1967, рис. 90, 6, 8], однако водышские гарпуны отличаются в деталях. На Водыше два гарпуна обнаружены во втором горизонте культурного слоя, два — в третьем, два — в четвертом. Скорее всего, традиция подобного оформления насадов бытовала в течение неолита и эпохи бронзы.

Столь же длительный период существования можно предполагать для гарпунов с несколькими зубцами и различной частотой их размещения, а также гарпунов с подтреугольным массивным насадом, поскольку близкие им формы встречаются в таких сравнительно древних памятниках, как Оленеостровский могильник [Гурина, 1956а, рис. 34, 4], Нарва I [Гурина, 1967, рис. 90, 1], Сахтышских поселениях [Гадзяцкая, 1966, рис. 7, 12] и в таких относительно поздних, как Черная Гора, Волосово, Владычинская-Береговая. Вероятно, эпохой бронзы датируются обломки крупных гарпунов из распиленных вдоль трубчатых костей, поскольку они не встречаются на памятниках, где отсутствуют остатки этой эпохи, тогда как подобные им крупные орудия имеются в упомянутых выше стоянках Волосово и Черная Гора. На Водыше, кроме одного случая, они найдены в верхних горизонтах культурного слоя. Исключение составляет не имеющий аналогий массивный кинжалообразный обломок с некрупными зубчиками из четвертого горизонта культурного слоя. Его датировка не ясна. Обломок из Федоровского поселения маловыразителен, отметим лишь, что он был найден у нижней границы культурного слоя и может относиться к ранним этапам существования поселения.

Фрагмент насада из поселения на Шаче, очевидно, следует датировать эпохой бронзы, потому что неолитические вещи здесь единичны, а форма насада заметно отличается от насадов на Водыше.

Что касается остроги (?) (рис. 1, 30), то наибольшее сходство она обнаруживает с обломком из Черной Горы, меньшее — с некоторыми наконечниками из Шигира и Языкова I, зубчики которых также размещаются у острия, но более разрежены. По-видимому, подобные орудия бытовали и в неолите, и в эпоху бронзы.

Иглы для вязания сетей из грифельных костей, как простая и удобная форма изделий, были широко распространены территориально и во времени.

Таким образом, в Костромском Поволжье костяные орудия, прямо или косвенно связанные с ловлей рыбы, представлены достаточно полно на поселениях эпохи неолита и бронзы.

Каменных изделий, непосредственно применяемых при рыбной ловле, немного. К ним относятся грузила, возможно, один обломок составного крючка. По сведениям Н. И. Гуриной [1960, с. 234], рыболовный крючок из кремня, изготовленный при помощи двусторонней ретуши, имеется на Борани.

Ножкой составного крючка, возможно, служил обломок сланцевого стерженька с нарезками на конце, найденный на Федоровском поселении. От крючков, известных по другим памятникам, он отличается тем, что не имеет четко выраженной головки для укрепления лески и не зауживается к противоположному концу, что характерно для стерженьков из Кубенино и Модлоны I [Фосс, 1952, рис. 60, 5—7], Вис III [Буров, 1967, табл. XVIII, 4], Аборы I [Лозе, 1979, табл. XVI, 5, 6].

Три грузила происходят из Водыша. Для двух приспособлены овально-удлиненные гальки, одна из которых кварцитовая, 9×7.5 см, с желобком для привязи, выполненным точечной техникой, при этом посередине желобок едва намечен, на концах по длинной оси углублен сильнее. Так же оформлено крепление по одной из сторон второй гальки размером 14×8 см, на ее противоположной стороне желобок не прослеживается, углубления на концах более значительны. Третье грузило — гладкий уплощенный камень неправильных очертаний, 13×9 см, с глубокими выемками на концах по длинной оси. Одна из плоскостей сколота, на противоположной — следы сработанности, как у наковаленки. Нетрудно заметить, что эти грузила отличаются от грузил из поселений близлежащих территорий, снабженных, как правило, отверстием для крепления [Фосс, 1952, рис. 14, 6, 8; Буров, 1967, табл. XVIII, 5; Гурина, 1950, с. 182].

Топографические и стратиграфические условия памятников Костромского Поволжья не способствуют сохранению дерева, поэтому фрагментов лодок, весел или иных сооружений, связанных с рыбной ловлей, на этой территории не обнаружено. Вместе с тем на каждом из поселений в большом количестве имеются орудия для обработки дерева, необходимые для изготовления лодок, — все варианты рубящих орудий, скобели и струги из сланца и кремня, а также костяные долотца, стамески и острия, часть которых могла использоваться для обработки древесины, например для снятия коры. Острия, близкие так называемым «орудиям под углом 45° », в большом количестве найдены на Водыше и Федоровском поселении.

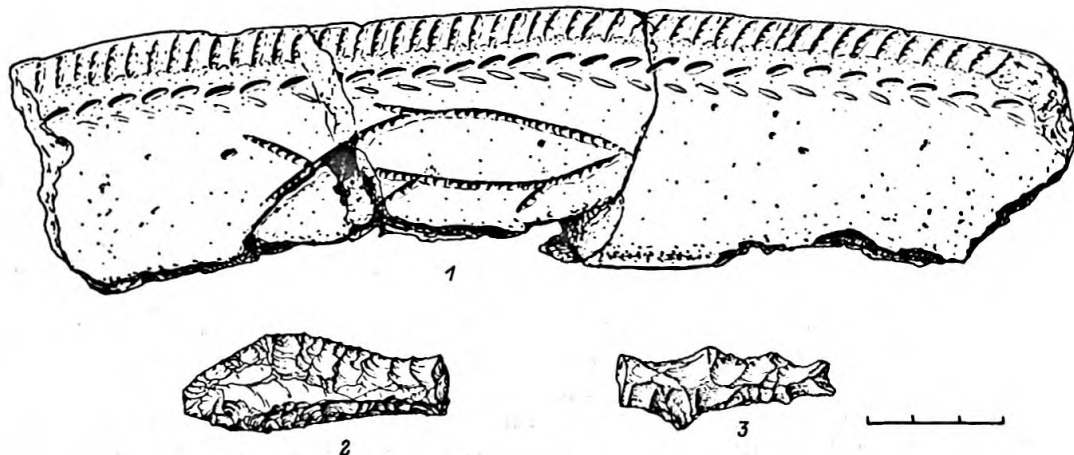
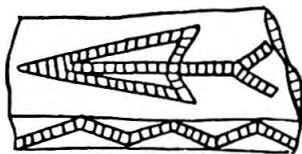

Рис. 2. Изображения рыб.

1 — на глиняном сосуде Галичской стоянки; 2, 3 — кремневые скульптурки. 2 — Федоровское, 3 — Водыш.

Об удельном весе рыболовства в хозяйстве древних обитателей Костромского Поволжья судить трудно, поскольку количество наконечников стрел значительно превосходит количество орудий рыболовства и в большом числе встречаются кости животных и птиц. В то же время такие орудия рыбной ловли, как гарпуны, могли использоваться при охоте на бобров, костей которых много во всех горизонтах культурного слоя Водыша. Однако топография поселения, наличие остатков ихтиофауны и рассмотренные выше орудия свидетельствуют о том, что в течение неолита и эпохи бронзы ловля рыбы наряду с охотой являлась важной отраслью хозяйства. На использование большого количества рыбы указывают органические остатки, напоминающие рыбу чешую, зафиксированные в культурном слое Федоровского поселения и Водыша. Пять таких пятен белесого цвета наблюдались в юго-западной части Федоровского поселения в раскопе 1964 г., содержащем почти исключительно остатки неолитической эпохи. О происхождении пятен судить трудно. Возможно, они являются отбросами, возможно, остатками мест хранения рыбных запасов, а может быть, обязаны своим происхождением чему-то иному.

О большом значении рыбной ловли в Костромском Поволжье свидетельствуют и изображение рыбки на обломке сосуда из Галичской стоянки [Кольцов, 1971] (рис. 2, 1), кремневая фигурка рыбы из Федоровского поселения (2) и обломок кремневой фигурки из Водыша (3). Последние едва ли могут рассматриваться как приманки, не исключено, что обе они относятся к предметам культа, отражающего охотничье-рыболовческий характер хозяйства древних обитателей этого края.

IV. СЕВЕР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Н. Н. Гурина

РЫБОЛОВСТВО И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Кольский п-ов почти полностью расположен севернее Полярного круга. С трех сторон он омывается морями Баренцевым и Белым. Здесь насчитывается несколько тысяч озер. Сильно расчлененный рельеф берегов чрезвычайно прихотливых очертаний, с массой разделенных полуостровами и островами узких фиордообразных заливов, спокойных даже в самую бурную погоду. Сюда часто заходит морской зверь. Ряд крупных рек впадает в обширные песчаные бухты, удобные для рыболовства. Помимо наличия теплого течения, Баренцево и Белое моря обладают существенной особенностью: сильными отливно-приливными колебаниями, которые носят правильный полусуточный характер. Во время отлива на песчаных отмелях «обсыхает» нередко крупная рыба, крабы, а порой и млекопитающие.

Среди млекопитающих Баренцева моря главнейшими видами являются кольчатая нерпа, морской заяц, гренландский тюлень, морж, белуха, морская свинья, нарвал, белый медведь. В настоящее время здесь насчитывается 114 видов рыб. Особенно многочисленны семейства тресковых (треска, пикша, сайда, навага и сайка), камбаловых (особенно палтусы, масса которых достигает 300 кг), лососевые (семга, кумжа, голец, нельма), а также морской окунь, зубатка и сельдь. Воды Белого моря менее богаты. Из млекопитающих особое значение имеет гренландский тюлень.

Богата и разнообразна также ихтиофауна рек и озер. Реки являются резервуарами, куда дважды в год заходит нерестовать семга. Семужий промысел до самого последнего времени являлся одной из важных отраслей хозяйства населения Кольского п-ова. Огромным был улов сельди во время путины, когда сельдь устремляется в речные бухты метать икру.

Путешественники [Максимов, 1871; Дергачев, 1877] описывают, какая огромная масса рыбы устремлялась во время нереста к берегам. Еще в XIX в. сельдь иногда черпали у берегов ведрами и лопатами. Таким образом, природные условия чрезвычайно благоприятствовали развитию рыболовства и морского промысла, а вместе с тем суровый климат, каменистая малоплодородная почва не способствовали появлению земледелия и скотоводства.

Стратиграфические особенности — залегание древних артефактов близко к дневной поверхности, в отдельных случаях едва, а в других и вовсе

не прикрытых почвенным покровом, не благоприятствуют сохранению органических остатков на местах древних поселений. В особенности это относится к мезолитическим стоянкам, многие из которых сосредоточены на Рыбачьем п-ове. Это обстоятельство очень обедняет наши представления о типе хозяйства населения эпохи мезолита. Существуют лишь косвенные, но достаточно веские данные. Абсолютное большинство известных к настоящему времени мезолитических стоянок расположено на морских пляжах (рис. 1). В более позднее время они встречаются на берегах рек. Судя по

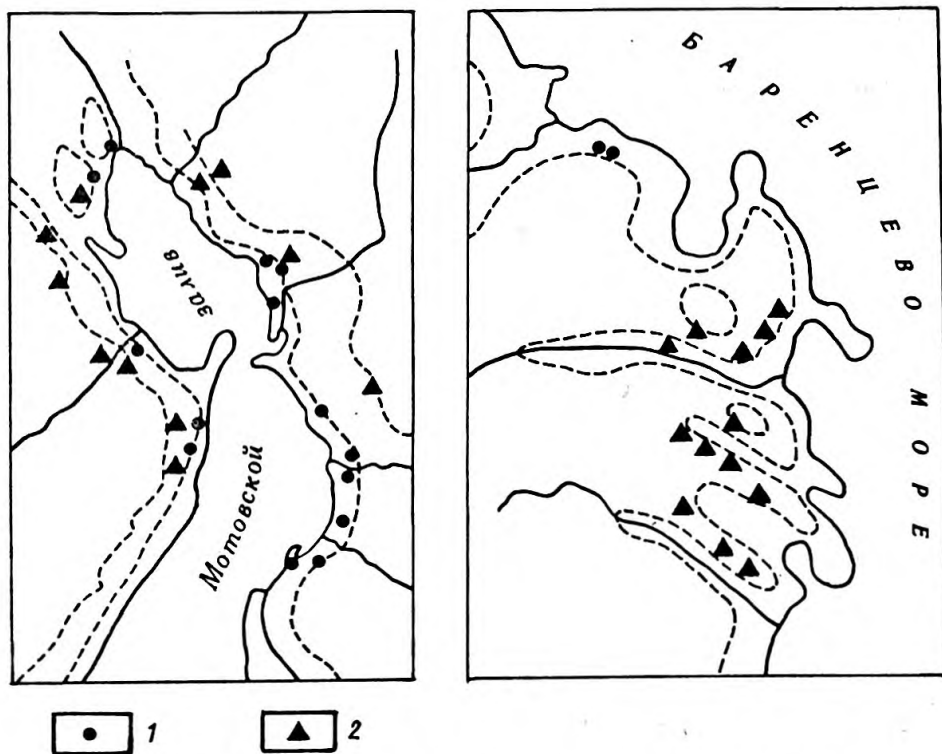

Рис. 1. Расположение древних стоянок на Рыбачьем п-ове. .
1 — неолит, 2 — мезолит.

незначительной площади и малой мощности культурного слоя, эти памятники оставлены небольшими человеческими коллективами. Ярко выраженная приуроченность поселений к морю говорит о большом значении его для человека. Следует предполагать, что «дары моря», обнажавшиеся в результате отливов, были одним из важных источников питания мезолитического населения. Дополнением служило рыболовство и собирательство.

Неолитические поселения, которых во много раз больше мезолитических, также располагаются на морском побережье, берегах озер или рек. Исчезнувшие органические остатки и в это время не позволяют восстановить достаточно полно характер орудий и способы лова. Однако для неолита известны каменные составные рыболовные крючки и грузила от сетей — орудия коллективного промысла. Вероятно, существовало большее количество

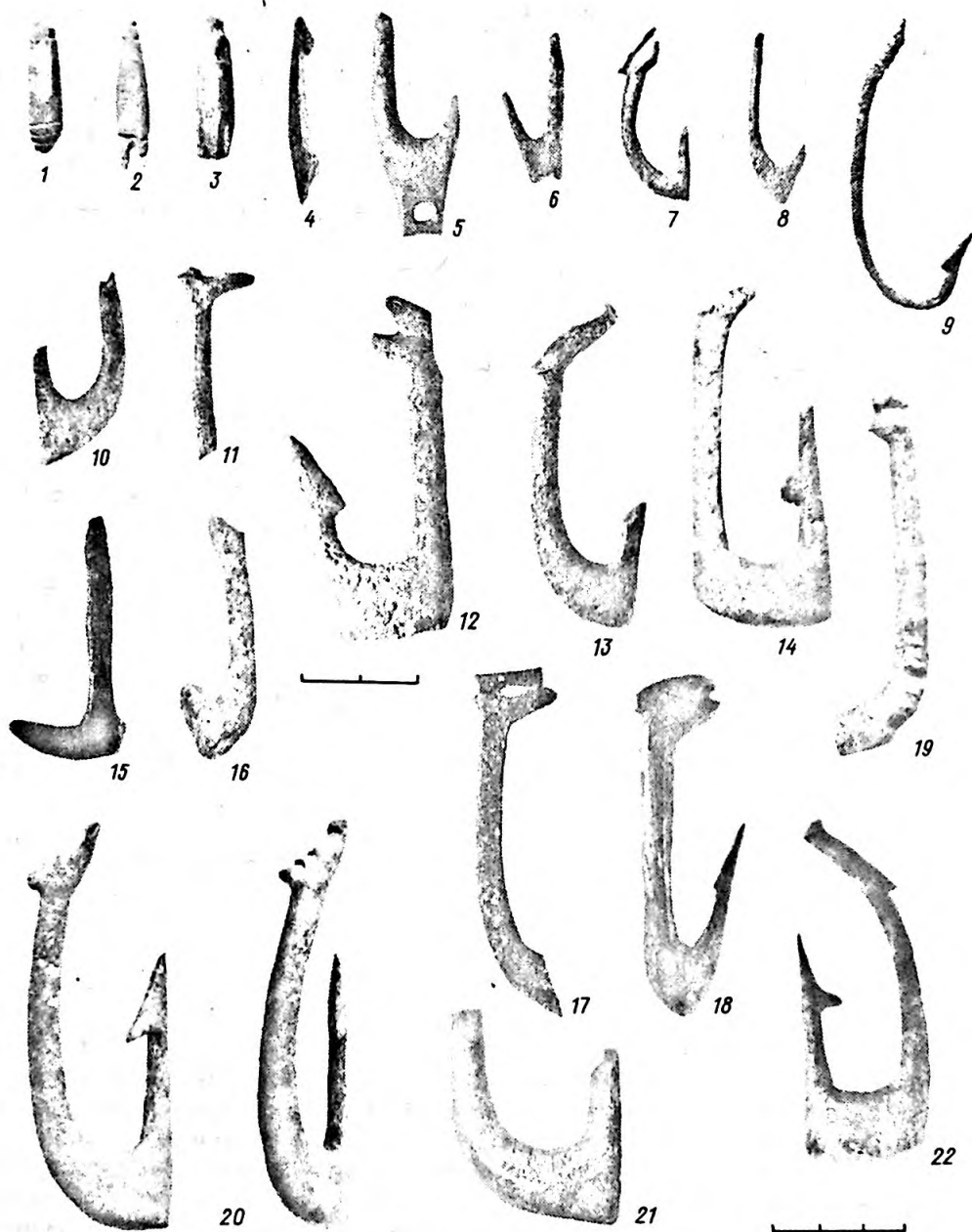

Рис. 2. Рыболовные крючки.

1-3 — камень; 4-8, 10-22 — кость; 9 — железо. 1, 9 — Мыс Семерка II; 2, 4, 6-8, 10, 11, 13-22 — Маяк II; 3 — Маяк; 5-12 — Екатерининская стоянка.

рыболовных орудий и приспособлений, изготовленных из кости, рога и дерева, о чем можно судить по памятникам других соседних областей, в особенности Прибалтики. Не исключено, что и каменные наконечники использовались при охоте на рыбу в прозрачной морской и речной воде.

Составные рыболовные крючки, обнаруженные на стоянках (рис. 2, 1—3), представлены типами, широко распространенными в Скандинавских странах и Карелии.

Количество каменных рыболовных крючков, найденных на неолитических поселениях, в общем незначительно, так же как и специально изготовленных грузил, однако исходя из данных этнографии и собственных наблюдений можно заключить, что, вероятно, в качестве грузил широко использовались округлые, окатанные морем гальки, которые не могли порвать сеть. Грузила, найденные на одной из стоянок р. Варзуги, лежали на очень ограниченном пространстве, причем восемь из них имели одинаковый размер, четырехугольные очертания с двумя выемками по краям, девятое — овальная галька, опоясанная желобком, выбитым точечной ретушью. Нахождение столь сходных грузил, лежащих компактной массой, свидетельствует о принадлежности их одной сети, при этом крупного размера.

Чрезвычайно ограниченные наши представления о способах рыболовства и морского промысла, полученные на основании древних памятников, лишенных органических остатков, особенно ощутимы по сравнению с памятниками, на которых они сохранились. Костяные крючки и гарпуны на Кольском п-ове до 1980-х гг. были известны лишь по Оленеостровскому могильнику на Баренцевом море и расположенной вблизи Екатерининской стоянке. В последние годы богатый материал дало поселение Маяк II на северном побережье Баренцева моря, в Дроздовской губе, лежащее на древнем острове. Расположение памятника весьма удобно для занятия рыболовством и морским промыслом. Артефакты свидетельствуют о длительном обитании этого места, притом в различные хронологические периоды — от неолита до раннего металла включительно. Залегание неолитических орудий и, в особенности, керамики в нижних слоях поселения совместно с костями ластоногих указывает на то, что населению эпохи неолита уже был знаком морской промысел. Это подтверждается и развитыми формами специальных рыболовных и зверобойных орудий в эпоху раннего металла.

Сведения о морском промысле в эпоху раннего металла весьма определены. На уцелевшем останце культурного слоя разрушенной карьером Екатерининской стоянки (около 4 м²) обнаружено свыше 36 тыс. костей морских животных, на Маяке II — 271 348 экз. На большинстве участков кости образовали сплошные брекчии — вследствие плохой сохранности они превратились в массу трухи и потому не могли войти в подсчеты. Основное количество составляли кости морских животных: моржа, нерпы, кита, белого медведя, но преобладал гренландский тюлень.

Орудия рыболовства и морского промысла найдены на многих памятниках эпохи раннего металла. Они представлены каменными и костяными рыболовными крючками, наконечниками гарпунов и острог, грузилами от сетей.

Все крючки делятся на составные и цельные. Первые представлены цевьем (ножками) и жалами (рис. 3, Б, I—IV). Сланцевые стерженьки — небольшие округлые или овальные в поперечном сечении, слегка заужен-

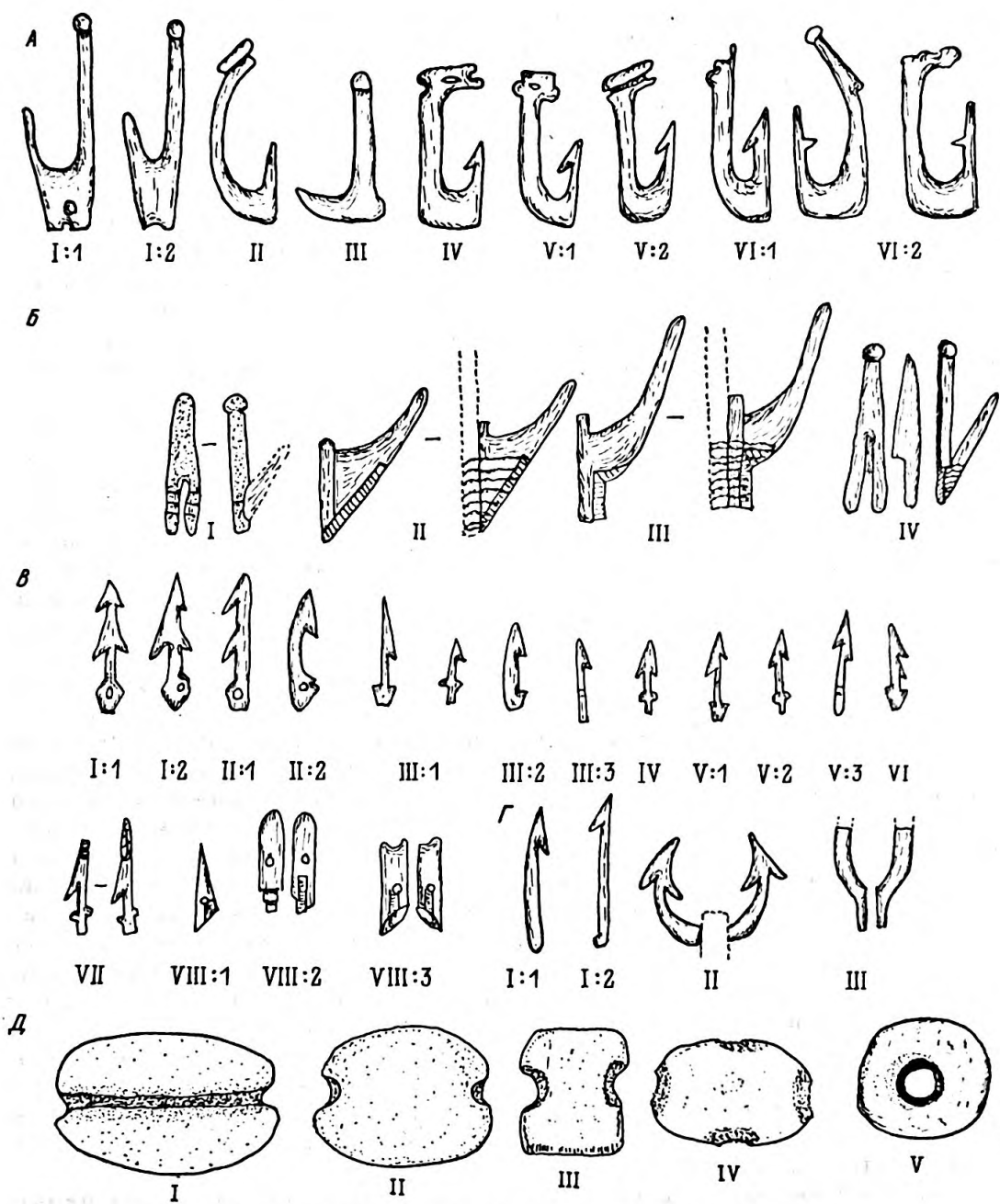

Рис. 3. Типология предметов, связанных с рыболовством.

А - I-VI - цельные рыболовные крючки; Б - I-IV - составные рыболовные крючки; В - I-VI - наконечники борозчатых гарпунов, VII-VIII - оригинальный и поворотные наконечники гарпунов; Г - I-III - наконечники острог; Д - I-V - грузила.

ные к верхнему концу и расширенные к нижнему — обушку. На обоих концах их нанесено по 2—3 нарезки. Вторая часть крючков, выполняющая функцию жала, как правило, на стоянках отсутствует, очевидно, они изготовлялись из кости или дерева. В Оленеостровском могильнике найден составной рыболовный крючок из кости. Ножка его длиной 6.5 см округлая в поперечном сечении, расширена к одному концу, противоположный конец оформлен в виде круглой головки. Вдоль стержня, начиная с середины, к нижнему концу вырезан паз, отчего поперечное сечение его приближается к полукругу. Заканчивается стержень выемкой, предназначенной, подобно пазу, для более прочного крепления жала. Жало — удлинённый, сильно уплощенный, заостренный на конце стержень, в тыльной части которого имеется выемка. С помощью ее оно очень хорошо укладывалось в паз и плотно скреплялось с цевьем, возможно, при этом еще и обмазывалось смолой. Костяные составные крючки найдены и на поселении Маяк II (рис. 3, Б, IV).

Цельные крючки во всех случаях изготовлены из кости, имеют различную величину и форму. Длина их варьирует от 3.5 до 12 см. Соответственно колеблется и ширина — от 1 до 3 см. Среди целых крючков выделяется не менее 7 типов, различающихся по оформлению головки и обушка (рис. 2, 5—22; 3, АI—VI). Следует заметить, что в пределах одного памятника, даже при минимальном количестве экземпляров, встречается несколько типов. Так, на Екатерининской стоянке всего два крючка, относящихся к двум различным типам. Значительное количество крючков на Маяке II позволяет выделить уже несколько типов. Логично было бы усматривать развитие от простого к сложному, однако этого нельзя сделать на примере наших памятников. В общем же крючки, жало которых снабжено специальной бородкой, более действенны по сравнению с теми, которые лишены ее. Однако оба вида на Кольском п-ове сосуществуют.

Типология наших крючков выглядит следующим образом (рис. 3, А, I—VI; Б, I—IV).

Тип I—III — крючки, не имеющие бородки. Тип I — слегка уплощенная, плавно округлая ножка крючка увенчана очевидно шарообразной головкой, резко расширена и уплощена к обушку. Выделяется 2 варианта: обушок снабжен в нижней части отверстием для наживки; обушок не имеет отверстия. Тип II — округлая ножка изогнута, округлый обушок слегка скошен, головка утрачена, но устанавливается по аналогии с норвежскими крючками: она в виде двуступенчатого утолщенного овала, расположена под углом к ножке. Тип III — ножка прямая, слегка уплощенная, снабжена в верхней части желобком для крепления лески. Скругленный обушок, расположенный перпендикулярно ножке, имеет выступ в затылочной части. Бородка отсутствует.

Тип IV—VII — крючки, снабженные бородкой (рис. 2, 9, 12—14, 18, 20, 22). Тип IV — с прямой уплощенной ножкой, подчетырёхугольный в нижней части (с прямым затылком, обушком и лбом), с крупной бородкой. Массивная головка подчетырёхугольных очертаний (фрагментирована) с отверстием и выступом в передней части, расположена перпендикулярно ножке. Тип V — крупного размера (8.5 см) с округлой в сечении прямой ножкой, овальным обушком и бородкой, расположенной под прямым углом к ножке. По форме массивной головки выделяется 2 варианта: 1) с выем-

кой и отверстием; 2) с выемкой и желобком. Тип VI — крупного размера (до 12 см), с плавно изогнутой ножкой, округлым обушком, резко переходящим в прямой лоб. Удлиненная своеобразная головка с несколькими выступами (напоминающая человеческое лицо в профиль) расположена под углом к ножке. По форме бородки различаются 2 варианта: 1) бородка образована в результате непосредственно срезанного под углом кончика лба; 2) бородка образована небольшим пальцеобразным выступом. Тип VII выделяется условно в связи с фрагментарностью. Это крючки с относительно тонкими ножками, отчетливо округлым обушком, судя по сохранившейся части дуги, округлым лбом, головка короткая, опоясанная неглубоким желобком. Часть фрагментированных крючков не может быть реконструирована с достаточной достоверностью.

Как указывалось, среди рыболовных крючков встречаются крючки значительного размера (до 12 см) с глубиной поддева изнутри, равной 6 см, предназначенные для крупной рыбы, по всей вероятности, семги, трески и палтуса.

Помимо крючков или в комбинации с ними при индивидуальной ловле применялись особые приспособления — блесны. Такая блесна найдена на поселении Ловозеро. Она представляет собой плоскую небольшую (5 см) пластинку из слюдястого песчаника, ярко сверкающего на солнце. Зауженные концы пластинки снабжены небольшими выемками, позволяющими плотно привязать к ней леску.

Так же, как и в неолитическую эпоху, в памятниках раннего металла не сохранилось остатков сетей, однако о сетевом рыболовстве свидетельствуют грузила и иглы для их вязания.

Грузила, характерные для раннего металла, представляют собой сильно окатанные морем округлые и овальные гальки различных, чаще средних (8 см), реже более крупных (до 15 см) размеров, опоясанные по всей окружности желобком. Другой тип грузил — плоские плитки с выемками по краям (рис. 3, Д). Очевидно, в качестве грузил применялись и небольшие округлые, сильно окатанные гальки, встречающиеся в скоплениях, по-видимому, принадлежащие одной сети.

Иглы для вязания сетей изготовлены из кости и камня (рис. 4, 9, 10). Игла с Маяка II (9) — костяной уплощенный стержень 18,5 см длиной, округлый в тыльной части и заметно суженный к концу. В 4 см от конца, на боковых сторонах расположены, одна против другой, широкие выемки, а в 8 см — овальное прорезанное отверстие. Вся поверхность предмета помимо тщательной шлифовки имеет характерный блеск от длительного использования в работе. Очевидно, нить пропускалась через отверстие, а затем захлестывалась петлей, которую задерживали от скольжения выемки. О том, что при движении предмета нить натягивалась в сторону тыльной части, указывает удлиненная форма отверстия и отходящий от него небольшой желобок, направляющий нить. Вторая игла — из погребения в бухте Большой Песконец (10), изготовлена из черного глинистого сланца, также представляет собой стержень, только более короткий и узкий, снабженный продольным желобком, проходящим по обеим сторонам, соответственно чему тыльная часть раздвоена. Рабочий конец орудия оформлен в виде головки уточки. На теле иглы, под углом к продольному желобку, нанесены косые нарезки. Вся поверхность предмета, помимо зашлифовки, залощена до блеска в результате использования. Предположительно с пле-

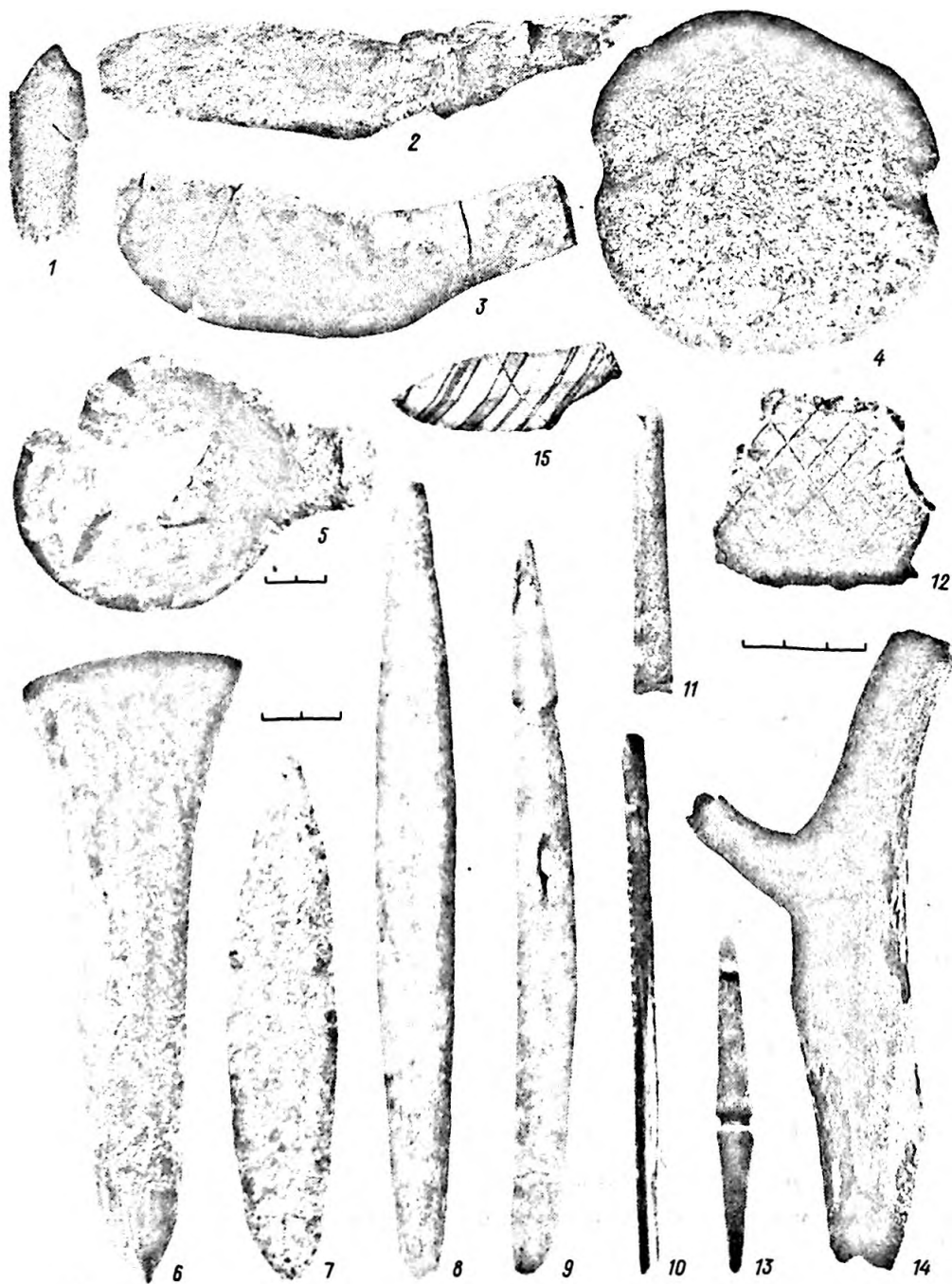

Рис. 4. Предметы, связанные с рыболовством и морским промыслом.

1 — костяное орудие для чистки рыбы (?); 2, 8 — костяные и 3, 15 — каменные ножи для разделки рыбы и мяса; 4 — грузило от сетей; 5 — каменная лампа-жировик; 6, 14 — роговые кинжалы; 7 — каменный наконечник копья; 9 — костяная и 10 — каменная игла для плетения сетей; 11, 13 — крючки для вязания сетей (?); 12 — фрагмент керамики с орнаментом в виде сети.

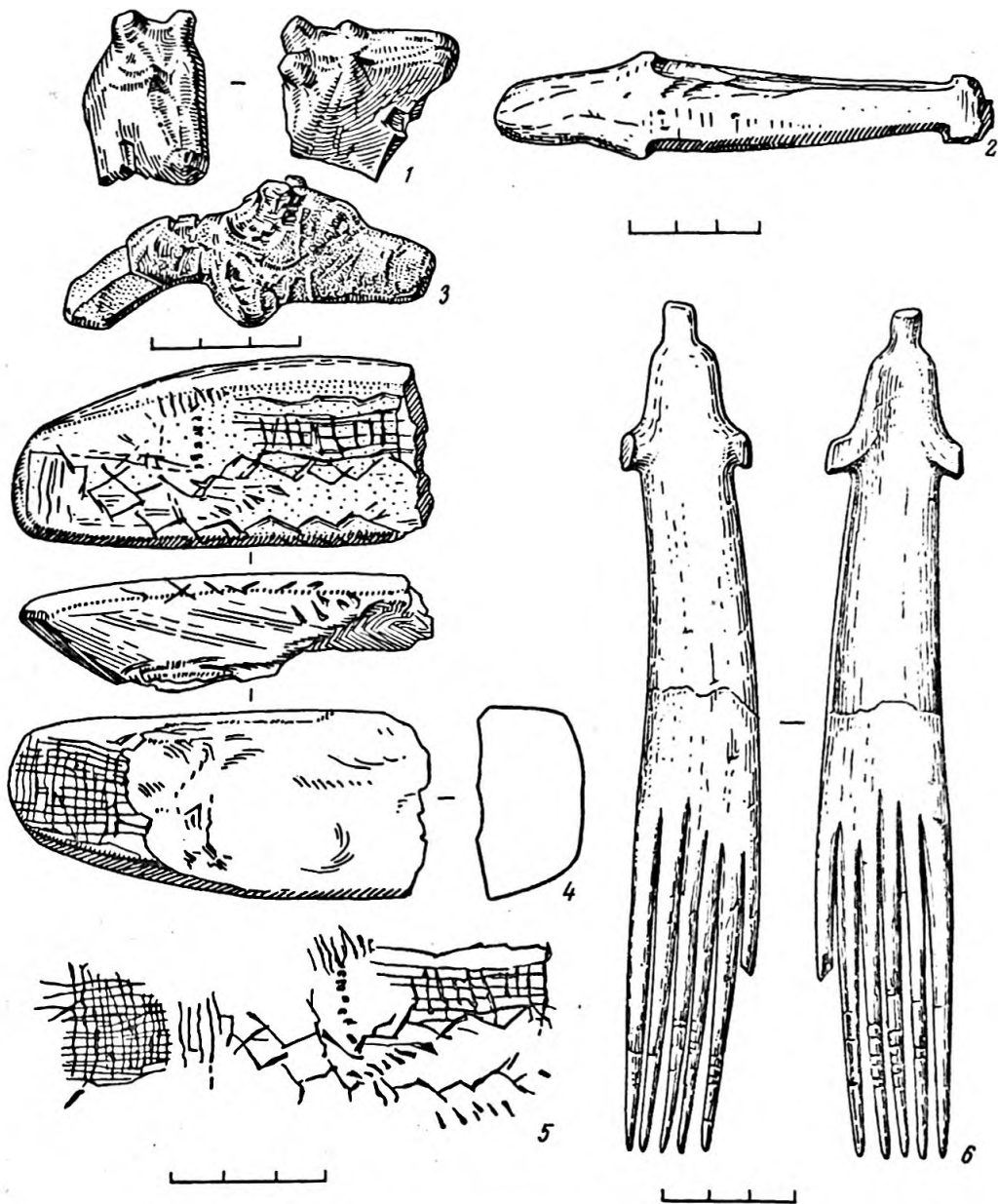

Рис. 5. Зооморфные изображения и рисунок на камне.

1 — скульптура нерны; 2, 3 — изображения головы белого медведя; 4, 5 — камень с изображением реки и сетей; 6 — роговой гребень с головой медведя. 2, 4, 5 — Дроздовка; 1, 3, 6 — Маяк II.

тением сетей связаны небольшие костяные крючки (рис. 4, 11, 13) (от 6 до 8 см), сильно залощенные, в особенности в области бородки. Эти крючки, как показывает практика, очень удобны для вязания. Подтверждением применения сетей в эпоху раннего металла на рассматриваемой территории служит керамика (12) и рисунок, выполненный на куске

мыльного камня (стеатита) (рис. 5, 4, 5). На его лицевой стороне двумя зигзагообразными параллельными линиями показана, очевидно, река с плывущей по ней стайкой рыб в виде резко удлинённых треугольников. На одном из концов перегораживают «реку» нанесённые параллельные черточки — возможно, какое-то заградительное сооружение, непосредственно за которым, но уже на другой стороне предмета, прочерчены перекрещивающиеся линии — сети. На той же лицевой стороне показаны две другие параллельные зигзагообразные линии, пространство между которыми занято «сетями». Судя по рисунку, реки перегораживались сетями. Интересно, что рисунок на камне обнаружен на поселении левого берега Дроздовской губы в 5 км от современного русла р. Дроздовки, которая и в настоящее время перегораживается сетями во время ежегодных массовых заходов сюда семги и кумжи во время нереста.

Рыбу ловили также и при помощи острог и гарпунов. Они найдены в большом количестве на поселении Маяк II, в Оленеостровском могильнике, на Екатерининской стоянке. Остроги представлены на поселении Маяк II. Применялись и костяные наконечники стрел, снабжённые зубцами, отличавшиеся от гарпунов только твёрдым (постоянным) креплением к древку. Гарпуны и остроги нельзя в полной мере отнести к категории орудий индивидуального способа рыболовства и тем более морского промысла. Очевидно, мелкие гарпуны применялись для битья рыбы и могли использоваться одним рыбаком в том случае, если он закалывал рыбу с берега или стоя в воде. Но этот способ в известной мере становился уже коллективным, если совершался с лодки, поскольку требовал участия не менее 2 человек, из которых один бил рыбу, а другой был гребцом. Тем более это было необходимо при использовании гарпунов в морском промысле. Выход в море, даже в начале тихой Дроздовской губы, должен был совершаться на лодке или нескольких лодках при участии значительной группы людей.

На поселении Маяк II обнаружены части (зубцы) от различных острог (рис. 3, Г, I—III; 6, 10, 15—18). Четыре из них (3 завершённых — 16—18 — и одна заготовка) относятся к одному типу. Это резко удлинённые, округлые в сечении, небольшого диаметра стержни длиной до 13.5—18.5 см, плавно изогнутые, заканчивающиеся одним небольшим зубцом, тыльная часть их уплощена с помощью срезов, иногда с небольшим выступом для более прочного крепления с древком. Острога состояла только из двух стержней, поскольку они однозубчатые изогнутые, наконечников прямых, которые бы крепились в середине, не найдено.

Составная часть остроги второго типа (рис. 6, 10) относительно короткая (9 см), но массивная, с овальным поперечным сечением, довольно сильно выгнутая, снабжённая двумя асимметрично расположенными зубцами. Тыльная часть срезана в поперечном направлении (более толстая, чем вся остальная часть наконечника), не уплощена. Судя по сильно изогнутой форме и одностороннему расположению зубцов, можно заключить, что составных частей (наконечников) в остроге скорее всего было две и предназначалось орудие для битья крупной рыбы, а возможно, и морского зверя.

Оригинален третий тип наконечника остроги, хотя и сильно фрагментированного, но по характерной тыльной части несомненно относящегося к этой категории орудий (рис. 6, 15). По внешнему виду сохранившаяся по-

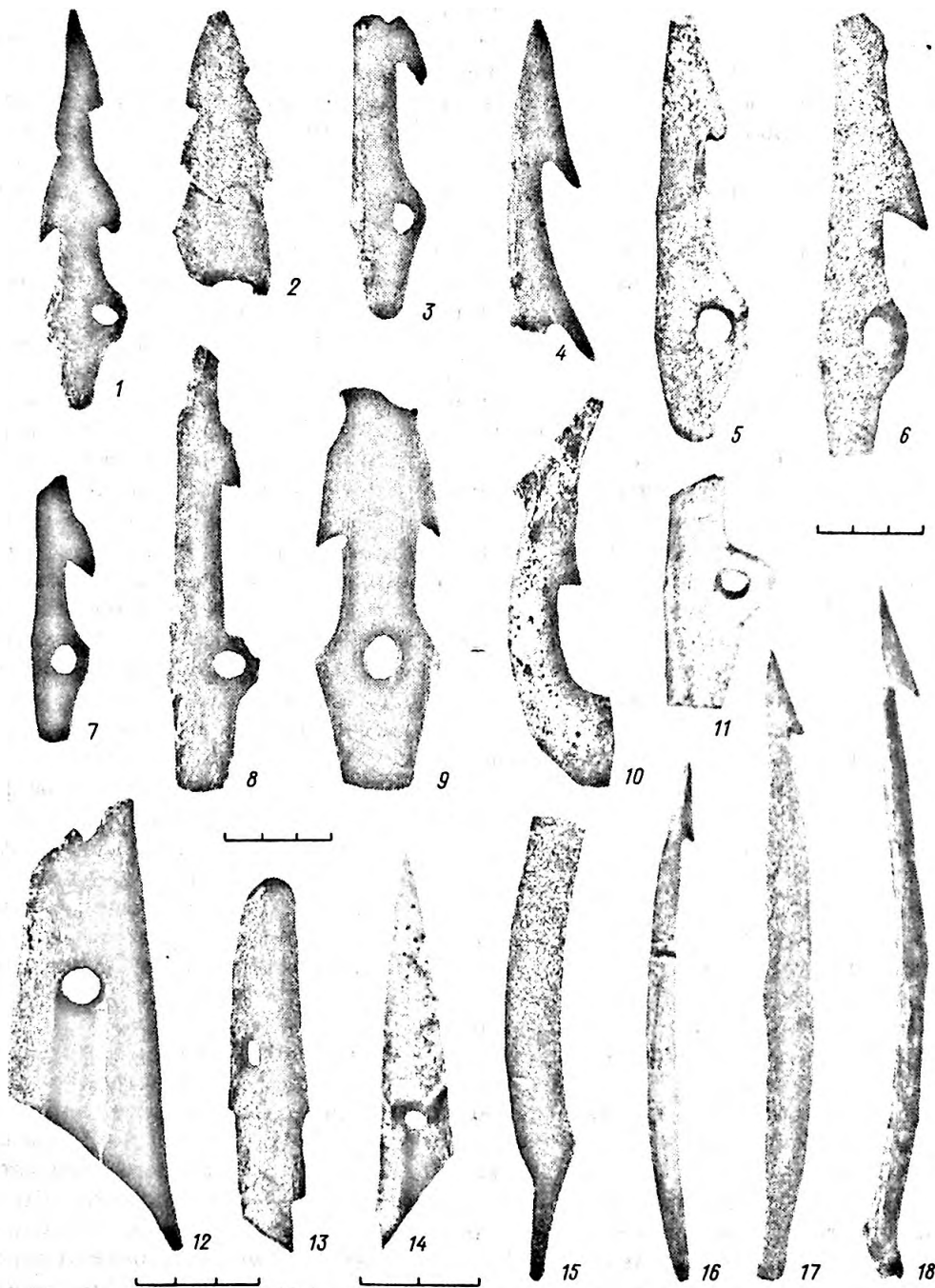

Рис. 6. Наконечники гарпунов и острог.

1—9, 11 — бородчатые гарпуны; 10, 15—18 — остроги; 12—14 — поворотные гарпуны.

ловины напоминает серп. Она сильно уплощена в поперечном сечении, верхний конец отсутствует, нижний сужен и срезан по продольной оси орудия для более удобного бокового крепления к древку. Возможно, что острога состояла из двух таких наконечников, соединенных срезами друг с другом или расположенных по бокам древка, т. е. она была двурогой. Вместе с тем не исключено и предположение о трехрогой остроге, когда в середине мог быть помещен еще и третий наконечник, имеющий с двух сторон уплощенную тыльную часть и снабженный скорее всего двумя симметричными зубцами.

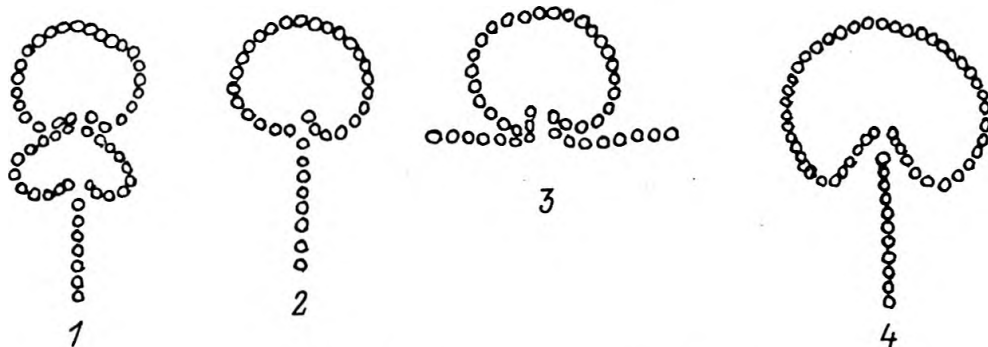

Рис. 7. Планы рыболовных сооружений.

1 — Добруджа; 2 — Северная Азия; 3 — Финляндия; 4 — Кольский п-ов.

На Кольском п-ове не известно пока остатков древних специальных рыболовных сооружений — ловушек. Однако применение их в наше время на весьма широкой территории (рис. 7) дает основание предполагать существование их в древности и на Кольском п-ове. Это тем более вероятно, что простейшие сооружения типа заколов, заборов употреблялись до последнего времени. Рыболовство на море вследствие приливо-отливного режима имело специфические черты, отличные от озерных. Рыбаки Кольского п-ова до самого последнего времени строили особые ловушки, чтобы задержать уплывавшую во время отлива вслед за водой рыбу. Простота их устройств позволяет предполагать возможность подобных сооружений в древности. Такие ловушки — «тайники» или «убеги» — строились в мелких морских бухтах. Вблизи острова или материка на кольях натягивалась сеть длиной до 24 м. Перпендикулярно ей укреплялась также на палках вторая сеть, образующая фигуру сердца (овал с загнутыми внутрь несомкнутыми концами). Нижняя часть сети придавливалась ко дну довольно крупными камнями. Во время прилива вода покрывала всю сеть до верха, а при ее спаде зашедшая рыба, стремясь уйти за водой, наткнулась на сетку, идущую от берега. В поисках выхода рыба пробиралась в узкую щель — отверстие овала — и попадала в ловушку. Такие «тайники» или «убеги», теперь уже забытые, существовали на Кольском п-ове еще в конце сороковых годов XX в. Во время прилива на поверхности воды были заметны лишь торчащие палки, во время же полного отлива по сухому дну моря ходили рыбаки, подбирая зашедшую в сети рыбу (рис. 8).

Рис. 8. Рыболовное сооружение. Пос. Убегги на Кольском п-ове.

Весьма значительную группу составляют гарпуны, варьирующие по величине и форме. Очевидно, наиболее крупные и массивные из них применялись при охоте на морского зверя, мелкие же и средние (от 4 см и более — при рыболовстве). Встречаются сложные формы — комбинированные и поворотные. Наконечники наших гарпунов можно классифицировать следующим образом (рис. 3, *B*, I—VIII).

Тип I, два варианта: 1. С отверстием, симметрично расположенным в насаде, многозубчатый, двусторонний, с симметричными зубцами, крупного размера (18 см). Особенностью этого гарпуна является наиболее крупный по сравнению с другими размер. Сохранившаяся в месте слома часть зубца указывает, что в прошлом со второй стороны гарпуна имелся еще зубец. Оригинальной чертой этого орудия является также нарезной орнамент в виде косой сетки на тыльной части — там, где оно вставлялось в древко (рис. 6, 9). Судя по тому, что сетка нанесена очень острым инструментом, можно предположить, что она выполнена металлическим орудием и предназначалась для более устойчивого положения в древке; 2. С отверстием, асимметрично расположенным в насаде, многозубчатый, двусторонний, асимметричный, крупный (12 см), поверхность сильно залощена от длительного употребления.

Тип II, два варианта (рис. 6, 5, 6): 1. С асимметрично расположенным отверстием в тыльной части, многозубчатый, односторонний, крупного размера (около 14 см), имеет сильно залощенную поверхность и короткие нарезки на одной стороне по обоим краям (по 9 на каждом), при этом с одного края они нанесены непосредственно на зубце. Острие утрачено, но оставшаяся небольшая часть указывает на наличие второго зубца (6); 2. С асимметрично расположенным отверстием в насаде, однозубчатый, крупного размера (около 11 см) (5).

Судя по характеру зубцов и величине, к I и II типам относится целый ряд фрагментированных гарпунов (рис. 6, 11), в том числе насады от 7 гарпунов с отверстиями.

Тип III, три варианта (рис. 9, 1, 8, 12, 13, 17): 1. С расширенным насадом, однозубчатый, средней величины (10 см) (17); 2. С асимметрично расширенным насадом, однозубчатый, средней величины (8.5 см) (13). Поскольку тип III является наиболее многочисленным (свыше 10 экз.), в нем прослеживаются значительные вариации в форме зубцов (длинные, короткие), в деталях оформления насада (плавно расширенный, резко расширенный). Именно среди этого типа встречаются мелкие гарпуны. Обращают на себя внимание три наконечника. Один из них (1) очень тонкий, с длинным острым зубцом, как бы с биконическим насадом (длина его 5 см). Второй наконечник (12) с очень мелким зубчиком и симметрично расширенным насадом, покрытый с обеих сторон глубокими косыми нарезками, предназначенными, по-видимому, для задержки в гнезде древка. Индивидуальная особенность третьего гарпуна — необычайно широкое округлое острие. Зубчик гарпуна фрагментирован, и не исключено, что острие получило такую форму после того, как конец его обломался и подвергся вторичной обработке. Подобные явления имели место, на что указывает подвеска, утилизированная из нижней части гарпуна; 3. Два маленьких (4 см) наконечника однозубчатые, с круговыми неглубокими выемками для крепления веревки (8).

Тип IV — с симметрично расширенным насадом, с двумя симметричными зубцами, средней величины (10 см), сильно залощенные (рис. 9, 24).

Тип V, три варианта (рис. 9, 18—20): 1. С симметрично расширенным насадом, двусторонний, двузубчатый, асимметричный, средней величины (10 см) (18); 2. С заостренным насадом, снабженным двумя небольшими симметрично расположенными выступами для крепления веревки, двусторонний, двузубчатый, асимметричный (19); 3. С уплощенным насадом, на котором нанесены нарезки, двузубчатый, асимметричный (20). Этот тип в целом является очень отчетливо выраженным, не имеет прямых аналогий, в силу чего ему можно присвоить название «наконечник гарпуна кольского типа».

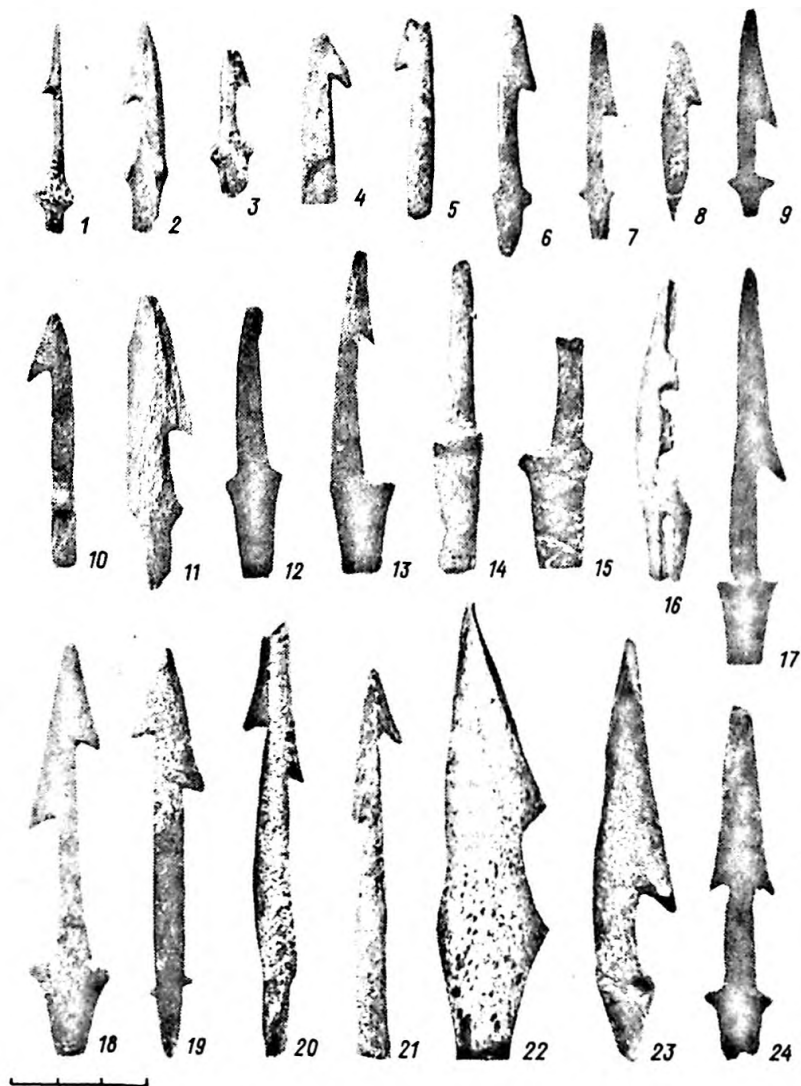

Рис. 9. Костяные наконечники гарпунов. Маяк II.

1—15, 17—24 — бородчатые; 16 — наконечники поворотных гарпунов.

Тип VI — двузубчатый, уплощенный. В особую группу (тип VIa) можно выделить частично фрагментированные гарпуны, сильно уплощенные, многозубчатые, односторонние, очевидно, с расширенным насадом (он сохранился лишь в одном случае) (рис. 9, 22).

Тип VII — наконечник из Оленеостровского могильника по всем основным параметрам сходен с типом III : 1, однако оформление острия придает ему неповторимое своеобразие. Слегка уплощенный конец гарпуна тупо срезан и с одной стороны имеет углубление, куда вставлен удлиненный, двусторонне обработанный сланцевый наконечник. Прямые аналогии данному гарпуноу нам не известны, можно указать лишь на костяные многозубчатые, резко удлиненные наконечники стрел из Оленеостровского могильника (Онежское озеро), острия которых также заканчиваются углублением, куда вставлялись кремневые наконечники.

Тип VIII — поворотные гарпуны (рис. 6, 12—14; 4 экз.: один из Оленеостровского могильника, три — из Маяка II), два варианта: 1. Подтреугольных очертаний со скошенной тыльной частью и отверстием. Гнездо расположено с одной стороны, ближе к краю, имеет прямоугольную форму, величина незначительна (5 см), возможно, выполнен специально для погребения; 2. Фрагмент (размер 11×4 см) крупного гарпуна. Тыльная часть его скошена, имеется отверстие, форма гнезда удлиненная, гнездо расположено в средней части. Если предположить, что отверстие, как и в гарпуне типа VIII : 1, помещалось примерно на расстоянии $\frac{2}{3}$ от острия, то длина наконечника этого гарпуна должна составить примерно 19.5 см, что указывает на применение его при охоте на морского зверя.

Поскольку на приморских поселениях среди остатков фауны помимо морских видов обнаружены и сухопутные, в том числе северный олень, лось, медведь, возникает затруднение выделить среди каменных наконечников именно те, которые применялись для битья морского зверя. И все же имеется некоторое основание для их дифференциации. На приморских поселениях эпохи раннего металла обращает внимание очень большое количество наконечников копий, изготовленных из сланца, крупного размера, листовидной, реже удлиненной-листовидной формы (рис. 6, 7), не характерных для неолита и поселений, расположенных в центре полуострова, но очень типичных для приморских стоянок охотников на морского зверя.

Возможно, в качестве орудий для морского промысла использовались и костяные кинжалы, найденные в большом числе в Оленеостровском могильнике и на Маяке II (рис. 4, 6, 14). Среди них весьма своеобразный, длиной около 40 см, слабо изогнутый (возможно, слегка деформированный), сильно зауженный и заостренный к концу (6). Противоположный конец орудия снабжен двумя маленькими выступами, расположенными один под другим на расстоянии 4 см, напоминающими зубцы гарпуна. Внешняя поверхность его сильно залощена. Способ использования не вполне ясен. Можно предположить, что утолщенный конец служил рукоятью, а заостренный — рабочей частью, в этом случае зубцы предназначались для задержания руки при скольжении. Второй кинжал (14) размером 31×2 см изготовлен из трубчатой кости лося, треугольный в поперечном сечении, резко срезан (на расстоянии 12 см от конца) с одной боковой стороны, благодаря чему образована зауженная рукоять, заканчивающаяся кольцом. В месте, где начинается рукоять, на одной из граней кинжала в направлении к ост-

рию прорезан глубокий и широкий желобок с очень четкими параллельными сторонами, очевидно, металлическим орудием. Вся поверхность кинжала очень тщательно зашлифована и залощена от длительного употребления. Вероятно, это орудие эффективно использовалось при морской охоте.

Целая группа кинжалов найдена в Оленеостровском могильнике из метокарпальных костей северного оленя. Очень массивные кинжалы найдены на Маяке II. По всей вероятности, при охоте на ластоногих использовались и кинжалы из кремнистого сланца, с выраженной рукоятью.

У нас нет прямых доказательств о применении особой категории предметов, как нам кажется, могущих заменить дубинки в процессе охоты на морского зверя: это крупные (до 15 см), сильно окатанные морем гальки, преимущественно овальной формы. Большое количество позволяет заключить о несомненной значимости их для жителей побережья, так как они не встречаются почти в стоянках материковых. Нередко они залегают парами или по несколько штук рядом.

Об активном способе охоты на ластоногих указывают поворотные гарпуны, которые могут использоваться только в море с лодок. Такой способ промысла свидетельствует о достаточно высокой социальной организации — слаженности коллектива, его беспрекословном подчинении команде, поскольку от этого зависел не только успех промысла, но и сама жизнь людей. Петроглифы Карелии довольно подробно отражают процесс такой охоты, дают представление о количестве лодок и занятых в промысле людей.

Наиболее частым объектом охоты, как показывает фаунистический материал, являлся гренландский тюлень — животное, совершающее регулярные миграции от района нагула к местам размножения и обратно. Летом тюлени живут небольшими группами у кромки льда, осенью собираются в более крупные стада и движутся к местам размножения, которых достигают зимой. Существенно, что современное «беломорское стадо» проходит через горло Белого моря. После рождения детенышей, во время кормления их, а затем спаривания и линьки тюлени залегают на льдах, образуя мощные «линные» залежи. Весной они начинают откочевывать к местам летнего нагула. Следовательно, образ жизни гренландского тюленя представлял возможность охоты на него в течение целых трех сезонов, исключая лето (да и тогда отдельные группы находились поблизости от берегов). Но особенно продуктивной была охота во время залежки-щенки, выкармливания детенышей и линьки, доказательством чему служит наличие костей младенческих особей в коллекции Маяк II.

Очевидно, также били и моржей, поскольку эти животные держатся стадами и обычно на побережье в конце лета в одних и тех же местах или на льдах образуют лежбища. Вероятно, круглый год, в особенности в промежутках между массовыми забоями тюленей и моржей, охотились на нерпу, которая обитает преимущественно в прибрежных водах. В коллекции имеется большое количество лопаток нерпы, пробитых, очевидно, копьем. В отдельных случаях бывает по два отверстия. На силу удара указывает одна из плечевых костей, пробитая по диагонали.

Осознание неразрывной связи с морскими животными нашло свое отражение в искусстве древних обитателей побережья Ледовитого океана. На поселении Маяк II найдена роговая скульптура нерпы (рис. 5, 1),

а также роговая (6) и каменная скульптура белого медведя (3). Головка белого медведя обнаружена и на соседнем поселении Дроздовка (2). На поселении Маяк, в углублении скальной поверхности, обнаружено захоронение позвонков нерпы, засыпанное сверху красной охрой.

О продуктивности зверобойного промысла населения Кольского п-ова в эпоху раннего металла могут свидетельствовать такие факты. Только на останце Екатерининской стоянки (4 м²) из 36 тыс. костей животных (при определении лишь $\frac{1}{6}$ их) оказалось 2270 экз. костей гренландского тюленя, из которых удалось выделить 24 особи. Чтобы реально представить себе количество добытой биомассы древними жителями этой стоянки, следует указать, что живая масса 24 особей гренландского тюленя составит 2400—3800 кг. Учитывая далее, что подвергнутый определению материал составил лишь $\frac{1}{6}$ найденных и определимых костей, количество биомассы достигнет 14—23 т.¹ Сведения о еще большем количестве забитого зверя дает поселение Маяк II.

Подводя итог, можно сказать следующее. Очевидно, в эпоху мезолита море обладало для обитателей Кольского п-ова огромной притягательной силой, являясь важнейшим источником питания. Нужда заставила людей адаптироваться в новой обстановке, многое познать. Постепенно возросшая сумма наблюдений, полученных в трудовом процессе, позволила им в последующее — неолитическое время усложнить орудия и способы охоты на сухопутного и морского зверя. Усовершенствование транспортных средств — лодок сделало возможным выезд на промысел в открытое море, на что указывают поворотные гарпуны — наиболее совершенные орудия морского промысла в то время. Морская охота особенно развилась в эпоху раннего металла. Очевидно, помимо деревянных лодок люди пользовались кожными. Морские животные доставляли людям все необходимое: шкуры для покрытия жилищ, обувь, одежду. Мясо животных использовалось в пищу, жир — для освещения и, по-видимому, для отопления жилищ (на что указывают каменные лампы и особый сажистый слой в очагах). Из костей кита изготовлялись крупные предметы — доски, из ребер моржа — струги для обработки шкур. Клыки моржа применялись для изготовления орудий (тесел, кинжалов) и произведений искусства. Обо всем этом говорят артефакты Маяка II.

Поселения этого времени имеют большие размеры и мощный культурный слой — показатель длительного обитания в них значительных человеческих коллективов. Разнообразные предметы быта (гребни, пуговицы, украшения) и изобразительного искусства говорят о прогрессивном развитии духовных потребностей людей того времени.

¹ Следует указать, что масса тюленя достигает 100—160 кг, моржа — 1000, нерпы — 70 кг. При этом И. М. Громов отмечает, что размер древних тюленей был больше современных.

РЫБОЛОВСТВО И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ В КАРЕЛИИ

На территории Карелии издревле существовали исключительно благоприятные условия для развития рыболовства и морского промысла. В первую очередь они связаны с обилием и характером водоемов, богатых разнообразными породами рыб и морских животных. По современным оценкам, из всех имеющихся в республике животных наибольшее хозяйственное значение имеют рыбы [Карельская АССР, с. 100].

Карелия — край озер, общее число их достигает 61.1 тыс. Среди них крупнейшие в Европе великие озера Ладожское и Онежское, значительная площадь которых (6 и 8 тыс. км² соответственно) находится в пределах КАССР. Древний остеологический материал свидетельствует, что первобытный человек имел дело в основном с теми же самыми видами промысловых рыб и морских зверей, что и мы. Но промысловые угодья выглядели иначе. На протяжении мезолита, неолита и бронзового века низовья рек, впадающих в крупные водоемы — Белое море, Онежское и Ладожское озера, были полноводнее, чем теперь, представляли собою удобные для промысла заливы; таковы устья рек Кеми, Выга, Суны, Шуи и др. В связи с чередующимися трансгрессивно-регрессивными циклами Белого моря, Ладожского и Онежского озер уровень их то понижался, то повышался вновь при доминирующем процессе общего последовательного его снижения. Со временем сильно изменялась и конфигурация побережья, его береговые линии. Об этом можно судить по топографии древних поселений в северной части Онежского озера, расположенных сейчас на высоте до 41 м и на расстоянии до 6—7 км от современного уреза воды. Смещение берегов заставляло перемещаться и людей, всегда селившихся у воды. Сдвигались кормовые угодья и места нерестилища рыб, особенно в периоды повышенной влажности климата или, наоборот, его засушливости. В самом конце III тыс. до н. э. происходит почти полное иссушение русла полноводной р. Выг вследствие регрессии Белого моря и наступления засухи [Девятова, 1976, с.105—109]. Резкое снижение уровней водоемов в такие периоды, а затем их быстрое наполнение, естественно, заставляли также менять и традиционные места лова на новые, приспосабливаться к менявшимся условиям.

Один из основных источников по древнему рыболовству и морскому промыслу — остеологический материал раскопок, к сожалению, крайне плохой сохранности. Кости рыб и морских зверей дошли до нас в виде мел-

ких невыразительных кальцинированных фрагментов, у рыб — чаще всего позвонков. Обычно они сосредоточены в кострищах и вокруг них либо в хозяйственных ямах. Долгое время сбору и определению их состава не уделялось должного внимания.

Недавно, попутно с остатками животных, Н. К. Верещагин определил и кости рыб (718 фрагментов) с 13 стоянок Карелии эпохи мезолита, неолита и раннего металла — Илекса III—IV, Нижняя Колонжа II, Пиндуши III, Бесов Нос VI, Кладовец II—III, Шелтозеро XI, Чудозеро IV, Лахта II, Сулгу III, Малая Суна I и др. На стоянке Путкинская VII конца III тыс. до н. э. оказалось 22 косточки лососевых и частичковых рыб, на четырех других — 204 кости окуня и на прочих — остатки неопределяемых костистых рыб. Судя по размерам позвонков, человек добывал и крупную рыбу — лососевых, щук, крупного окуня (до 1.5 кг), и мелких костистых рыб (окунь, плотва) [Савватеев, Верещагин, 1979, с. 182—200]. На стоянках неолита—раннего металла, расположенных на побережье Белого моря, представлены кости морских животных: нерпы (852 фрагмента с 15 стоянок), тюленей (26 фр. с 6), морского зайца (30 фр. с 21), белух (16 фр. с 1 стоянки). Больше всего их оказалось на стоянках в низовье р. Выг, рядом с беломорскими петроглифами: стоянки о-в Шойрукшин, Ерпин Пудас, Золотец I, Золотец VI, Золотец VII — нерпа, Порог Шойрукша — нерпа, морской заяц; Залавруга IV — нерпа, гренландский тюлень, белуха, и в южной части Кольского п-ова: стоянки Колвица III, IV, Нива XII, XXI — нерпа; Нива X — нерпа, гренландский тюлень.

Палеонтологической новостью стали обнаруженные Н. К. Верещагиным остатки нерпы (25 фр.) на стоянке Кладовец II (III—II тыс. до н. э.), расположенной на восточном берегу Онежского озера, рядом с петроглифами мыса Кладовец. Значит, в древности нерпа обитала и в Онежском озере, куда она скорее всего проникала из Ладожского по р. Свири [Верещагин, Николаев, 1979, с. 28—29]. И. С. Поляков [1882] при впадении р. Тихманги в Лачозеро обнаружил плечевую кость тюленя, по размерам значительно превосходившего нынешних, вместе с костями бобра, лося, северного оленя, рыб и птиц.

Другим источником для изучения древнего рыболовства служат орудия, встречающиеся на многих стоянках. Но лишь изредка они представлены большими сериями: грузила на стоянках Соломенное III — 26 экз., Залавруга IV — 28, Шелтозеро XII — 44, Вигаинаволок II — 23, Илекса IV — 9 экз.; стержни от грузиков и рыболовных крючков со стоянок Сулгу III — 24 экз., Малая Суна I — 9, Бесовы Следки III — 6, Залавруга IV — 3, Лахта II и Илекса III — по 3 экз. Таким образом, известный набор орудий невелик: якоря для лодок, грузила от рыболовных сетей, грузики для лесок, стержни от составных рыболовных крючков, крючки и гарпуны. Они бытуют на всем протяжении первобытнообщинного строя. К сожалению, распространение их по эпохам, связь с определенными хозяйственно-культурными комплексами выявить как следует пока не удалось, прежде всего потому, что большинство орудий — из многослойных стоянок с перемешанными разновременными комплексами.

Всего по подсчетам Г. А. Панкрушева к эпохе мезолита относятся 45, а неолита — 163 орудия рыболовства. С учетом материалов из раскопок последних 10 лет и экземпляров, относящихся к эпохе раннего металла,

число их составит более 350. О действительном числе таких орудий ни для конкретных стоянок, ни для эпох истинное представление получить трудно, поскольку в основном они использовались и терялись за пределами поселений, на которых оставались лишь не бывшие в употреблении или сломанные экземпляры.

К ранненеолитической культуре сперрингс¹ относятся 18 орудий, в их числе 11 грузил (9 с отверстиями, 2 — с боковыми выемами), 1 якорь, 3 грузила, 1 гарпун (кость), 2 костяных рыболовных крючка. Комплекс ямочно-гребенчатой керамики содержит 13 орудий: 10 грузил (7 с отверстием и 3 с боковыми выемами), 1 составной рыболовный крючок и 2 грузика. Из стоянок энеолита и бронзы известно около 90 грузил. Большая часть их (71 экз.) найдена на поселениях с асбестовой керамикой (Шелтозеро XII, Вигаинаволок II и др.). В основном это грузила для сетей из уплощенных, чаще всего округлых, окатанных водой плиток камня с боковыми выемами, реже с биконическим отверстием у края или в центре. Три грузила шаровидной или продолговатой формы с отверстием в центре изготовлены из глины. В качестве грузиков изредка использовались, возможно, и обломки стенок сосудов с просверленным отверстием (например, черепок со стоянки Войнаволок XXIV). Продолжают бытовать рыболовные грузики — каменные стерженьки с боковыми выемами или боковой канавкой на одном, реже на обоих концах, а также стержни от составных рыболовных крючков. Эпоха раннего железа представлена в основном комплексами с многослойных поселений, в которых грузила от сетей и грузиков от лесок единичны. В энеолите (конец III—первая половина II тыс. до н. э.) появляются и металлические рыболовные крючки, изготовленные из самородной меди способом холоднойковки. Очевидно, однако, что набор орудий рыбной ловли был шире и разнообразнее, поскольку изделия из кости и дерева сохраняются плохо. К тому же часть орудий, связанных с добычей и обработкой рыбы, еще не выделена (какая-то часть скребков, ножевидных пластин, отщепов). Вычленив их из общей массы без специального (в частности, трасологического) изучения невозможно.

Якоря — крупные плиты массой в 6 кг и более, появляются уже в мезолите на поселениях с кварцево-сланцевым инвентарем, но встречаются не часто. Один из наиболее выразительных экземпляров найден в устье р. Суны на стоянке VI тыс. до н. э. Суна XII. Якорь изготовлен из удлиненного сланцевого валуна размером 30×18 см и весит 7.8 кг. Вдоль продольной оси его почти посредине с обеих сторон проделаны глубокие канавки конического профиля, а в одной, по самому дну, отчетливо виден еще и след пиления — попытка заглазить дно. Концы канавок соединены желобком, а по бокам имеются еще поперечные выемки-желобки, что позволяло привязать якорь особенно прочно — крест-накрест. Якоря (5 экз.) обнаружены и на позднемезолитической стоянке Оровнаволок IX.

С ранненеолитической культурой сперрингс связан тип якоря, предусматривающий другой способ привязывания — через отверстие. Такой якорь в виде плоской плиты длиной 50 см, слегка сужающийся в одной части, с отверстием у края диаметром 7 см найден на стоянке Пушсовхоз II [Гурина, 1951, с. 82, 85].

На стоянке Соломенное VII (неолит, бронза) обнаружен незаконченный якорь — большая сланцевая плита массой около 6 кг, в которой начали

¹ По Г. А. Панкрушеву.

пробивать отверстие. Скорее всего он связан с комплексом ямочно-гребенчатой керамики.

Грузила для рыболовных сетей и ловушек (рис. 1) обычно изготовлены из естественных плиток сланца, песчаника или кварцита, реже крупных уплощенных галек. Масса грузил от нескольких десятков граммов до 3—4 кг, что наводит на мысль о разном их назначении. Крупные экземпляры

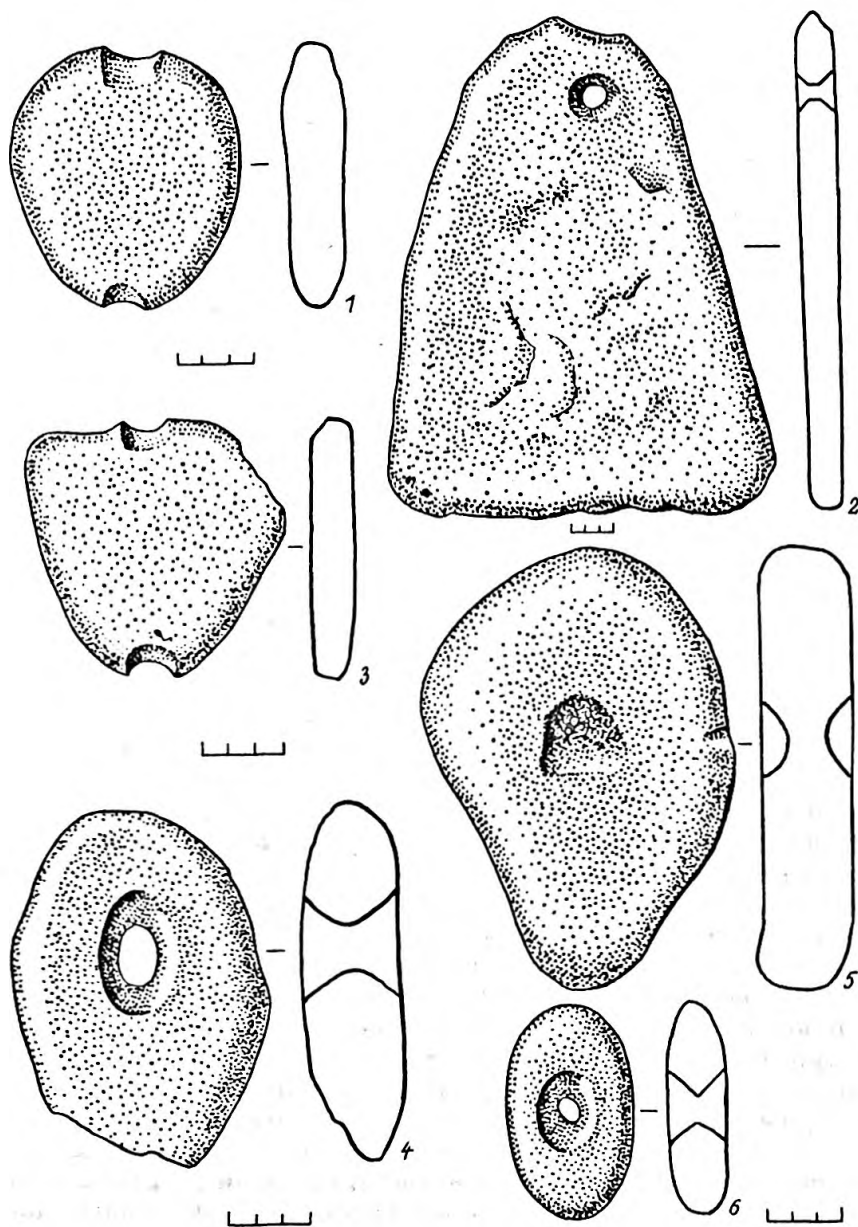

Рис. 1. Грузила для рыболовных сетей.

1, 3 — Шелтозеро XII; 2, 4, 5 — Пичево I; 6 — Кладовец IV.

(от 1 кг и более) скорее всего использовались для установки разного рода рыболовных ловушек. Всего их известно уже около 250. По способу крепления со снастью они четко делятся на два основных типа — грузила с двусторонне пробитыми биконическими отверстиями (у края или в центре) и грузила с выемками по бокам. Форма грузил весьма разнообразна, чаще всего приближается к округло-овальной, поскольку predeterminedена формой естественных камней-заготовок, вся обработка которых сводилась к проделыванию отверстия или неглубоких канавок по бокам. Довольно условно их можно подразделить на плитчатые (обычно с отверстием) и валуно-галечные (с желобками-канавками). Нередко в грузила превращались вышедшие из употребления шлифовальные плиты.

Грузила появились довольно рано. На мезолитической стоянке VII тыс. до н. э. Суна XIII (со сланцево-кварцевым инвентарем) найдено грузило с отверстием, изготовленное из плитки кварцита. Другой тип грузила (с боковыми выемами) — подтреугольный в сечении кусок сланца массой 0.6 кг со слабыми выемами по всем трем сторонам — обнаружен на упоминавшейся уже Суне XII, вместе с половиной грузила из уплощенной вытянутой гальки, сломавшейся почти пополам при пробивании двустороннего отверстия.

В небольшой серии грузил со стоянки Оровनावолок IX выделяется экземпляр из уплощенной песчаниковой гальки диаметром 11 и толщиной 2 см. Над отверстием по краю камня намечен желобок. Здесь представлены и очень маленькие грузила, одно из подтреугольной гальки размером 6×1.5 см и массой около 70 г имеет диаметр отверстия, проделанного способом двустороннего пробивания, всего 0.4 см. Не обошлось и без брака, «проб и ошибок». Грузило из яйцевидной гальки диаметром 5.3 см и толщиной 2.5 см разломилось при пробивании двустороннего отверстия; уплощенная галечка размером $4.6 \times 3 \times 1$ см раскололась на две части при попытке соединить две пробитые с обеих сторон лунки и проделать само отверстие; уплощенная галька песчаника овальной формы размером $5.6 \times 4 \times 1$ см с углублениями на обеих сторонах сломалась надвое, потому что начальный размер отверстия оказался слишком велик по отношению к общей площади поверхности.

Привлекает внимание округло-уплощенная яйцевидная галька кварцита массой 2.1 кг, размером 16.5×9.6 см со следами только-только начатого двустороннего пробивания в центре. Но при ее толщине (6.1 см) отверстие вряд ли вообще можно было проделать. Видимо, камень привлек внимание своей формой, но превратить его в грузило не удалось. И наконец, имеется очень небольшой, непропорционально толстый кусок плиты, на котором тоже пытались сделать отверстие, но приостановили работу.

На полуразрушенной стоянке Соломенное III (неолит, бронза) в раскопе площадью 48 м² Г. А. Панкрушевым найдено 26 грузил, включая склад из 19 экз., видимо, связанный с комплексом ямочно-гребенчатой керамики. Все грузила были уложены в небольшой, вероятно, специально приготовленной яме размером 30×40 см, прикрытой сверху камнями. Сделаны они из плоских сланцевых плит различного размера и массы — от 0.2 до 3.4 кг. Каждое имеет отверстие, проделанное двусторонним пробиванием с последующим сверлением, расширяющим и заглаживающим его стенки, а иногда еще и довольно глубокий желобок по краю над отверстием для более прочного привязывания. Часть грузил ранее использовалась в

качестве абразивов. Кроме готовых изделий в складе найдено несколько заготовок — сланцевых плит без отверстия.

Выделяется размерами — $23 \times 18 \times 3$ см и массой 3.4 кг грузило из сланцевой шлифовальной плиты. Отверстие диаметром 1.3 см проделано всего в 2.5 см от края, а над ним по краю глубокая канавка; у другого грузила массой 2.9 кг и размером плиты $30 \times 21 \times 2.5$ см тоже сравнительно крупное (1.2 см) отверстие, расположенное у края, и подобная глубокая канавка над ним. Упомянем грузило подпрямоугольной формы размером $26 \times 9 \times 6.2$ см и массой 1 кг с маленьким отверстием (0.5 см) у края. Такое же отверстие, но пробитое почти в центре, у грузила из шлифовальной плиты подтреугольной формы размером $15 \times 15 \times 1.5$ см. Отметим и легкие грузила массой 0.2 кг, одно из песчаниковой шлифовальной плиты размером $16 \times 10 \times 1$ см.

Благодаря обилию брака удастся в деталях проследить сам процесс изготовления грузил с отверстиями. Первоначально, где-нибудь на валунно-галечном пляже, требовалось найти заготовку. Форма и материал ее не играли особой роли; прежде всего требовалась нужная масса и определенная толщина, позволяющая проделать отверстие. Обычно использовался плитчатый камень толщиной 1—3 см. Отверстие проделывалось путем двустороннего пробивания с последующим сверлением, расширяющим и сглаживающим его края. На обеих сторонах плиты получались два конусовидных углубления, сильно суживающихся к отверстию, диаметр которого обычно колебался от 0.5 до 2 см. Иногда по ближайшему к отверстию краю пробивали еще желобок для более надежного привязывания снасти.

При пробивании отверстия заготовка нередко ломалась. Так, на стоянке Соломенное IV (середина III тыс. до н. э.) пытались изготовить грузило из шлифовальной плиты. Но когда отверстие было пробито почти насквозь, плита раскололась на 4 части. Четверть ее размером $13 \times 10 \times 3.5$ см, как ни странно, попытались использовать вновь: с одной стороны ее уже пробита довольно глубокая лунка, внешний диаметр которой 3.5 см. Но работа, выполненная почти наполовину, осталась незавершенной: видимо, мастер понял, что и эта часть плиты неизбежно расколется.

На позднемезолитической стоянке Оровнаволок XII найден массивный яйцевидный булыжник размером $18 \times 12 \times 4.5$ см. Проделать отверстие в нем было навряд ли посильной задачей. Но все же мастер начал работу. На одной плоскости почти в центре он пробил уже довольно глубокую лунку, а на другой углубление только наметил грубыми ударами. Любопытно, что по краю уже проделана канавка. На этой стадии, когда замысел вполне обозначен, но конечный результат вызвал сомнения, работа была приостановлена.

Во II тыс. до н. э. в эпоху энеолита и бронзы на территории Карелии, быть может под влиянием населения из Прикамья, распространяются грузила с боковыми выемами. Существовала и местная традиция, но основанная на использовании случайных камней с боковыми выемами, оформленными не очень четко (стоянки Оленеостровская, Пески III и др.). На энеолитической стоянке Вигайнаволок (с ромбо-ямочной керамикой) встретилось грузило из булыжника удлиненной формы размером $28 \times 12 \times 8$ см и массой 4.3 кг с широкой четкой канавкой у суживающегося конца; на противоположном конце — следы обитости. Другая разновидность — плос-

кий скол с плиты песчаника округло-вытянутой формы размером $19.5 \times 13 \times 1.5$ см и массой 0.8 кг с четырьмя выемками на противоположных сторонах. Эталонная серия грузил с глубокими тщательно проделанными выемками-канавками (44 экз.) из плоских плиток песчаника и кварцита обнаружена на юго-западном берегу Онежского озера на стоянке поздней бронзы Шелтозеро XII. Грузила с боковыми выемами преобладали и на поселении Залавруга IV (энеолит, бронза), в низовье р. Выг. Из всех 28 экз. упомянем для примера один: из уплощенной кварцевой гальки размером $21 \times 13 \times 4$ см и массой 2.1 кг с четырьмя довольно слабыми желобками на противоположных сторонах, позволяющими привязать его крест-накрест.

Впечатляет само по себе обилие грузил для сетей. «Нам лично кажется, что первобытные промышленники едва ли уделяли столько труда и времени на сверловку и обтачивание грузил, которых в рыбном деле требуются многие десятки. До наших дней грузила делаются из обкатанной водой гальки, завернутой в распаренную кипятком бересту», — писал А. М. Линевский [1930, с. 29]. Действительно, первобытный человек знал и этот рациональный прием, о чем свидетельствуют материалы Урала, Прибалтики и других территорий. И тем не менее в Карелии на протяжении многих тысячелетий существовала традиция изготовления сверленых грузил и грузил с боковыми выемами. Конечно, этот процесс более трудоемок, не всегда даже гарантировал успешный результат, но древние жители края в силу традиции и других причин долгое время не расставались с ним.

О ловле рыбы с помощью удочки свидетельствуют грузики, которые привязывались к леске, и стержни от составных рыболовных крючков (рис. 2). Их известно уже около 70 разной формы и размеров, но в целом довольно однотипных. Основное различие, пожалуй, состоит в характере и числе канавок для привязывания — боковые выемки-насечки и круговые канавки только на одном конце или же на обоих. К сожалению, зачастую конец стержня обломан и не всегда ясно, произошло ли это до использования его в качестве грузика или после. Но, бесспорно, имеются экземпляры и с канавкой только на одном конце. Такие грузики могли использоваться также и для разного рода донок и закидушек.

Особенно много грузиков оказалось на многослойной стоянке Сулгу III (неолит — раннее железо). Чаще всего это удлиненные необработанные брусочки сланца или их обломки. Один из них прямоугольный в плане, размером $6.3 \times 0.8 \times 0.5$ см, с канавкой, намеченной на сужающемся конце, другой расширяющийся конец обломан. Отметим грубый ребристый брусочек длиной 6.2, шириной 1.6 см с глубокой канавкой на одном конце и обломок длиной 3.6 см тоже с одной канавкой на узком конце. На четырех грубых брусочках длиной 1.2—4.5 см (каждый с обломанным концом) вместо канавок по всей окружности сделаны выемки на выступающих гранях. Из явно целых и необработанных экземпляров назовем ребристый грузик 5.1×1.4 см с грубой канавкой на одном конце; уплощенный с подпрямоугольным сечением 5.1×1 см и очень грубой канавкой на узком конце.

На Малой Суне I имеется подтреугольный в сечении уплощенный брусочек ($8 \times 1.2 \times 0.8$ см) без обработки, с боковыми нарезками на месте обычной канавки, а на стоянках Лахта I, II, III — неопределенные обломки

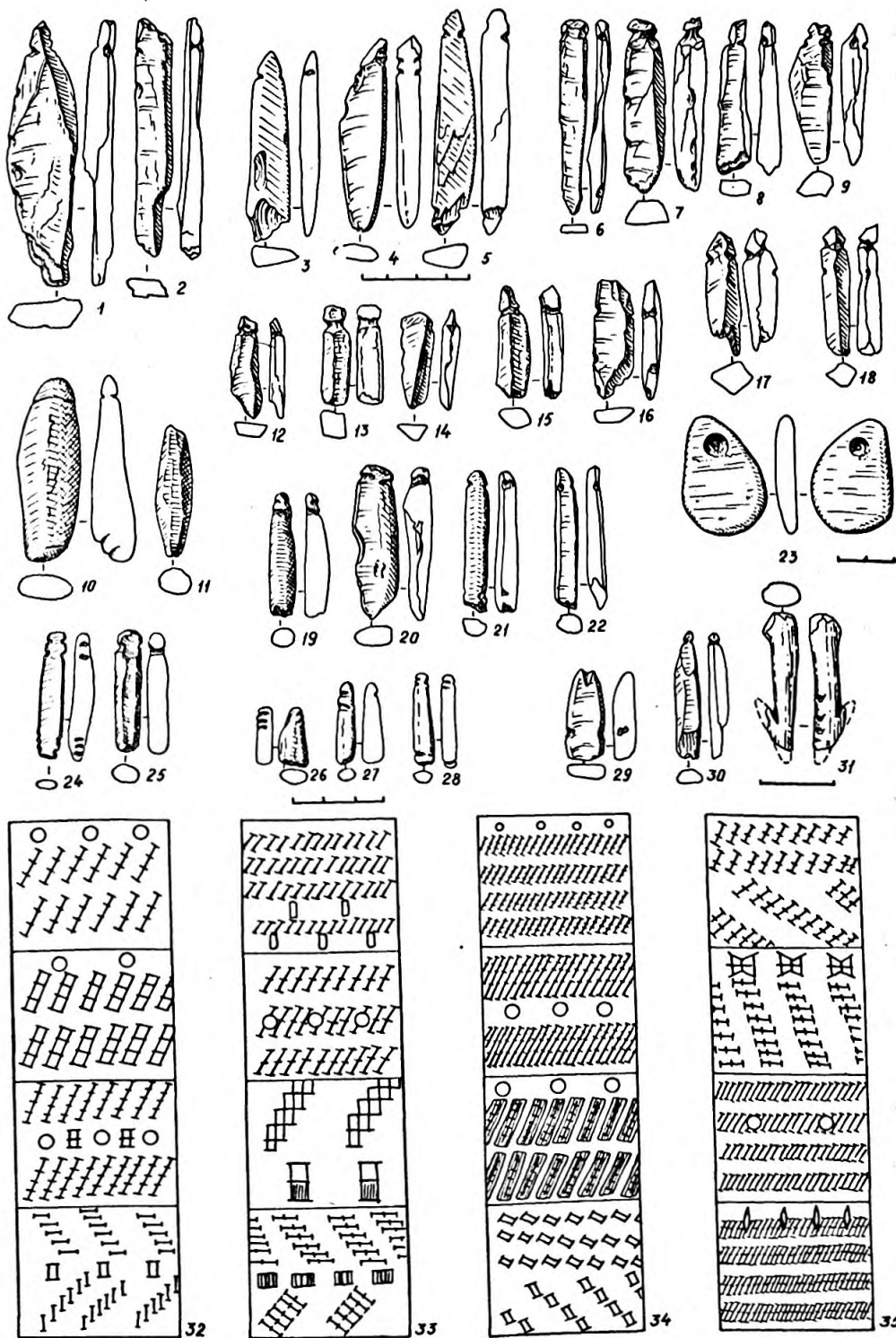

Рис. 2. Рыболовные орудия (1—31) и отпечатки рыбьих позвонков на керамике (32—35).

1—22 — грузики; 24—30 — составные части крючков; 23 — грузик-подвеска; 31 — костяной рыболовный крючок. 1—4, 6—9, 12, 14—18, 21, 24 — Сулгу III; 5 — Малая Суна I; 10 — Лахта II; 11, 19, 26, 29, 30 — Бесовы Следки III; 13 — Орноволок VI; 20 — Илекса III; 22 — Бесовы Следки II; 23 — Шелтозеро XI; 25, 27, 28, 31—35 — различные стоянки Карелии.

шиферных цилиндриков диаметром 0.9—1 см, овальных в сечении, длиной 5.5—7.1 см. В инвентаре ранненеолитической стоянки Оровнаволок VI представлен подчетыреугольный в сечении брусок необработанного песчаника длиной 3.5 и диаметром 0.8 см с глубокой канавкой на одном конце.

Более выразительны грузики со стоянки Бесовы Следки III, один зашлифованный шиферный длиной 4.5 см, овальный в сечении, диаметром 0.9 см, бочкообразно расширенный к центру; на одном конце два незамкнутых пояска нарезок, другой обломан. Следующий экземпляр размером $4.5 \times 0.9 \times 0.4$ см уплощенный, тоже пришлифованный, с одной стороны заостренный, с мелкой канавкой. Выделяется обломок грузика $3.2 \times 1.2 \times 0.6$ см с расширением к середине, тщательным углублением на конце и канавкой посередине. На соседней стоянке Бесовы Следки II (неолит) имеется целый грузик размером $4.5 \times 0.8 \times 0.5$ см с двумя рядами нарезок на нижнем и верхнем концах.

Кость на стоянках Карелии сохраняется крайне плохо, в очень мелких (0.5—3 см) обломках. И все же в этом невыразительном и аморфном материале удалось отыскать обломки или целые изделия, в их числе несколько костяных крючков или их обломков. Тот, что обнаружен на стоянке Оровнаволок IX — небольшой, с обломанным жалом и едва заметной канавкой для привязывания, предусматривающей очень тонкую нить. На стоянке Соломенное VII найдена верхняя часть стержня с отверстием для привязывания к леске, а на ранненеолитической стоянке Пески III с керамикой сперрингс — обломок костяного крючка. Еще один обломок встретился на стоянке Пески II (вторая половина III тыс. до н. э.). В Оленеостровском могильнике они тоже в таком фрагментарном состоянии, что тип их определить трудно.

Но рыболовные крючки были и составными: к каменному стержню с одного конца привязывалась леска, а с другого — костяное жало. Такие стержни с круговой канавкой на обоих концах и продольным углублением (выемкой) или уплощением для более надежного соединения с жалом изредка встречались при раскопках стоянок Порог Шойрукша, Вигайнаволок I, Соломенное VI и VII, Пески II, Войнаволок IX, Лахта II и III, Ялгуба I, Кудомгуба II, Чудозеро IV и т. д. Всего их около 20. Примером может служить стерженок из кварцита длиной 3.3 см со стоянки Бесовы Следки III. Ширина его 0.7, толщина 0.4 см. В середине наблюдается расширение. На одном конце, слегка пришлифованном, очень неглубокая канавка для прикрепления самого жала. Такие стерженьки с утраченными костяными или роговиковыми жалами легко принять за грузики, особенно если имеешь дело с обломками. Но чаще они целые. Их отличительными признаками служат: обработка (зашлифовка) по всей поверхности, круговые канавки на верхнем и нижнем концах и продольное уплощение или углубление (выемка) для вставки жала.

Гарпуны (дву- и трехзубые) известны по материалам Оленеостровского могильника (6 экз.), датируемого V, возможно, VI тыс. до н. э. На стоянках они встречаются очень редко. Обломок костяного гарпуна обнаружен на ранненеолитической стоянке Сулгу II с керамикой сперрингс, а сланцевого, тоже с боковыми зубцами, на Залавруге IV (энеолит, бронза).

Понятно, что добывание рыбы требовало не только разнообразных снастей, но и транспортных средств, прежде всего плотов и лодок. На террито-

рии Карелии при раскопках они не найдены; в песчаных слоях дерево не сохраняется, а торфяниковые стоянки здесь еще не известны. О первобытных лодках можно судить по остаткам дубового челна из раскопок А. А. Иностранцева в южном Приладожье; по челну, найденному на Дону в Воронежской обл., и на скальных изображениях Карелии, в которых лодки — один из самых распространенных сюжетов (рис. 3). Особенно много их в Беломорье — около 500, почти четвертая часть всех фигур, а на Новой Залавруге даже более трети; в онежских петроглифах лодок значительно меньше (около 40) [Савватеев, 1966, с. 61—63]. Такое внимание к лодке обусловлено ее незаменимой ролью и в повседневной, и в воображаемой (мифологической) жизни. Без лодки не могли обойтись ни рядовые люди, ни герои, ни божества. Высокое качество лодки, быстрота и легкость хода, устойчивость, общий ее вид к тому же, видимо, служили предметом общественного внимания и престижа.

При трактовке изображений лодок, их реконструкциях возникли серьезные разногласия. Одни исследователи принимали их за реально существующие лодки, использовавшиеся для охоты и промысла, а также в транспортных целях. Другие воспринимали их как фантастические образы — символические изображения солнечных ладей, которые вслед за уходящим солнцем перевозили в загробный мир души умерших [Равдоникас, 1936, с. 17; Линевский, 1939, с. 30—34; Брюсов, 1940, с. 63]. Создание средствами неолитической техники таких больших лодок, какие выбиты в Беломорье (до 24 вертикальных столбиков-гребцов), К. Д. Лаушкину представляется невероятным. На скалах Онежского озера кроме господствующего образа солнечной ладьи, по его мнению, изображались и другие лодки, не связанные непосредственно с культом мертвых, — «те, в которых совершали плавание мифические герои, по всей видимости предки, принимавшие участие в древнекарельской гигантомахии — борьбе светлых космических божеств со сверхъестественными злыми чудовищами» [Лаушкин, 1962, с. 295]. «Лодка и ее первый двигатель — весло, — продолжает исследователь, — были важнейшими средствами первобытного производства и, надо думать, предметами особого почитания. Анимистическое сознание первобытного человека одухотворяло, конечно, и лодку, и весло; в стройной системе богатой мифологии такие жизненно важные предметы не могли не занимать видное место» (Там же). В отдельных случаях, считает он, древний мастер создавал образ обычных лодок (может быть, даже преувеличенных размеров) для того, чтобы подчеркнуть сверхъестественную силу тех, кто их нес или проводил по воде [Там же, с. 291]. Однако доводы в пользу фантастической, по преимуществу мифологической природы лодок петроглифов Карелии недостаточно убедительны, а часть из них можно отнести на основании самого петроглифического материала. Не усиливают аргументацию и ссылки на руны «Калевалы».

Соотношение реальности и вымысла — вечная тема искусства. Вполне отчетливо проявляется она и в петроглифах Карелии. Фантастическое в них переплетается с жизненно правдивым началом, опираясь на которое и выбрав определенные события, явления и образы, сознание укрупняет и обобщает их, наделяет сверхъестественными свойствами. Чаще всего это происходит с образами людей, точнее, антропоморфных существ. В меньшей мере фантастическому осмыслению подвергаются орудия труда,

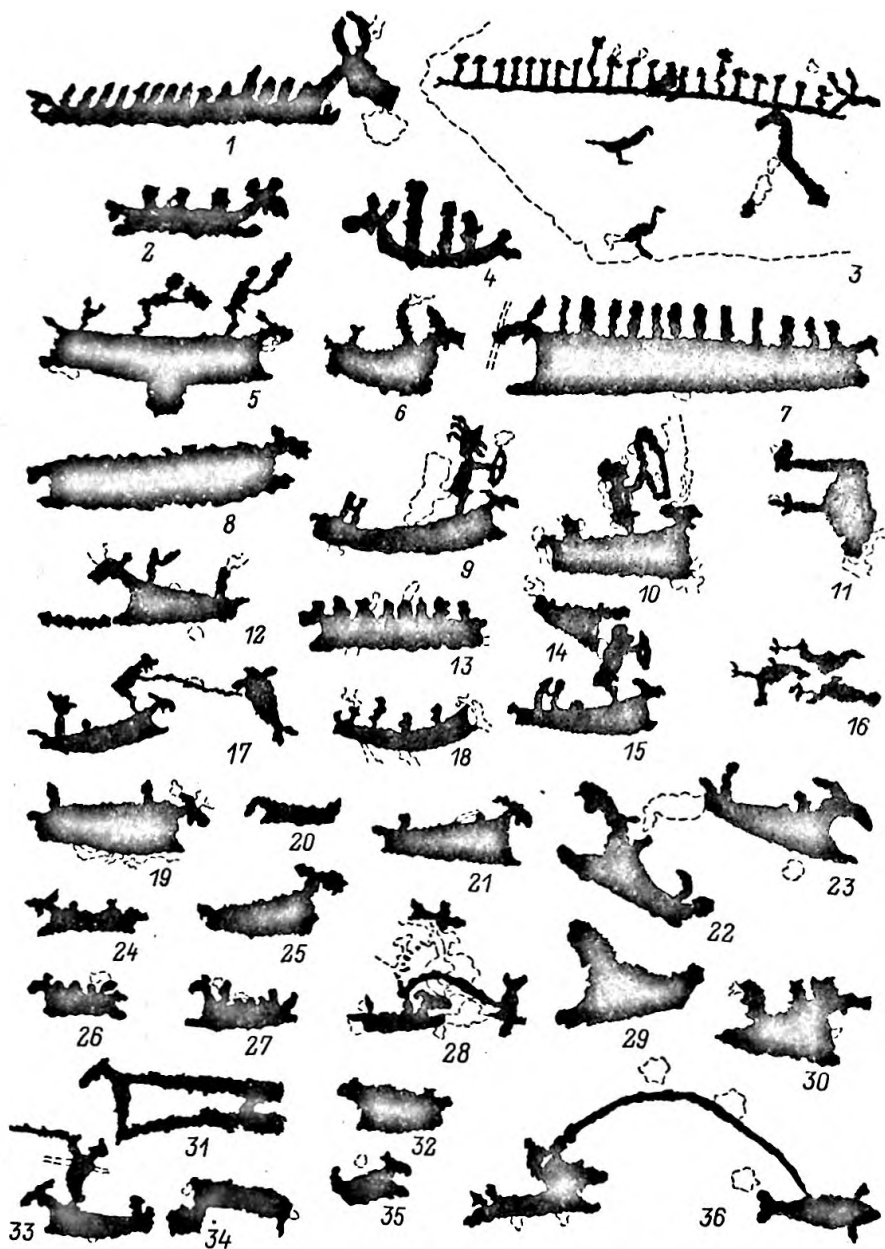

Рис. 3. Петроглифы Онежского озера (1—3) и Белого моря (4—36).

и в частности лодки. Наличие так называемых реалистических образов и сцен делает петроглифы Карелии, в первую очередь беломорские, своеобразным палеоэтнографическим источником, позволяющим глубже, чем по материалам раскопок стоянок, а главное — нагляднее представить хозяйство, орудия труда, быт того времени. Они, в частности, свидетельствуют об исключительно большой роли лодки, ее почитании. Изображения лодок сильно различаются по величине и очертаниям, группировке (поодиночке,

скоплениями, в композициях), отсутствию или наличию гребцов, их числу. При всем многообразии их роднит устойчивая традиция украшать форштевень изображением головы лося, экипажи обозначать невысокими, перпендикулярными корме либо слегка наклоненными столбиками. Зачастую выделена нависающая над водой корма, а также выступающая спереди и сзади килевая линия (баланси́р?). Особенно разнообразны лодки Залавруги, где встречаются изображения со слегка изогнутым корпусом, выступом под днищем, со скошенной кормой, миниатюрные и огромных размеров и т. д. Здесь представлены и каркасные лодки типа эскимосских каяков, обтянутых шкурой. Это контурные изображения, у которых вдоль корпуса от края кормы к днищу тянутся до 7 поперечных линий, вероятно, изображающих остов каркаса. Большинство лодок небольшие, в них от 1 до 6 человек. Но изредка встречаются более вместительные — от 12 до 24 человек. Их всего около десятка. По предположению А. М. Линевского, каждый столбик в них означает пару гребцов, поскольку при большой ширине и высоких бортах одному человеку грести невозможно [Линевский, 1939, с. 172]. От принципа удвоения, видимо, лучше отказаться, но и при экипажах 12—24 человека это уже почти маломерные суда. Этнографические примеры показывают, что даже долбленки могли достигать очень больших размеров и вмещать десятки гребцов, как например у тлинкитов Северной Америки.

В целом можно думать, что близкие по виду и вместительности лодки существовали в природе. Естественно, изображение может до какой-то степени исказить их облик. Например, низкие, в виде одной черты борта лодок на онежских петроглифах и высокие, обозначенные широкой полосой в Беломорье не обязательно копируют «длинные и узкие» озерные, а в другом случае короткие, типа карбасов, морские лодки, как думали А. Я. Брюсов и А. М. Линевский. Скорее, это проявление изобразительной манеры, более схематичной и обобщенной на побережье Онежского озера и жизненно правдивой в Беломорье.

На наскальные изображения Карелии традиционно опираются при освещении объектов и способов рыболовства. В. И. Равдоникас [1938, с. 61, 83], например, характеризуя петроглифы Белого моря, писал, что по сюжетам среди них преобладают фигуры животных и рыб и что, по всей вероятности, изображались треска; семга, сиг. Назывались изображения китов и акул [Линевский, 1940, с. 55]. Все это — следствие недостаточно точного определения изображений. На самом деле среди почти 3000 известных фигур рыбы встречаются только 5—6 раз. Все остальные (около 200 фигур) — изображения морских млекопитающих — белух, изредка моржей и тюленей, включая нерпу. Морские звери выбиты и поодиночке, и небольшими стадами, и зачастую в сценах охоты. Примерно из 100 наскальных композиций едва ли не половина посвящена морской охоте (рис. 4). Особый интерес представляют развернутые, детализированные, жизненно правдивые сцены промысла белух. Белуха — китообразное животное, близкое дельфинам. Держатся они стадами и ежегодно заходят в Белое море, оставаясь здесь с мая по октябрь. В древности они, видимо, заплывали в полноводное устье р. Выг. Соблазн добыть такого крупного зверя длиной 4—5 м был велик; взрослая белуха дает до 150 кг жира и ценную шкуру. Это чуткое животное ловят сетями.

Рис. 4. Сцены морской охоты на Новой Зеландии (с. 194—195).
 1 — XXI группа, 2 — VIII, 3 — IV, 4 — XIII, 5 — XXII, 6 — XX группа.

Но в древности едва ли существовали столь большие и прочные сети. Тогда могли использовать только гарпун. В очень нелегкой и опасной гарпунной охоте, требующей четкой организации, дисциплины, отработанных навыков, экипажи лодок с большими предосторожностями старались подплыть к животному как можно ближе (белухи прекрасно слышат) и затем с близкого расстояния метали гарпун. Обычно в такой охоте, судя по петроглифам, участвовало от 2 до 6 лодок. От них к зверю

почти всегда тянется одна или несколько линий (гарпунных ремней). Раненого и измученного сопротивлением зверя постепенно подтягивали к суше и там уже добивали и приступали к разделке туши. В лучшей из сцен (IV группа Новой Залавруги) запечатлен кульминационный момент охоты, когда гарпун уже поразил зверя, но тот не успел отреагировать; гарпунный ремень еще как бы собран гармошкой. Все 12 членов экипажа стоят в напряженной позе, готовые к схватке с раненым зверем.

Добывали и других млекопитающих, например моржей. На них охотились в конце зимы в местах их залежки на обширных, далеких от берега льдинах. А. М. Линеvский считает, что на Белом море существовал и промысел китов, но, видимо, только тех, что иногда во время отлива садились на мель. На Онежских петроглифах всего 5 морских зверей (видимо, все они — нерпы; одна из них загарпунена с лодки).

Морская охота утверждала чувство коллективизма, солидарности, взаимопомощи и взаимовыручки ее участников, служила источником сильных эмоциональных переживаний и ощущений, стимулирующих и устное, и изобразительное творчество.

Изображений рыб в петроглифах всего несколько (рис. 5). В трех случаях это экземпляры наиболее ценных пород (семга, стерлядь) или необычных по своему образу жизни и размерам видов (сом или налим). Все они: и сом (налим?) в известной триаде Бесова Носа, и стерлядь у руки Беса (там же), и крупная семга в центре XII группы Новой Залавруги — образы символические, с явно мифологической окраской. И только две сцены, в которых присутствует по крупной рыбе (семге), реальны: одна в западной группе Бесова Носа, другая в северной группе Бесовых Следков в Беломорье. Возможно, в Новой Залавруге имеется сцена ужения рыбы с лодки, но настаивать на этом не приходится, так как ни леска, ни рыба не обозначены, видно только «удилище».

Таким образом, рыболовство и морской промысел отражены в монументальном наскальном искусстве Карелии по-разному и не адекватно их реальной роли в повседневной жизни. Эпизодическая морская охота занимает много места, в то время как постоянный и наиболее надежный источник пищи — рыболовство — почти обойден вниманием. Отражение окружающего мира первобытным сознанием не было ни зеркальным, ни пассивным. В образной мифологической картине мира на первый план порою выдвигалось то, что, казалось бы, не имело решающего практического значения, но вызывало сильные эмоциональные переживания и чувства, глубокие ассоциации, помогало лучше понять и выразить основные связи и силы окружающей действительности. И наоборот, что-то из того, с чем человек сталкивался постоянно, почти выпадало из мировоззренческих схем. Так случилось и с рыболовством. Видимо, это постоянное, обыденное занятие. Иное дело морская охота, всегда сопряженная с риском, опасностью, требовавшая предельного напряжения сил, внимания, смелости и выдержки, выносливости, будившая воображение, вызывавшая сильные эмоции.

Одним из основных орудий морской охоты и рыбной ловли являлись гарпуны, судя по этнографическим данным и материалам раскопок торфяниковых стоянок, Оленеостровского могильника и других памятников, широко распространенные у всех северных народов прибрежной полосы от Белого моря до Чукотки. Обычно они имели три составные части: наконечник или собственно гарпун, дреvко и ремень (линь). Деревянное дреvко гарпуна не всегда намертво соединялось с наконечником, по одной или обеим сторонам которого тянулись зубцы или зазубрины, удерживающие его в теле раненого животного. Оно лишь помогало метнуть гарпун в цель. К отделяющемуся же наконечнику прикреплялся многометровый сыромятный ремень, а к нему привязывался рыбий пузырь

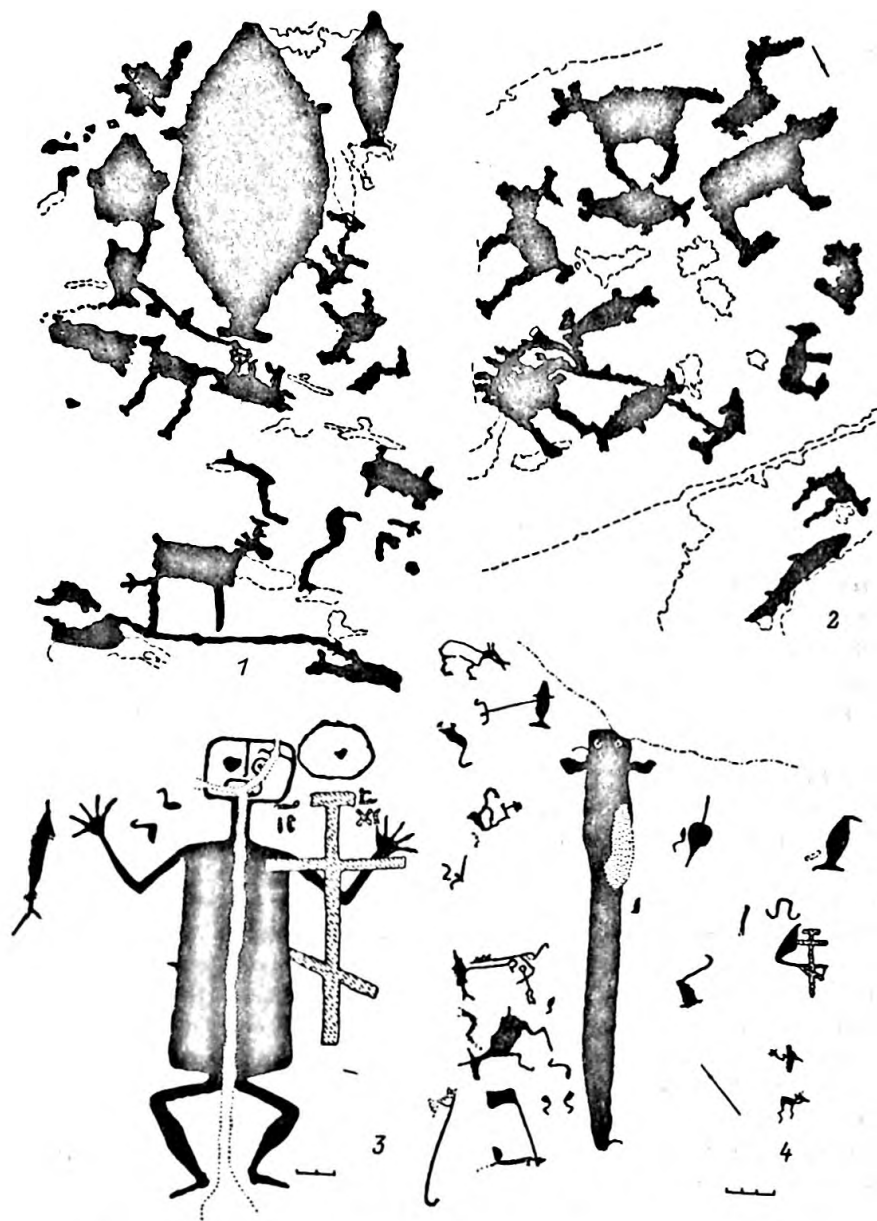

Рис. 5. Морские звери и рыбы в петроглифах Карелии.

1—2 — Бесовы Следки; 3—4 — Бесов Нос.

или кусок дерева, которые удерживались на поверхности воды и указывали местоположение загарпуненного зверя. Примерно ту же картину, правда более схематично, показывают и петроглифы. В наиболее выразительных сценах четко виден собственно гарпун — древко с наконечником и привязанный к нему длинный ремень. Любопытно, что петроглифы запечатлели разные мгновения морской охоты. Чаще всего гарпунный

ремень (иногда очень длинный) показан в натянутом состоянии. Бывает, что к зверю тянутся до 5—6 ремней от нескольких лодок. В основном морской промысел изображается как коллективный, с участием нескольких экипажей. Это и понятно: поразить морского зверя сразу насмерть если и удавалось, то очень редко. Обычно разыгрывалось сложное многоактное действие с быстро меняющейся ситуацией. Отсюда и большое разнообразие сходных в основе своей сцен морского промысла.

Использование гарпуна при ловле крупной рыбы иллюстрирует яркая сцена на оконечности Бесова Носа. Пеший человек вонзил гарпун в крупную рыбу, скорее всего лосося, и приготовился бросить второй гарпун (обозначен наконечник с зазубринами и древко с изображением птицы на конце). Исследователи единодушно толковали ее как сцену промысла рыбы с помощью гарпуна. К. Д. Лаушкин не соглашается с ними. Гарпун, который вот-вот метнет человек, он принимает за изображение лодки с тремя гребцами, которую снизу поддерживает человек — явно мифологическое существо, а всю композицию расшифровывает как мифологическую сцену освобождения огня-солнца из чрева чудовищной рыбы. Сокровенный смысл ее будто бы сводится к следующему: «. . . некое божество подводит лодку с тремя гребцами к чудовищной рыбе, которая, должно быть, задерживает солнце в преисподней. . . Очень вероятно, что три гребца — это мифологические существа типа культурных героев, которые отправились в царство мертвых, чтобы в союзе с добрым божеством вернуть солнце на дневной небосвод» [Лаушкин, 1962, с. 289—291]. Однако за лодку принят явный гарпун, что делает несостоятельной и предложенную расшифровку.

Конечно, вовсе не обязательно каждую сцену морской охоты и рыбной ловли понимать как мемориальную запись наиболее впечатляющих эпизодов из охотничье-промысловой жизни. Присутствие пеших участников лишний раз подчеркивает роль воображения, фантазии. Скорее, это обобщенное отражение таких ситуаций, нередко с заметной мифологической окраской. Но они появились на материале и под впечатлением реальных событий и так или иначе отражают жизненно важные вопросы, волновавшие древние родовые общины, прежде всего заботу об удачной охоте. Благополучие в охоте всегда было предметом постоянной заботы древнего северянина, которому ничего не давалось даром, «как свободный подарок природы». Конечно, сведения, которые мы получаем из петроглифов о хозяйственной деятельности и материальной культуре жителей края, неполные, отрывочные, тем более что сами памятники — скорее отражение идеологических воззрений, а не хозяйственной деятельности.

О значительной роли рыболовства в крае обычно судят по характеру и топографии поселений, всегда приуроченных к берегам рек и озер. Большинство их располагалось почти у самого уреза воды, обычно не выше 1—2 м над водоемом, фактически в пойменной зоне. Естественно, что люди очень чутко реагировали на колебания уровня воды. Нагляднее всего связь стоянок и древних береговых линий прослеживается по берегам Онежского озера, в устьях впадающих в него крупных рек. По этой причине их склонны были считать «преимущественно рыбацкими становищами» [Земляков, 1936, с. 138]. Не следует забывать, что места данных стоянок не менее благоприятствуют и охоте, хотя связь большин-

ства из них с рыболовными угодьями не вызывает сомнений. Любопытно, что они встречаются даже на широко открытых, продуваемых берегах огромного Онежского озера, казалось бы, мало удобных для постоянного обитания. Таковы скопления поселений у пос. Шелтозеро, у пос. Деревянное, в районе Бесова Носа, в устье р. Вытегры. Видимо, сказывалось стремление селиться как можно ближе к промысловым угодьям. Наличие жилищ, мощный культурный слой и насыщенность его находками — все указывает на долговременный характер многих прибрежных и островных стоянок.

Важным источником по изучению рыболовства становится орнаментация сосудов, прежде всего раннеолитической керамики сперрингс, распространенной в основном на территории Карелии и Финляндии в IV—III тыс. до н. э. Исследователи давно уже обратили внимание на один из ее элементов — оттиски странного штампа, который называли то «перевитой колючей проволокой», то «оттисками, похожими на плетеную тесьму» или же «на римские цифры I и II» и т. д. (рис. 2). Как доказал Ю. В. Титов [1970, с. 225—227], это оттиски натуральных рыбьих позвонков. Из 10 382 фрагментов керамики сперрингс 39,7 % имеют позвонковый орнамент [Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 27, 30, 31]. Это самый распространенный после «отступающей лопаточки» элемент, представленный уже на таких ранних (IV тыс. до н. э.) стоянках, как Сулгу II, Пиндуши и др. Шире всего он распространен как раз на раннем этапе культуры сперрингс. В Финляндии он встречается реже. Согласно экспериментальным данным, использовались позвонки очень распространенных некрупных рыб — окуня, плотвы и др. Довольно широкое распространение позвонкового орнамента в культуре сперрингс свидетельствует о значении рыболовства как вполне сложившейся отрасли хозяйства, закрепленной в общественном сознании соответствующей символикой.

Орнаментация керамики свидетельствует также о широком использовании в быту тонкой веревочки или шнура. Короткие вертикальные оттиски веревочки, намотанной на палочку, горизонтальные линии из оттисков веревочки и другие элементы имеются в керамике сперрингс. Веревочный орнамент встречается на ямочно-гребенчатой керамике — на 1051 из 20 037 изученных фрагментов [Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 27]. Четкие оттиски шнура присутствуют и на более поздних типах сосудов. Все это свидетельства выделки тонких шнуров и веревочек, типа бечевки или шнура, часто — толстой крученой нитки. Для привязывания якорей и грузил, судя по отверстиям, использовались и более толстые веревки или сыромятные ремни.

По орнаменту так называемой сетчатой (текстильной) керамики с отпечатками тканей, нитей, веревок, сетей, предположительно применявшихся в качестве основы при лепке или сушке сосудов, делались заключения о распространении ткачества, способах выделки ткани. Появление ткацкого дела и тканей из крученых льняных нитей, конечно, способствовало усовершенствованию и рыболовных снастей. А. Я. Брюсов отчетливые оттиски тканей фиксировал на керамике «бронзолитейной мастерской» в устье р. Томицы, относящейся, как выяснилось, к концу I тыс. до н. э. По его мнению, у северных племен СССР уже к концу II тыс. до н. э. повсеместно практиковалось широкое изготовление тканей [Брю-

сов, 1950, с. 294, 302]. Сетчатая керамика в Южной Карелии появляется в эпоху бронзы, где-то в конце II тыс. до н. э. (стоянка на р. Олонке). Истоки ее, по Н. Н. Гуриной [1963, с. 203], следует искать в поздненеолитических памятниках Верхнего Поволжья. Отмечалось, что и там, и в Карелии нередко орнамент образован не оттисками текстиля, а зубчатым штампом, образующим ложную сетку, имитирующую отпечатки ткани.

О технике рыбной ловли, конкретных формах ее организации, особенно на начальной стадии, известно относительно мало. Ихтиолог Ю. А. Смирнов допускает, что в условиях Карелии рано появились и долго бытовали нехитрые «первичные» способы, возникшие из непосредственных жизненных наблюдений и основанные на мгновенной реакции. Свойственные первобытному человеку наблюдательность, натренированность и ловкость позволяли при необходимости ловить рыбу просто руками — например, форель и налима в летнюю жару, сига во время нереста. В летнюю пору резким ударом хлыста можно добыть щуку. Обычная петля из вицы позволяет вытаскивать щук или лососевых рыб, стоящих у берега после нереста. Разного рода палки с крючком, развилкой, расщепом на конце становились эффективным орудием ловли при плотном ходе крупных рыб, например лососей. В начале заморозания рек и озер для добычи налима подо льдом могли использовать утяжеленные дубины.

Но более продуктивными были коллективные способы ловли с помощью сетей, бредней, саков. С появлением их рыболовство превращается в одну из ведущих (наряду с охотой) форм хозяйства, которые входят в повседневную практику уже в мезолите. Эти способы во многом зависели от сезона и образа жизни рыб. Находки в торфянике Антреа свидетельствуют о появлении сетевого рыболовства уже в конце VIII тыс. до н. э. Обращают на себя внимание большие размеры сети. Там же обнаружены лезвие топора из рога лося, наконечник копья (ножа), в глубокий паз которого по одной из кромок вставлены мелкие острые осколки кварца, а также несколько каменных топоров, долот и стамесок, точильных брусков, осколки кварца. Так называемый онежский зеленый сланец, из которого изготовлены эти рубящие орудия, указывает на существование связей с бассейном Онежского озера.

Конечно, с глубокой древности широко использовались разного рода ловушки типа заколов, заборов, тайников, убегов, катисок и т. д. Для добычи крупной рыбы применялись гарпуны и остроги. Средства и способы лова во многом зависели и от характера водоема: одно дело ловить рыбу в речке (ту же форель) и совсем другое — добывать ее на побережье Белого моря, где надо учитывать приливы и отливы. В прибрежной зоне сооружались разного рода ловушки, основанные на известном принципе: дать рыбе зайти в них, но затруднить выход. Судя по находкам крючков и грузиков, рано зародилась и индивидуальная ловля на удочку.

Изобретение и усовершенствование известных этнографам «ударных», «черпальных», «волоковых», «заставных» сооружений (заколы, заборы, верши) — важная веха в освоении природных ресурсов края и вместе с тем в развитии мышления его древних обитателей. Видимо, наступали периоды, когда рыба была главным, а то и единственным источником пищи; ее могли ловить и на открытой воде, и подо льдом. И хотя этот

источник в целом был наиболее стабильным, доступным практически круглый год, главной, доминирующей отраслью всегда оставалась охота, во всяком случае во внутренних районах с небольшими водоемами. В целом же хозяйство развивалось как неспециализированное, сезонное охотничье-рыболовческое, хорошо приспособленное к местным природным условиям с чередованием периодов, особо благоприятных для продуктивной охоты на зверей и птиц, добывания рыбы, а позднее и ластоногих. Морской промысел мог развиваться в основном на побережье Белого моря, в меньшей мере на Онежском и Ладожском озерах, где добывали только тюленей (нерпу). Такие специфические продукты морской охоты, как жир морских зверей и шкуры, способствовали развитию обмена. Охота на морских зверей вряд ли превратилась в основное занятие даже в Беломорье, но в целом она обогатила первобытную экономику и культуру.

Изложенный фактический материал все еще фрагментарен и не позволяет исчерпывающе полно осветить становление и развитие рыболовства и морского промысла, в частности начальные их этапы.

Позднеледниковый период (конец плейстоцена) оставался еще довольно суровым. В период молодого дриаса наблюдается похолодание, в результате которого ледник расширил свои границы, сдвинулись к югу тундровые формации. Видимо, условия для появления рыболовства создались только с наступлением голоцена (примерно 8.2 тыс. лет до н. э.), и то не сразу. Раннемезолитические стоянки северного побережья Онежского озера Новенчанка I, II, V, VII, XV, Медвежья Гора X и Мань-Гора II, датированные Г. А. Панкрушевым IX—VIII тыс. до н. э., и Авнепорог IV, VI, VIII, IX, X на р. Кеми не содержат ни орудий рыбной ловли, ни костей рыб, в то время как косточки животных встречались.² Однако можно думать, что рыболовство в крае зарождается рано, еще в раннем мезолите. Большая роль его в позднем мезолите уже очевидна (использование сетей и ловушек, ужение рыбы на крючок и т. д.). Основным занятием населения мезолитической эпохи оставалась охота на крупных копытных — северного оленя и лося, а из грызунов — бобра, промысел водоплавающих и боровых птиц. Но заметно возрастала и роль рыбной ловли, особенно в периоды, неблагоприятные для охоты на крупных лесных зверей.

В неолите и в эпоху раннего металла (IV тыс. до н. э.—начало I тыс. н. э.) на побережье Белого моря, Онежского и Ладожского озер развивается промысел морских зверей — нерпы, гренландского тюленя, морского зайца, белухи, моржа.

Рыболовство на всех этапах первобытной истории Карелии играло важную роль как наиболее постоянный и надежный источник питания, выручающий в периоды острой нехватки другой пищи. Археологическим свидетельством тому служит широкое распространение орудий, связанных с рыбной ловлей, приуроченность абсолютного большинства поселений к берегам рек и озер, древний остеологический материал, широкое распространение островных поселений, отражение данной темы в первобытном искусстве (правда, весьма слабое). Удельный вес рыбной ловли

² Стоянку Мань-Гора I, в инвентаре которой имеются 3 орудия, связанные с ловлей рыбы, Г. А. Панкрушев теперь исключает из числа самых древних.

в разные времена года и в разных районах Карелии мог изменяться, но вряд ли она надолго, а тем более постоянно оставалась единственным источником пищи. Несравненно слабее охоты ее влияние и на другие формы жизнедеятельности людей (искусство, верования, «теоретическая» деятельность сознания, укрепление социальных связей и чувства коллективизма и т. д.).

С веками выработался сезонный годовой цикл комплексного неспециализированного хозяйства, в котором в определенной природой последовательности на первый план выдвигался тот или иной источник добычи пищи: охота на путях миграции животных, при переправах их через озерно-речные системы, по весеннему насту, добыча водоплавающей птицы во время линьки, собирание съедобных корней, трав, ягод и т. д. Сама такая сезонность исключала узкоспециализированный (например, на рыболовстве) характер экономики.

Об организации лова, эффективности орудий и снастей, заготовке рыбы и продуктов морской охоты впрок, способах приготовления и хранения мы можем только догадываться, опираясь на подходящие этнографические аналогии. Нет данных и о появлении прибавочного продукта даже на наиболее благоприятных для этого участках побережья Белого моря и Онежского озера и впадающих в них крупных рек, где существовали исключительно удобные условия для ловли ценных проходных рыб, добычи птицы, лесной и морской охоты.

О РЫБОЛОВСТВЕ У НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Добыча рыбы является одним из самых ранних занятий человека, простейшим способом получения пищи, возможно, более простым, чем охота, особенно на крупных млекопитающих. Однако рыба не могла заменить мясной пищи и не имела поэтому такого важного значения в рационе древнего человека, а ее добыча в отдельных регионах длительное время, если не всегда, оставалась занятием второстепенным. О времени возникновения рыболовства и значении этого события в жизни человека существуют различные мнения. Одни исследователи полагают, что люди научились ловить рыбу еще в позднем палеолите, хотя конкретные сведения об этом весьма ограничены. Известны рисунки рыб в некоторых верхнепалеолитических пещерах Западной Европы, а также их изображения на кости из палеолитических стоянок на территории нашей страны [Семенов, 1968, с. 329]. Поскольку орудия рыболовства или остатки фауны этого времени не обнаружены, если не считать так называемых гарпунов, эти находки служат лишь косвенным свидетельством возникновения рыболовства. В связи с этим некоторые исследователи думают, что рыболовство было освоено значительно позднее, в эпоху мезолита, когда охота на некоторые виды крупных млекопитающих сократилась, а главное, перестала быть надежным источником питания. В это время произошли существенные изменения в хозяйстве и образе жизни древнего человека, в составе промысловой фауны и способах охоты, и рыболовство стало играть более важную роль. Полагают также, что возникновение рыболовства явилось рубежом, разделяющим основные периоды каменного века, палеолит и последующие мезолит—неолит [Поликарпович, 1940, с. 84; Федоров, 1961, с. 140—142; Формозов, 1977, с. 20, 21].

При оценке роли рыболовства в общем историческом плане, особенно в раннем мезолите, следует учитывать ограниченность полученного материала. Однако можно думать, что в начале мезолита охота оставалась основным и главным источником существования древнего населения. Если впервые ловля рыбы была освоена отдельными группами населения еще в позднем палеолите, в дальнейшем развитие этого промысла проходило медленно и неравномерно, а у многих групп или первых племенных образований Европы рыболовство не играло в хозяйстве сколько-нибудь существенной роли до позднего мезолита. Кроме того, многие стоянки эпохи мезолита не сохраняют органические материалы, что не позволяет судить по остаткам фауны о составе охотничьей добычи и наличии

рыболовства. Для изготовления орудий рыболовства использовали, как правило, дерево, кору, кость и другие органические материалы, вследствие чего они встречаются очень редко. Примером могут служить многие мезолитические стоянки Восточной Европы, по материалам которых трудно восстановить картину хозяйственной деятельности человека. Косвенные данные, такие, как расположение стоянок, мало что добавляют к нашим знаниям о способах добычи пищи древним населением. Например, в расположении стоянок в бассейне Сухоны и Вятки наблюдается определенная закономерность: они занимали боровые террасы в нижнем течении небольших рек, недалеко от устья. Но объясняется ли это стремлением селиться ближе к местам рыбной ловли, остается нерешенным. В те времена современные небольшие реки могли быть шире и полноводнее, если судить по их руслу, и вряд ли их можно было перегородить заколами. Это относится ко многим речкам, где найдены мезолитические стоянки, таким, как Еденга, Сомбол, Старая Тотьма в бассейне Сухоны или Быстрица и Черняница — Вятки. Итак, население эпохи мезолита, селившееся на берегах таких лесных рек, могло заниматься ловлей рыбы наряду с охотой и собирательством, но фактического материала, свидетельствующего о развитии здесь рыболовства, пока нет. Массовые находки с таких стоянок состоят из кремневых пожевидных пластин, скребков, резцов, реже встречаются наконечники стрел или небольшие рубящие орудия. Все эти изделия применялись для охоты или разных хозяйственных работ, но к рыболовству отношения не имели.

Иная картина наблюдается на торфяниковых стоянках Восточного Прионежья, в центральном регионе Севера европейской части СССР. Сейчас здесь известно несколько памятников с культурным слоем и отдельных местонахождений, а также небольшой могильник в местности Попово на р. Кинеме. Особенно интересные и важные материалы по рыболовству эпохи мезолита получены в Нижнем Веретье I, расположенном на р. Кинеме, в 1 км от ее впадения в оз. Лача.

Первые находки в местности Веретье сделаны в 1929 г. М. Е. Фосс. Ею проведены раскопки на высоком участке берега, где в разное время существовали стоянки каменного века и поселение эпохи бронзы, оставившее мощный культурный слой. В результате происходило смешение культурных остатков и фауны. По мнению М. Е. Фосс, нижний культурный слой, получивший название Нижнее Веретье, относился к раннему бескерамическому неолиту и получил очень поздние даты [Фосс, 1941б, с. 21—70; 1952, с. 211]. С 1978 г. мною проводятся раскопки в местности Веретье [Ошибкина, Макаров, 1979; Ошибкина, 1981]. На низком участке берега открыта стоянка, расположенная в 50 м от старых раскопов; на разделяющей территории культурного слоя не обнаружено. Для удобства при обозначении памятника и описании материала принято название Нижнее Веретье I. Культурный слой здесь расположен на древней галечной отмели и перекрыт двумя слоями торфа, образовавшимися в разное время и не содержащими других культурных остатков. Последнее обстоятельство выгодно отличает стоянку Нижнее Веретье I от Нижнего Веретья с его частично перемешанными культурными напластованиями разного времени. Сейчас в Нижнем Веретье I вскрыто 714 м² площади и получен большой вещественный материал, в том числе изделия из камня,

кости, рога, дерева, коры, травянистых растений. По характеру археологического материала, пыльцевому анализу и радиоуглеродным датам возраст памятника определяется серединой VII тыс. до н. э., бореальным периодом, эпохой мезолита.

Среди находок Нижнего Веретья I встречены изделия, прямо связанные с рыболовством, прежде всего костяные крючки (рис. 1, 1—9). Их 9 экз. разного размера и степени готовности, что дает представление о способах их изготовления. Преобладают крючки среднего размера

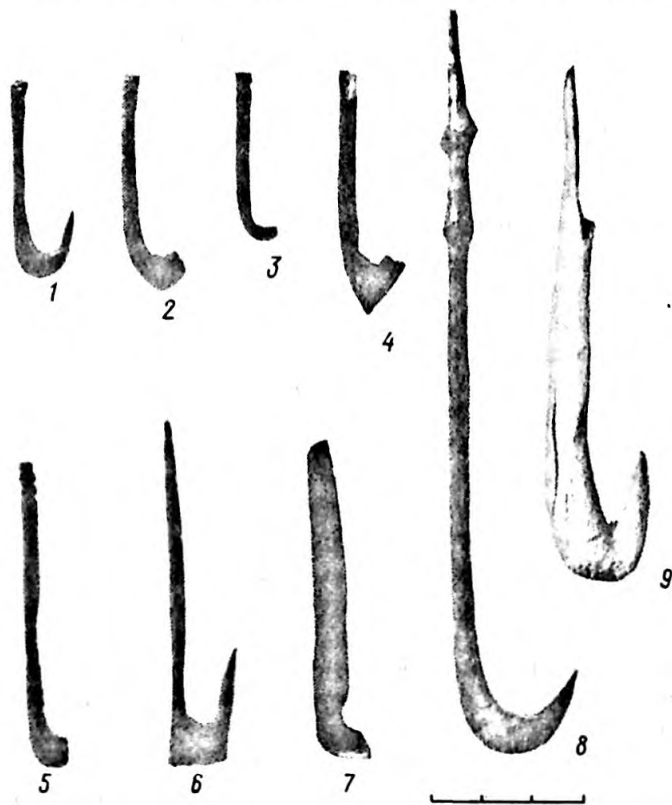

Рис. 1. Костяные рыболовные крючки. Нижнее Веретье I.

Здесь и далее объяснения в тексте.

от 3.4 до 7 см в длину. Есть также очень крупные изделия до 15 см. Их делали из плоской кости, конец которой надпиливали и отламывали (6); а затем придавали нижней части крючка, бородке, округлую или треугольную (4) форму. Для привязывания к леске на верхней части стержня вырезали одну или несколько канавок, иногда делали простую одностороннюю зарубку (1). Ни один из крючков не имеет на стержне сверленного отверстия для лески. Например, у самого большого экземпляра (8) в верхней части стержня выделены два биконических выступа, между которыми могли привязывать не только леску, но шнур или ремень. На конце этого изделия есть еще один маленький выступ. Во время раскопок Нижнего Веретья были найдены 8 крючков, в том

числе массивные, все с зарубками для лески, кроме одного со сверлиной у самого конца стержня [Фосс, 1941б, табл. IV, 9, 10]. Жители стоянки умели сверлить кость, о чем говорят находки орудий с вырезанными и высверленными отверстиями. Встречены даже тонкие костяные иглы с маленьким ушком. Тем не менее у крючков сверлин на стержне обычно не делали, может быть они не выдерживали нагрузок и чаще ломались. Поэтому интересно отметить, что жальце крючка выделялось именно при помощи сверлины. Первой операцией при изготовлении крючка было выравнивание и подготовка пластины. Затем на ее конце сверлили круглое отверстие, от которого формировали жальце, а лишние куски кости удаляли. О такой последовательности можно судить по экземпляру, сломавшемуся сразу после сверления. У него отверстие обработано довольно тщательно, а внутренняя лопнувшая часть не заглажена и сохранила поверхность слома (7). Есть незаконченный крючок, у которого еще не обрезана борода и нет зарубок для лески, но уже имеется высверленное и обработанное отверстие и заверенное жальце (6). Следы сверления особенно хорошо видны у экземпляра с треугольной бородачкой (4). Крупные крючки могли делать иначе, их размеры позволяли просто резать костяную заготовку, придавая ей нужную форму. Один крупный экземпляр происходит из могильника Попово, расположенного в 3 км от Веретья на правом берегу Кинемы. Он находился в большой ритуальной яме рядом с детским погребением (№ VII), вместе с обломками других орудий и костями животных и рыб. По форме, размеру и способу изготовления он не отличается от описанных рыболовных крючков из торфяниковых стоянок. На других стоянках Восточного Прионежья крючки не найдены. Таким образом, жители мезолитических стоянок, располагавшихся в бассейнах больших озер Севера, ловили рыбу при помощи костяных крючков. Принято считать, что в каменном веке крючок всегда служил индивидуальным средством лова рыбы, чем и отличался от сетей или ловушек. Такая оценка орудий этого типа представляется примитивной. Прежде всего нет оснований думать, что крупный рыболовный крючок подобно современному просто привязывался к леске, а затем к удилицу. Не исключено, что мезолитические крючки являлись частью снастей совсем иного типа. Это могли быть устройства, подобные современным закидушкам, у которых серия крючков с наживкой прикрепляется на определенном расстоянии к длинной веревке или толстой леске. Такую снасть применяют для ловли крупной хищной рыбы в настоящее время на Урале и в Сибири. Ее забрасывают на дно реки на большое расстояние от берега и удерживают при помощи груза. В мезолите снасть с крупными крючками могла быть устроена иначе, но вряд ли для этого было достаточно простого удилица. Кроме того, не всегда ловушка сложной конструкции или даже сеть являются снастью для коллективного лова.

В лесной полосе Восточной Европы крючки мезолитического времени представлены незначительным количеством экземпляров. В Оленеостровском могильнике, возраст которого определяют поздним мезолитом или ранним неолитом, найдено 9 фрагментов составных крючков [Гурина, 1956а]. Только один из них дает представление о форме. Несколько обломков костяных крючков найдено на позднемезолитических стоянках Карелии [Филатова, 1978]. На стоянке Кунда в Эстонии известны два

костяных изделия, похожих на крючки. Несколько массивных изделий происходят из сборов на р. Пярну. Р. Индреко считал, что они относятся к атлантическому времени, но предполагал, что в общем рыболовный крючок — изобретение эпохи мезолита, типологически связанное с гарпуном и происходящее от него [Indreko, 1948, S. 31].

Более определенное представление о времени первого применения рыболовных крючков дают находки со стоянок культуры маглемозе в Северной Европе. Самое раннее изделие подобного типа происходит со стоянки Мюллеруп I середины VII тыс. до н. э. [Brøndsted, 1960, p. 60, 137; Clark, 1975, tab. 5]. На позднемезолитических стоянках Дании, датированных второй половиной бореала, они представлены несколькими экземплярами. На о-ве Зеландия два крючка найдены на стоянке Свердборг [Johansen, 1920, fig. 62] и один в Гаарде [Mathiassen, 1943, fig. 41, 6]. Еще два крючка известны в Северной Германии, они тоже датируются бореальным временем и связаны с культурой маглемозе [Schwantes, 1928, fig. 39]. Характерная особенность этих изделий состоит в том, что жальце всегда выделяли при помощи сверления, а основания крючков имеют U-образную форму.

Если в мезолите крючки отличаются большим размером и простой формой, то в неолитическое время они часто мелкие, усложненные по форме. На Севере и в некоторых других районах лесной полосы на стоянках этого времени встречены крючки составного типа, у которых стержень и жальце делали отдельно и потом скрепляли смолой и связывали. На Севере Европы преобладали изделия из шифера и сланца, которые всегда были составными [Pälsi, 1912, S. 195—203]. В южных районах лесной полосы чаще встречаются костяные крючки, среди которых преобладают целые, но есть и составные. Для них характерны многозубчатые жальца и множество нарезок на стержне, они бывают изогнутой формы, бородка иногда украшена нарезками [Гадзяцкая, Крайнов, 1965, рис. 12, 4; Ванкина и др., 1973, табл. 62; Янитс, 1973, табл. 58]. В неолите Западной Европы тоже распространяются мелкие крючки, здесь долго сохраняется традиция сверления у основания жала [Reinert, 1926, fig. 4]. Заметим, что эта деталь в обработке крючков, сложившаяся в культуре маглемозе, дает основания для сравнения с ними изделий из мезолитических торфяниковых стоянок Севера, таких, как Веретье.

Важным изобретением эпохи мезолита явилась рыболовная сеть. О сетях и других приспособлениях для лова имеются лишь отрывочные сведения. На неолитических стоянках Прибалтики встречаются поплавки и грузила, реже остатки сетей или ловушек. На Севере подобные находки редки, особенно в мезолите. В свое время общее внимание привлекли находки на стоянке Антреа Корпилахти, расположенной на Карельском перешейке, в 43—44 км к северо-востоку от Выборга [Pälsi, 1920b, S. 10; Luho, 1967, S. 30; Kivikoski, 1967, fig. 1]. Длительное время исследователи не могли прийти к единому мнению относительно возраста находок в Антреа. По условиям залегания С. Пялси и Х. Линдберг датировали их ранним бореалом [Pälsi, 1920b, S. 10; Lindberg, 1920, S. 2]. Позже, в 1947 г., В. Лухо и М. Саурамо провели повторное исследование и датировали памятник рубежом пребореал-бореал. Но существует еще иная точка зрения, согласно которой по характеру археологического материала находки в

Рис. 2. Поплавки из древесины и сосновой коры (1-4) и грузила (5).
Нижнее Веретье I.

Антреа могут быть датированы только временем Литоринового моря, атлантическим периодом [Кларк, 1953, с. 54; Clark, 1975, р. 225]. Главным аргументом в пользу такой датировки были шлифованные каменные орудия из Антреа и изделия из кости, аналогии которым известны на поздних стоянках культуры кунда. Однако ранний возраст памятника подтвердили радиоуглеродные даты, полученные недавно [Siiriäinen, 1974, S. 11]. Правильность датировки Антреа бореальным временем подтверждают также исследования в Веретье, где найдены шлифованные каменные орудия, а также поплавки и грузила. Таким образом, есть основания отнести появление рыболовных сетей у населения Севера к бореальному времени.

Поплавки, найденные в Нижнем Веретье (рис. 2, 1—4), представлены 12 экз. Кроме того, в Нижнем Веретье известен один поплавок из коры [Фосс, 1941б, табл. V, 6]. Все изделия отличаются по форме от поплавков из Антреа, но как и последние, часто сделаны из сосновой коры, хотя есть и деревянные. Поплавки из Веретья круглые в плане, реже овальные, плоские или линзовидные в сечении. При изготовлении их поверхность и края обрезали орудием с лезвием, состоящим из ножевидных пластин. Хотя потом поверхность слегка заглаживали — отчетливо видны следы срезов, особенно по краям (2). У всех поплавков отверстия для привязывания находятся в середине. В большинстве случаев они вырезаны или довольно небрежно пробиты. Если поплавок сделан из твердой древесины, отверстие могли и сверлить. Найдена половина деревянного кружка, по размеру близкого поплавкам. Его края обрезаны, но во время работы заготовка лопнула вдоль волокон древесины и ее выбросили. Судя по этой заготовке, сначала изделию из коры или дерева придавали нужную форму, а затем уже делали отверстие. Может быть, поэтому так часто встречаются половинки хорошо обработанных изделий без следов употребления, но сломанных пополам во время вырезания отверстия. Размеры готовых поплавков в среднем 10—12 см в диаметре, величина отверстия 1—2, толщина в центре 2—3, по краям 1—1.5 см. Овальный деревянный поплавок имеет размеры 6×10 см, величина отверстия 1—1.2 см. Его поверхность почти не обработана, но тщательно обрезаны края (1). На других стоянках эпохи мезолита на Севере они не известны.

На мезолитических стоянках Прибалтики известен один поплавок из Сийвертси. Стоянка датируется концом мезолита, рубежом бореального и атлантического периодов, может быть, началом последнего. Упомянутый поплавок сделан из сосновой коры, он овальный в плане, с очень маленьким отверстием на узком конце. Предполагают, что на утерянном конце было еще одно отверстие [Indreko, 1948, S. 325]. Второе изделие из древесины березы происходит из Тырвала. Этот предмет овальной формы, длиной 10.25, толщиной 2.55 см, большое отверстие помещено в середине. По форме его можно принять за поплавок. Однако Р. Индреко, ссылаясь на мнение Г. Рэнке, считает этот предмет навершием для палки, которой ударяют по воде, чтобы загнать рыбу в сети. Он предлагает этнографические примеры подобных орудий, которые известны в Эстонии [Ibid., S. 327]. Длинные палки с деревянными блоками на конце, которыми загоняют рыбу в сети, расставленные в устьях мелких речек, автору приходилось видеть совсем недавно у рыбаков на р. Модлоне, в бассейне оз. Воже. Не исключено, что предметы из дерева с большими отверстиями

имели примерно такое же назначение у жителей древних стоянок, а более легкие, из коры, служили поплавками.

Самая большая серия поплавков найдена на мезолитической стоянке Хоен Фихельн на оз. Шверлин (территория бывш. ГДР): 26 изделий из коры и дерева. Они круглой или, реже, овальной формы, поверхность и края обработаны срезами, круглое или близкое к квадрату отверстие помещено в центре. На стоянке Хоен Фихельн два культурных слоя, оба они относятся к мезолиту, верхняя дата памятника определяется концом бореала. Поплавки встречены преимущественно в верхнем, но имеются и в нижнем, более раннем слое [Schuldt, 1961, tab. 143, 144]. По форме, размеру, способу оформления отверстия изделия из Хоен Фихельн являются полной аналогией поплавкам из Веретья. Следует отметить, что здесь, как и в Веретье, ни разу не было найдено поплавков с остатками шнура, веревки или другой обвязки, на их поверхности не замечено и следов потертости от привязывания. Поэтому автор раскопок Э. Шульдт допускает, что изделия из коры и древесины могли иметь и другое применение.

В Веретье найдено много сверленных камней разного размера и формы. Часть из них могла бы служить грузилами сетей, но это предположение опровергает находка настоящего грузила, сохранившегося с обвязкой. Оно представляет собой простую круглую гальку среднего размера, примерно 8.5×6.0 см, напоминающую описанные С. Пялси грузила из Антреа, размером с кулак. Галька перевязана поперек волокнистым растением, конец которого закреплен сложным узлом. Под узел подложена круглая в сечении палочка с обрезанными концами, предназначенная для укрепления перевязи, чтобы последняя не соскользнула в воде (рис. 2, 5). Такие гальки, вероятно, много раз встречались на стоянках каменного века, но узнать в них грузило нельзя, поскольку обвязка не сохраняется. Простота этого приспособления для сети или ловушки вполне отвечает возрасту стоянки, жители которой при изготовлении всех без исключения орудий труда и охоты проявляли своеобразный рационализм. Это можно проследить по набору орудий, оббивке кремня и шлифовке сланца, по использованию острых краев пластин, которые, как правило, не ретушировали, по сохранению естественных острых краев и концов костей животных, которые лишь слегка подтачивали. Обработка камня, и в особенности его сверление, конечно, требовала больших затрат времени и труда. Гораздо проще было использовать простую гальку, чем делать в ней сверлину. Не делали даже боковых выбоин, как это было принято позднее в неолите [Ванкина, 1970, с. 94]. Кроме Антреа и Нижнего Веретья I грузила в виде простых камней известны в Сийвертси и Кунде, на последней стоянке есть также обломок сверленного грузила.

Среди костяных изделий Нижнего Веретья есть так называемые иглы для плетения рыболовных сетей [Фосс, 1941б, табл. III, 7; IV, 7]. Они имеют совершенно разную форму и предназначались для различной работы. В одном случае это короткое острое шило или проколка. Другое изделие сломано, его форма и назначение не ясны.

По находкам поплавков и грузиков можно считать, что жители ряда мезолитических стоянок Севера были знакомы с сетевым ловом. Возникает вопрос, не могли ли эти предметы предназначаться не только для сетей, но и для разного рода ловушек, силетенных из прутьев или сделанных

из деревянной лучины. Для подобных снастей тоже нужны и поплавки, и грузила. Известно, что основное число ловушек каменного века найдено вблизи от побережий Балтийского моря. Согласно сводке шведских исследователей М. Петерсона и Е. Олауссона, они сосредоточены в Дании, особенно на островах (6 экз.), в Южной Швеции (5 экз.), где севернее провинции Сконе уже не распространяются, в Финляндии (11 экз.) и в Северо-Западной Германии, в Дюммерзее под Ганновером (1 экз.). Древнейшая из ловушек происходит из Нидлесе в Дании и по пыльцевой колонке датируется началом атлантического периода. Уже в это время они были такими же, как современные верши. Их делали из прутьев или лучины, которые переплетали или связывали поперечным плетением. Общая форма ловушек конусовидная, реже цилиндрическая, некоторые экземпляры достигали в длину 4 м. Все известные в Северной Европе древние ловушки датируются временем формирования и существования культуры эртебелле и, по мнению ряда ученых, связаны с ней. Установлено, что их использовали для ловли морской рыбы. В одной из ловушек, найденной в Ионсторп, в провинции Шонен, Швеция, были обнаружены кости крупной морской трески. Из этого следует, что эти рыболовные снасти были приспособлены для лова в прибрежной морской зоне [Pettersson, Olausson, 1952, S. 142—157]. Их могли применять и на внутренних водоемах, например на озерах. Хотя не выяснено, где появились ловушки впервые, их распространение в основных чертах соответствует ареалу раннеэнеолитической культуры эртебелле. Ловушки описанных типов известны и в неолите Прибалтики. Не исключено, что применение ловушек появилось здесь в раннем неолите под влиянием культуры эртебелле.

В связи с этим заслуживает внимания замечание шведских ученых о том, что в культуре маглемозе, распространенной на тех же территориях вокруг Балтийского моря в предшествующее время, в мезолите, ловушки не найдены и есть основания предполагать, что это население морским ловом не занималось. Хозяйственная деятельность имела здесь иное направление, преобладала охота, а первые признаки рыболовства относятся к середине мезолита. Об отсутствии морского рыболовства говорит расположение стоянок на внутренних водоемах, недалеко от открытых побережий. Среди остатков рыб на стоянках чаще всего находят щуку, на которую могли охотиться с острогой.

Далее к востоку примерно такая же картина наблюдается на памятниках культуры кунда, жители которых тоже селились на внутренних водоемах. Примером может служить сама стоянка Кунда или стоянка в бассейне оз. Выртсьярв [Яните, 1966, с. 114].

Возвращаясь к стоянке Нижнее Веретье I и другим торфяниковым стоянкам Севера, нужно сказать, что основные археологические параллели материалу могут быть указаны в культурах кунда и маглемозе, что позволяет предполагать известную близость и родственную связь оставших их групп населения. Этому выводу не противоречат результаты исследования антропологического материала могильника Попово. Характер экономики и способы ведения хозяйства у населения этих культур тоже имеют много общего, в частности сходны орудия рыболовства и состав добычи. Поплавки и грузила на стоянках Восточного Прионежья могли предназначаться для сетей или снастей типа закидушек, оснащенных

костяными крючками с наживкой. Никаких следов вершей здесь не найдено.

В целом рыболовство имело на мезолитических стоянках Восточного Прионежья второстепенное значение. По сравнению с многочисленным и разнообразным охотничьим вооружением, представленным в Нижнем Веретье I и Нижнем Веретье, рыболовные снасти сравнительно немногочисленны. Однако главным показателем служат фаунистические остатки, среди которых резко доминируют кости лесных животных. Обращает на себя внимание исключительное однообразие ихтиофауны, состоящей в основном из костей щук. Собраны челюсти этой рыбы, в том числе встречены очень крупные экземпляры. В свое время в Нижнем Веретье были получены кости разных рыб — щуки, налима, окуня, леща, язя, карася, плотвы. Некоторые из них, теплолюбивые, послужили основанием для очень поздней датировки стоянки [Фосс, 1941б, с. 27]. Вместе с пыльцой широколиственных они свидетельствовали о существовании стоянки в период климатического оптимума голоцена. Проверка пыльцевой колонки в Нижнем Веретье I показала, что широколиственные появляются в слое торфа, перекрывающем культурный слой эпохи мезолита,¹ иными словами, относятся к более позднему времени. Очевидно, пыльцевые остатки, как и остатки фауны в Нижнем Веретье, оказались перемешанными. Об известной смещенности культурных остатков сообщала и М. Е. Фосс [1952, с. 207]. Не вызывает сомнения, что теплолюбивые виды рыб происходят из неолитического слоя, а часть ихтиофауны связана с культурным слоем поселения эпохи раннего металла. И в Нижнем Веретье щука была основным объектом лова.

Значительную часть охотничьего вооружения жителей торфяниковых стоянок составляли костяные зубчатые острия или так называемые гарпуны (рис. 3, 5). Для простых и поворотных костяных гарпунов, при помощи которых народы приморских районов Северной Сибири охотились на морского зверя, характерен острый зазубренный конец и мягкая привязь в виде шнура или веревки, для чего у основания делали отверстие. При охоте гарпун застревал в теле животного, а привязь удерживала его на плаву. В лесной полосе Европы сначала роговые, а позже костяные острия известны в ряде культур каменного века начиная с позднего палеолита вплоть до начала неолита. Сначала их делали из рога северного оленя, служившего у охотников времени позднего палеолита основным поделочным материалом. Острия были двусторонними и односторонними, с расширением у основания. В бореальное время с распространением лесов и появлением лесной фауны острия стали делать из кости лося или оленя. Получили распространение древние формы однорядных острий с клювовидными зубцами и прямым узким основанием. Позже формы острий становятся разнообразнее. Почти никогда эти орудия не имеют приспособлений для крепления шнура, хотя встречаются экземпляры с отверстием в основании. В одной из ранних работ Г. Д. Кларка высказано предположение, что в сущности рассматриваемые орудия не гарпуны, а зубчатые острия. Составлена их подробная типология [Clark, 1963, fig. 41].

¹ Определение Н. А. Хотинского.

По находкам в Нижнем Веретье I можно сказать с полной определенностью, что зубчатые острия не имеют мягкого соединения с рукоятью, т. е. не являются гарпунами. У некоторых экземпляров на основании сохранились остатки смолы и бересты, при помощи которых острие прикреплялось к древку (рис. 3, 6, 7). Найдена также часть деревянного древка орудия, служившего своего рода копьем с острым зубчатым наконечником. Способ крепления при помощи обмотки из бересты и смолы известен на мезолитических стоянках Южной Швеции, где найдены зубчатые острия с остатками берестяной обмотки [Clark, 1975, fig. 22].

О применении зубчатых острий в древности существуют разные мнения. Иногда их называют рыболовными копьями, хотя точнее было бы сказать о наконечниках копий или острог. Не вызывает сомнения, что их применяли для лучения рыбы. Подобные способы добычи известны даже в наше время и практикуются у некоторых народов, а также неоднократно описаны в этнографической литературе. Есть вполне определенные сведения о лучении рыбы в мезолитическое время. В торфяных отложениях бореального оз. Кунда был найден скелет щуки длиной около 1 м, среди позвонков которой оказалось зубчатое острие. О второй подобной находке в оз. Кунда сообщает Р. В. Томсон. Это был череп большой щуки, впоследствии утраченный, на котором сохранилось отверстие, пробитое острием или стрелой [Indreko, 1948, fig. 15]. Представляют интерес наблюдения датских исследователей, которые у многих острий, собранных на дне мезолитического оз. Аамозен в Зеландии, отметили зону загнивания на конце. Эта зона соответствовала толщине щуки [Кларк, 1953, с. 55]. Таким образом, лучение рыбы, в особенности щуки, получило в мезолите широкое распространение, и прежде всего у населения культур кунда и маглемозе. Подобная специализация рыболовства еще ждет объяснения.

Важное значение имеет вопрос о том, предназначались ли зубчатые острия исключительно для лучения рыбы или их применяли также при охоте на крупных животных. В свое время А. Рустом во время раскопок стоянки Мейендорф, относящейся к позднепалеолитической гамбургской культуре, было найдено острие и лопаточные кости северного оленя с отверстиями. По мнению исследователя, размеры отверстий совпадали с размерами зубчатого острия, которым они могли быть пробиты. Из этого следовало, что зубчатые острия применяли для охоты на северного оленя [Rust, 1937, tab. 52, 53]. До сих пор эта точка зрения остается недоказанной, хотя известно, что рассматриваемое орудие впервые появилось в мадленское время у населения, главным занятием которого была охота, а рыболовство не играло существенной роли и его существование вообще остается проблематичным. Все позднепалеолитические культуры имели на вооружении зубчатое острие, а в раннем мезолите на стоянках с ярко выраженным охотничьим направлением хозяйства, таких, как Стар Карр в Англии, эти орудия представлены сериями. Нужно думать, что копье с зубчатым костяным острием скорее всего было универсальным, его могли использовать на охоте и рыбной ловле.

На торфяниковых стоянках Севера европейской части СССР зубчатые острия достаточно распространенное орудие. Одна из самых больших коллекций изделий происходит из Нижнего Веретья I, где найдено 94 костяных острия (считая обломки) и 1 деревянное. В Нижнем Веретье

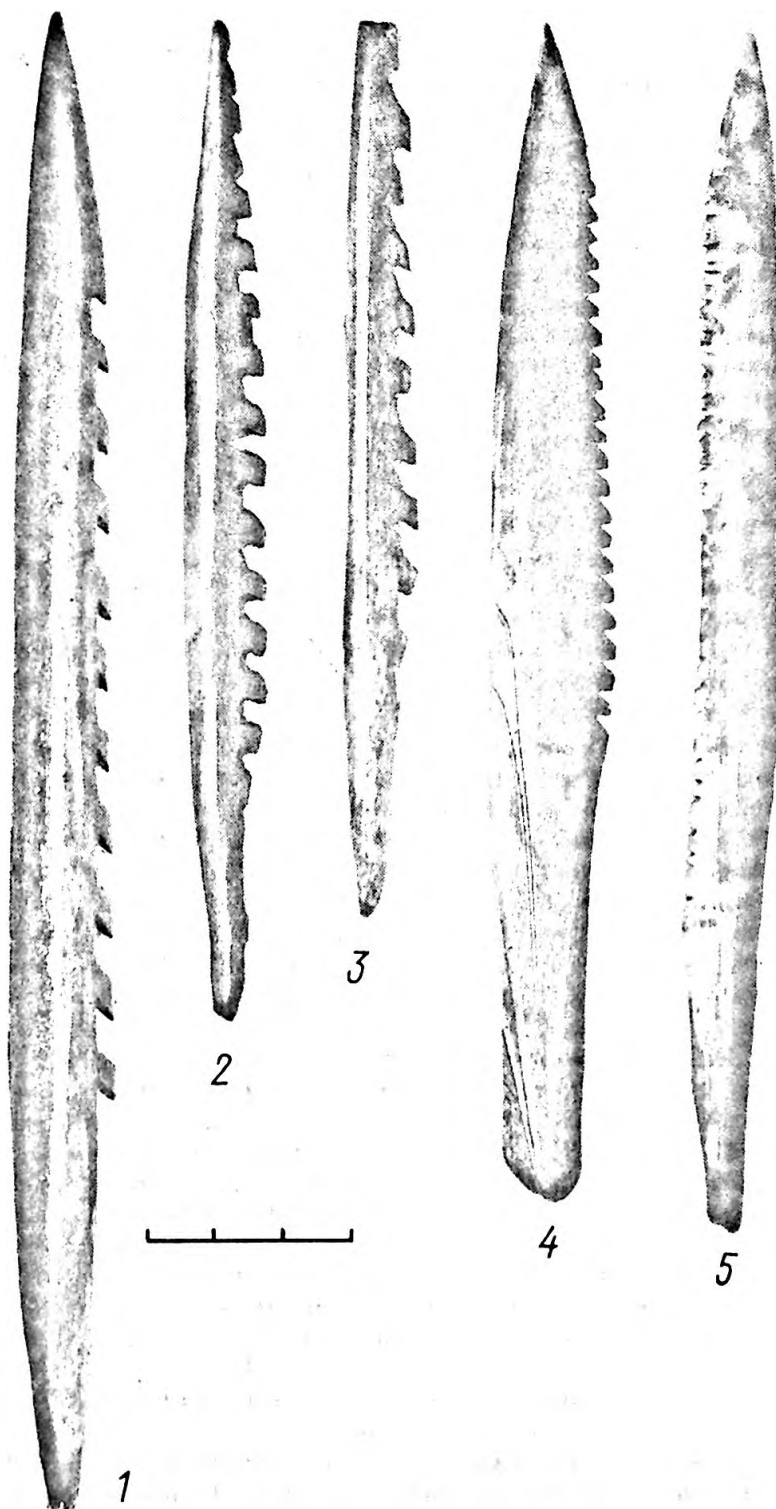
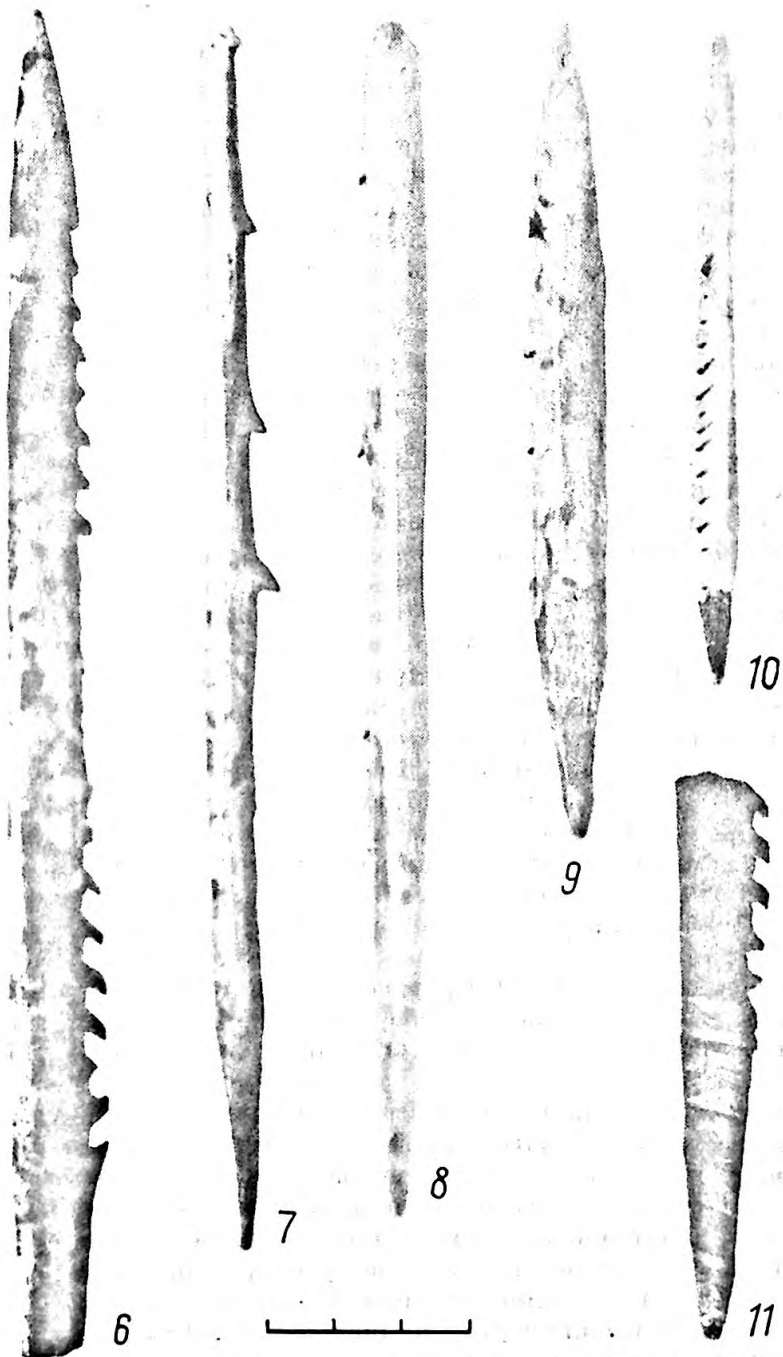

Рис. 3. Костяные острия (с. 214—215).
Нижнее Веретье I.

насчитывается 50 экз. [Фосс, 19416, с. 38]. Кроме того, отдельные орудия найдены в могильнике Попово, на стоянках Сухое, Погостище I, Ягорба, в местонахождениях на рр. Вологде и Чагодоше. Серия острий происходит из Оленеостровского могильника. Есть находки без определенной привязки к местности, такие, как большое острие с мыса Вязового на западном берегу оз. Воже [Фосс, 1952, с. 261], и находки в центре г. Вологды у Дворца пионеров. На мезолитических памятниках этого региона наиболее распространенным и характерным является классическое зубчатое острие, сделанное из кости лося, однорядное, с клювовидными зубцами и прямым острым насадом (рис. 3, 1—3). Встречаются и другие типы орудий, в основном варьирует форма зубцов и расстояние между ними. Как показывают находки из Нижнего Веретья I, орудия разной формы были в употреблении одновременно, они найдены в едином культурном слое, образовавшемся в сравнительно краткий отрезок времени. Судя по составу фаунистических остатков в Нижнем Веретье I и Нижнем Веретье, преобладала охота на крупных лесных животных, главным образом на лося. Нужно думать, что копье с зубчатым острием на конце могли применять при такой охоте как метательное орудие.

Несмотря на ведущую роль охоты в хозяйстве, жители мезолитических стоянок Восточного Прионежья придавали рыболовству важное значение. Об этом свидетельствуют не только орудия лова. Так, в нескольких погребениях могильника Попово обнаружены кости рыб. Они найдены в ритуальных ямах вместе с костями других животных, а кроме того, и в самих погребениях. В двух случаях у кисти погребенного лежали скелеты небольших рыб, сохранившие анатомический порядок и, следовательно, помещенные сюда целиком. В одном случае на груди ребенка оказались рассыпанные позвонки мелкой рыбы. Очевидно, существовал обряд захоронения, согласно которому в ритуальные ямы рядом с умершим клали части животных и рыбы, съеденных во время погребальной трапезы. В погребения помещали, как правило, только рыбу, целиком или ее остатки. Не обращаясь к вопросу о смысле описанного ритуала, отметим важное значение рыбы в погребальном обряде и вообще в жизни древних обитателей торфяниковых стоянок.

Наконец, следует упомянуть о скульптурных изображениях рыб, найденных в Нижнем Веретье. Обе фигуры сделаны из тонких костяных пластинок и сильно стилизованы. Большая фигура продолговатой формы, ее длина около 7 см. Выделен хвост в виде двух угловатых плавников. По контуру всей фигуры сделаны неглубокие треугольные зарубки. Этот простой декоративный прием усиливает сходство изображения с оригиналом. Вторая фигурка меньшего размера, имеет другие пропорции. Она короткая, округлая, с вытянутыми волнистыми концами на месте головы и хвоста. В верхней части просверлено небольшое отверстие для подвешивания изделия, может быть, служившего подвеской. По мнению М. Е. Фосса [19416, с. 43], последняя фигурка изображает птицу. Однако ее общее сходство с первой фигуркой и одинаковое оформление по контуру позволяют думать, что обе изображают рыб.

Таким образом, в эпоху мезолита в центральных районах Севера европейской части СССР существовала группа населения с высокоразвитым охотничье-рыболовческим хозяйством. Остатки материальной куль-

туры, исследованные сейчас уже на нескольких стоянках, показывают разнообразные и совершенные орудия охоты, в том числе луки, стрелы, копья. Что касается рыболовства, то оно было достаточно хорошо освоено древними людьми, которые умели ловить рыбу при помощи костяных крючков, пользовались сетями, кололи добычу копьями с зубчатым острием на конце. Как видим, способы лова были разными. Можно предполагать, что в определенных условиях делали заколы, которыми перегораживали речки и ручьи. Но следы подобных сооружений не найдены. Все эти стоянки находятся на больших речках, где строить заколы было сложно. Во всяком случае, нельзя сказать определенно, применялся ли этот способ.

РЫБОЛОВСТВО И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

На Северо-Востоке европейской части СССР в неолите обитали племена, так или иначе связанные с культурами ямочно-гребенчатой керамики. Археологические данные говорят о том, что на протяжении мезолита — неолита и палеометалла здесь господствовала присваивающая форма хозяйства — охота и рыболовство. Последнее было прибрежно-озерным. Существовало несколько способов рыболовства.

В индивидуальном способе добычи рыбы можно выделить две разновидности — добыча с помощью гарпуна, кося или остроги и добыча с помощью удочки. Рыболовство ведет свое происхождение, по-видимому, от первобытной эпохи, когда охотились на животных. Из орудий — гарпунов, наконечников, копий и острог на нашей территории известны только две категории. Собственно острог не найдено, хотя многие из описанных ниже наконечников стрел могли являться частями острог. Обычно считают, что острога состояла из серединного двузубчатого наконечника и краевых однозубчатых, насад их был специально обработан для крепления к общей основе. У нас почти неизвестны двузубчатые наконечники стрел, но некоторые из однозубчатых могли служить в качестве бокового острия остроги.

Одна из самых трудных задач нашей работы при описании орудий рыболовства и морского промысла — точное разграничение гарпунов и костяных наконечников стрел. Орудия эти часто имеют сходную форму и назначение, близки обычно они и по способам выработки. Нередко гарпунами называются все орудия, имеющие острые зубцы [Фосс, 1952]. Это принципиально неверно. Мы в своей работе следуем определению гарпунов, данных С. И. Руденко [1947, с. 233] и Н. Н. Гуриной [1956а, с. 65], которые считают, что принципиальным отличием гарпунов от метательных дротиков, острог и наконечников стрел, которые тоже из-за наличия у них острых зубцов называют гарпунами, заключается в том, что у дротиков, острог и стрел наконечник наглухо прикреплен к древку, наконечник же гарпуна подвижен. Он вкладывается своим нижним концом в соответствующее углубление верхнего конца древка и свободно отделяется от него после того, как войдет в тело животного. У основания наконечника гарпуна обязательно привязан лить, другим концом прикрепленный к древку, находящемуся в руках гарпунщика. Таким образом, при

помощи гарпуна охотник имеет возможность овладеть убитым или раненым им животным. Поэтому всегда гарпун в нижней части имеет отверстие, выступ или зубец для прикрепления линия.

Н. Н. Гурина [1956а, с. 60] в своей работе об Оленеостровском могильнике намечает три типа гарпунов для этого памятника, различающихся по способу крепления веревки.

Тип I характеризуется наличием отверстия в тыльной части гарпуна, служащего для прикрепления шнура; тип II — наконечниками гарпунов, прикреплявшихся к древку посредством утолщения в тыльной части; тип III отличается от второго лишь тем, что вместо утолщения в тыльной части здесь имеется один зубец, направленный в сторону, противоположную всем остальным зубцам, и также служащий для прикрепления шнура или бечевы.

На стоянках Северо-Востока европейской части Союза с сохранившимися костяными изделиями наконечников гарпунов очень мало, хотя упоминание о них встречается часто. Это объясняется тем, что за гарпуны принимались ранее все костяные наконечники с зубцами. Большую часть этих «гарпунов» нам приходится относить к категории наконечников стрел, так как их дистальные части указывают на то, что они прикреплялись к древку наглухо. Таковы, например, и «гарпуны» со стоянки Нижнее Веретье, раскопанной М. Е. Фосс.

На одной из древнейших стоянок Северо-Востока — Ягорбе в нижнем горизонте на глубине 5.8 м встречены костяные, каменные орудия и кости животных: мамонта, пещерного медведя, мускусного быка, ископаемого оленя и лося. Очень интересен найденный здесь наконечник гарпуна [Фосс, 1952, с. 40], который, как нам кажется, совершенно сходен с третьим типом гарпунов, выделенных Н. Н. Гуриной в Оленеостровском могильнике. Если считать его верхним концом часть с двумя зубцами, как это сделал А. Я. Брюсов [1952, с. 30], то нижний мощный зубец, направленный в обратную сторону от верхних, очевидно, предназначен для крепления линия (рис. 1, 1).

Обычно считают столь же древней находку обломка костяного гарпуна на стоянке Погостище [Фосс, 1952, с. 44]. Это орудие с тщательно выработанными мелкими зубцами, расположенными с одной стороны. Однако отсутствие тыльного конца не позволяет решить вопрос о способе крепления его к древку, орудие могло быть и наконечником гарпуна, и наконечником метательного копья или остроги.

На стоянке, относящейся к концу мезолита, — Нижнее Веретье в торфяном слое найдено большое количество костяных орудий, в том числе орудий рыболовства. В культурном слое стоянки обнаружено много костей рыб характерных для современности видов, таких, как щука, налим (большой частью крупные, есть особи до 87 см длиной), окунь, лещ, язь, карась, плотва и более теплолюбивые виды — синец, жерех, красноперка. Очень много костей бобра, их, как и костей лося, до 40 % остеологической коллекции.

Среди костяных орудий рыболовства М. Е. Фосс насчитывала 50 гарпунов. По нашему мнению, гарпуна здесь только два. Один из них (рис. 1, 3) относится, по классификации Н. Н. Гуриной, к I типу: Он односторонний, имеет пять крупных зубцов, в тыльной части расширение с отверстием,

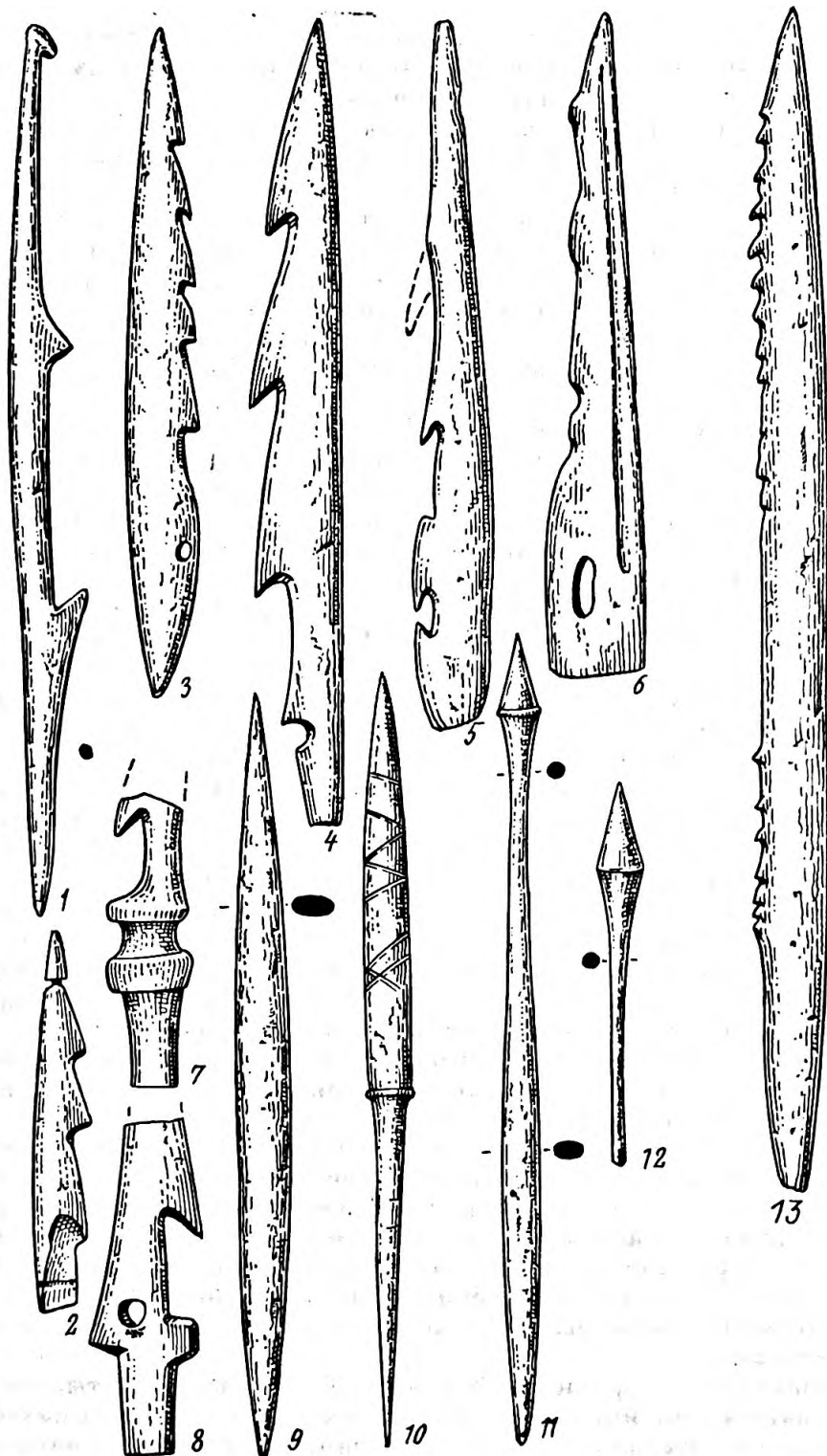
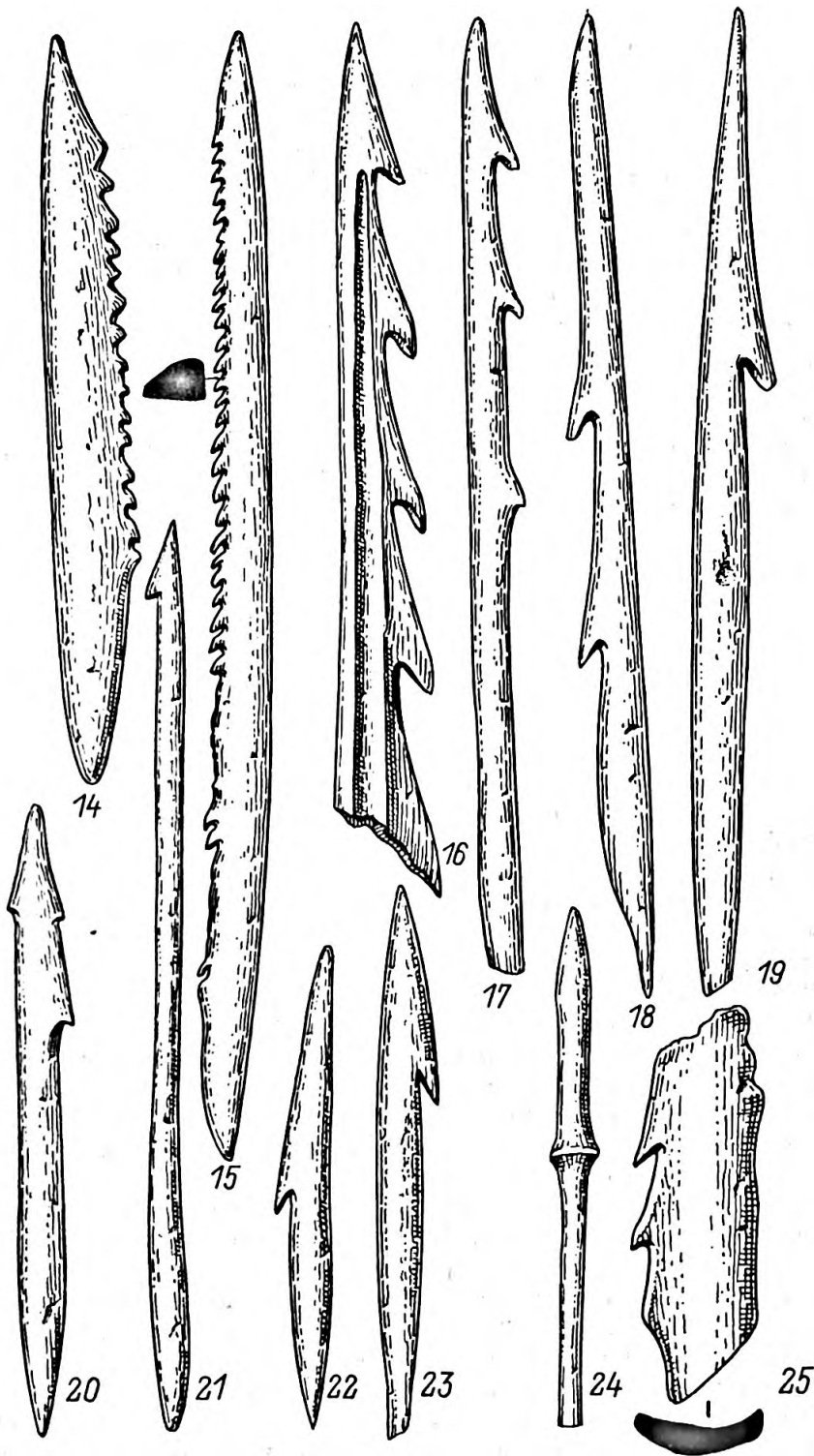

Рис. 1 (с. 220—221). Костяные наконечники гарпунов (1—8) и стрел (9—25).
 1 — Ягорба; 2, 3, 7—14, 16—25 — Нижнее Веретье; 4 — свайное поселение Модлона; 5, 6 — Ладжская
 стоянка; 15 — мыс Вязовый.

которое служило для прикрепления линия. Размер гарпуна средний — длина 12.8 см. Его особенностью является то, что на той стороне, где нет зубцов, сделан паз для крепления кремневых вкладышей.

Второй гарпун (рис. 1, 2) односторонний, с тремя зубцами, фрагментирован. В нижней части сделан опоясывающий желобок, который служил для крепления линия. Желобок, видимо, для крепления кремневого вкладыша вырезан и в верхней части наконечника.

На стоянках, относящихся к эпохе палеометалла, гарпунов тоже очень мало. Так, А. Я. Брюсов [1951, с. 12] в свайном поселении на р. Модлоне обнаружил, по его мнению, шесть фрагментов гарпунов, но, вероятно, гарпуном можно считать лишь одно орудие (рис. 1, 4) около 12 см длиной. Это односторонний гарпун с тремя крупными зубцами и с резко отделенной вырезом короткой нижней частью с полукруглой выемкой в основании. Остальные орудия относятся к наконечникам стрел.

На Ладожской стоянке, описанной А. А. Иностранцевым [1882, с. 160, 161, табл. IX—X], найдено четыре гарпуна. Два гарпуна (рис. 1, 5, 6) длиной 21.7 и 22.1 см, сохранившиеся в целом виде, представляют поздний вариант гарпуна I типа, выделенного Н. Н. Гуриной. Они односторонние, имеющие по 2—3 крупных зубца, с отверстием или выемкой в расширяющейся тыльной части для крепления линия. Два других, по видимому, аналогичны первым, но их тыльные части обломаны.

Наконец, на стоянке Верхнее Веретье [Фосс, 1940] найдены гарпуны совсем позднего типа (рис. 1, 7, 8). Они имеют очень хорошо выраженные тыльные концы с отверстием или опоясывающим выступом, по форме приближаются к гарпунам, найденным на городищах дьяковской культуры.

Таким образом, на стоянках Северо-Востока можно отметить наличие I и III типа гарпунов по классификации Н. Н. Гуриной. Кроме того, выявлен еще новый тип гарпуна, у которого в тыльной стороне сделан желобок (рис. 1, 2).

Костяные наконечники стрел Оленеостровского могильника Н. Н. Гуриной [1956а, с. 68] разбиваются на восемь типов: 1) прямые, 2) иглоподобные, 3) асимметричные с одним зубцом, 4) симметричные с двумя зубцами, 5) с несколькими мелкими зубцами, 6) с мелкими зубцами и выемкой на конце, 7) шигирского типа, 8) вкладышевые.

В категорию костяных наконечников на стоянке Нижнее Веретье входят орудия, которые М. Е. Фосс считала наконечниками стрел (32 экз.), и 48 наконечников, которые она относила к гарпунам.

Из типов, встреченных на стоянке Нижнее Веретье, присутствуют следующие: 1) иглоподобные (рис. 1, 9); 2) асимметричные наконечники с одним зубцом (19, 21—23), которые отличаются друг от друга длиной (от 9 до 19 см) и размерами пера и зубца — есть наконечники с коротким пером и длинным зубцом (22, 23), есть с длинным пером (19, 21) и различной величиной зубца; 3) наконечники стрел с несколькими зубцами можно разделить на 2 подгруппы: а) наконечники с мелкими зубцами (13, 14); б) наконечники с крупными зубцами (16—18). В подгруппу б) входят крупные орудия с двумя зубцами, выступающими в средней части, длиной по 18.8 см (18), или с тремя зубцами 18 см длиной (17). Возможно, что наконечник с четырьмя крупными зубцами (16),

представленный в обломке, имел большие размеры. Еще один наконечник (25) представлен в обломке.

Шигирские наконечники (10—12, 24), вероятно, употреблялись более для охоты, чем для рыболовства.

Кроме этих типов есть плоский костяной наконечник стрелы двусторонний асимметричный с двумя зубцами на одной стороне и одним на другой (20), длиной 12 см, с заостренным основанием.

А. Я. Брюсов [1940, с. 12] при раскопках свайного поселения на р. Модлоне обнаружил несколько орудий, которые он отнес к гарпунам. Нам кажется возможным большую часть этих орудий отнести к наконечникам стрел асимметричного типа с одним зубцом. В основном они небольшого размера — 8 см и меньше. К категории наконечников стрел с несколькими зубцами относится «гарпун», найденный А. Я. Брюсовым на мысе Вязовом (15).

На стоянке Кубенино при раскопках М. Е. Фосс обнаружено много костяных изделий, в том числе орудий рыболовства. М. Е. Фосс [1940, с. 31—65] писала о том, что на стоянке найдено в обломках 23 гарпуна. По нашему мнению, нельзя с уверенностью говорить здесь о наличии хотя бы одного гарпуна, но нельзя отрицать возможность интерпретировать некоторые из них как обломки наконечников гарпунов. Большинство таких предметов не имеет дистальных частей, в силу чего невозможно судить о характере крепления к древку. Можно отметить на стоянке Кубенино наличие следующих типов наконечников стрел: 1 — игловидные (рис. 2, 6); 2 — асимметричные с одним зубцом (13, 14, 16, 17), как с коротким пером и длинным черешком (13, 14), так и с длинным пером и сравнительно коротким черешком (16, 17); 3 — наконечники с несколькими мелкими зубцами (7, 10—12, 15) или с более крупными зубцами; 4 — шигирские (18); 5 — вкладышевые (19). Все наконечники односторонние, сделаны из рога благородного оленя, поэтому сравнительно плоские, хорошо зашлифованы.

Костяные рыболовные крючки в зависимости от конструкции делятся на две большие группы: крючки простые и составные. Крючки простого типа изготавливались из одного куска кости и представляли собою довольно несложные по конструкции орудия. Нижний конец у них был всегда изогнут и завершался заостренным кончиком (иногда с жальцем). Верхний конец крючка — головка — имел разную форму. В одних случаях он был тупым, в других имел сбоку зарубки, а иногда оканчивался особо выделенной головкой. У некоторых рыболовных крючков верхний конец немного расширялся для того, чтобы было возможно сделать в нем сквозное отверстие. Обычно такой крючок привязывался к деревянному удилищу, в результате чего получалась удочка. Если ряд крючков привязывался на известном расстоянии один от другого на коротких крепких нитках к длинной крепкой веревке, то в этом случае получалась довольно сложная рыболовная снасть, называемая «перемет», способная зацепить (поймать) на свои многочисленные крючки довольно большое количество рыбы. Все рыболовные крючки простого типа, независимо от их формы, имели разную величину.

Одними из самых ранних можно считать 8 крючков, найденных на стоянке Нижнее Веретье [Фосс, 1952, с. 209]. М. Е. Фосс подробно опи-

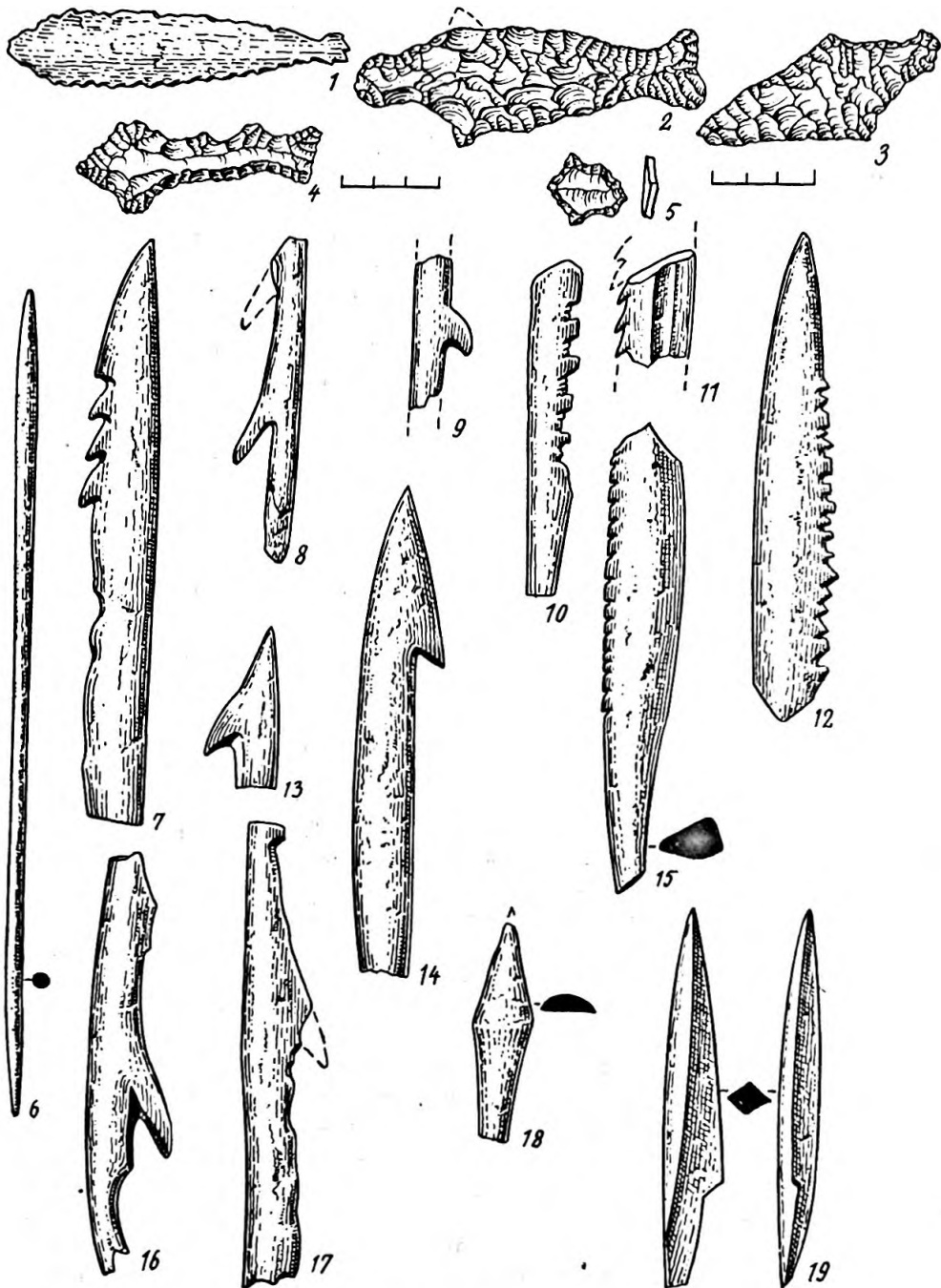
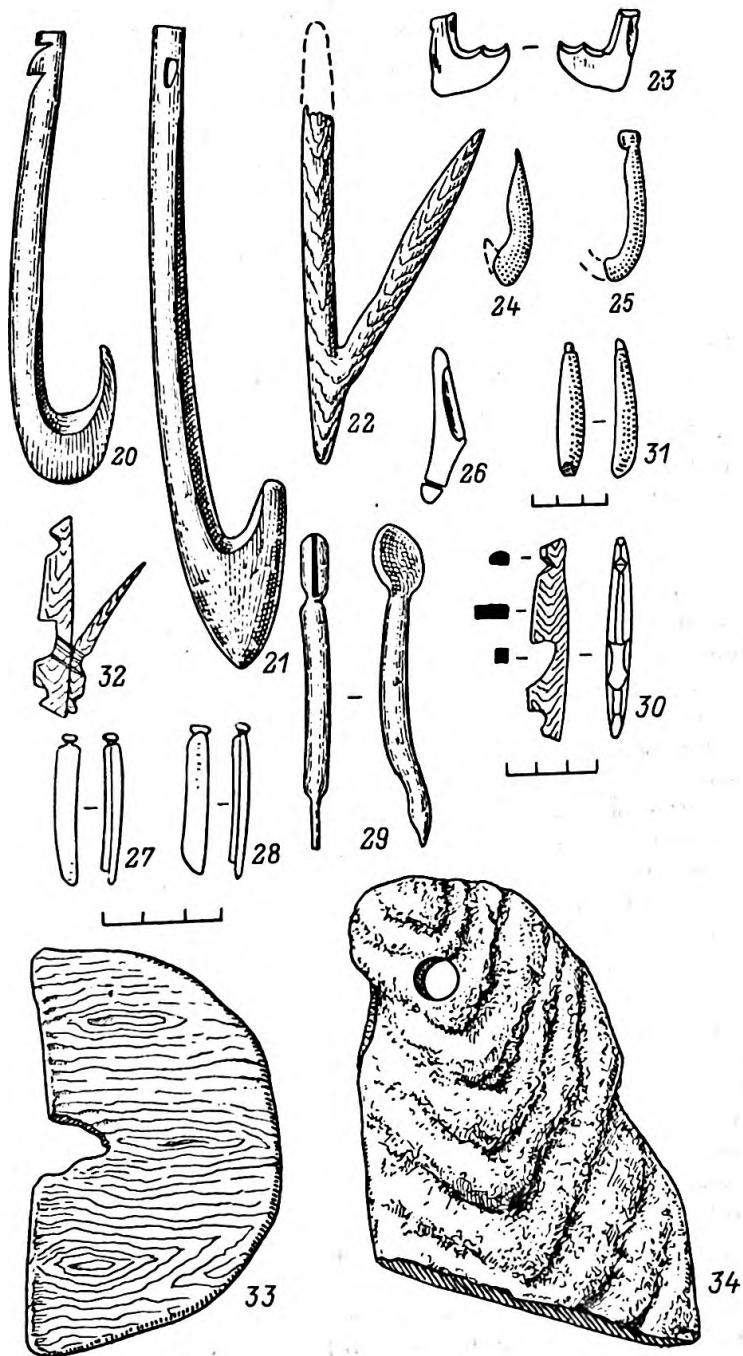

Рис. 2. Предметы, связанные с рыболовством (с. 224—225).

1—5 — костяные и каменные изображения рыб (1, 3—5) и тюленя (2); 6—19 — костяные наконечники; 20—32 — рыболовные крючки; 33—34 — обломки поплавков. 1, 20, 21, 33 — Нижнее Веретье; 2—3 — Зимняя Золотица; 4 — Селище; 5 — стоянка напротив Гостиного Берега; 6—19, 24—26 — Кубенино; 22, 30, 32 — II Висский торфяник; 23 — мыс Бревенный; 27, 28 — Андозеро II; 29 — поселение Модлона; 31 — III Висский торфяник; 34 — I Висский торфяник.

сала лишь два, видимо, наиболее характерных для всей группы. Оба крючка сделаны из кости и отличаются большими размерами. Один (рис. 2, 20) имеет высоту 9 см, простую форму с зубцеобразными вырезами головки, служившими для привязывания леси. Другой (21) высотой 13 см, для привязывания к лесе в верхней его части прорезано отверстие. Интересно отметить, что на древней стоянке Нижнее Веретье найдены только простые рыболовные крючки. Составных крючков здесь, видимо, не было. Описанные крючки имеют наибольшее сходство с орудиями этого типа с оз. Лубанас [Ванкина и др., 1973].

Три несоставных рыболовных крючка найдены на стоянке Кубенино [Фосс, 1940, с. 44]. Они небольшого размера, с небольшой шарообразной головкой. Часть костяного рыболовного крючка такого типа, но сделанного из более массивной кости, найдена в могильнике Бревенном [Ошибкина, 1978, с. 84]. У него прямое основание, жальце массивное и резко изогнутое (23). Три рыболовных крючка, видимо, описываемого типа найдены М. Е. Фосс [1952, с. 222] на стоянке в устье р. Кинемы.

Употреблялись крючки простого типа и в более позднее время. Так, на II Висском торфянике в долине р. Вычегды Г. М. Буров [1966, с. 162] нашел несколько простых крючков, сделанных из обрезков тонких стволов или веток с сучком под острым углом (рис. 2, 22). Вероятно, такие деревянные крючки, обычно не сохраняющиеся до нашего времени, употреблялись гораздо раньше и на других стоянках. Семь экземпляров простых крючков небольшого размера найдены на поздней стоянке Верхнее Веретье [Фосс, 1941б, с. 52].

Составные или сложные костяные рыболовные крючки изготавливались из двух и более частей. Ранние формы, как правило, были костяными и состояли из стержня и острия. Более поздние формы составных крючков стали изготавливаться уже из камня, преимущественно из глинистого сланца, и других материалов. Надо полагать, что у рыбаков неолитического времени были в употреблении и такие составные крючки, которые изготавливались одновременно из кости и дерева или кости и камня.

Для прикрепления острия к стержню составного крючка на стержне в нижней его части делались сбоку выемки в виде косоугольного желобка, к которому и привязывалось под известным углом острие. В других случаях крепление острия к стержню производилось при помощи особого утолщения на нижнем конце стержня. Иногда крепление осуществлялось при помощи особых поперечных желобков, сделанных как на основании острия, так и на нижнем конце стержня. Основание острия и стержень, сложенные вместе под известным углом, затем связывались крепкими нитками или жилами. При этом нитки располагались по поперечным желобкам, благодаря чему они не соскакивали. Головки составных костяных крючков большей частью имели утолщения или зарубки, как и у цельных, за которые и привязывалась к ним леска.

На рассматриваемой территории части костяных составных крючков найдены на стоянках сравнительно поздних. Такие находки вообще довольно редки. Так, на свайном поселении на р. Модлоне [Брюсов, 1951, с. 36] было обнаружено шесть костяных стержней от составных рыболовных крючков (рис. 2, 29). Они обычно довольно крупные, до 10 см, вверху имеют зарубки для привязывания леси, внизу более глубокие зарубки

для крепления жальца. Видимо, данные составные крючки употреблялись для ловли крупной рыбы. На более поздней стоянке Селище, которую А. Я. Брюсов [1941, с. 18] относил к эпохе раннего металла, при раскопках 1938—1940 гг. было найдено жало костяного рыболовного крючка. В Караваевском могильнике в погребении 3 около костяка лежал большой фрагментированный костяной крючок составного типа. На поздней стоянке Верхнее Веретье [Фосс, 1941б, с. 52] обнаружены костяные стерженьки составных крючков, они уплощенно-продолговатой формы с зарубками на концах, большого размера; видимо, предназначены для ловли крупной рыбы.

Вероятно, гораздо чаще на нашей территории употреблялись каменные составные крючки, состоящие обычно из стержня, к которому прикреплялось различными способами жало. Находки каменных жал от составных крючков не встречались, и о наличии каменных составных крючков мы можем судить лишь по находкам шлифованных стержней от них. Встречаются эти находки с эпохи раннего неолита. Так, на стоянке Андозеро II [Ошибкина, 1978, с. 46] в Вологодской обл. найдены два стержня от составных крючков (рис. 2, 27, 28), сделанные из темного, почти черного сланца и оформленные гранями. У одного стерженька для соединения с жальцем сделана выемка, у другого кроме выемки на нижней стороне есть еще насечка.

Сланцевые стержни от рыболовных крючков найдены на стоянке Кубенино [Фосс, 1952, с. 107], где они бытовали одновременно с простыми или позже них, так как стоянка функционировала длительное время. Стерженьки здесь были небольшие, в разрезе округлой формы (рис. 2, 24—26), на обоих концах их выделены особые головки, часто неодинакового размера и формы. За одну из них (наверное, большую) привязывалась леса, а за другую — острие. Скорее всего, данные крючки имели костяное жальце. Стерженьки от составных крючков, найденные И. С. Поляковым [1882] на Тудозере, несколько иные. Они толще кубенинских, имеют изогнутую форму с утолщением к концам, где выделены головки. Размеры наиболее сохранившегося: длина 3,3, толщина 0,7 см. На II Висском торфянике обнаружены стерженьки от составных крючков с выемками на концах [Буров, 1966] (рис. 2, 30). Каменный шлифованный стерженек от крючка (31) найден и на неолитическом III Висском торфянике [Буров, 1968].

Находки сетей очень редки, так как материалы, из которых они были сделаны, обычно не сохранялись. Тем ценнее отдельные редкие находки сетей и приспособлений к ним, например, на I Висском торфянике, относящемся к концу мезолита — началу эпохи неолита. На стоянке были найдены остатки крупнойчеистой (5×5 см) сети [Буров, 1968, с. 39] в виде небольшого обрывка. Сеть была сплетена из веревочки толщиной 0,15—0,2 см, свитой из 2 прядей. Материалом для веревочки послужили крученые корешки и листья осоки. При плетении сети использовался косой (шкотовый или рыбацкий) узел, которым вяжут и современные сети. Сеть употреблялась для ловли крупной рыбы. Найдены также поплавки для сети, вырезанные из сосновой коры, продолговатой формы с отверстием на конце.

Во множестве были встречены дугообразные предметы с отверстиями. По мнению Г. М. Бурува [1966, с. 62], они являлись деревянными

обручами сетей. Такой способ устройства сачка известен у финнов на р. Кеми [Sirelius, 1906]. Среди находок есть палки и шесты длиной до 130,5, диаметром 2—5 см, имеющие на концах перехват, утолщение, выемку или отверстие. Вероятно, это были распорки для сетей типа вентера.

На Карельском перешейке (западный берег Ладожского озера) на стоянке Антреа [Pälsi, 1920b; Luho, 1967] были найдены хорошо сохранившиеся остатки древних сетей — расположенные в определенном порядке каменные грузила, поплавки из сосновой коры и фрагменты самих сетей (рис. 3). Находки залежали в древнем торфянике под слоем торфа мощностью 80—90 см. Поплавок (2) найдено 18, все они были сделаны из сосновой коры, имели удлиненные очертания, большинство с отверстием для привязывания, лежали рядами. Параллельно поплавкам лежали каменные грузила (31 экз.). Это в основном крупные гальки массой около 0,5 кг, подобранные по форме, удобной для привязывания. Привязывались они веревками из лыка. Остатки собственно сетей (3, 4) сделаны из грубого волокна липовой коры или крапивы. С. Пелси считал, что ширина сети была около 3 м, а длина, возможно, достигала 27 м. На стоянке найдены также другие предметы из камня и кости, в том числе пешни для разбивания льда.

В большинстве же случаев судить о наличии сетей приходится по остаткам рыболовных грузил и поплавков. Поплавки для сетей изготавливались из сосновой коры, как уже отмеченные из Антреа и I Висского торфяника (рис. 2, 34), и из дерева, как свидетельствуют об этом находки поплавков овальных или округлых очертаний с отверстием в центре на II Висском торфянике [Буров, 1966, с. 171]. Самым древним деревянным поплавком может считаться обнаруженный на стоянке Нижнее Веретье (33) [Фосс, 1952, с. 58]. Находки поплавков довольно редки, так как они делались из плохо сохраняющегося органического материала.

Гораздо чаще встречаются каменные грузила — свидетели употребления сетей. На наших стоянках наиболее ранней находкой можно считать просверленное грузило на стоянке Погостище [Фосс, 1952, с. 43]; два фрагментированных грузила со следами двустороннего сверления и долбления найдены на стоянке Нижнее Веретье [Там же, с. 211]. На ранне-неолитической стоянке Пушсовхоз [Гурина, 1951] найдены грузило и якорь. Грузило также имеет неоконченное отверстие в центре. На стоянке Войнаволок грузило имеет уже классический вид — грубый камень с пробитым отверстием в центре. На свайном поселении Модлона найдено одно большое каменное грузило с отверстием в центре [Брюсов, 1951, с. 3]. А. Я. Брюсов [1952, с. 138] писал, что и на стоянках беломорской культуры встречены грузила, но более подробные сведения отсутствуют.

Для всех описанных способов рыболовства, как индивидуального, так и коллективного, необходимо было иметь средства передвижения по рекам и озерам, в данном случае лодку. О наличии лодок существует несколько археологических свидетельств. Во-первых, это непосредственная находка остатка челна на Ладожской стоянке [Иностранцев, 1882, с. 171—174]. Челнок, к сожалению, фрагментирован, сохранилась лишь его кормовая часть (рис. 3, 5), но по ней можно судить о форме и способе его изготовления. Сделан он из дуба, в целом виде мог иметь длину 3,5 м.

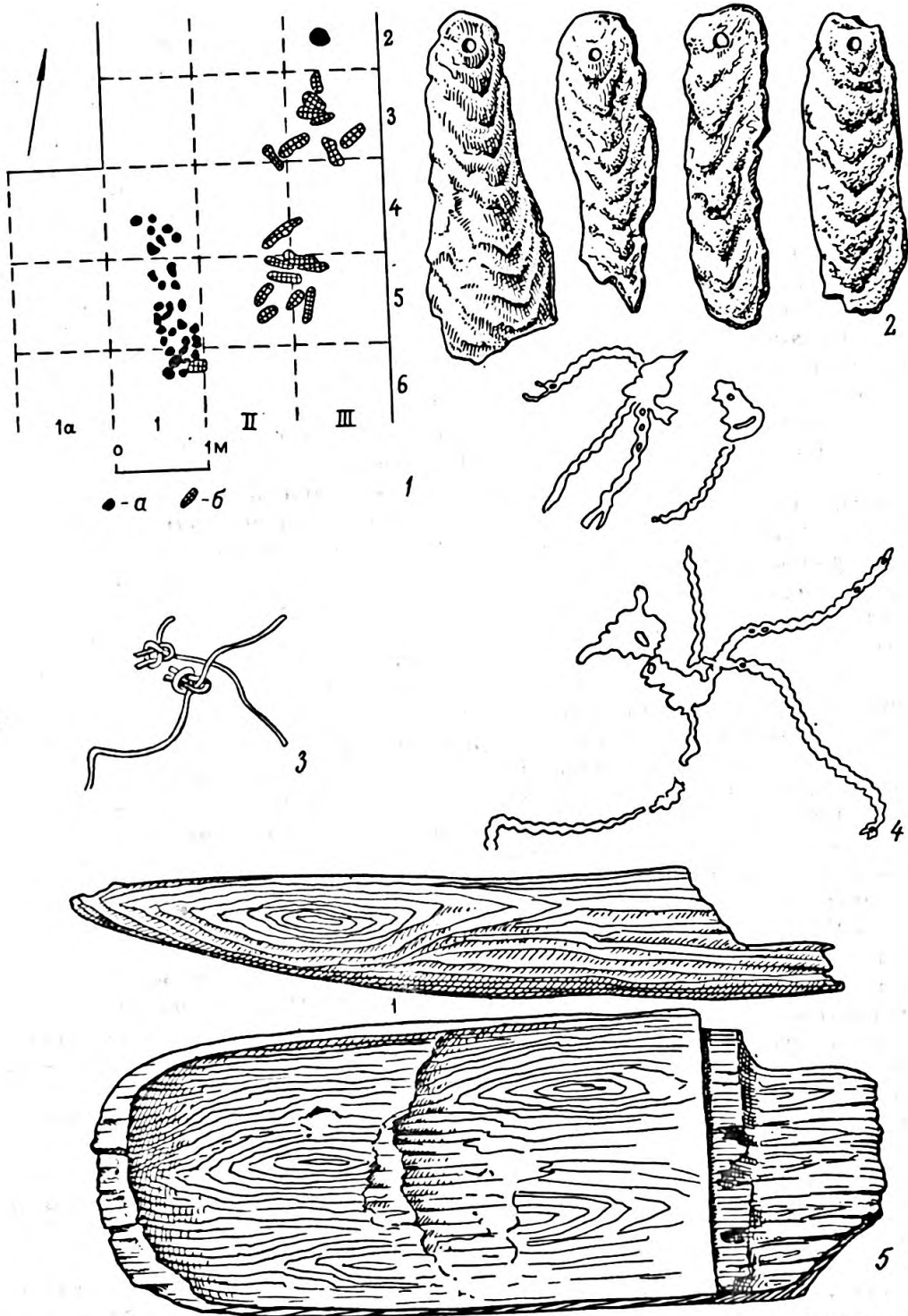

Рис. 3. Находки со стоянки Антреа (1—4) и фрагмент челна со стоянки Иностранцева (5).
 1 — расположение грузил (а) и поплавков (б) на стоянке Антреа; 2 — поплавки; 3, 4 — остатки сетей.

Возможно, внутри него были две перегородки. Это был вместительный и, вероятно, устойчивый челнок, судя по тому, как строители старались утяжелить кормовую часть.

Другие свидетельства существования лодок менее определены. Так, на II Висском торфянике на оз. Синдор было найдено обломанное весло [Буров, 1966, с. 167] с плавно расширяющейся лопастью (до 9 см), одна сторона которой вогнутая, а другая выпуклая. Форма конца не выяснена. На вогнутой стороне в месте перехода к рукояти — острое ребро. На весле сохранились следы работы острым инструментом с узким лезвием, по-видимому, теслом. Два обломка от деревянных весел найдены на свайном поселении Модлона [Брюсов, 1951, с. 39]. Судить по ним о форме весел трудно, однако А. Я. Брюсов полагал, что весла были похожи на те, которые Д. Н. Эдинг нашел на Горбуновском торфянике.

К коллективным способам охоты относятся рыболовные заграждения, которые ставились в определенных местах. Г. Кларк [1953, с. 51] считает, что рыболовные заграждения были известны еще со времен мезолита и являлись одним из самых распространенных способов ловли рыбы. По нашим материалам, к сожалению, нельзя говорить о столь раннем развитии рыболовных заграждений и ловушек, главным образом потому, что такие заграждения делались из дерева, которое сохранилось до наших дней только в торфяниковых стоянках.

Сооружение такого типа было исследовано в бассейне р. Вычегды, на II Висском торфянике [Буров, 1966, с. 171], расположенном на оз. Синдор и относящемся к эпохе палеометалла. При раскопках сразу же обратило на себя внимание множество жердей, залегавших на глубине 90—140 см. Сооружения были возведены в водоеме и состояли из вертикально воткнутых в дно жердей, которые опирались на поперечные слезги, закрепленные между парами вбитых в дно свай. Г. М. Буров считает, что заграждения II Висского торфяника имеют прямые археологические аналогии в Северной Европе. Так, в Финляндии, в местности Инланд, подобные заграждения открыты в болотах, образовавшихся на месте старых русел ручья, а также в протоке, соединявшей некогда два озера (Рогланд, Западная Норвегия). Г. М. Буров [1967, с. 7] датирует висские заграждения II тыс. до н. э. Кроме того, им были раскопаны рыболовные заграждения на р. Юг в Мармугино [Буров, 1974, с. 283—285]. Это одни из древнейших подобных сооружений, возникновение которых Г. М. Буров связывает с развитием прочной оседлости, которая в свою очередь обуславливается совершенствованием рыболовства. Мощность старичных отложений древнего мармугинского торфяника достигает 2.5 м. Находки рыболовного заграждения залегали на глубине 2.8—3.5 м от дневной поверхности поймы. Вскрытые два сооружения состояли из переносных матов (берд), выработанных из положенных в три слоя дранок (лучин, пожилин) шириной 0.5—2.5 см, толщиной 0.5—0.8, длиной около 220 см, закрепленных при помощи кольев. Заграждения, по мнению автора, дополнялись какой-нибудь ловушкой типа вершей или венгером. Дата мармугинского заграждения — 2750 ± 60 лет до н. э. Более поздние заграждения на мармугинском торфянике очень близки к сооружениям на II Висском торфянике и относятся к I тыс. до н. э.

В 1967 г. Г. М. Буровым были найдены остатки рыболовных сооружений на р. Пингише, правом притоке нижнего течения Северной Двины, залегавшие в торфянике на глубине 2.5 м и связанные, видимо, с близлежащим поселением III—II тыс. до н. э. [Буров, 1969, с. 132]. На Карельском перешейке при раскопках неолитической стоянки Кирколетта [Pälsi, 1920a] были обнаружены остатки рыболовного сооружения типа закола. Они состояли из стволов деревьев, вбитых в дно существовавшего здесь ранее протока и снабженных особой формы спиральным сооружением для ловли рыбы.

На территории Северо-Востока европейской части, как и во всей лесной полосе Восточной Европы, на небольших речках, в узких протоках между озерами в проходах заграждений устанавливались особые ловушки типа вершей.

О вершах мы можем судить по археологическим данным. Так, при раскопках свайного поселения Модлона [Буров, 1951, с. 19] в торфе у остатков жилых сооружений № 2 и 3 были обнаружены следы больших рыболовных ловушек, сплетенных из тонких прутьев. Они представляли собой сплюснутые, мелкие, совершенно размокшие деревянные щепочки. Только при очень тщательной зачистке некоторых участков можно было видеть, что эти мелкие щепочки лежали правильными параллельными рядами и в некоторых местах перекрещивались полосками щепочек, лежащих перпендикулярно к ним. Длина этого сооружения была больше 1 м — это была большая ловушка типа верши. А. Я Брюсов считал, что р. Модлона с ее спокойным течением очень подходила для такого способа ловли, просуществовавшего здесь до недавнего времени.

На Северо-Востоке обнаружены немногочисленные изображения, относящиеся к рыболовству. Одно из них — скульптура рыбы на стоянке Нижнее Веретье [Фосс, 1952, с. 37], сделана из кости, имеет длину 6.7 см, на ней хорошо выделено продолговатое туловище рыбы и короткий хвост (рис. 2, 1). Сюда же относятся уже упомянутые две фигурки из Зимней Золотицы. Первая (2) представляет собой кремневую скульптуру тюленя, великолепно обработанную двусторонней отжимной ретушью [Брюсов, 1952, с. 141]. Длина ее 11 см. Контуры изображения мягкие, образ его весьма реалистичен. Один ласт частично отломан. Вторая фигурка (3) является профильным схематическим изображением лежащего моржа [Замятнин, 1948]. Длина ее около 8 см.

Кремневые изображения рыб найдены также на стоянках Селище и против Гостиного Берега [Ошибкина, 1978, с. 38]. Фигурка из Селища длиной 6.4 см сделана из светлого кремня (4). У нее крупная голова, выделены спинные плавники, слегка намечен брюшной плавник, особенно тщательно обработан ретушью широкий хвост. Вероятно, объектом изображения послужила какая-то осетровая рыба. Фигурка со стоянки против Гостиного Берега (5) более схематичная, но отчетливо видны плавники и намечен хвост, по облику она близка к рыбам из семейства карповых.

Подводя итог обзору изложенных материалов, мы имеем основание утверждать, что хотя многие орудия рыболовства не дошли до нашего времени, можно констатировать широкое развитие этого промысла на территории Северо-Востока со времен мезолита. Экологические, географические и климатические данные этого района способствовали развитию

охоты и рыболовства. Вероятно, такие приемы охоты на рыб и морских животных, как битье их острогами и гарпунами, наконечниками копий и стрел, появились еще в эпоху палеолита. В мезолитическое время были развиты уже все способы рыбной ловли: рыболовство с помощью гарпунов и наконечников стрел, ловля на удочку и, вероятно, на переметы, на что указывают крупные рыболовные крючки, найденные на стоянке Нижнее Веретье. Г. Кларк [1953] в своей работе говорит о том, что на многих ранних стоянках Европы находятся крючки именно большого размера. Он предполагает их использование для ловли крупной щуки. На стоянке Нижнее Веретье как раз были обнаружены скелеты огромных щук (до 87 см длиной).

В эпоху неолита оставались те же способы ловли рыбы, но появилось новое орудие для ловли рыбы удочкой — составной рыболовный крючок. Кларк обратил внимание на то, что подобные орудия известны только на севере Европы — на территории СССР и северных прибалтийских стран. Еще раньше Пелси [Pälsi, 1912] связывал их с областью распространения ямочно-гребенчатой керамики. Как кажется, это предположение в общем подтвердилось. В настоящее время стало известно, что на Верхней Волге составные рыболовные крючки делались только из кости, а на севере также и из шифера. Шиферные стержни известны сейчас в Эстонии [Янитс, 1973], Карелии [Панкрушев, 1964], Восточной Финляндии и на других территориях.

В эпоху неолита продолжали добывать те же породы рыб, что и раньше. К сожалению, в настоящее время мало доказательств того, что в это время на данной территории развился морской промысел. Как уже отмечалось, на стоянках Беломорской культуры найдены кости тюленя и кита. Более чем от 20 особей кости тюленя найдены и на Ладожской стоянке. Г. Кларк пишет, что в эпоху неолита, а в некоторых местах и раньше, охота на тюленя велась по всему побережью Северной Европы. Вероятно, наши территории не были исключением. Если трудно говорить об орудиях лова на беломорских стоянках, то на Ладожской стоянке гарпуны (рис. 1, 5, 6) вполне могли служить для охоты на тюленя.

Рыболовные заколы зафиксированы на данной территории для III—II тыс. до н. э. Лодки были известны неолитическим рыболовам скорее всего гораздо раньше того времени, которым датируются остатки найденных лодок и весел.

Таким образом, на Северо-Востоке европейской части СССР рыболовство было одной из важнейших отраслей хозяйства населения с мезолита до раннего металла, что нашло отражение и в изобразительном искусстве (скульптурки рыбы, тюленя).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы могли видеть, статьи, помещенные в сборнике, свидетельствуют о весьма раннем появлении рыболовства как определенной хозяйственной системы. Уже в эпоху раннего мезолита на огромной территории нашей страны люди занимались этим промыслом, на что указывают специальные орудия рыболовства: гарпуны, зубчатые наконечники стрел, остроги, цельные и составные рыболовные крючки. Были известны такие совершенные способы рыбной ловли, как сети, остатки которых (сами сети, поплавки, грузила) встречены на ряде памятников.

Раннему появлению и развитию рыболовства способствовали экологические условия. В это время многочисленные водоемы были богаты ихтиофауной, более южные районы весьма разнообразной, более северные — холодолюбивой. Люди обладали в этот период уже значительным накопленным опытом.

Как свидетельствует расположение поселений в мезолите и в течение всей неолитической эпохи, для стоянок и поселений выбирались места, наиболее благоприятствующие рыболовству, — небольшие реки с тихим течением, мелководные речки, заливы озер, старицы. На крупных и глубоких реках с быстрым течением количество мезолитических и неолитических памятников минимально.

Можно полагать, что развитие орудий рыболовства шло от простого к сложному. Вероятно, первоначально на рыбную ловлю были перенесены орудия и способы сухопутной охоты, практиковавшиеся в более ранней системе хозяйства. С берега или на мелководье использовались стрелы, копыя, зубчатые острия, остроги, гарпуны, которыми можно было не только поразить добычу, но и легко достать ее из воды. По всей вероятности, очень рано появились простейшие сооружения — самоловы в виде запруд, препятствующих обратному ходу зашедшей в них рыбы. В эпоху раннего неолита эти сооружения становятся столь совершенными, что мало отличаются от тех, которые применялись до самого последнего времени — плетеные верши, морды, вентери (поселение Сарнате, Швянтойи). Скорее всего, человеческую мысль в этом направлении заставили работать наблюдения над естественными преградами, созданными природой. На литорали морского побережья или во время разлива рек в половодье люди, несомненно обладавшие тогда большой наблюдательностью (без чего они не могли бы выжить), видели, что рыба, задержавшаяся в естественной каменной преграде или ямах, не успевшая уйти, легко становится их добычей.

Улавливается закономерный прогресс в усовершенствовании лова рыбы на обширной территории. В ранний период основной добычей была

в первую очередь щука, как наиболее хищная и прожорливая из всех других рыб. В более поздний период вылавливаются другие породы: сом, лещ, судак и др. При этом изменяется размер пойманной рыбы. Первоначально кости и чешуя принадлежат очень крупным особям (сомы до 2,7 м) значительного возраста (от 5 до 20 лет), затем появляются кости мелкой рыбы, что свидетельствует об изготовлении мелкочечистых сетей.

Морской промысел как определенная хозяйственная система в силу большей сложности появляется позже рыболовства, но, появившись, существует и развивается вместе с ним. Несомненно, что и ему предшествовал период использования животных, выброшенных морем и «обсохших» на берегу или в литоральной зоне во время шторма или в период отлива. Возможно, что следующей стадией было избиение зверя на лежбищах, и уже потом только люди повели на него активное наступление в море, хотя охота на лежбищах продолжалась и в современную эпоху.

Промысел в открытом море или огромном озере требовал уже специального оснащения гарпунами, лодками, без чего немислимо преследование зверя. Начало такой активной охоты прослеживается уже в раннем неолите, а местами и в мезолитическую эпоху (Прибалтика). О том, что охота на морского зверя в неолите принципиально не отличалась от способа, применявшегося еще недавно, повествуют наскальные рисунки Карелии. В середине II тыс. до н. э. на Кольском п-ове фиксируется использование поворотных гарпунов, которые, очевидно, еще раньше были известны на Украине.

Переход к стабильному рыболовству и тем более к морскому промыслу явился чрезвычайно важным этапом в развитии материальной и духовной культуры населения огромного региона нашей страны и в большой мере предопределил судьбы этого населения. С появлением рыболовства возникла более прочная оседлость людей, что отражено в увеличении площади поселков, мощности культурного слоя и интенсивной насыщенности его орудиями труда. Появляются постоянные жилища, прочно входит в быт глиняная посуда — предмет, малопригодный для кочевого образа жизни. Широкое применение получают лодки, известные по многим стоянкам Прибалтики, Приладожья, центральных районов европейской части СССР, а также по петроглифам Карелии. Последние свидетельствуют о дифференциации лодок и совершенстве их формы. На это же указывают многочисленные весла и другие специальные приспособления для ловли рыбы с лодок. Еще в большей мере это относится к морскому промыслу — весьма продуктивной форме хозяйства.

С его возникновением и развитием значительно увеличивается обеспеченность людей необходимыми продуктами и материалом для изготовления одежды, обуви, строительства жилищ, улучшаются бытовые условия, появляется какая-то доля времени, свободного от поисков пищи. Однако несмотря на все преимущества этих эффективных форм хозяйства — рыболовства и морского промысла, они, хотя и в разной степени, дополнялись другими — охотой на сухопутного (в особенности крупного) зверя и птицу, а также собирательством. При этом последнее имело, очевидно, разнообразные формы — от сбора ягод и различных корней, лесных и водяных орехов (на что указывают многочисленные колотушки) до моллюсков, остатки панцирей которых иногда образуют в культурном слое

целые брекчии. О сухопутной же охоте говорят кости разнообразных диких животных, встречаемые повсеместно наряду с ихтиофауной. Очевидно, охота дополняла рыболовство в течение всего времени, но удельный вес ее колебался в зависимости от местных условий и сезона.

В интервале между массовым ходом рыбы на нерест или когда почему-либо в водоемах ее было мало (например, когда она задыхалась подо льдом), вероятно, основное питание человек получал от охоты, которая становилась в это время ведущей отраслью хозяйства. Так же было и во время массовых перекочевок животных или перелета птиц, когда в течение нескольких дней люди обеспечивали себя пищей на значительный промежуток времени, заготавливая ее впрок. Иными словами, хозяйство было многоукладным, близким по типу к хозяйству, какое вели северные народы вплоть до этнографической современности.

Как показывают представленные в книге материалы (орудия, кости морских животных и ихтиофауна), наиболее развитое рыболовство и ранняя охота на морского зверя фиксируются на приморских стоянках Прибалтики, очевидно, в связи с благоприятными условиями — близостью и богатством моря.

Сопоставление типов орудий рыболовства и морского промысла, существовавших в различных регионах, показывает, что принципы устройства их (наличие зубцов у острий и гарпунов, насадов гарпунов, снабженных отверстиями или расширениями для крепления веревки, цельные и составные рыболовные крючки) были одинаковы; как рациональные способы, они, очевидно, появились на многих территориях конвергентно. Однако в деталях эти орудия были непохожи в разных регионах.

На основании сравнения типов орудий в ряде случаев удается выделить более ранний хронологический пласт и концентрацию их в определенных регионах. Так, например, четкую локализацию и очень ограниченное распространение имеют наконечники лубанского типа и гарпуны кундского типа. Первые встречаются только на территории Прибалтики, вторые — несколько шире, «оконтуривая» границы кундской мезолитической культуры.

Рыболовство и морской промысел несомненно в большей мере, нежели охота, определяли сущность социальной структуры общества. Они вынуждали людей держаться сплоченным коллективом, поскольку добыча такой пищи одному человеку в основном была недоступна. Изготовление сетей и всевозможных заграждений-ловушек, строительство лодок требовали коллективных усилий, что предопределяло коллективное распределение продуктов. В особенности это касалось морского промысла, где трудная и опасная охота на открытой воде заставляла сплачиваться людей, четко распределять обязанности, порождала чувство взаимосвязанности. Такой коллектив людей, ведущих охоту сразу с нескольких лодок, чрезвычайно ярко и убедительно отражен в наскальных изображениях Карелии. Необходимость коллективного производства с вытекающими отсюда последствиями — общественным распределением продуктов — не стимулировала возникновения имущественной дифференциации. Это наблюдалось и позже у ряда народов с охотничье-рыболовческой системой хозяйства.

Археологические материалы говорят о том, что развитию морского промысла сопутствовало развитие обмена. Основными продуктами

экспорта древних рыбаков являлся жир и шкуры морских животных. Г. Кларк указывает, что в Западной Европе обмен этими продуктами особенно развился с дифференциацией различных хозяйственных систем — появлением племен, занятых земледелием и скотоводством, с одной стороны, и охотничье-рыболовческими племенами — с другой.

Рыболовство и морской промысел были прогрессивными формами хозяйства, обеспечивающими поступательное развитие общества на всем протяжении мезолита—раннего металла, о чем свидетельствует последовательное увеличение древнего населения и развитие его материальной культуры. Они внесли также определенные изменения в сознание людей, обогатили их новыми познаниями мира, воздействовали на идеологические представления, что нашло отражение в искусстве. Об этом достаточно убедительно говорят многочисленные изображения рыбы и морского зверя, воплощенные в круглой скульптуре и наскальных рисунках.

Еще совсем недавно, отголоски чего слышатся и теперь, часть исследователей, увлеченных идеей «неолитической революции», утверждали, что эпоха неолита начинается лишь с того периода, когда общество переходит к производящим формам хозяйства — земледелию или скотоводству. Согласно логике, эти исследователи выключали из общего прогрессивного развития древнее население лесной, лесостепной и тундровой зоны нашей страны — от Прибалтики до Дальнего Востока — и северных областей зарубежных стран. По их мнению, народы этих регионов в развитии материальной и духовной культуры не могли подняться до уровня неолита и продолжали оставаться на стадии мезолита вплоть до эпохи металла, а в более северных областях — до этнографической современности. Мы уже высказывали свою точку зрения на этот вопрос [Гурина, 1973] и постарались привести доказательства того положения, что и в этих областях в послемезолитический период происходил значительный прогресс в экономике, быте, мышлении и искусстве. Существенным доказательством правильности высказанных положений и являются материалы настоящей книги.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н. К.* Биогеографический очерк озера Виштынецкого // Тр. Калинингр. техн. ин-та рыбной промысл. и хоз-ва. Калининград, 1971. Т. 26.
- Археологія Української РСР.* Київ, 1971. Т. 1.
- Арциховский А. В.* Основы археологии. М., 1955.
- Бахтеев Ф. X.* Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о влиянии природной среды на материальную культуру в период неолита // Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону // КСИА. 1975. Вып. 141.
- Бердзенишвили Н. З.* Многослойный археологический памятник «Сагварджиле» // Сообщ. АН ГССР. Тбилиси, 1963. Т. 14. № 9.
- Береговая И. А.* Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса // МИА. 1953. № 39.
- Березанская С. С.* Неолитическая стоянка у хут. Гришевка на Средней Десне // СА. 1975. № 2.
- Бибииков С. Н.* Позднейший палеолит Крыма // Материалы по четвертичному периоду СССР. М., 1950. Вып. 2.
- Бибииков С. Н.* Поселение Лука Врублевская // МИА. 1953. № 38.
- Бибииков С. Н.* Раскопки в навесе Фатъма-Коба в 1956 году // КСИА. Киев, 1959. Вып. 8.
- Бибииков С. Н.* Раскопки в навесе Фатъма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма // МИА. 1966. № 126.
- Боровик Е. А.* Рыболовственные озера Белоруссии. Минск, 1970.
- Браім І. М.* Рыбалоўства ў Беларусі. Мінск, 1976.
- Брандт А.* Из истории рыболовной сети // Наука и жизнь. 1980. № 7.
- Брюсов А. Я.* Отчет о раскопках 1938—1939 гг. // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. 12.
- Брюсов А. Я.* Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. // КСИИМК. 1941. Вып. 10.
- Брюсов А. Я.* Результаты Вологодской археологической экспедиции // КСИИМК. 1947. Вып. 21.
- Брюсов А. Я.* Сетчатая керамика // СА. 1950. № 14.
- Брюсов А. Я.* Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20.
- Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Буров Г. М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. 1966. № 1.
- Буров Г. М.* Археологическое изучение торфяников в Северо-Двинском бассейне // АО 1966 г. 1967.
- Буров Г. М.* В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968.
- Буров Г. М.* О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. 1969. Вып. 117.
- Буров Г. М.* Археологические памятники Ульяновска и его окрестностей // Краеведческие записки областного краеведческого музея. Ульяновск, 1971. Вып. 3.
- Буров Г. М.* Археологические памятники Верхней Свияги. Ульяновск, 1972.
- Буров Г. М.* Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первобытный человек и природная среда. М., 1974.

- Бэр К. М.* Материалы по истории рыболовства в России и в принадлежащих ей морях // Учен. зап. Императорской Академии наук. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 4.
- Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
- Ванкина Л. В., Загорский Ф. А., Лозе И. А.* Неолитические племена Латвии / Этнокультурные области лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. 1973. (МИА; № 172).
- Варен Э. Ф., Тармисто В. Ю.* Эстония. М., 1967.
- Вассар А.* Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа // Древние поселения и городища: Археол. сборник I. Таллинн, 1955.
- Вахушти Багратиони.* Описание царства Грузинского: (География Грузии). Тбилиси, 1941.
- Векилова Е. А.* Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // МИА. 1957. № 59.
- Верещагин Н. К., Николаев А. И.* Нерпа в Онежском озере // Природа. 1979. № 4. Виленский сборник. Вильна, 1869. Ч. 1.
- Вороненкова Л. Д., Прохоров В. Г.* Об истории ихтиофауны Нижнего Дона // ЗЖ. 1963. Т. 12. Вып. 1.
- Габуния М. К.* Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1976. На груз. яз.
- Габуния М. К., Церетели Л. Д.* Мезолит Грузии // КСИА. 1977. Вып. 149.
- Гадзяцкая О. С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. 1966. Вып. 106.
- Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100.
- Гогитидзе С.* Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1978. На груз. яз.
- Гольмстен В. В.* Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. М., 1928. Т. 4.
- Городцов В. А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка // Тр. Владимирского гос. обл. музея. Вып. 2: Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926.
- Городцов В. А.* Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 3.
- Гурина Н. Н.* Техника изготовления грузил на стоянке Вой-Наволок 9 // КСИИМК. 1950. Вып. 31.
- Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. 1951. № 20.
- Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Палеолит и неолит СССР. МИА. 1953. № 39.
- Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // МИА. 1956а. № 47.
- Гурина Н. Н.* Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1956б.
- Гурина Н. Н.* Неолитическое поселение Борань // Палеолит и неолит СССР. Т. 4. МИА. 1960. № 79.
- Гурина Н. Н.* Древняя история племен Северо-Запада европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
- Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // Труды Горьковской археологической экспедиции. 1963. (МИА; № 110).
- Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. 1967. № 144.
- Гурина Н. Н.* Новые исследования в Северо-Западной части Кольского полуострова // КСИА. 1971. Вып. 126.
- Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова // МИА. 1973а. № 172.
- Гурина Н. Н.* Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. 1973б. (МИА; № 172).
- Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И., Стрелков С. А.* Первобытная культура и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики // Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И.* Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления // КСИА. 1978. Вып. 153.
- Даниленко В. М.* До питання про ранній неоліт південної Наддніпрящини // Археологія. Київ, 1950. Т. 3.
- Даниленко В. М.* Неолит Украины. Киев, 1969.
- Даниленко В. М.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Деятова Э. И.* Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в Юго-Западном Беломорье. Л., 1976.

- Дергачев Н.* Русская Лапландия // Статистический, географический и этнографический очерк. Архангельск, 1877.
- Дмитриев П. А.*, Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. 1951. № 21.
- Долуханов П. М.* Геологический возраст стоянок на Рыбачьем полуострове // КСИА. 1971. Вып. 126.
- Долуханов П. М.*, *Пашкевич Г. А.* Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена—голоцена и развитие хозяйственных типов на Юго-Востоке Европы // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Елина Г. А.* Динамика лесов и болот Карелии в голоцене по палинологическим данным // Болотно-лесные системы Карелии и их динамика. Л., 1980.
- Елина Г. А.* Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981.
- Ефименко П. П.* Первобытное общество: Очерк по истории палеолитического времени. Киев, 1953.
- Жилинский И.* Очерк работ Западной экспедиции по осушению болот. Спб., 1899.
- Житинева Л. Д.* Рыбы нижнегниловского городища // Вопр. ихтиологии. 1966. Т. 6. Вып. 2.
- Жуков П. Н.* Рыбные богатства Белоруссии. Минск, 1974.
- Загорская И. А.* Костяные и роговые острья и гарпуны каменного века из Восточной Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1975.
- Зайкоўскі Э. М.* Населішча на Крывінскім тарфяніку // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1980. № 1.
- Замятнин С. П.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. № 10.
- Зброчева А. В.* Стоянка на реке Юге Чухломского уезда Костромской губ. // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 4.
- Зелинский И.* Минская губерния. Спб., 1864. Ч. 1.
- Земляков Б. Ф.* Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера // Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Л., 1936. Ч. 1.
- Земляков Б. Ф.* Археологические исследования на побережье Арктического океана // Тр. Сов. секции Междунар. ассоц. по изучению Четвертичного периода. М., 1937. Вып. 3.
- Земляков Б. Ф.* Арктический палеолит на Севере СССР // СА. 1940. № 5.
- Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. Спб., 1882.
- Карельская АССР:* (Экон.-геогр. очерк) / Отв. ред. А. А. Григорьев, А. В. Иванов. М.: Географиздат, 1956.
- Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1974. На груз. яз.
- Кларк Д. Г.* Доисторическая Европа. М., 1953.
- Козлов М. Ф.* Гидрогеология Припятского Полесья // Наука и техника. Минск, 1976. Т. 1.
- Козырева Р. В.* Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лаче // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. 1973. № 172.
- Кольцов Л. В.* Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки // КСИА. 1971. Вып. 127.
- Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
- Кошечкин Б. И.* Перемещение береговой линии Баренцева и Белого морей в позднеледниковое время // Изв. АН СССР. Сер. геогр. М., 1975. № 4.
- Крайнов Д. А.* Ваулавский курганный могильник // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. 12.
- Крайнов Д. А.* Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. 1960. № 91.
- Крайнов Д. А.* Кухмарский курганный могильник // КСИА. 1962. Вып. 88.
- Крашенинников С. П.* Описание Земли Камчатки. М.; Л.: Изд-во Главсевморпуть, 1949.
- Кривицкая А. А.* Из словаря полесских рыболовов // Полесье. М., 1968.
- Крижевская Л. Я.* К вопросу о формах хозяйства неолитического населения сев.-вост. Приазовья // Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Круглов А. П.* Красный Яр // Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М., 1941.
- Кузнецов И. Д.* Очерк русского рыболовства: (промысел различных водных животных). Спб., 1902.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.

- Лаушкин К. Д.* Онежское святилище. Ч. 2. Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник V. Таллинн, 1962.
- Лебедев В. Д.* Материалы по промысловой ихтиофауне городищ рек Десны и Сейма // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. М., 1952. (Учен. зап. МГУ; Вып. 158).
- Лебедев В. Д.* Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М., 1960.
- Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. 1965. № 131.
- Левенок В. П.* Новые раскопки стоянки Подзорново // КСИА. 1969. Вып. 117.
- Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. 1973. № 172 (2).
- Линевский А. М.* Промыслы доисторической Карелии // Карелия : Ежегодник Карельского гос. музея за 1928 г. Петрозаводск, 1930.
- Линевский А. М.* Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1939.
- Линевский А. М.* Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940.
- Линевский А. М.* Очерки по истории Карелии. Петрозаводск, 1961.
- Лисицына Г. Н.* Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.
- Литинская К. Д.* Режим уровней воды озер и водохранилищ Карелии. Л., 1976.
- Лозе И. А.* Костяная и роговая скульптура эпохи неолита на территории Латвии // Изв. АН ЛатвССР. Рига, 1969. № 11.
- Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- Любин В. И.* Геолого-стратиграфические условия залегания палеолита в восточной галерее пещеры Кударо I // Кударские пещерные стоянки в Юго-Осетии. М., 1980.
- Макалатия С.* История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941. На груз. яз.
- Максимов С.* Год на Севере. Спб., 1871. Т. 1.
- Маракуев В. Н.* Полесье и полешуки. Одесса, 1897.
- Маргаритов В. П.* Об орочах Императорской гавани. Спб., 1888.
- Маркевич В. И.* Неолит Молдавии. Кишинев, 1974.
- Март Н., Смирнов Я.* Вишапи // Тр. ГАИМК. 1931. Т. 1.
- Мацкевой Л. Г.* Стародавние населения Подністров'я в добу мезоліту. Київ, 1975.
- Мацкевой Л. Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977.
- Микляев А. М.* Памятники Усвяцкого микрорайона Псковской области // Археологический сборник. Л., 1969. Вып. 11.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Небиеридзе Л. Д.* Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978. На груз. яз.
- Неприца В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.
- Нужный Д. Ю.* О функциональной специализации геометрических наконечников стрел в каменном веке // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981.
- Обермайер Г.* Доисторический человек. Спб., 1913.
- Обзор Минской губернии за 1887 год.* Минск, 1888.
- Озера Карелии, природа и рыбное хозяйство : Справочник.* Петрозаводск, 1959.
- Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Ошибкина С. В.* Северная экспедиция // АО 1980 г. М., 1981.
- Ошибкина С. В., Макаров Н. А.* О работе в зоне перебрости северных рек // АО 1978 г. М., 1979.
- Паавер К.* Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту, 1965.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 1, половина 1. Спб., 1788.
- Панкрушев Г. А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л., 1964.
- Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 1, 2.
- Лидоплечко И. Г.* Краткий обзор фауны палеолита УССР // СА. 1940. № 5.
- Поликарпович К. М.* Работа по палеолиту в западной области в 1936 г. // Там же.
- Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонечкой губ., в долине р. Оки и на верховьях Волги // Зап. ИРГО. Отд. этнографии. Спб., 1882. Т. 9.
- Попова Т. Б.* Неолитические стоянки верхнего и нижнего течения р. Цны // МИА. 1973. № 172.

- Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М.; Л., 1936. Ч. 2. М.; Л., 1938.
- Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л., 1947. Т. 2.
- Равдоникас В. И.* Неолитический могильник на южном Оленьем острове Онежского озера : (вступительная статья) // МИА. 1956. № 47.
- Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956.
- Раушенбах В. М.* Новые находки на Шигирском торфянике // КСИИМК. 1959. Вып. 75.
- Римантене Р. К.* Древнейшая пряжа в Литве // *Studia archeologica in memoriam Harri Mooga*. Tallinn, 1970.
- Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
- Римантене Р. К.* Неолит Литвы и Калининградской области // МИА. 1973. № 172.
- Рихтер Г. Д.* Физико-географическая характеристика территории Мурманской области // Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939. Т. 1.
- Робакидзе А. И.* К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // СЭ. 1949. Т. 3. Россия : Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1907. Т. 16.
- Руденко С. И.* Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов // Тр. ин-та этнографии. Н. С. Л., 1947. Т. 2.
- Рудинский М. Я.* Камьяна Могила. Киев, 1961.
- Русский Мир*. 1875. № 206.
- Сабанеев Л. П.* Рыбы России. М., 1911.
- Сабанеев Л. П.* Жизнь и ловля пресноводных рыб. Ярославль, 1978.
- Савватеев Ю. А.* Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966.
- Савватеев Ю. А., Верещагин Н. К.* Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1979.
- Световидов А. Н.* К истории ихтиофауны р. Дона // МИА. 1948. № 8.
- Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Сергучевский А. К.* Очерки Белоруссии. Ловля вьюнов // Живая старина. Спб., 1907. Вып. 4.
- Сивонен Лаури.* Млекопитающие Северной Европы. М., 1979.
- Смирнов В. И.* Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе // СА. 1940. № 6.
- Смирнов В. И.* Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске // КСИИМК. 1941. Вып. 9.
- Советская Эстония* : Энциклопедический справочник. Таллинн, 1979.
- Соловьев Л. Н.* Гарпуны грота Хупинишана // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
- Стародавні населення Подністров'я в добу мезоліти.* Київ, 1975.
- Стародавні населення Прикарпаття і Волині.* Київ, 1974.
- Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегін Д. Я.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Титов Ю. В.* Об орнаменте керамики сперрингс // СА. 1970. № 1.
- Тушабрамишвили Д. М.* Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-кде. Тбилиси, 1960. На груз. яз.
- Тюремнов С. Н.* Торфяные местонахождения и их разведка. М., 1947.
- Уткин А. В.* Костяные изделия со стоянок Берендеево V и II // СА. 1982. № 4.
- Федоров В. В.* Некоторые орудия рыболовства неолитического времени // СА. 1937а. № 3.
- Федоров В. В.* Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. 1937б. № 2.
- Федоров В. В.* Плехановская неолитическая стоянка // МИА. 1953. № 39.
- Федоров В. В.* Новые изображения рыб с палеолитических стоянок европейской части СССР // КСИИМК. 1961. Вып. 82.
- Федоров В. В.* К вопросу о времени возникновения рыболовства на территории европейской части СССР // Сб. музея антропологии и этнографии Ин-та этнографии АН СССР. М., 1963. Т. 21.
- Филатова В. Ф.* Костяные изделия мезолитических поселений Оровнаволока // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Фосс М. Е.* Стоянка Кубенино // СА. 1940. № 5.
- Фосс М. Е.* Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье // МИА. 1941а. № 2.
- Фосс М. Е.* Стоянка Веретье // Труды ГИМ. М., 1941б. Вып. 12.

- Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
- Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Хогинский Н. А. Корреляция голоценовых отложений и абсолютная хронология схемы Блитта-Сернандера // Голоцен. М., 1969.
- Цветкова И. К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора: Экспозиции исторического музея. М., 1969.
- Цветкова И. К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.
- Цепкин Е. А. Остатки рыб из пещеры Кударо I // Кударские пещерные стоянки в Юго-Осетии. М., 1980.
- Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973. На груз. яз.
- Черных Е. Н. Из истории металлургии племен эпохи бронзы в Поволжье и Приуралье // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967.
- Черных Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976.
- Черныш А. П. Развитие присваивающего хозяйства и характер природной среды в палеолите и мезолите на территории Прикарпатья // Палеоэкология древнего человека. М., 1977.
- Чернявский М. М. Исследования неолитических поселений Кривинского торфяника // Древности Белоруссии. Минск, 1969а.
- Чернявский М. М. Хозяйство и духовная культура неолитического населения Попеманья и юго-западного Поозерья // Древности Белоруссии. Минск, 1969б.
- Чернявский М. М. Хронологические рамки неолита в северо-западной Белоруссии // КСИА. 1978. Вып. 153.
- Чиковани Т. А. Триалети. Тбилиси, 1976. На груз. яз.
- Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник АН СССР: Материалы Комиссии экспед. исследований. Л., 1930. Вып. 23.
- Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // ЗГО. Н. С. М.; Л., 1957. Т. 16.
- Эдинг Д. Н. Новые находки в Горбуновском торфянике // МИА. 1940. № 1.
- Эремич И. Очерки Белорусского Полесья // Вестник Западной России. Вильна, 1867. Кн. 8. Т. 3.
- Якушко О. Ф. География озер Белоруссии. Минск, 1967.
- Яниш В. Л. Великий Новгород // По следам древних культур. М., 1953.
- Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыгм (Эстонская ССР). Таллинн, 1959.
- Янитс Л. Ю. Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. 1966. № 126.
- Янитс Л. Ю. Неолитические памятники Эстонии // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита // МИА. 1973. № 172.
- Aalto M., Taavitsainen J.-P., Vuorela I. Palaeobotanical Investigations at the Site of a Sledge Runner Find, Dated to about 4900 B. P., in Noormakku, SW Finland // Suomen Museo-1980. Vammala, 1981
- Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit // SMYA. 1922.
- Ayräpää A. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland // Acta Archaeologica. København, 1950. Vol. 21.
- Benecke B. Fische, Fischerei und Fischzucht in Ost- und Westpreussen. Königsberg, 1881.
- Bielenstein A. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Petrograd, 1918. P. 2.
- Bøe. Boplassen i skipschelleren pa Straume i nordnordland // Bergens Museum. Skrifter. Bergen, 1934. N 17.
- Brøndsted J. Nordische Vorzeit. Neumünster, 1960.
- Butrimas A., Girininkas A. Naujausia Lietuvos akmens amžiaus medžiaga (1976—1980): Ataskaitinis parodos katalogas. Vilnius, 1980.
- Clark I. G. D. The Mesolithic Settlement of Northern Europe. Cambridge, 1936.
- Clark J. G. D. The development of fishing in prehistoric Europe // The Antiquaries Journ. 1948. Vol. 28, N 1, 2.
- Clark I. G. D. Frühgeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1964.
- Clark G. The earlier Stone Age settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.
- Engel C. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935.
- Europeus A. Fornfynd från Kyrkslätt och Esbo Socknar // SMYA. 1922. T. 32.

- Girininkas A.* Sarnelės vėlyvojo neolito (III tūkstantmečio pr. m. e. pab.) gyvenvietė // MAD, A1 (58), 1977.
- Girininkas A.* Pakretuonės (Svenčionių raj.) I gyvenvietės tyrinėjimai 1977 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1976–1977 metais. Vilnius, 1978.
- Girininkas A.* Kretuono (Svenčionių raj.) I gyvenvietės tyrinėjimai 1979 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1978 ir 1979 metais. Vilnius, 1980a.
- Girininkas A.* Pakretuones (Svenčionių raj.) I gyvenvietės tyrinėjimai 1979 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1978 ir 1979 metais. Vilnius, 1980b.
- Girininkas A.* Žemaitiškes (Svenčionių raj.) I ir II gyvenvietės tyrinėjimai 1978 ir 1979 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1978 ir 1979 metais. Vilnius, 1980c.
- Grigat F.* Aus grauer Vorzeit. Langensalza, 1927.
- Gross H.* Auf den Spuren der Steinzeitjäger von 8000 bis 20 000 Jahren in Altpreussen. Altpreussen, 1937.
- Gross H.* Auf den ältesten Spuren des Menschen in Altpreussen // Prussia. Königsberg, 1938. Bd 32.
- Gross H.* Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar Bruch // Prussia. Königsberg, 1939. Bd 33.
- Hagberg U. E.* The archaeology of Skedemose. Stockholm, 1966/1967. N 1–2.
- Indreko R.* Asva linnus-asula // Muistse Eesti linnused. Tartu, 1939.
- Indreko R.* Die mittlere Steinzeit Estlands (Kngl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar, 66). Stockholm, 1948.
- Itkonen T. I.* Muinaissuksia ja—jalaksia // Suomen Museo, XXXVIII—XXXIX, 1931—1932. Helsinki, 1932.
- Jaamits L.* Die frühneolithische Kultur in Estland // Congressus secundus internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki, 1965.
- Johansen K. F.* Une station du plus ancien âge de la pierre dans la tourbière de Svaerborg. Copenhague, 1920.
- Kivikoski E.* Finland. London, 1967.
- Kostrzewski J.* Przyczyńki do znajomości przedhistorycznych narzędzie rogowych i drewnianych // Przegląd archeologiczny, 1933—1934, 1936.
- Krause E.* Vorgeschichtliche Fischereigeräte und neuere Vergleichstücke. Berlin, 1904.
- Kroeber A. L., Barrett S.* Fishing among the Indians of Northwestern. California Univ., 1960.
- Kuncienė O.* Susisiekimu vandeniu priemonės Lietuvoje iki XIII a. // MAD, A2 (51), 1975.
- Latvijas PSR Archeologija.* Rīga, 1974.
- Lietuvos TSR Archeologijos Atlas I.* Vilnius, 1974.
- Lindberg H.* Die Schichtenfolge auf dem steinzeitlichen Fundplatz bei Korpilachti, Kirchspiel Antrea, Län Wiborg // SMYA, 1920. XXVIII : 3.
- Lõugas V.* Trzendusi Hiiumaa muinasajaloole // Nõukogude Hiiumaa. N 91. 6.08.1981.
- Luhov V.* Suomen kivikauden pääpiirteet. Helsingissä, 1948.
- Luhov V.* Die Suomusjärvi-Kultur: Die mittel- und spätmesolithische Zeit in Finnland // SMYA, 1967. T. 66.
- Manninen J.* Die Sachkultur Estlands. Tartu, 1931. N 1.
- Mathiassen T.* Stenalderbopladsen i Aamosen. København, 1943.
- Mathiassen Th.* Danske Oldsager, I. Aeldre Stenalder. København, 1948.
- Matti Hüurre.* 9000 vuotta suomen esihistoriaa Helsingissä. 1979.
- Miles Charles.* Indians and Eskimo Artefacts of North America. Bonanza Books. New York, 1974.
- Morkūnas V.* Kuršių mariu ir Nemuno deltos žvejų tinklai XXI a. pabaigoje—XX a. pradžioje // Etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1974 metais. Vilnius, 1975.
- Moszyński K.* Kultura ludowa slowian, I: Kultura materjalna. Kraków, 1929.
- Müller S.* Nordische Altertumskunde. Strassburg, 1896.
- Müller-Beck J. Seeberg.* Burgäschisee-Süd, 5. Holzgeräte und Holzbearbeitung. Bern, 1965.
- Pälsi S.* Über steinzeitliche Hackenfischereigeräte in Finnland // SMYA, 1912. T. 26.
- Pälsi S.* Riukjarven ja piiskunsalmen kinkantiset asuinpaikat kaukalassa // SMYA, 1920a. T. 28.
- Pälsi S.* Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Wiborg // Ibid. 1920b.
- Paret O.* Die Einbäume im Federseeried und übrigen Europa // PZ. Berlin, 1930. T. 21.
- Petersson M., Olausson E.* Ein mesolithische Fischreuse aus Jonstorp, Schonen. Meddelanden LUHM, 1952.

- Randomanskis A.* Mažosios Lietuvos žvejyba. Kaunas, 1924.
- Ränk G.* Peipsi klastusest // Operatud Eesti Seltsi kirjad. 1934. N 2.
- Rasmussen H.* Hasseløegen. Et bidrag til de danske Stammebæder Historie // Kuml. Aarhus, 1953.
- Reinert H.* Die jüngere Steinzeit der Schweiz. Augsburg, 1926.
- Reinert H.* Das Federseemoor als Siedlungsland des Vorzeitmenschen. Augsburg, 1929.
- Rimantienė R.* Šarnelės (Plungės raj.) stovykla // Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1972 ir 1973 metais. Vilnius, 1974.
- Rimantienė R.* Neolito gyvenvietės Nidoje // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1974 ir 1975 metais. Vilnius, 1977.
- Rimantienė R.* Neolito gyvenvietės Nidoje tyrinėjimai 1976 ir 1977 m. // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1976–1977 m. Vilnius, 1978.
- Rimantienė R.* Šventoji. I. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979.
- Rimantienė R.* Šventoji. II. Pamarių kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1980a.
- Rimantienė R.* Nidos akmens amžiaus gyvenvietės tyrinėjimai 1978 metais // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1978 ir 1979 metais. Vilnius, 1980b.
- Rust A.* Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf. Neumünster, 1937.
- Rust A.* Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943.
- Schuldt E.* Hohen Viecheln. Ein mittelsteinzeitlichen Wohnplatz in Mecklenburg. Berlin, 1961.
- Schwantes G.* Deutschlands Urgeschichte. Leipzig, 1928.
- Schwantes G.* Geschichte Schleswig Holsteins. Vorgeschichte. Neumünster, 1934.
- Siiriäinen A.* Studies Relating to Shore Displacement and Stone Age chronology in Finland // FM. 1974.
- Simonsen P.* Varanger-Funnene II. Tromsø; Norwav, 1961.
- Simonsen P.* Varanger-Funnene III. Tromsø; Oslo, 1963.
- Sirelius U. T.* Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.
- Sirelius U. T.* Die Volkskultur Finnlands: Jagd und Fischerei in Finnland. Berlin; Leipzig, 1934.
- Solberg O.* Die Eisenzeitkunde aus Ostfinmarken. Videnskob—Selskabets. Skrifter, Hist-Filos. Kl. N 7. Kristiania, 1909.
- Stadie K.* Steinzeitdörfer der Zedmar // Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14 April 1922 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. Göttingen, 1921.
- Šturms E.* Sārņates purva mītnes // Senatne un Māksla. 1940. N 1.
- Šturms E.* Die steinzeitlichen Kulturen des Baltikums. Bonn, 1970.
- Sules A.* Jūras zvejniecības darba rīki Ziemeļkurzemē 19. gs. otrajā pusē // Arheologija un etnogrāfija. Rīgā, 1961.
- Tarasenka P.* Lietuvos piliakalniai. Vilnius, 1956.
- Thomazi A.* Histoire de la pêche. Paris, 1947.
- Thomsen T., Jessen A.* Brabrand-Fundet fra den aeldre Stenalder, arkaeologisk og geologisk behandlet. Aarbøger, 1905, 1906.
- Topelius G.* Et fiskstængsel frānstenāldern // SMYA. 1912. T. 26.
- Troels-Smith J.* En Elmetraes-Bue fra Aamosen og ondre Traesager fra tidligneoilitish Tid. Aarbøger, 1959, 1960.
- Urtāns V.* Senākie depoziti Latvijā. Rīgā, 1977.
- Virtanen E. A.* Itākarjalaisten Kalostusoikendesta ja—yhtiöista etnosuologinen tutkimus. Helsinki, 1950.
- Vogel W.* Von den Anfängen deutscher Schifffahrt // PZ. Berlin, 1912.
- Vogt E.* Geflechte und Gewebe der Steinzeit. Basel, 1937.
- Zagorska I.* Akmens laikmeta harpūnas Latvija // Vēstis Latvijas PSR Zinātņu Akad. Rīgā, 1972.
- Zagorska I.* Vidējā akmens laikmeta zivju šķēpi Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. Rīgā, 1974. N XI.
- Zagorska I.* Viengabala Kaula makskeres Āki Latvija // Vēstis Latvijas PSR Zinātņu Akad. Rīgā, 1977. N 8(361).
- Zagorskis F.* Jauni materiāli par neolītu Latvijas austrumu daļa // Ibid. 1965. N 6.
- Zagorskis F.* Agrais neolīta laikmets Latvijas austrumdala // Ibid. 1973. N 4.
- Znamierowska-Prüfferowa M.* Rybolówstwo jezior Trockich. Wilno, 1930.
- Żurek J.* Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. wejherowski, i kultura rzucewska // Fontes Archaeologici Posnanienses. 1954. N 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИА — Архив Института археологии АН СССР. М.
АО — Археологические открытия. М.
БИН — Ботанический институт АН СССР
ГИМ — Государственный Исторический музей. М.
ЗЖ — Зоологический журнал
ЗИН — Зоологический институт АН СССР
ИА — Институт археологии АН СССР
ИРГО — Императорское Русское географическое общество. Спб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МОИП — Московское общество испытателей природы
СА — Советская археология. М.
СЭ — Советская этнография. М.
ТСА — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
РАНИОН —
FM — Finskt museum. Hagaluna
LUHM — Lunds universitets historiska Museums
MAD, A — Mokslu Akademijos darbai, A serija V. (Lietuvos TSR)
PZ — Prahistorische Zeitschrift
SMYA — Suomen Muinaismuistayhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<u>Н. Н. Гурина</u> . Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР	5
I. Прибалтика и Белоруссия	
<i>К. Л. Янитс</i> . Рыболовство и морской промысел на территории Эстонской ССР	25
<i>И. А. Загорска</i> . Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии	39
<i>Р. К. Римантене</i> . Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы	65
<i>В. И. Тимофеев</i> . Некоторые данные о рыболовстве в каменном веке (по материалам современной Калининградской области)	87
<i>М. М. Чернявский</i> . Древнейшие рыболовные орудия Северной Белоруссии	91
<i>В. Ф. Исаенко</i> . Древнее рыболовство в Полесье	96
<i>Е. Г. Калечиц</i> . Древние орудия рыболовства Посожья	107
II. Юг европейской части СССР	
<i>В. И. Неприна</i> . Рыболовство в мезолите—энеолите Украины	109
<i>Л. Я. Крижевская</i> . Речное рыболовство в неолите южнорусских степей	116
<i>Л. Д. Церетели</i> . К вопросу о древнейшем рыболовстве в Грузии	123
III. Центр европейской части СССР	
<i>Д. А. Крайнов</i> . Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья	129
<i>И. В. Гаврилова</i> . Орудия рыболовства древних поселений Костромского Поволжья	153
IV. Север европейской части СССР	
<u>Н. Н. Гурина</u> . Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове	164
<i>Ю. А. Савватеев</i> . Рыболовство и морской промысел в Карелии	182
<i>С. В. Ошибкина</i> . О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита	203
<u>Р. В. Козырева</u> . Рыболовство и морской промысел на Северо-Востоке европейской части СССР	218
Заключение	233
Литература	237
Список сокращений	245

**РЫБОЛОВСТВО И МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ
В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА—РАННЕГО
МЕТАЛЛА В ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ
ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Э. В. Гришина*
Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *И. К. Пелипенко*
Корректоры *Г. А. Александрова, Ф. Я. Петрова*

ИБ № 44466

Сдано на фотонабор 23.10.90. Подписано
к печати 25.06.91. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура обык-
новенная. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 18, 14. Усл. кр.-отт. 18, 43. Уч.-изд.
л. 19, 19. Тираж 600 экз. Тип. зак.
№ 850 Цена 4 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34,
Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
(Ленинградское отделение)
в 1991 г. готовит к печати книги:

**ПАЛЕОЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ / Ин-т археологии. — 25 л.**

Очередной, IV том серии «Палеолит мира» посвящен древнему каменному веку названных регионов — теме особенно важной при рассмотрении проблемы древнейшего расселения человечества. В книге обобщены материалы по изучению конкретных памятников как непосредственно советскими археологами, так и на основании опубликованных зарубежных работ: выделены археологические культуры, установлены характерные особенности, локальные различия, хронологические ступени, дана их оригинальная интерпретация.

**НОВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО
АНТРОПОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая — 20 л.**

Публикации в 44-м выпуске сборника Музея антропологии и этнографии основаны на новых антропологических и археологических коллекциях, поступивших в Музей. В нем содержатся также и разработки ряда практических и теоретических аспектов изучения антропологии и истории народов, обитавших на территории СССР, Америки, Южной Аравии в древности и обитающих в настоящее время.

4 р. 10 к.

«Наука»
Ленинградское отделение